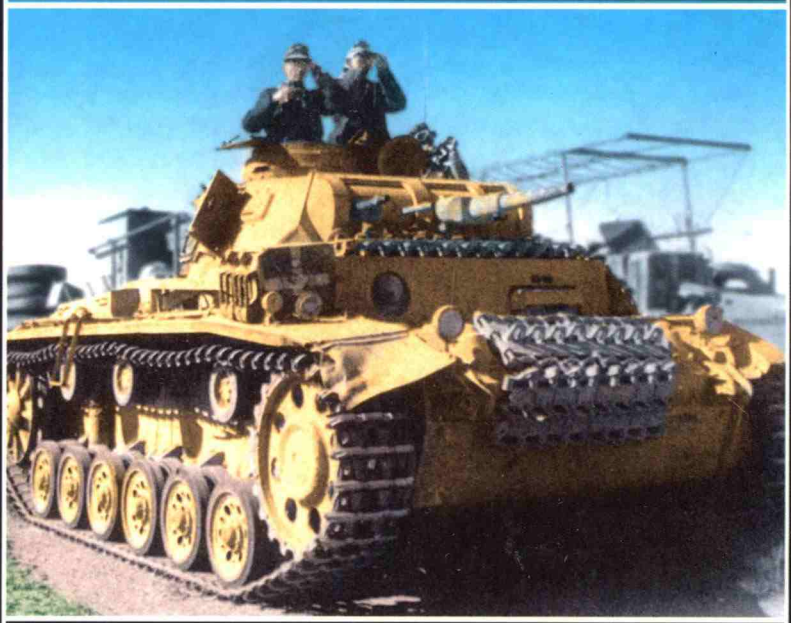
ACHTUNG!
FEUER!

ТАНКИ В БОЮ

ГЕРОИ ПАНЦЕРВАФФЕ

ФРАНЦ КУРОВСКИ



Panzer, vorwärts!

ГЕРОИ ПАНЦЕРВАФФЕ

ФРАНЦ КУРОВСКИ

ЯУЗА

ТАНКИ В БОЮ

Франц Куровски

ГЕРОИ ПАНЦЕРВАФФЕ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2007

ББК 68.54
К 93

Franz Kurowski

PANZER ACES

Перевод с английского *П. Смирнова, В. Старостина*

Оформление серии художника *П. Волкова*

Куровски Ф.

К 93 Герои Панцерваффе / Пер. с англ. П. Смирнова, В. Старостина. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 480 с. — (Танки в бою).

ISBN 978-5-699-22308-4

Мощь германских танковых войск — грозных Панцерваффе, завоевавших для Гитлера пол-Европы, наводивших ужас на весь мир, — держалась не только на танках, но еще и на самоходных орудиях, сокрушавших вражескую оборону, и на грозных истребителях танков, которых под конец войны производилось больше, чем другой бронетехники, и на штурмовой артиллерии, и на бронемашинах разведывательных подразделений.

В новой книге популярного немецкого историка представлен весь спектр этих воинских профессий — в сборник вошли очерки о лучших асах и командирах Панцерваффе: и о танкистах, и самоходчиках, и тех, кто воевал на «ягдтиграх» и «ягдпантерах», и тех кто командовал штурмгешютце и бронеавтомобилями немецких разведбатов.

ББК 68.54

© Смирнов П., Старостин В.
Пер. с англ., 2007
© ООО «Издательство «Яуза», 2007
© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-22308-4

Герман Бикс

ОДИН ПРОТИВ БАТАЛЬОНА

Дождливым днем 6 сентября 1941 года моторизованная пехота и танки 4-й танковой дивизии под командованием полковника Эбербаха сосредоточивались в Коропе. Боевая группа Эбербаха, в которую входили подразделения 35-го танкового полка, 34-й мотоциклетный батальон и подразделения 49-го противотанкового артиллерийского дивизиона и 103-го артиллерийского полка, получила задание наступать через Карыльское и Атюшу и форсировать реку Сейм у Батурина. Левее боевой группы через Алтыновку должен был наступать 33-й моторизованный полк, которому было приказано поддержать переправу.

Бой начался с артиллерийской дуэли на дистанции 800 метров. Первая линия обороны противника, протянувшаяся по невысоким гребням перед Карыльским, была прорвана мотоциклистами и мотопехотой. 2-й батальон 35-го танкового полка под командованием майора фон Лаухерта устремился в этот разрыв, наступая через Атюшу на Батурин. Но мотоциклисты и мотопехота за танками последовать не смогли — внезапно глубоко за линией обороны противника вновь усилилось сопротивление. Танки двинулись вперед без сопровождения. На шоссе, ведущем к Батурину, они наткнулись на большую колонну вражеских колесных и гусеничных машин. Завязался бой.

«Осторожнее, Шварц, — предупредил унтерфельдфебель Бикс своего механика-водителя, поднимавшего ревущий двигателем танк вверх по склону. — Русские могли оказаться в деревне раньше нас». Они достигли гребня гряды одновременно еще с пятью танками. Деревня была перед ними. Вдруг со стороны хат, плетней и из-за заборов блеснули вспышки выстрелов. Бронебойные снаряды с ревом устремились к танкам.

Раздалось несколько тяжелых ударов бронебойных снарядов, врезавшихся в броню танка, шедшего справа от машины Бикса. Унтерфельдфебель видел, как с башни танка сорвало командирскую башенку вместе с командиром. Потом были подбиты вторая и третья машины. Сквозь треск по радио донесся голос капитана Лекшата: «Назад, на обратный скат!» Танки отступили за гребень. «Что теперь, командир?» — спросил наводчик, ефрейтор Краузе. «Без поддержки с воздуха нам не пройти, — ответил Бикс. — Стоит появиться на вершине холма — и мы обнаружены».

Рота Лекшата наступала на левом фланге батальона. Pz-III, которым командовал унтерфельдфебель Бикс, был крайним слева. В этот момент оборонявшиеся в

деревне перенесли огонь на правофланговые танки. Судя по пламени, вырывавшемуся из орудийных стволов, немецкие танки вели ответный огонь. Бикс пристально всматривался в лежавшую перед ним местность. Взгляд его задержался на балке, тянувшейся слева прямо к деревенским огородам. Немного поразмыслив, Бикс сказал: «Мы проскользнем в деревню».

— Этим мы только ухудшим свое положение, — предупредил унтерфельдфебель Финк, радист.

— Вперед, Шварц. Съезжай со склона и поворачивай налево в балку.

Механик-водитель сдал назад, развернул машину и въехал в балку. Танк скрылся из виду и покатил в направлении деревни. Бикс напряженно ожидал, что противник откроет огонь, но ничего не происходило. Скорее всего, советские солдаты, оборонявшиеся в деревне, просто его не видели. Когда танк выехал в подсолнуховое поле, Бикс подбодрил своего механика-водителя: «Не останавливайся, Шварц!»

Вдруг двое советских солдат вскочили на ноги и бросились бежать к деревне. Наводчик и механик-водитель крикнули почти одновременно:

— Противотанковая пушка впереди слева!

— Прямо на нее... быстро проезжай мимо... не останавливайся!

Бикс сразу понял, что времени на выстрел нет. Впереди появился высокий деревянный забор. Танк проломил его с оглушительным треском. Бикс инстинктивно пригнулся. Потом машина соскользнула в сторону и застыла на месте. Танк опасно кренился на бок, грозя опрокинуться. Снова механик-водитель и наводчик крикнули одновременно:

— Впереди, на дороге! Большая колонна!

Бикс тоже увидел машины.

— Выровняй танк, Шварц, и выезжай на дорогу!

Ефрейтору удалось выровнять танк. Pz-III выбрался на дорогу, шедшую через центр деревни. Более чем в километре позади остальной батальон по-прежнему пытался прорвать противотанковую оборону противника. Пробиться удалось только их танку. «Здесь мы дальше не пройдем», — заметил Финк, наблюдая в амбразуру за колонной противника. Герман Бикс знал, что вернуться они не могут — позади были советские противотанковые пушки. Единственный шанс — двигаться вперед. Обернувшись, Бикс увидел, что и сзади тоже были вражеские машины. Финк продолжал передавать по внутренней связи все новую и новую информацию о целях. Солдаты выпрыгивали из машин, стремясь укрыться в деревенских хатах. Застрочил советский пулемет. Пули прошили тонкий металл вещевого ящика, подвешенного на задней стороне башни.

«Осколочно-фугасным... огонь по готовности!» — крикнул Бикс. Грохнул первый выстрел танкового орудия. Пушечные снаряды врезались в советские грузовики, превращая их в груды искореженного металла. Секунду спустя их охватывало пламя. Командир танка и унтерфельдфебель Финк открыли огонь по колонне из двух танковых пулеметов, а заряжающий пригибался всякий раз, когда раздавался стук вражеских пуль по броне. Запылали соломенные крыши хат. Густые облака дыма закрывали Биксу обзор, но в то же время они закрывали танк, скрывая от глаз противника его корму. Море пламени над вражеской колонной все ширилось. С оглушительным грохотом взлетел на воздух грузовик с боеприпасами. Гром выстрелов танковой пушки мешался с треском пулеметных очередей. В промежутках был слышен стук станковых пулеметов «максим».

— Гарпун — командиру: мы застряли посреди вражеской колонны!

Бикс пытался вызвать командира роты и запросить

помощь, но тщетно. Радист Финк еще не отключил внутреннее переговорное устройство, и связь с ротой была невозможна. Потом Бикс услышал голос капитана Лекшата: «Гарпун! Какого черта ты творишь? Ты весь батальон с толку сбиваешь!» Наконец радист сообразил, что нужно переключиться на внешнюю связь. Теперь унтерфельдфебель Бикс смог доложить: «Нахожусь в центре деревни. Застрял посреди русской колонны, кишащей пушками. Прошу помощи немедленно». Лекшат выругался: «Кто ж тебя туда посылал-то?» На ответ у Бикса времени не было — экипаж пытался привлечь его внимание к орудию, открывшему по ним огонь. Наводчик развернул башню в направлении вспышки. Одновременно со вторым выстрелом орудия рявкнул ответный выстрел танковой пушки. Разорвавшийся снаряд уничтожил расчет орудия.

Бикс услышал голос Лекшата: «Внимание всем! Вперед!» Они шли! Их товарищи шли, чтобы вызволить их из тяжелого положения. Фельдфебель облегченно вздохнул. Одинокий немецкий танк добрался до дальнего конца деревни. Улицу перегораживала пара телег. «Держитесь!» — предупредил Шварц. С треском и грохотом Pz-III переехал первую телегу, круша ее гусеницами. Телега перед ними взорвалась огненным шаром. «Наехали бы мы на такую телегу, груженную минами, и встречаться бы нам в раю», — прокричал заряжающий Петерман сквозь гул выстрелов и разрывов.

«Гарпун! Гарпун! Это командир! Вы где? — запрашивал по радио капитан Лекшат. — Мы вас не видим. Обозначьте позицию». — «Гарпун — командиру: обозначим позицию зеленой и белой ракетами».

Бикс выпустил две сигнальные ракеты. Спустя несколько секунд он снова услышал голос командира: «Так вот вы где... на другом конце деревни? Не может быть».

Бикс ответил: «Я еще раз дам сигнал зеленой и белой ракетами». Он выстрелил еще две ракеты.

Через несколько мгновений снова заговорил командир, почувствовавший представившуюся возможность: «Внимание всем! Бикс впереди совершенно один! Пехота — вперед!»

Танк Бикса съехал с улицы в огороды, открывая огонь лишь тогда, когда противник его опознавал. «Когда подойдут остальные? — спросил наводчик Краузе. — Что-то они слишком долго!» «Слушай!» — прокричал Бикс. Стрельба на мгновение стихла, и они расслышали в отдалении грохот танковых пушек и хлопки противотанковых орудий. «Они ведут бой с противотанковыми пушками, которые остались позади нас». Бикс и его товарищи не знали, что мотопехота и мотоциклисты тоже вели наступление на деревню. Наконец приблизился первый танк. Подъехал капитан Лекшат, и Бикс, открыв люк, доложил ему о бое. Капитан качал головой, уставившись на расстрелянные грузовики и горящие дома. «Вообще-то, я хотел устроить тебе выволочку, Бикс. Но то, что я вижу, меняет дело».

Капитан доложил в батальон, что все в порядке. Танки ушли обратно той же дорогой, которой пришли. На следующей стоянке Бикс и его товарищи узнали, что пехота захватила 800 пленных и 60 неповрежденных машин. Было уничтожено двенадцать противотанковых и шестнадцать тяжелых орудий. Действуя по собственной инициативе, одиночный немецкий танк уничтожил всю технику и снаряжение советского моторизованного батальона.

Майор фон Лаухерт представил унтерфельдфебеля Бикса к Железному Кресту 1-го класса. Весь экипаж был награжден Железными Крестами 2-го класса. Бикс получил награду 20 октября 1941 года, через двадцать дней после назначения ротным гауптфельдфебелем.

Полковник Генрих Эбербах, командир 35-го танкового полка

1 октября 1941 года, когда Бикс получил повышение, боевая группа Эбербаха находилась на окраине Дмитровска. Ее целью был Орел. Танковая рота Лекшата шла впереди, а машина Бикса была головным танком батальона. «Врагу нельзя давать передышки. Будем двигаться и по ночам!» Таков был приказ полковника Эбербаха.

Уже начинало смеркаться, когда Герман Бикс заметил впереди войска противника. Он как раз подъехал к одному из деревянных мостов, настолько узких, что танки могли ехать по ним только по одному. Советский часовой стоял на мосту, показывая танкам, как нужно ехать, чтобы не свалиться в реку. Бикс сообщил шедшим позади: «Не стреляйте по часовому!» Если не будет стрельбы, никому и в голову не придет, что танки — немецкие. Чуть позже его вызвал капитан Лекшат:

— Бикс, Иван меня только что провел по мосту.

— Когда они, наконец, поймут, что мы наступаем? — спросил Шварц.

Из темноты появились крайние дома Дмитровска. Герман Бикс ощутил странное, гнетущее чувство нерешительности. Перед ним были массивные здания, и вдруг он заметил рассредоточенные и замаскированные советские машины. Большинство машин были грузовиками с прицепами, но к некоторым были при-

цеплены орудия. Бикс высунулся из люка посильнее, чтобы как следует оглядеться.

— Командир — Биксу: огонь не открывать и двигаться вперед как можно дальше.

Приказ капитана Лекшата был совершенно излишним — головной танк двигался вперед на средней скорости, пока не вышел на мощенную булыжником рыночную площадь. Наконец у Бикса появился отличный обзор. Танк остановился. Позади грохотали остальные машины роты.

— Гарпун — командиру: нужно увеличить интервал, чтобы не сталкиваться и не стрелять по своим, когда начнется бой.

Колонна грузовиков двинулась в сторону Бикса. В лунном свете он видел в грузовиках пехотинцев, державших винтовки вертикально, зажав их между коленями. Грузовики медленно ехали мимо немецких танков. Около здания, окруженного длинной стеной, Бикс заметил бегущих сломя голову красноармейцев. Их обнаружили! Бикс сообщил следовавшим за ним: «Русские нас заметили, но огонь пока не открывать!»

Ситуация была критическая.

— Командир — Гарпуну: возьмите еще две машины и двигайтесь вперед. Я с ротой займу позиции вокруг площади.

Бикс услышал, как командир вызвал взвод мотоциклистов, выехавших на площадь и занявших позиции для защиты танков в ближнем бою. Танк Бикса двинулся вперед. Фельдфебель облегченно вздохнул, когда танк вышел на окраину города без единого выстрела. Подошли еще два Pz-III, и Бикс занял оборону.

Внезапно позади них в городе раздался грохот. Через несколько секунд стрельба резко усилилась. Трассирующие пули прочерчивали ночное небо. Рвались ручные гранаты, гремели танковые орудия. Звенели

взрывы осколочно-фугасных снарядов, попадавших в здания.

— Что там, командир? Может, вернемся и поглядим? — спросил фельдфебель Кайбауэр, командир второго Pz-III, только что подошедший пешком к машине Бикса.

— Мы ничего поделать не можем. Похоже, там и без нас полная неразбериха, — ответил Бикс. Он слишком хорошо представлял себе, что может произойти, появись они внезапно со стороны противника. По ним откроют огонь все танки батальона, и останется только Богу молиться. Появились несколько машин, двигавшихся с востока в направлении города. Судя по всему, это были советские подкрепления.

— Заряжай осколочно-фугасный! Огонь!

Три немецких танка открыли огонь одновременно. Снаряды врезались в приближавшиеся грузовики и поджигали их. В мерцающих отсветах пламени бегали советские солдаты, пытавшиеся найти укрытие в канавах и в кустах. Воздух вокруг них прорезали пулеметные очереди.

Фельдфебель Бикс вызвал командира: «Гарпун — командиру: какова обстановка в городе?»

В ответ он услышал зычный голос капитана:

— Наша пехота здесь и занимается противником. Все в порядке.

— Вам помочь? От наших танков здесь уже мало толку.

— Оставайтесь на месте, Бикс! — приказал Лекшат.

— Все в порядке, парни, — передал Бикс своим подчиненным. Три танка заняли позицию полукругом. Измотанные экипажи, проведшие в бою уже целый день, теперь караулили посменно. Когда подошла очередь Бикса, глаза его слипались. Но сомкнуть их он не

рискнул. Если противник подберется к ним незамеченным, им конец.

Было 7.00 2 октября, когда три танка были отозваны обратно на площадь. Их место в охранении заняла пехота. Бикса и его экипаж ожидало новое задание. Ему предстояло на своем Pz-III вместе с легким танком обер-лейтенанта фон Картеля провести разведку ничейной полосы. На рассвете обе машины двинулись в сторону Орла. Очень важно было не дать противнику оторваться.

На полпути к Кромам Бикс натолкнулся на советский топливный склад, состоявший из пяти огромных резервуаров, вкопанных в землю на некотором расстоянии друг от друга. Вдруг Бикс заметил группу советских солдат. Они стреляли из противотанковых ружей по емкостям, видимо, пытаясь их поджечь. Наводчик и заряжающий, до этого выглядывавшие из открытых башенных люков, прыгнули на свои места. Пушка с ревом выстрелила, и осколочно-фугасный снаряд разорвался посреди группы советских солдат. Радист выпустил несколько очередей из пулемета, после чего противник вынужден был отказаться от своей затеи.

Обер-лейтенант фон Картель с сопровождавшим взводом мотоциклистов остались охранять топливный склад, который представлял огромную ценность для группы Эбербаха. Бикс двинулся дальше один. Он отошел от Дмитровска уже на 35 км, когда в баках стало заканчиваться горючее, и ему пришлось повернуть назад. Зная, что батальон уже выступил, на обратном пути он дал опознавательный сигнал — зеленую и белую ракеты. Топливо кончилось, когда Бикс встретил батальон. Место в голове колонны занял обер-лейтенант Вольшлэгер.

Около полудня Вольшлэгер со своей ротой вышел к

Кромам и с наскока захватил город. За этот успех полковник Эбербах представил его к Рыцарскому Кресту. Награду Вольшлэгер получил 23 января 1942 года.

На следующий день целью был Орел.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С Т-34

Боевая группа Эбербаха ворвалась на позиции советской 13-й армии и охватила ее с фланга. Утром 3 октября обер-лейтенант Вольшлэгер возглавлял колонну. Танки двигались вперед на высокой скорости. Машина была среди шести танков, брошенных в наступление по приказу Эбербаха. Приказ был краток: «На Орел!» Впереди показался мост. Вольшлэгер, как и любой другой командир танковых войск, понимал, что именно здесь сопротивление противника будет наиболее упорным. Стоя в командирской башне, Бикс наблюдал, как танк Вольшлэгера исчезает в тоннеле под полотном железной дороги. Прогремели первые выстрелы. Две или три противотанковых пушки открыли огонь. Им тут же ответили орудия танков.

— За ним, Шварц!

Водитель переключился на следующую передачу, и танк набрал скорость. Появился тоннель. На несколько секунд стало темно, потом посветлело. Но это было еще не все! Впереди, примерно в 400 метрах, были видны ослепительные вспышки выстрелов. «Огонь!» — Краузе выпустил первый снаряд. Петерман уже заряжал следующий. Танк выстрелил почти одновременно с противотанковым орудием. Отдача толкнула Pz-III назад. Бронебойный снаряд с шелестом пронесся от башни. Снаряд танка разорвался на позиции противотанковой пушки. Раздался взрыв, в небо поднялось облако густого дыма с языками пламени.

— Вперед!

Двигаясь вперед, экипаж заметил, что остальные пять танков добрались до огородов и начали крушить заборы. Вольшлэгер двинулся прямо по середине дороги на Орел, и Бикс последовал за ним. В городе были вражеские колонны. По шестерке немецких танков начали бить пулеметы. Эти шесть машин штурмовали город в лоб, пока полковник Эбербах с основными силами батальона пытался обойти его с фланга. Танки открыли огонь из пушек и пулеметов. Вскоре советские грузовики пылали. Вытекавший из баков бензин полыхал огненными облаками. Советские войска появились из стены дыма.

— Вон они! — предупредил наводчик.

Радист открыл огонь из пулемета, и группа красноармейцев, попытавшихся приблизиться к танку, поспешила скрыться за стеной дома. Экипаж Бикса начал втягиваться в бой с пехотой противника, и Вольшлэгер вызвал их по радио: «Бикс, не отставайте!»

Шварц дал газ и на большой скорости понесся вслед за остальными. На пути оказалась телега. Танк врезался в телегу, протащил ее несколько метров и раздавил гусеницами. Со стороны дома у дороги по танку открыли огонь.

— Осколочно-фугасный!

Снаряд разорвал стену дома точно под подоконником, на котором был установлен пулемет. Огневая точка замолчала.

Наступление на Орел продолжалось. Танки нагоняли все новые машины. Всякий раз, когда грузовики пытались скрыться на боковых улицах, в дело вступала танковая пушка. Вскоре они пробили себе дорогу в Орел, но Вольшлэгер понимал, как опасна остановка. Кроме того, еще оставалась отходившая на восток вражеская колонна, которую нужно было преследовать.

Танки прошли на высокой скорости еще шесть километров, пока нехватка топлива не вынудила их остановиться.

«Бикс, распорядитесь слить топливо из русских грузовиков. Вдруг придется выступать снова», — посоветовал Вольшлэгер. Вскоре они нашли грузовик с полными баками. Механик-водитель Шварц вытащил из инструментального ящика шланг и стал подсасывать бензин до тех пор, пока он не потек сам.

Затем танкам было приказано закрепиться на восточной окраине Орла. Мотопехота уже шла в атаку. По дороге они попадали под бомбово-штурмовые удары авиации противника. Всякий раз, когда появлялась новая волна самолетов, пехотинцы поднимали головы. Стоило самолетам показаться, как они бросались в канавы. По противнику открывали огонь из винтовок, пулеметов и зенитных орудий.

Лишь с наступлением темноты полк вышел в район сосредоточения для атаки на Орел. В этот момент никто и не подозревал, что авангард уже прошел через город. Всю ночь танки охраняли Орел с востока. Группа солдат, попытавшаяся проскользнуть мимо танка Бикса, была взята в плен. От пленных Бикс узнал, что на станцию в Орле только что прибыл грузовой эшелон с тяжелыми танками.

Бикс был расстроен:

— Черт! А у нас даже нет связи с батальоном!

— Может, русские врут? — сказал радист Краузе.

— Возможно, Краузе, но лучше нам остановиться здесь.

Ночью они слышали шум эшелона, уходившего в сторону Мценска.

«Если на нем были танки, скоро они явятся по нашу душу», — предположил Петерман. Вскоре выяснилось, что он ошибался.

На рассвете 4 октября 12-й мотопехотный полк начал наступление на Орел. У опушки леса на фланге оборонявших город частей 1-й батальон 35-го танкового полка захватил пять 37-мм зенитных орудий. Командир батальона приставил к ним своих солдат, чтобы обеспечить прикрытие от ударов с воздуха. На аэродром Орла немцы вышли в тот момент, когда на него садился советский истребитель. Летчик был взят в плен. Около 10.00 полк пересек аэродром и вышел к ангарам и казармам на другой его стороне. Дальше пехота прочесала улицы до самой железнодорожной станции. Советские солдаты мелкими группами сдавались в плен. Рабочих танковых и тракторных мастерских застали врасплох во время обеда. Орел был взят. Боевая группа Эбербаха выполнила задачу, поставленную генералом Гудерианом.

Как следует отоспавшись за ночь, Бикс со своими товарищами утром 5 октября выступил в направлении Мценска. Долгосрочной задачей был выход к Туле. Вместе с лейтенантом Бёкле, командовавшим взводом, Бикс двигался на левом фланге батальона. Сначала все шло хорошо. Наступление развивалось быстро, и танки вышли к речке Роковая. Вражеские пулеметы застрекотали по всему фронту наступающего клина, и вдруг Бикс услышал выстрелы танковых орудий. Вскоре капитан Лекшат сообщил: «Нахожусь под сильным огнем русских тяжелых танков!» Лекшат видел пламя, вырывающееся из длинных стволов советских танков. Он различил танки двух типов. Первые были массивными, можно даже сказать — гигантскими. Вторые имели более изящные очертания, но тоже были вооружены крупнокалиберным орудием.

«Осторожно!» — предупредил Лекшат по радио командира одного из взводов, лейтенанта Кюсперта, немного вырвавшегося вперед. Но было уже поздно. Три

Т-34 (впервые появившиеся на этом участке фронта) открыли огонь по машине командира взвода почти одновременно. Бронебойные снаряды Т-34 с грохотом врезались в немецкий танк. Страшной силы удар потряс Pz-III командира взвода. Вскоре он доложил: «Мы подбиты. Башню заклинило».

— Назад, Кюсперт! — приказал капитан Лекшат, а его наводчик открыл огонь по врагу.

— Проклятие! Снаряды его не берут! — прокричал фельдфебель Генрихс, увидев, что его снаряды не причиняют советским гигантам ни малейшего вреда. Танк командира роты содрогнулся от тяжелого удара. Снова доложил Кюсперт:

— Танк потерял ход!

— Вылезай, Кюсперт! Вылезай!

Посреди боя экипаж Кюсперта вылез из подбитого танка. В их сторону ударили пулеметы, но танкисты тут же укрылись за своей машиной. Лейтенант видел, как несколько снарядов попали в танк командира роты. Поврежденный и неспособный больше вести бой, он вынужден был отойти. Быстро оглядевшись, лейтенант увидел, что на поле было около двух десятков советских танков, среди которых было несколько Т-34, а остальные — КВ-1. Было очевидно, что короткоствольные 75-мм орудия немецких танков не могут пробить броню этих гигантов.

Подъехал танк командира полка. Ригер, механик-водитель из экипажа полковника Эбербаха, увидел, что рота Лекшата понесла потери. Двигаясь вперед, он видел несколько экипажей, шедших в сторону тыла.

— Пушки и зенитки — вперед! — приказал полковник Эбербах. Полковник осматривал поле боя в стереотрубу. Он видел массу вражеских танков, стремившихся разгромить батальон.

Эбербах по радио предупредил командира батальона: «Осторожно, Лаухерт! Вас обходят!»

Майор Лаухерт приказал танкам отойти на 100 метров. Тем временем танки левого фланга все еще не вступили в бой. Бикс по радио слышал, как кто-то на правом фланге вступил в схватку с противником. Командир танка, о котором шла речь, докладывал по радио: «Я стреляю и стреляю, но бронебойные их не берут! Будьте очень осторожны!»

— Господи, Бикс! Это же Т-34 и КВ-1! — воскликнул лейтенант Бёкле, когда в поле зрения появились первые вражеские танки. Внезапно Бикс тоже увидел бронированных гигантов. Они были примерно в 600 метрах, двигаясь прямо на него вдоль путей железной дороги Орел — Тула. Бикс ответил: «Они кажутся не такими уж и большими. И наверняка не так и опасны».

Бёкле, хорошо умевший определять танки, придерживался иного мнения. Он предупредил фельдфебеля:

— Осторожнее, Бикс. Это — Т-34!

— Бронебойный! — крикнул Бикс.

Т-34 подошли еще ближе. До них оставалось еще метров триста, когда они резко повернули влево. Их новый курс проходил прямо перед Биксом.

— Огонь!

Т-34, подставившие свои борта немецким танкам, были для наводчика Краузе отличной мишенью. Он выстрелил, и Бикс увидел, что снаряд попал в цель.

— Молодец, Краузе!

Второй снаряд ударил в башню Т-34, но не пробил ее.

«Они вообще не обращают на нас внимания!» — крикнул Шварц. И в самом деле, казалось, что Т-34 попросту игнорировали незначительные результаты попаданий немецких танковых снарядов.

— Батальон отступает!

Впервые за все время кампании в России Бикс видел отступающие немецкие танки. Выдвинутые вперед танки правого фланга сдали назад, развернулись и дви-

нулись назад на большой скорости, преследуемые снарядами Т-34 и КВ-1.

«Командир вызывает всех! — раздался голос капитана Лекшата. — Батальон отходит. Мы с этими чудищами не справимся! Потери на правом фланге слишком велики!»

В этот момент Бикс увидел, что танки 2-го батальона 35-го танкового полка, которыми командовал майор Лаухерт, скрылись из вида. Они сделали все, что могли, но вынуждены были отступить, иначе бы их уничтожили.

«Уходим, Бикс! — приказал лейтенант Бёкле. — Сдавай назад и уноси ноги!»

Бикс выполнил приказ и развернулся. Его танк несся по дороге на полной скорости. На правой обочине стоял одинокий танк. Бикс узнал командирскую машину полковника Эбербаха. Из борта торчал не пробивший броню 76-мм снаряд. Чуть дальше в тылу Бикс заметил гусеничный тягач саперов. Языки пламени лизали борта машины. Рядом с ней Бикс увидел сапера, нога которого была почти оторвана от туловища. Огонь подбирался к раненому все ближе и ближе. «Стоп!» — крикнул Бикс.

Шварц остановил танк. Бикс спрыгнул на землю и побежал к раненому саперу. Он чувствовал все усиливавшийся жар пламени. В голове мелькнула мысль: «А что если в машине взорвутся мины?» И все же он продолжал бежать. Несколько секунд он видел лишь широко открытые глаза раненого. И вот он добежал и стащил сапера в канаву. Но опасность еще не миновала. Еще предстояло оттащить раненого подальше от огня. В тот момент, когда Бикс почувствовал, что силы его покидают, рядом оказались еще два человека, тоже вылезшие из своих танков на помощь. В неровном свете горящего тягача Бикс разглядел сначала капитана медицинской службы доктора Мюлькхюнера, а затем и

бежавшего следом за ним полковника Эбербаха. Они вдвоем помогли отнести раненого подальше от опасной зоны вокруг машины, груженной минами. И в этот момент мины взорвались. Земля разверзлась с ужасающим грохотом. Ударная волна бросила Бикса на землю ничком. Ему казалось, что легкие вот-вот лопнут.

После взрыва доктор Мюлькхюнер вколол раненому обезболивающее и перевязал раны, пока полковник показывал путь медицинскому фургону, который должен был эвакуировать раненых. Только тогда Бикс понял, что остальные танки уже отошли. Преследователи приближались и уже начали стрелять в их направлении.

Позднее Бикс говорил: «Я никогда не забуду этот бой с командиром боевой группы на поле у реки Роковая. Командир и доктор оставались на поле боя, пока не вывезли последнего раненого. После такого примера со стороны своего командира за все остальное время войны я никогда не решался бросить раненого на поле боя, потому что видел, как командир дрался, чтобы спасти последнего из своих солдат».

Раненый сапер выжил. Он потерял ногу, но сохранил жизнь благодаря паре отважных людей.

Вскоре Бикс и его люди достигли блокирующей позиции, на которую полковник Эбербах приказал поставить 88-мм зенитные и 105-мм полевые орудия. Эти батареи вступили в бой с наступавшим противником. Смертоносные «восемь-восемь» делали свое дело. Артиллеристы выпускали снаряд за снарядом. Один за другим Т-34 и КВ-1 получали попадания и загорались. Бронебойные снаряды 88-мм зенитного орудия были способны пробить даже самый толстый броневой лист. За время боя было подбито десять КВ-1 и семь Т-34. Прорыв противника удалось предотвратить.

Этот бой стал подтверждением твердого намерения советских войск оборонять подступы к Мценску. По-

этому о внезапном форсировании Зуши не было и речи. Эта задача требовала долгих и хорошо обдуманных действий. Для Германа Бикса и других танковых командиров важнее всего было найти способ бороться против Т-34 и КВ-1, несмотря на недостаточный калибр собственных орудий. Еще им нужно было найти способ оправиться от морального удара, нанесенного противником в этом сражении.

Немцы осторожно возобновили наступление. 8 октября начались ливни. В этот день был получен приказ наступать на Мценск. Начало наступления было назначено на 9 октября. Пока основные силы 4-й танковой дивизии (35-й танковый полк, понтонно-мостовой парк дивизии и 2-й батальон 12-го моторизованного полка) наступали справа от основного пути снабжения, штаб полка и 1-й батальон 12-го моторизованного полка должны были атаковать вдоль железной дороги.

Утром 9 октября дороги были покрыты густым слоем грязи. Танки продвигались медленно. Наступила ночь, и люди Бикса вырыли между гусеницами траншею для ночлега. Они были рады, что дневные труды подошли к концу. До Мценска оставалось десять километров.

Бикс проснулся утром 10 октября и сбросил плащ-палатку, которой укрывался во сне. Он удивленно протер глаза: насколько хватало взгляда земля вокруг была покрыта снегом.

— Вставайте! Выпал снег. Давайте играть в снежки! — шутливо крикнул он.

Шварц выбрался из-под одеял.

— Во-первых, командир, поздравляю с днем рождения! — улыбнулся он.

— Спасибо, Шварц. Поверить не могу, что 27-й день рождения приходится праздновать в России.

Поздравить командира подошли остальные члены экипажа.

Рядом с «Гарпуном», танком Бикса, появился лейтенант Кюсперт.

— Идем, Бикс. Вы идете со мной в разведку.

Через пять минут оба танка уже двигались в направлении Мценска. Бикс достиг города с первыми лучами солнца. Пока противник по нему огонь не открывал. Танк лейтенанта Кюсперта сломался в трех километрах от города и теперь играл роль радиорелейной станции, поскольку был оснащен средневолновой радиостанцией. Так Бикс мог сообщать о своих наблюдениях командованию боевой группы.

«Перед нами полевые позиции русских, — доложил Бикс. — Иду на сближение. Похоже, они нас пока не заметили». Из окопов вылезли несколько тепло укутанных советских солдат. Они помахали Биксу руками, словно говоря: «Хорошо, что нас поддерживают танки». Похоже, им и в голову не пришло, что танк может быть немецким.

На окраинах города Бикс заметил признаки жизни: «Похоже, здесь уже все проснулись». Он заметил пару танков, силуэты которых выступали из-за стен домов, и нескольких советских солдат. Солдаты перешли через улицу, неся в руках котелки с горячим кофе, и исчезли среди домов.

— Эх, был бы здесь с нами весь батальон... — задумчиво произнес Краузе.

— Мы можем только наблюдать, — объяснил Бикс. — Как только мы двинемся с места, русские нас увидят и размажут по полю.

Положение было не из приятных — советские солдаты могли в любой момент подойти к танку. Тогда уж точно начнется заваруха. Бикс продолжал докладывать обстановку. Оглянувшись в какой-то момент назад, он

понял, что позади них — крутой склон. Незадолго до того они быстро съехали по нему. Но каким образом он в случае необходимости (а необходимость эта была лишь делом времени) сможет быстро въехать на этот склон? Вдобавок Шварц заглушил двигатель. Обнаружили их быстрее, чем рассчитывал Бикс. Прозвенел сигнал горна, и вдруг русские суетливо забегали взад-вперед.

— Танки идут! — предупредил радист. Бикс уже услышал звук запускаемых двигателей советских танков. Т-34 выкатились со своих хорошо замаскированных позиций.

— Заводи! — крикнул Бикс механику-водителю.

Двигатель танка ожил. Шварц осторожно начал задним ходом взбираться на склон. Биксу этот маневр казался вечностью. Наконец, им это удалось.

— Разворачивай и увози нас отсюда! — приказал Бикс.

Механик-водитель резко развернул машину. Гусеницы высоко взметнули в воздух снег и грязь. Он включил следующую передачу и повел ревущий танк в тыл. Противник сделал им вслед несколько выстрелов, но безуспешно. Через несколько мгновений Бикс оказался уже у танка лейтенанта Кюсперта. Здесь он узнал, что весь батальон уже ведет бой в другом месте. Оберлейтенант Вольшлэгер шел во главе колонны и вот-вот должен был ворваться в Мценск с севера. Метель сильно ухудшала видимость. Вскоре появились танки батальона. Вольшлэгер повернул свою машину вправо и исчез в снежной пелене.

— За ними, Шварц! Мы не должны их потерять! — скомандовал Бикс механику-водителю. Ефрейтор повернул машину. Время от времени сквозь снег были видны алые языки пламени, вырывавшиеся из выхлопных труб идущих впереди танков, и можно было ориен-

тироваться по ним. Они не потеряли батальон из вида и следом за Вольшлэгером двигались к мосту на северной окраине Мценска. По мере приближения сквозь густой снег они могли время от времени видеть мост. Благодаря кружившим в воздухе снежным облакам танкистам удалось быстро подавить охрану моста и снять подрывные заряды.

Танки выходили к Мценску практически с тыла. Несясь на полной скорости к городу, танки раздавили одно противотанковое орудие, а еще несколько вывели из строя. Ракеты «катюш», установленных на шасси грузовиков, проходили над их головами в направлении шедшей следом пехоты. Танки 2-го батальона 35-го танкового полка задержало противотанковое заграждение. Четыре машины были подбиты прежде, чем оберлейтенант Вольшлэгер атаковал препятствие с тыла. Выехав из-за угла, Бикс заметил противотанковую пушку меньше чем в полусотне метров. Она простреливала боковую улицу. В приказах не было нужды. Краузе навел орудие и первым же снарядом добился прямого попадания. Блеснул взрыв орудийных боеприпасов. По танку ударил пулемет. Град пуль застучал по броне.

— Дави его! — крикнул Бикс, и танк рванул вперед. Машина проломила забор, добралась до пулемета и вмяла его в землю.

Расчет пулемета разбежался. За башней танка на корпус упала ручная граната. Она разорвалась с глухим ударом.

— Поворачивай направо, к «сталинским орга́нам»! — приказал Бикс.

Танк направился в ту сторону, откуда доносился свист и рев ракет, выехал на позиции четырех «катюш» и открыл огонь из всех стволов. Все четыре реактивных миномета были быстро уничтожены.

Вскоре северо-западная часть Мценска — Подмо-

настырская слобода — была занята пехотой. Была захвачена и юго-восточная часть города — Стрелецкая слобода. Чуть позже стремительным броском танков и мотопехоты был захвачен совершенно целый автомобильный мост через Зушу. В северной части города еще сопротивлялись несколько Т-34. С наступлением темноты их удалось оттеснить за железнодорожный мост. Мост советские танкисты взорвали. В течение ночи немецкая пехота прочесывала город в поисках отставших и захватила оставшиеся группы советских солдат в плен.

Боевая группа Эбербаха обороняла свой плацдарм под Мценском с 11 по 22 октября. О том, что группе пришлось перенести за время наступления и боев последних нескольких недель, писал в своей книге «Воспоминания солдата» генерал Гудериан:

«Возвратившись в Орел, я встретил там полковника Эбербаха, который также доложил мне о ходе последних боев [...]. Впервые со времени начала этой напряженной кампании у Эбербаха был усталый вид, причем чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение. Приводил в смущение тот факт, что последние бои подействовали на наших лучших офицеров».

22 октября под командование полковника Эбербаха были переданы 6-й танковый полк и батальон 18-го танкового полка. С новой боевой группой ему было поручено наступать через Чернь и захватить город Тула. Вновь от каждого командира танка требовалась предельная самоотдача. Чернь пала 25 октября, и генерал Гудериан повторил приказ: «Не мешкая, продолжать наступление и занять Тулу!»

Неподалеку от Тулы Бикс и лейтенант Бёкле собра-

ли передовой взвод из машин, у которых еще оставались полные топливные баки. Они должны были войти в Тулу в авангарде немецкого наступления. На окраине города их встретили женщины, говорившие по-немецки.

— Торопитесь! — кричали они Биксу и Бёкле. — Быстрее! Русские в городе в панике!

В этот момент появился автобус, кативший прямо к танку Бикса. Он был набит солдатами.

— Не стрелять! — крикнул Бикс. Он видел, что в автобусе были и гражданские. Поравнявшись с танками, водитель остановил автобус и выпрыгнул из кабины. При этом он ударился о левый борт танка и рухнул на землю.

Бёкле отдал Биксу приказ, служивший в то же время и предупреждением: «Потихоньку двигайтесь вперед, Бикс. Но будьте осторожны».

Бикс был уверен, что серьезного сопротивления в городе не будет. Он ехал по пригородам на большой скорости. Слева Бикс заметил автоколонну, едущую через город по параллельной улице. Советские солдаты обнаружили немцев и открыли огонь из зенитных орудий. Однако расстояние было слишком велико, и снаряды легли далеко впереди машин взвода Бёкле. Вдруг пришел приказ, который привел Бикса и Бёкле в замешательство: «Немедленно остановиться!»

— Не может быть! — в отчаянии кричал Бикс.

— Продолжаем действовать по своему усмотрению, — сказал лейтенант. Мысленно он уже считал город взятым. Впрочем, вскоре он отказался от этой мысли, узнав, что у шедших следом танков и других машин кончилось топливо, а все автоцистерны боевой группы завязли в грязи по пути наступления. Некоторые машины за ночь даже вмерзли в грязь.

Когда на следующее утро немцы пошли в атаку, их встретил мощный пояс противотанковой обороны. Со-

ветские Т-34 бросились в контратаку, и в завязавшихся танковых боях немецкие части понесли тяжелые потери. 31 октября боевая группа Эбербаха вынуждена была перейти к обороне.

ТАНКОВОЕ СРАЖЕНИЕ В ВЕНЕВЕ

13 ноября бригада Эбербаха получила приказ генерала барона Гейра фон Швеппенбурга атаковать в направлении на Венев. У полковника Эбербаха оставалось ровно пятьдесят танков из трехсот, положенных по штату. Ударившие морозы осложняли жизнь танковым экипажам. К раннему утру 13 ноября температура упала до 22 градусов ниже нуля. Оптика запотевала, масло загустело. Не было ни зимней одежды, ни антифриза. Тем не менее бригада Эбербаха выступила в полной уверенности в успехе.

Танки обошли Тулу справа и (на этот раз — без пехоты) повернули на север. Сталиногорск они прошли без сопротивления. Следующей целью была Узловая.

— Холодина, как на Северном полюсе! — простонал Бикс, глядя сквозь смотровую щель командирской башенки. Северный ветер, казалось, вот-вот заморозит его легкие.

— Эх, была бы у нас зимняя одежда... — сказал Шварц.

— Точно! — пробормотал гаупт-фельдфебель.

Впереди Бикс заметил стоящий у обочины танк. Головная группа проехала мимо, и Бикс понял, что в командирской башенке в черной куртке стоит полковник Эбербах.

— Если старик терпит, значит, и мы можем потерпеть, — сказал Краузе. От осознания того, что коман-

дир испытывает то же, что и они, легче не становилось, но с этим положением стало проще смириться.

Наступление продолжалось, и на следующее утро танки были на околице деревни недалеко от Узловой. Внезапно из утренней дымки появился целый полк советской пехоты, двигавшийся в направлении танков. Вокруг ожидавших сигнала танков засвистели первые пулеметные очереди.

— Внимание всем! Контратаковать! — раздалось в наушниках сквозь треск помех.

Двигатели танков взревели, и они двинулись навстречу врагу широким рассредоточенным клином. Из орудийных и пулеметных стволов вырывались столбы пламени. Фугасные снаряды рвались в гуще солдат противника. Многие красноармейцы были раздавлены танками. Сцена была ужасающая: русская пехота атаковала немецкие танки. Но положение было опасным и для танкистов. Стоило командиру высунуть голову из башенного люка, чтобы получше оглядеть местность, как по нему тут же открывали огонь вражеские пулеметы и снайперы. Одни пули свистели мимо цели. Другие находили своих жертв. Бикс время от времени выглядывал наружу, чтобы помочь своему механику-водителю. Одна из пулеметных очередей прошла совсем рядом с его левым ухом. Пули с треском врезались в броню командирской башенки и отскочили в сторону. После легкого снегопада холмистая местность стала такой скользкой, что танки время от времени съезжали по обледеневшим склонам, словно на полозьях.

Машина Бикса соскользнула на бок и свалилась в овраг. С грохотом она скатилась на дно.

— Будем надеяться, что сможем отсюда выбраться, — вздохнул Бикс.

Ефрейтор Шварц, в гражданской жизни — автоме-

ханик, лишь улыбнулся: «Вылезем отсюда в полном порядке! Держитесь!»

Включив первую передачу, он направил танк вверх по высокому склону. Это сработало. Танк медленно взбирался все выше и выше, пока не оказался, наконец, снова на ровной поверхности. И вновь танки стреляли осколочно-фугасными по массе советских солдат, стремившихся к оврагу. Красноармейцы зарывались в снег и в несколько мгновений исчезали из виду.

Капитан Лекшат по радио предупредил: «Осторожно, Бикс. Снайпер убил Ригера».

Ригер был механиком-водителем командира полка. Его знал весь полк. Совсем недавно полковник Эбербах уважил его просьбу и назначил его командиром танка.

Тем временем большая часть советского полка была сметена. Лишь небольшой группе солдат удалось уйти на северо-восток.

Наступление возобновилось около полудня. Снова Герман Бикс шел в авангарде. Танк двигался вперед, почти не встречая препятствий. Бикс понятия не имел, где находится. Карты местности у него не было, но раз здесь была всего одна главная дорога, то он решил, что она и ведет в нужном направлении. Уже вскоре после полудня Бикс увидел перед собой первые здания Узловой. На Биксе была надета советская ушанка. Маскировка оказалась настолько действенной, что водители советских грузовиков, шедших навстречу, даже не думали спасаться бегством. Напротив, солдаты, сидевшие в кузовах, махали ему руками.

Бикс вызвал по радио капитана Лекшата: «Только что проехал русских. Они меня не узнали».

«Хорошо, Бикс! Продолжай идти по той же дороге. Первые машины как раз подъезжают к нам и получают

радушный прием. Без особой нужды мы стрелять не будем. Конец связи».

Танк медленно ехал по городу, пока не достиг площади, где дорога разветвлялась. На несколько секунд Бикс замешкался.

Он запросил по радио: «По какой дороге мне ехать?»

— Поверни направо, Бикс, — ответил командир роты. — По моим данным, она ведет к железнодорожной станции.

Бикс приказал механику-водителю повернуть направо. Вскоре навстречу им показался советский грузовик с солдатами. Красноармейцы опознали в танке вражескую машину. Они высыпали из грузовика и скрылись в окружающих домах и огородах. Остановился и второй грузовик, шедший следом за первым.

— Осколочно-фугасный! — приказал Бикс.

Заряжающий и наводчик сработали как часы. Первый снаряд врезался в стену дома. Над бортом одного из грузовиков появился ствол противотанковой винтовки. Вторым снарядом танкисты добились прямого попадания. Результат был потрясающий.

— Продолжай двигаться вперед, Бикс! — донесся сквозь треск в наушниках приказ. — Рота пойдет следом!

Танк объехал грузовик и, развернувшись за домом, двинулся через огород. Бикс осторожно высунулся из башенного люка, чтобы осмотреть местность. Отсюда он мог слышать шум остальных танков, приближавшихся к площади. Капитан Лекшат тщательно расставил свои танки, чтобы у каждого был четкий обзор и открытый сектор стрельбы. В этот момент Бикс увидел стреляющий КВ-1, но снаряд явно предназначался не ему. Советский танк стрелял за угол дома справа от Бикса.

— Он целился в меня! — доложил лейтенант Бёк-

ле. — Вражеский танк на дороге, развернут на меня. Обойдите его с флангов!

— Ломай забор, Шварц! — проревел Бикс. Танк подъехал к забору и проломил его. Теперь Бикс четко видел очертания мощного советского танка метрах в тридцати.

— КВ-1. Нас пока не заметил. Заряжай специальный бронебойный. Может быть, удастся пробить им башню.

Петерман загнал снаряд в ствол в тот самый миг, когда гигант снова выстрелил по танку Бёкле. Тут же ствол их пушки покинул первый снаряд. Снаряд ударил по башне советского танка и отскочил. Второй снаряд попал в броневую плиту КВ-1. После третьего прямого попадания советский танк не подавал никаких признаков повреждения. Он продолжал стрелять по танку командира взвода. Бикс понял, что из пушки ему этот танк не уничтожить. Он доложил по радио: «Орудие против КВ-1 бессильно! Снаряды его не пробивают! Пришлите саперов с подрывными зарядами!»

Ответ Бёкле, переданный радистом, не заставил себя долго ждать:

— Бикс, если больше ничто не помогает, попытайтесь вывести из строя его орудие. Иначе он уничтожит вас, как только обнаружит!

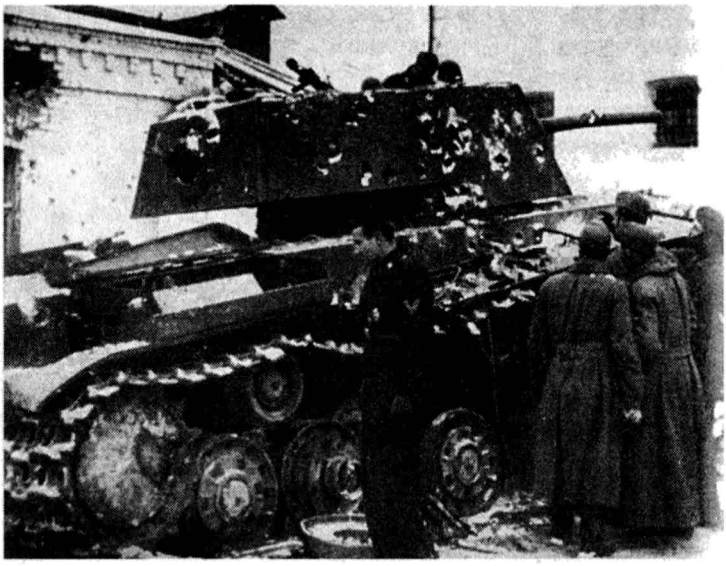
Сначала Бикс подумал, что лейтенант издевается.

— Я попробую, — пробормотал наводчик. — Но...

— Ну так постарайся, Краузе! — крикнул Бикс, хоть и считал эту попытку безнадежной. Нужно было что-то предпринять прежде, чем их обнаружат и подобьют.

Краузе прицелился в пушку вражеского танка как можно ближе к маске. Был заряжен обычный бронебойный снаряд. У маски ствол орудия КВ-1 был толще всего. Быть может, им повезет.

— Огонь! — приказал Бикс.



Экипаж Бикса выпустил по тяжело бронированному КВ-1 несколько десятков снарядов, прежде чем удалось, наконец, вывести его из строя, пробив ствол орудия

Бронебойный снаряд звякнул о сталь, но из-за малого расстояния все пространство между немецким и советским танками было затянуто густым дымом. Бикс не мог разглядеть результатов выстрела.

— Еще один, Краузе!

Наводчик выпустил второй снаряд, потом третий. В этот момент КВ-1 начал разворачивать башню, и длинное орудие повернулось в сторону немецкого танка. С хрустом орудийный ствол ударился о деревце. Башня танка остановилась, и в этот момент лейтенант Бёкле открыл по гиганту огонь.

— Глядите, он дымит! — крикнул Шварц. Облако черного дыма вырвалось из поврежденного ствола и из

корпуса танка. Перед этим раздался приглушенный взрыв. Судя по дыму, шедшему из танка, снаряд разорвался при выстреле внутри танка.

Радист доложил:

— У него разорвало ствол!

Бикс присмотрелся в полевой бинокль и с удивлением обнаружил, что ствол пушки советского танка был пробит в трех местах. Это не был разрыв ствола. Фельдфебель не мог поверить своим глазам, но факт был налицо: Краузе влепил все три снаряда в ствол пушки вражеского танка и привел ее в негодность. Вдруг крышка люка советского танка распахнулась, и из нее попытался выбраться командир. Грохнул выстрел, и советский танкист повис в люке. Опыт научил Бикса, что с близкого расстояния он может бороться и побеждать против тяжелых танков даже со своим мелкокалиберным орудием.

По всему городу гремели подрывные заряды немецких саперов. Саперы шли впереди и один за другим подрывали тяжелые танки противника. Потом пехота и саперы подавили последние очаги сопротивления. Узловая пала.

Вечером танки двинулись дальше. Они шли всю ночь. К утру 24 ноября они подошли к Веневу. Батальон перегруппировался и двинулся к городу широким клином. Возле железной дороги, шедшей южнее города, они были обстреляны советскими танками. Вновь рота Лекшата шла на правом фланге батальона, а Гарпун был крайней правой машиной в строю роты.

«Здесь мы не пройдем! — сообщил по радио лейтенант Бёкле. — Мы можем потерять гусеницы на насыпи или на рельсах и тогда станем для русских легкой добычей. Нужно поискать другое место».

Лекшат тут же согласился: «Хорошо, Бёкле. Так будет лучше». Потом он вызвал Гарпун: «Командир —

Гарпуну: идите дальше направо и ищите более удобное место для перехода. Как только обнаружите, доложите, Бикс!»

Машина Бикса пришла в движение. Шварц развернул ее и медленно повел вдоль железнодорожной насыпи. Через несколько сот метров насыпь стала ниже, и Бикс обнаружил ровный переезд.

— Подъезжай туда осторожно, Шварц... Краузе, заряди бронебойный и будь готов вступить в бой.

Танк медленно двигался вперед. Лобовой лист танка был уже над переездом, но никто не стрелял.

— Переезжай, Шварц! — крикнул Бикс. Танк ускорился и покатил вперед, выбрался на твердую грунтовую дорогу и прошел еще несколько сот метров. Бикс доложил о результатах по радио. Лекшат тут же отправил следом за ним танки роты. Лишь когда последний из них двинулся через пути, противник открыл огонь.

— Жми, Бикс!

Этот приказ Биксу был знаком — он не раз слышал эти слова за последние несколько недель. Танк рванул вперед, и, оглянувшись, Бикс увидел, что остальные машины роты отстали. Последний Pz-III, обстрелянный противником, остановился и вел ответный огонь, чтобы отвлечь внимание врага на то, что творилось перед ними.

Оставшись в одиночестве, Бикс вскоре вывел машину на шоссе, ведущее к Веневу с севера. Оно было забито шедшими друг за другом машинами. В одиночном немецком танке врага никто не признал. Получив доклад Бикса, капитан Лекшат приказал ему развернуться и двигаться в город.

— Прямо как в Мценске, Бикс. Войди в город с тыла, откуда никто не ждет, — добавил командир.

Перед Pz-III появилось легкое зенитное орудие. Скрежеща гусеницами, танк переехал орудие. Расчет

бросился врассыпную. Также был вдавлен в землю станковый пулемет. Атака немецкого танка оказалась внезапной. Бикс заметил высотку впереди справа. Под высоткой был замерзший пруд, слева от которого шла дорога. Дорога была изрыта гусеницами танков, поэтому Бикс действовал внимательно. Поэтому для него не стало неожиданностью внезапное появление КВ-1 с боковой улицы, из-за одного из больших зданий. Не разобравшись, что второй танк — вражеский, КВ-1 проехал прямо перед Биксом. Командир танка даже помахал Биксу, требуя следовать за ним. Что делать? Остановиться? Открыть огонь? Развернуться?

Пока он размышлял, на холме, громыхая, появились два советских легких танка Т-38.

— Они нас узнали! — крикнул радист.

И тут первый танк заскользил по обледеневшему склону. Механик-водитель второго танка отчаянно попытался принять резко вправо, чтобы объехать лед, но и он заскользил по склону и ударился о выступ, выровнявший машину и отправивший ее по склону следом за первым танком, словно сани. Первый Т-38 пробил лед у подножия холма. Второй грохнулся на лед и попытался зацепиться, но гусеницы попросту проскальзывали. Шварц тут же развернул Pz-III. Вскоре противник уже был в прицеле наводчика. Блеснул пушечный выстрел, и снаряд угодил во вражеский танк между корпусом и башней.

— Цель поражена! — проревел Шварц, увидев пламя, вырвавшееся из подбитого танка.

Бикс крикнул наводчику:

— Наводи на второй! Быстро! Пока он не выстрелил!

Второй Т-38 разворачивался на месте. Как раз в тот момент, когда он развернулся в сторону Pz-III, он на секунду замешкался. Краузе нажал на кнопку выстрела, и снаряд ударил танк сбоку в лобовой лист. Сила

удара несколько раз развернула Т-38 на скользком льду вокруг своей оси. Теперь оба вражеских танка были выведены из строя. Но впереди все еще оставался их «старший брат». Открой он огонь, и положение станет тяжелым. Бикс с облегчением обнаружил, что КВ-1 тем временем скрылся за поворотом дороги.

— За ним! — крикнул Бикс. Пока танк набирал ход, Бикс размышлял о численности противника, которого предстоит встретить в городе. Они миновали первые дома, потом оказались на площади, вероятно, служившей рынком. Когда появился немецкий танк, советские солдаты бросились врассыпную.

— Еще тяжелые танки! — доложил Шварц, но Бикс уже и сам заметил гигантов. Как ни странно, танки не атаковали одиночную немецкую машину, а на большой скорости скрылись на боковой улице.

— Что происходит? — спросил Бикс, обращаясь отчасти к самому себе. Для советских танкистов это было нехарактерно. Обычно танки сразу бросались в атаку. Может быть, они планировали какую-нибудь хитрость? Советские танкисты явно были не робкого десятка. Они уже не раз доказали это за последние несколько недель.

— Нужно найти хорошее укрытие, — предупредил Шварц. — Здесь мы — легкая добыча. Если они подтащат противотанковую пушку, они запросто нас расстреляют.

Быстро оглядевшись, Бикс скомандовал:

— Вон за тот деревянный дом, Шварц!

Когда они подъехали к дому, Бикс убедился, что с обеих сторон их танк не видно. Сзади должна была подойти рота, а впереди у них был отличный обзор. Впрочем, с той стороны не было ничего. Чуть позже появился первый немецкий танк. Головной танк роты остановился на краю площади, а остальные заняли позиции

вдоль улицы позади него. Видимо, капитан Лекшат сначала хотел узнать, что ему сообщит дозорный танк. Бикс высунулся из башни и прислушался. Вдруг он услышал звук запускаемого танкового мотора. Потом звук мотора приблизился.

— Подъезжай к концу барака! — приказал он механику-водителю.

Шварц проехал вперед, пока не показались лобовой лист и передняя часть башни, и командир не смог оглядеться. Бикс тут же заметил тяжелый КВ-1, двигавшийся прямо на него. Бикс попытался нырнуть в люк, но зацепился за что-то курткой. В любой момент в него могли попасть.

— Бронебойный в маску пушки! — наконец ему удалось отцепиться.

Краузе среагировал мгновенно. Первый выстрел заполнил пространство между двумя танками дымом. Раздался треск второго выстрела. Со стороны КВ-1 все еще не было ни малейшего движения. Затем блеснула вспышка на конце длинного ствола пушки советского танка. Однако его наводчик стрелял вслепую, и снаряд просвистел в нескольких метрах от немецкого танка.

— Сдай назад! — приказал Бикс в переговорное устройство. Гигантский советский танк собирался их таранить.

Пытаясь забраться в башню, Бикс случайно выдернул из гнезда кабель переговорного устройства, и из-за лязга приближавшегося советского танка никто в боевом отделении его не расслышал. Не видя другого способа, Бикс вылез из люка и укрылся за башней справа, с противоположной стороны от приближавшегося КВ-1.

Из боевого отделения доносились голоса. Оставшиеся в танке понятия не имели, что происходит. Без приказа Шварц не отвел танк назад. У Бикса оставался только один вариант. Он знал, какой опасности он себя

подвергает, вылезая из-за башни, чтобы в смотровые приборы просигналить механику-водителю сдать назад. Оставались считаные секунды, поскольку вражеский танк был уже в нескольких десятках метров. Больше не было ни малейших сомнений: КВ-1 собирался таранить немецкий танк в борт! В последнее время советские танкисты нередко прибегали к этому маневру на тяжелых танках и нередко добивались успеха. В этот критический момент у Бикса мелькнула мысль: почему русские не стреляют? В любой момент он ожидал рокового выстрела. И вот он увидел сквозь пуленепробиваемое стекло смотровой щели лицо механика-водителя и дал ему сигнал двинуться назад. Шварц отреагировал молниеносно, и танк резко рванул на несколько метров назад.

В тот же миг передняя часть советского танка пронеслась метрах в двух перед Биксом и углом барака. Воздух наполнился скрежетом гусениц и смрадом выхлопных газов дизельного двигателя. Через пару секунд КВ-1 врезался в массивную каменную стену. Когда корпус танка наполовину погрузился в кирпичную стену, сверху на него обрушился весь фасад. Раздался треск, грохот, скрежет, и двигатель КВ-1 заглох. Опасный противник был остановлен. Бикс приказал наводчику выпустить два бронебойных снаряда по башне неподвижного КВ-1 метров с десяти. Оба снаряда не смогли пробить броню. Тяжело дыша, Бикс с трудом забрался обратно в люк. Он видел, что механик-водитель КВ-1 пытается задним ходом вывести машину из-под завала. Кирпичи уже начали осыпаться.

Бикс услышал вызов капитана: «Командир — Гарпуну. Мы идем!»

Первый снаряд приближавшихся немецких танков ударил в башню КВ-1. Он тоже не пробил толстую броню советского танка. Механик-водитель КВ-1 посте-

пенно начал вытаскивать огромный танк из стены. Бикс вдруг вспомнил бой за Узловую, когда они всадили несколько снарядов в ствол пушки советского танка.

— Слушай, Краузе, повтори то же, что сделал в Узловой!

Краузе ожидал этого приказа. Он повернул башню, чтобы в прицеле показалась самая толстая часть пушечного ствола КВ-1, и выпустил первый бронебойный снаряд. Через несколько секунд за ним последовал второй. В это время по КВ-1 стали попадать бронебойные снаряды других танков. Вокруг Бикса вдруг засвистели раскаленные стальные осколки, отлетавшие от бронированных бортов советского танка при попадании снарядов. Бронебойные снаряды, вгрызавшиеся в толстую броневую плиту и застревавшие в ней, откалывали от брони горячие осколки. После третьего выстрела Бикс приказал наводчику прекратить огонь. В бинокль он видел, что этот способ снова сработал. Ствол КВ-1 получил три попадания и явно был приведен в негодность.

— Теперь по ходовой! — приказал Бикс наводчику.

Краузе один за другим выпустил четыре снаряда по ходовой части КВ-1. Гигант был обездвижен.

— Русские вылезают! — доложил Шварц.

Бикс видел, как экипаж советского танка выбрался из люка и скрылся в соседних домах.

— В батальоне подумали, что нашу роту перебили, — сообщил Биксу капитан Лекшат, ответив на расспросы взволнованного командира батальона.

— При такой пальбе — неудивительно, — ответил фельдфебель. Еще несколько КВ-1 были брошены экипажами и целехонькими достались подошедшему батальону. Бикс и его экипаж долго не могли забыть сражение за Венев. Нечасто на их долю выпадали такие тяжелые бои.

Наступление танковой бригады Эбербаха продол-

жалось. Теперь танки шли на север. У дороги появились первые московские указатели. В последнюю ночь наступления танки двигались на Каширу в леденящий холод. Танковые колонны бомбила советская авиация. За ночь танки прошли всего 10 километров — глубокие колеи, оставленные советскими танками, замерзли и создавали серьезную помеху движению. Попав в такую колею, танк фактически останавливался. Пальцы траков, на морозе ставшие хрупкими, как стекло, обламывались о стенки колеи. Когда требовалось заменить трак, эту операцию приходилось проводить при сорокаградусном морозе. При попытке забить палец трака молотком во все стороны разлетались осколки стали, нередко наносившие болезненные раны.

Когда танки достигли цели — небольшого ярмарочного города, их встретил огонь советской противотанковой артиллерии. Снова в атаке участвовала машина Бикса. Он вывел из строя две противотанковые пушки и въехал в город. Советских солдат, еще удерживавших дома, в уличных боях постепенно выдавила немецкая пехота. Красноармейцы защищались отчаянно, поскольку дома были единственным убежищем от страшного мороза. Выбитому из дома грозила смерть от холода. Едва танкисты и пехота расположились по домам, как их снова подняли по тревоге: «Всем немедленно вернуться на исходные позиции!»

Капитан Лекшат понятия не имел, что это значит. Танкам оставалось пройти до Москвы всего 60 километров, а им приказывают отступить? Ни Бикс, ни его экипаж, ни танковая рота Лекшата, ни вся танковая бригада Эбербаха не могли понять смысл этого приказа.

— Конец нашей мечте, — сказал Петерман. — Наступление на Москву отменяется.

Петерман оказался прав. Никогда больше немецким танкам не удавалось подойти к советской столице так близко, как страшной зимой 1941 года.

ПЯТЬ ВРАЖЕСКИХ МИН

Фельдфебель Бикс пережил отступление декабря 1941 года, когда танки выходили из строя один за другим. Экипажи сражались в окопах плечом к плечу с пехотинцами. Бои были ожесточенными. Все страдали от холода. И все же они как-то выжили, только Петерман погиб во время ночной атаки.

35-й танковый полк был переформирован в начале 1942 года, а его 2-й батальон примерно в течение года был придан 11-й танковой дивизии. В результате танковая рота Лекшата стала 8-й ротой 15-го танкового полка. Новым командиром роты стал обер-лейтенант Шёпе. Шёпе прежде воевал на противотанковых самоходках, но быстро усваивал правила боя, принятые в его новом подразделении.

28 июня 1942 года 8-я рота снова двинулась на восток. Целью наступления был Воронеж, важный город на восточном берегу Дона. Операция «Блау», а именно такое название получила планируемая операция на окружение, так и не была осуществлена — маршал Тимошенко отказался принять бой и быстро отступил за Дон.

30 июня фельдфебель Бикс был ранен осколками в бедро, в голень и в плечо. Он остался в тылу полка, а через несколько дней вернулся в строй (тем временем наступление на Воронеж было отменено). Затем полк участвовал в боях под Жиздрой и Сухиничами. Произведенный 1 августа в оберфельдфебели Бикс участвовал в атаке под Жиздрой, командуя взводом.

Наступление началось 17 августа. Танки осторожно двигались по сельской местности. Во главе ударной группы шла машина оберфельдфебеля Бикса. Фельдфебель Шварц, тоже повышенный в звании вместе с Биксом и по-прежнему остававшийся его механи-

ком-водителем, мгновенно реагировал на каждый приказ. Бикс стоял в башне и осматривал подступы к городу.

— Не нравится мне этот склон за ручьем, — сказал он своему экипажу. — На месте русских я там бы и разместил противотанковые пушки.

Глянув в сторону, Бикс увидел танки батальона, шедшие клином. За ними двигались бронетранспортеры мотопехоты. Несколькими мгновениями позже со склона открыли огонь противотанковые пушки, а за ними и танки. Через несколько секунд весь участок фронта наполнился звуками боя. Снаряды врезались в немецкие танки. С резким грохотом взлетел на воздух бронетранспортер.

— Внимание всем! Отходить на обратный скат!

Бронированные машины отошли на 300 метров назад, туда, где они были в безопасности от снарядов советских противотанковых и танковых орудий.

Обер-лейтенант Шёпе вызвал по радио командиров взводов: «Командирам взводов явиться ко мне!»

Когда трое оберфельдфебелей подошли к машине командира роты, Шёпе сказал:

— Так, слушайте: мы двинемся с наступлением темноты. Дивизии нужен небольшой плацдарм, чтобы завтра с утра переправиться на тот берег.

— И мы идем головной ротой? — спросил штабсфельдфебель Хайн.

— Именно, Хайн. Как только стемнеет, рота двинется вперед, форсирует ручей и захватит плацдарм.

— До ручья добрых два километра, — вмешался командир 3-го взвода.

— Да. Положение критическое, — ответил командир роты. Он быстро осмотрел склон на другом берегу ручья, едва различимый в сумерках. Высоты освещали резкие вспышки выстрелов советских танковых орудий.

— Склон усеян пушками, — Шёпе обернулся к

оберфельдфебелю Биксу, нередко дававшему за последние дни повод для замечаний. — Хочешь вести головной взвод?

— С удовольствием! — ответил командир взвода.

У штабсфельдфебеля Хайна появилась идея.

— Герман, разрешишь мне в этот раз пойти с твоим взводом? — спросил он.

— Тебе лучше остаться со своими, Эрнст, — ответил Бикс.

Но штабсфельдфебель не собирался так легко сдаваться.

— Будет лучше, если я пойду с тобой.

— Не думаю, — ответил Бикс. — Если мы пойдем оба, за старших останутся оберфельдфебель Новак и пара фельдфебелей. Состав, прямо скажем, не звездный!

План атаки обсуждали во всех подробностях. Задача состояла в том, чтобы обеспечить переправу дивизии с минимальными потерями. Наконец подготовка была завершена, и Бикс вернулся к своему взводу, чтобы проинструктировать экипажи.

— Важнее всего для нас, чтобы мост остался проходимым для колесных машин. На него никому не заезжать. Иначе наверняка придется искупаться вместе с мостом! — предупредил он.

Один из танкистов сказал:

— Мы уже этого навидались. Это не первый мост, ставший для танков ловушкой.

Подошел обер-лейтенант Шёпе.

— Дело будет рискованное, — объявил он. — Но если мы с ним справимся, успех точно отнесут на наш счет.

Бикса эта сторона операции волновала мало. В чем он точно был уверен, так это в том, что мира в ближайшие дни не предвидится. Ничего хорошего от этого де-

ла Бикс не ожидал. Он снова обернулся к командиру роты:

— Я предлагаю взводу идти с жестким интервалом 100 метров. Важно сохранять полное радиомолчание — опыт показывает, что ночью радиопереговоры слышно издалека.

Лейтенант сразу согласился:

— Хорошо, Бикс! Пользоваться радио имеешь право только ты. Всем следующим за тобой танкам пользоваться радиосвязью строго запрещено.

Между тем стемнело. Экипажи уже разошлись по машинам, командиры стояли в башенных люках. Сзади Бикс, глаза которого привыкли к слабому свету, разглядел штабсфельдфебеля. Бикс помахал ему, а потом трижды поднял и опустил руку. Это был сигнал к выдвижению. Взревели двигатели. Когда головной танк прошел пятьдесят метров, двинулся с места второй. Так было нужно на случай, если первый танк попадет под обстрел. Интервал между машинами оставлял достаточную свободу движения, если потребуется уклониться. Механики-водители шли на малой скорости. На песчаной дороге звук гусениц был едва слышен.

Ехавший в головном танке оберфельдфебель приказал: «Никаких резких изменений скорости».

Шварц вел машину вперед, используя все свое мастерство механика-водителя. Из всего старого экипажа Бикса оставался только он. Биксу все казалось странным. С каждым метром они все ближе подходили к занятой противником деревне. Каждый оборот гусеницы мог привести их на вражескую мину. Советские войска любили использовать мины. В любой момент с замаскированных позиций могли открыть огонь противотанковые пушки.

Но ничего подобного не происходило. Танки без происшествий дошли до окраины деревни перед ручь-

ем. Они подъехали к дороге, которая поворачивала направо перед самым мостом и вела в деревню.

— Новак, сверни на развилке направо на несколько метров и прикрой нас со стороны деревни!

Поворачивая, Бикс заметил, что оберфельдфебель уже свернул. Из деревни мог появиться противник. Позиция Новака позволяла их отогнать. Из темноты появился силуэт моста. В свете луны он был трудно различим. Бикс узнал одну из четырех опор моста, из которых ни одна не могла выдержать вес танка. Бикс ни при каких обстоятельствах не мог допустить попытки переправы по мосту, поскольку тот бы неминуемо рухнул.

— Я поищу участок ручья с пологими берегами, — сообщил Бикс командиру.

— Удачи, Бикс!

Машина Бикса двигалась вдоль берега ручья. Как бы он хотел иметь вместо глаз рентгеновские аппараты, чтобы видеть советские мины! Он был уверен, что берег заминирован. Стоит ли ему положиться на удачу и переправиться? Это было слишком рискованно. К тому же другой берег ручья мог оказаться болотистым. Да и не слишком ли здесь круто? Для принятия решения Биксу потребовалось всего несколько секунд. Его взгляд упал на воронку от бомбы у самого берега. Здесь мин быть не могло. Более того, склоны воронки казались не слишком крутыми. Он не раз переезжал через такие воронки.

— Гарпун — командиру: я перед мостом и собираюсь через воронку спуститься в реку.

Капитан ответил: «Хорошо, так и делай! Оставляю это на твое усмотрение!»

— Отлично, Шварц! Вперед! Двигайся как можно осторожнее... без резких движений. Лучше всего обойтись без поворотов.

Бикс понимал, что, если на берегу танк заскользит,

все будет кончено. Танк медленно спускался в воронку. Казалось, он вот-вот опрокинется. Но до дна воронки машина дошла благополучно, и Шварц начал сантиметр за сантиметром выводить танк на другую сторону воронки. Траки с плеском и чавканьем врезались в грязь.

— Что скажешь, Шварц? — спросил оберфельдфебель механика-водителя.

— Посмотрим, — пробормотал тот.

— Мы выберемся или опрокинемся обратно в воронку?

— Вылезем. Гусеницы хорошо держат грунт.

Бикс облегченно вздохнул. Несколько секунд спустя лобовой лист танка появился над краем воронки. Он поднимался все выше и выше, и наконец танк перевалился вперед. Они прошли.

— Должно быть, это те позиции, на которые мы наткнулись с утра, — чуть позже сказал Бикс. — Отъезжай влево и освободи место для танков, которые пойдут за нами.

Танк медленно двинулся влево.

По радио пришел новый приказ: «Хайн, следуй за мной. Потом оберфельдфебель Райх, а за ним — оберфельдфебель Герлах. Как выберетесь наверх, освободите дорогу следующему. Новак, оставайся на развилке и продолжай нас прикрывать».

Один за другим танки с лязгом преодолели воронку. Бикс направил две машины направо, а последнюю — налево, в пару к своему танку.

— Надеюсь, иваны нас не заметили, — заметил механик-водитель.

— Они не могут нас видеть, Шварц. Позади нас высокий ольховник с пышными кронами. Он нас, так сказать, скрывает.

Мгновение спустя Бикс снова вызвал своих подчиненных: «Соблюдать радиомолчание. Быть наготове!»

Бикс изо всех сил старался услышать или увидеть хоть какие-нибудь признаки противника, но слышал лишь шум остальных машин роты, медленно следовавшей под командованием лейтенанта. Вскоре Pz-IV лейтенанта уже съезжал в воронку. Когда он преодолел половину пути, ночь разорвало множество сверкающих вспышек выстрелов. Оберфельдфебель Бикс вдруг обнаружил, что его машина находится на линии огня не менее десятка орудий. Грохот выстрелов бил по ушам. Вспышки пламени, вырывавшегося из орудийных стволов, ослепляли. Попадания снарядов оглушали экипажи танков. Снаряды рвали кроны деревьев позади танков. Вражеские орудия били поверх танков, находившихся на их берегу ручья. Бикс решил целиться по вспышкам выстрелов.

Он скомандовал остальным танкам:

— Приготовиться к бою! По моей команде! Целиться по вспышкам выстрелов!

Командиры остальных трех танков доложили, что орудия наведены на вспышки.

— Внимание всем! Огонь!

Четыре пушки и восемь пулеметов открыли огонь почти одновременно. Раздался ужасный грохот, и Бикс услышал, как где-то неподалеку рикошетировала пара снарядов. Похоже, они ударили в сталь. Вокруг свистели снаряды. Противник вдруг прекратил стрельбу. Бикс потянулся к сигнальной ракетнице, висевшей рядом. Он выстрелил осветительной ракетой в сторону склона, на котором расположились вражеские огневые позиции. В ее бледном свете метрах в двадцати-тридцати он разглядел вражеские пушки и убегавших советских солдат. Вслед орудийным расчетам потянулись желтые трассеры немецких пулеметных очередей.

С расположенной чуть дальше позиции открыло огонь еще одно орудие. Снаряды снова попали в дере-

вья. На голову обер-лейтенанту Шёпфу посыпались ветки. Раздался раскатистый гром, и последнее вражеское орудие замолкло. Вскоре из тыла поступил приказ: «Взводу идти вперед и освободить место для переправляющихся!» Четыре танка двинулись вперед, к позициям вражеских пушек. Напряжение последнего часа быстро улетучилось. Когда Pz-IV перебрался через воронку и подъехал к машине обер-фельдфебеля, обер-лейтенант Шёпф крикнул:

— Господи, Бикс, ну и выдержка!

— Просто повезло, — ответил Бикс.

Плацдарм для дивизии был захвачен. Бикс со своим взводом сыграл решающую роль в преодолении советской противотанковой обороны, которую днем раньше не смог преодолеть целый батальон. Ночью четырем танкам взвода Бикса это удалось без посторонней помощи.

На следующий день Бикс со своим Pz-IV вошел в Жиздринский лес. Углубившись в лес на несколько сот метров, танк подорвался на мине. Раздался громкий взрыв, и Шварц доложил, что танк потерял управление. Все вылезли на починку гусеницы. Через полчаса машина командира взвода двинулась следом за своим взводом и нагнала его как раз вовремя, чтобы участвовать в бою с огневой точкой противника на дальней стороне леса. В течение следующих двух дней танк Бикса еще дважды подрывался на минах. На третьей мине фельдфебель Шварц потерял ногу, радист был ранен в руку. Бикса, как ни странно, даже не задело.

Удача, наконец, оставила Бикса 22 августа. Один из моторизованных батальонов дивизии был прижат к земле в Жиздринском лесу. Окруженный советскими частями, батальон запросил помощи.

Командир роты вызвал Бикса: «Бикс, есть работа для твоего взвода».

Во взводе еще оставалось три боеспособных танка. Вскоре после того, как они двинулись в путь, их обстреляли несколько замаскированных Т-34. Танки разделились и открыли ответный огонь. Pz-IV были вооружены новым длинноствольным 75-мм орудием, способным пробить броню любого вражеского танка. Обер- фельдфебель Райх уничтожил два Т-34. Третий был подбит оберфельдфебелем Герлахом. Путь был свободен.

— Жми вперед! — приказал Бикс.

Машина понеслась вперед, застряла в густом подлеске, потом вырвалась из него. Танки вышли к дороге, пересекавшей лес. По броне щелкали пули противотанковых ружей.

— Заряжай осколочно-фугасный!

Появилась группа советских солдат. Снаряды рвались в кустах, в воздухе кружились растерзанные ветки. Танковые пулеметы рокотали безостановочно. Противник снова скрылся в лесу. Вскоре Бикс заметил поляну, на которой был окружен батальон. Вдруг танк содрогнулся от мощного удара. Сдавило легкие. В тот же миг Бикс почувствовал, как ноги обожгло болью.

Танк остановился. Пятая мина пробила дыру в корпусе и разорвала гусеницы. Товарищи извлекли тяжело раненного оберфельдфебеля из машины и отнесли его на перевязочный пункт.

Через несколько дней Бикс простился с товарищами, которых ему уже никогда не суждено было увидеть. В конце концов Бикс оказался в военном госпитале в Германии. Получив после выписки отпуск, Бикс приехал домой, где узнал от матери, что в России погиб его брат. Чуть позднее он получил телеграмму о том, что 5 ноября 1942 года он был награжден Золотым Германским Крестом. Медосмотр показал, что потребуется время, прежде чем Бикс сможет вернуться на фронт.

«Пантера»

В результате он был направлен в училище унтер-офицерского состава, где стал командиром взвода и инструктором. После работы в училище он был направлен во Францию, в учебный батальон, где переучивался на новый танк — «пантеру». Благодаря 75-мм пушке L-70 и большой скорости «пантера» стала лучшим немецким танком того времени. Несмотря на хорошее бронирование, она была быстрее, чем Pz-IV, которыми Биксу доводилось командовать прежде.

В июне 1944 года оберфельдфебель Бикс вместе с товарищами отправился на новых танках на Восточный фронт. Они выгрузились в районе Слуцк — Барановичи и направились в расположение 1-го батальона 35-го танкового полка, который вел тяжелые оборонительные бои на этом направлении. Наконец-то Бикс вернулся в родной полк.

ТАНКОВЫЕ БОИ НА ВАРШАВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Небольшая станция была атакована советскими бомбардировщиками и полностью разрушена незадолго до того, как к ней подошли эшелоны. Погрузочных аппарелей не было.

— Нужно сразу разворачиваться вправо и съезжать с платформ в ту сторону, — предложил оберфельдфебель Бикс молодому офицеру-баварцу.

— Проклятие! — офицер почесал затылок. — Ладно. Поворачивайте направо прямо на платформе и съезжайте по центру, пока до нас не добрался огонь.

Языки пламени уже вырывались из зданий станции. «Пантеры» разворачивались и съезжали с платформ. На улице они выстроились и двинулись за город, чтобы побыстрее отойти от станции. С минуты на минуту можно было ждать нового налета. Для того чтобы построиться и выступить в направлении своего района боевых действий, танкам понадобилось каких-то десять минут.

Они прибыли в 1-й батальон, которому предстояло суровое испытание. Через несколько часов Бикс узнал, какая опасность им угрожает. Советские войска атаковали 34 немецкие дивизии, которыми располагал на этом направлении фельдмаршал Буш, силами 200 дивизий с 6000 танков и самоходных орудий. Наступление поддерживали тысячи самолетов различных типов из состава пяти советских воздушных армий.

4-я танковая дивизия вела сдерживающие действия западнее Слуцка, между Столбцами и Барановичами. Это все, что было в ее силах. Севернее была 12-я танковая дивизия, а южнее — 28-я егерская дивизия. 29 июня советские войска заняли Бобруйск. Из 100 тысяч находившихся там немецких солдат удалось спасти лишь

30 тысяч. Район Столбцов необходимо было удержать любой ценой, чтобы сохранить переправы через Березину для 4-й армии, все еще остававшейся на восточном берегу реки. 5 июля 1944 года генерал Фёлькерс отдал приказ 4-й армии прорываться на запад. Слуцк был занят советскими войсками еще 1 июля. Советские танковые клинья были уже в тридцати километрах восточнее Барановичей. 4-й танковой дивизии было приказано до последней возможности сдерживать советские войска восточнее Барановичей.

1-й батальон двигался на восток тремя ударными группами. Первой шла танковая рота Гольдхаммера, и во главе нее шел взвод оберфельдфебеля Бикса. Повернувшись в открытом башенном люке, Бикс увидел тщедушную фигурку лейтенанта Гёрума. Лейтенант помахал ему рукой и жестом показал вперед. Из-за высоких деревьев показались деревенские избы.

— Вон деревня, Бикс, — сообщил по радио обер-лейтенант Гольдхаммер.

— Будем надеяться, наши еще там, — ответил Бикс.

Они направились в сторону деревни и вышли к ручью. Пехота окопалась на ближнем берегу ручья. Несколько человек все еще рыли окопы. Метрах в четырехстах справа Бикс заметил 75-мм противотанковую пушку.

— Ну и где тут мост, который я должен охранять? — спросил лейтенант Гёрум.

— Я его не вижу! — ответил командир.

Пехотный обер-лейтенант подбежал к «пантере» Бикса.

— Где мост? — спросил Бикс.

— Вы слишком сильно взяли влево. Он там! — обер-лейтенант ткнул рукой в направлении, в котором они должны были ехать. Бикс передал информацию

лейтенанту Гёруму, использовав в качестве ориентира пару ив, росших около моста.

— Как у вас дела? — спросил Бикс у пехотного офицера.

— Хуже некуда! Русские на другом берегу ручья и держат наши позиции под обстрелом. У меня тяжелые потери от минометного и пулеметного огня.

— Вы засекли их огневые позиции? — спросил командир танка.

— Естественно! Если бы у вас нашлось несколько минут, вы могли бы с ними разделаться.

— Я могу это устроить, — ответил Бикс. — Введите меня в курс дела.

Командир роты был вне себя от радости:

— Это было бы просто замечательно! Следуйте за мной на командный пункт!

Пока ефрейтор Вильрих вел «пантеру» следом за пехотным офицером, Бикс связался с командиром роты.

— Мост передо мной, чуть справа. Гёрум ушел слишком далеко вправо.

— Гёрум докладывает о перестрелке. Ведет бой с противотанковой артиллерией. Возьмите на себя мост, Бикс!

Тем временем танк подъехал к командному пункту пехотинцев. На западном берегу ручья рвались минометные мины. Пара пулеметов била по немецким пехотинцам длинными очередями. Бикс наблюдал за противником в полевой бинокль. Обер-лейтенант указал первую цель:

— В километре от нас — небольшой просвет левее круглого куста. Вражеское противотанковое орудие.

Бикс осмотрел указанный участок в бинокль. Тут же он заметил вспышку выстрела.

— Ты засек его, Хенеман?

Наводчик уже взял противника на прицел. Грохнул

выстрел, и «пантера» слегка вздрогнула от отдачи. Осколочно-фугасный снаряд взорвался прямо на позиции вражеского орудия. В воздухе закружились куски стали и дерева.

— Попали! — радостно крикнул обер-лейтенант. — Теперь тяжелый пулемет, простреливающий правый сектор.

Следующий осколочно-фугасный снаряд поразил пулеметную точку. В воздух взлетело колесо от пулеметного станка. На подавление всех огневых точек противника перед деревней у Бикса ушло ровно шесть минут.

«Командир — Биксу: Следуйте прямо к мосту!» — приказал обер-лейтенант Гольдхаммер. Сам он уже вступил там в бой вместе с остальной ротой.

— Едем, Вильрих. Вправо на сорок пять градусов и вперед.

Через сто метров показался мост. Биксу пришлось высунуться из люка, чтобы как следует его рассмотреть. Выдержит ли он «пантеру»? Судя по виду, должен.

— Осторожно переезжай на ту сторону! — приказал он.

Доски прогнулись под весом «пантеры», но выдержали. За мостом дорога слегка поворачивала. Слева и справа расстилались пшеничные поля. Вдруг прямо за танком появился обер-лейтенант с группой пехотинцев.

— Держитесь чуть позади! — крикнул им Бикс. — Если по нам будут стрелять, для вас это будет очень опасно!

Едва он успел это произнести, как открыли огонь противотанковые пушки. Раздался оглушительный грохот, и через считаные секунды Вильрих доложил, что «пантера» потеряла управление. Похоже было, что снаряд противотанковой пушки перебил обе гусеницы. Вскоре по ним открыли огонь и минометы. Мины рвались повсюду, оставляя на пшеничных полях черные

пятна. Одна из мин взорвалась прямо рядом с отпрыгнувшим в сторону пехотным обер-лейтенантом. Когда дым рассеялся, Бикс увидел, что лейтенант убит.

— Огонь! — крикнул Бикс наводчику.

— Куда? — спросил в ответ наводчик. — Я не вижу вспышек выстрелов.

— Не важно, куда. Просто стреляй!

Неподвижную «пантеру» один за другим потрясли несколько попаданий. В любой момент прямым попаданием снаряд мог пробить какое-нибудь уязвимое место, и тогда им конец. Вильрих попытался двинуть танк вперед. Только тут стало ясно, что дело не в гусеницах, а в поврежденном опорном катке. «Пантера» пришла в движение. Гусеницы проворачивались с ужасающим лязгом и треском, но танк двигался. Снаряд угодил в башню. Разнесся звон, словно ударили в огромный колокол. Танк содрогнулся, словно от страшной боли. Вдруг танкисты снова вышли на участок с хорошим обзором и заметили вспышку выстрела противотанковой пушки, стрелявшей из деревни примерно в километре от них. Почти в тот же миг Бикс обнаружил левее, метрах в тридцати, на свежескошенном поле, противотанковую пушку. За ней стояло еще несколько орудий.

— Осколочно-фугасный! — крикнул он.

Хенеман и Крюгер работали как черти. Первый снаряд разорвался в поле. Маскировку советских орудий постепенно срывало взрывной волной. Три снаряда поразили вражеские позиции, за ними последовал четвертый. Советские артиллеристы оставили пушки и бросились врассыпную. Внезапная танковая атака обратила их в бегство. Нелегко было биться лицом к лицу с бронированным гигантом на малой дистанции. Последние фигуры бегущих скрылись в высокой пшенице, тянувшейся до самой деревни.

«Бикс — командиру: Нахожусь восточнее моста. Вражеская противотанковая артиллерия подавлена!»

— Мы идем! — ответил обер-лейтенант Гольдхаммер.

Танки роты вскоре подошли, миновав мост, и остановились метрах в пятидесяти от «пантеры» обер-фельдфебеля. Бикс приказал механику-водителю загнать танк в овраг в нескольких десятках метров позади.

— Выходим! — распорядился он.

Только теперь экипаж увидел, что пришлось выдержать их «пантере». Герман Бикс насчитал не менее семнадцати попаданий.

— Ну и дела! — удивился радист Дедекинд. — Похоже, машине кранты.

— Мне нужен новый танк, — доложил Бикс, когда появился низкорослый баварец.

— Хорошо. Возьми машину Кордеса.

После того как Бикс и его экипаж сменили машину, от обер-лейтенанта Гольдхаммера поступил ожидаемый приказ: «Атакуем деревню. Если удастся ее занять, будет легче удержаться на ручье».

Двенадцать танков роты на большой скорости двинулись к деревне. Первые же снаряды противотанковых пушек противника показали, что все не так уж и просто. Двенадцать танковых орудий открыли огонь по врагу. Запылали первые дома, и вскоре «пантеры» с ревом неслись по центральной улице, стреляя в обе стороны. Сопротивление было быстро сломлено. Гольдхаммер доложил об этом в батальон и получил приказ закрепиться в деревне. «Пантеры» расположились вокруг деревни, а их экипажи всю ночь по очереди стояли на часах. Тем временем обер-лейтенант Гольдхаммер установил контакт с подошедшим батальоном, занявшим позиции позади головной роты.

На рассвете на оба фланга роты Гольдхаммера обрушился шквал огня из танковых орудий.

— Кроме нас, есть еще и другие танки, — заявил Хенеман.

— Но они далеко позади, — ответил Крюгер, озабоченно качая головой. — Если иваны прорвутся, мы здесь окажемся в полной заднице.

Спустя час кошмар обер-ефрейтора стал реальностью. Запросив указания, обер-лейтенант Гольдхаммер получил приказ отступать. Особую важность имела последняя фраза приказа: «Русские танки вышли на западный берег ручья. Вам придется прорываться через их фронт». Чуть позже Гольдхаммер сообщил командирам взводов: «Мы в ловушке».

Лейтенант Гёрум начал ругаться на баварском диалекте. Обер-лейтенанта Гольдхаммера так и подмывало к нему присоединиться, но он заставил себя сохранить спокойствие.

— Командир, про мост можно забыть. Как нам переправляться через этот чертов ручей? — вмешался оберфельдфебель Шратте.

Советская артиллерия открыла огонь по деревне. В деревне творился ад. Вспыхивали новые пожары. Среди изб рвались мины. Несколько минут невозможно было расслышать ни слова, потом стало чуть тише. Военный совет закончил обер-лейтенант Гольдхаммер: «Будем пробиваться через русские позиции на несколько километров в сторону. Все движемся на предельной скорости. В бой не ввязываться. Держаться вместе несмотря ни на что и избегать поломок. На этот раз впереди пойдет взвод Гёрума».

Танковая рота пришла в движение. Танки шли с закрытыми люками. Бикс видел рвущиеся справа и слева снаряды. Комья земли, камни и стальные осколки колотили по бортам «пантеры». Когда обер-лейтенант

Гёрум достиг окраины деревни, огонь противника усилился. По радио донесся голос обер-лейтенанта Гольдхаммера: «Больше скорость! Держаться вместе!»

Танки набирали ход. Ефрейтор Вильрих переключал передачи. Спидометр показывал тридцать километров в час... тридцать пять... сорок. Вильрих заметил на пути танка окоп. «Осторожно!» — крикнул он. Танкисты изо всех сил ухватились за что попало. Танк накренился на бок, скрежеща всеми стыками. Наводчика ударило о борт.

Справа открыл огонь «шерман». Американские танки, конвоями доставлявшиеся в Мурманск, уже достаточно давно участвовали в боевых действиях на Восточном фронте. Бикс увидел, как машина лейтенанта Гёрума вышла из колонны и остановилась. Через несколько секунд, пропустив два танка, лейтенант открыл огонь. Первый же снаряд сорвал с «шермана» башню. Почти сразу же танк Гёрума снова двинулся с места, быстро нагнал остальных по обочине и занял свое место в голове колонны.

Сильный удар потряс «пантеру» Бикса, но снаряд броню не пробил. Спустя несколько мгновений снова был слышен лишь грохот и рев. С опушки леса советская пехота вела по проезжавшим мимо танкам огонь из пулеметов и автоматов. Затея была совершенно безнадежная — едва ли пули были способны причинить хоть какой-то вред «пантерам».

Танки шли параллельно линии фронта. Впереди показалась деревня. Поступил приказ: «Прямо через деревню! На полной скорости!»

«Пантеры» сомкнули строй и понеслись к деревне на скорости 50 километров в час. Советские солдаты метались по улице, ища укрытие от надвигавшихся бронированных машин. Это была безумная гонка. Танки пронеслись сквозь вражеские позиции, словно не-

управляемый поезд. Противник, похоже, и не подозревал, что в этом районе еще могут оставаться немецкие танки. Появление «пантер» было для них настолько неожиданным, что они не успели ничего предпринять против танков. Машина Бикса, ревя двигателем, неслась следом за передней «пантерой». Из выхлопных труб вырывались длинные языки пламени; из-под гусениц клубились густые облака пыли. Под жарким летним солнцем температура внутри танка подскочила выше пятидесяти градусов.

Столбы огня одновременно вырвались из стволов орудий, расположившихся в поле у деревни по правую и левую руку от дороги. Лейтенант Гольхаммер вызвал командиров танков: «Пушки на девяносто градусов справа и слева! Огонь с хода! Не останавливаться!» Бронированные башни начали поворачиваться. Башня машины, шедшей впереди Бикса, повернулась влево, поэтому оберфельдфебель приказал развернуть башню «пантеры» вправо. Танки вели огонь осколочно-фугасными снарядами. Останавливаться было бы самоубийством.

Заряжающий Крюгер подавал снаряды. Наводчик Хенеман целился и стрелял. Он видел, что снаряды ложились в цель. В поле прогремел мощный взрыв — взлетел на воздух боекомплект противотанкового орудия. Противник отвечал на огонь немцев. «Пантера» оберфельдфебеля содрогалась от мощных ударов, но продолжала двигаться вперед. Бронебойный снаряд ударил в броню, высек сноп искр, часть из которых затянуло в боевое отделение, отскочил и с ревом улетел в сторону.

Советские противотанковые орудия стояли практически колесо к колесу. Пробиться через линию фронта здесь было невозможно. Но внезапный рывок немецких танков параллельно полосе противотанковой обороны в каких-то пятидесяти-шестидесяти метрах не давал советским артиллеристам как следует прицелиться.

Движение «пантер» было настолько стремительным, что у них не было времени даже толком разобраться, что происходит.

Для немцев это была адская гонка. Бикс с минуты на минуту ожидал, что наступит конец. Снаряды со свистом проносились перед его смотровой щелью и врезались в броню впереди идущего танка. Выглядело это так, словно над танками бушевала гроза. Уклоняться от снарядов маневром было невозможно. Им оставалось лишь ехать вперед. Наконец длинный пояс противотанковой обороны закончился.

Все прочие звуки тонули в оглушительном грохоте боя, реве двигателей и лязге гусениц. Лишь один раз его прорезал голос обер-лейтенанта Гольдхаммера, вызывавшего своих подчиненных: «Бегом! Бегом! Еще 100 метров!» — мрачновато подшучивал Гольдхаммер.

Мотопехота, занимавшая участок фронта в добрых трех километрах к западу, вслушивалась в звуки стрельбы, задаваясь вопросом: что там происходит? Те немногие, кто знал, что где-то там оставалась немецкая танковая рота, были уверены, что шансов на прорыв у танкистов почти нет. Когда шум боя затих, они посчитали, что от немецких танков на поле боя остались лишь обломки.

Когда головной танк достиг нужной точки, Гольдхаммер скомандовал: «Влево!»

Немецкие танки развернулись влево и двинулись к немецким окопам. Военный корреспондент Роберт Пенсген, находившийся вместе с пехотой в передовых окопах, описал появление танков:

«Вдруг в передних окопах заметили вдалеке выезжающий из занятой противником деревни танк, за которым клубилось огромное облако пыли. За ним появился вто-

рой. Потом — третий... четвертый. Их становилось все больше и больше. Один за другим они на большой скорости приближались к линии фронта.

От окопа к окопу понеслось: «Русские атакуют танками! — Танки на передовую! — Самоходки на передовую!» Готовили к стрельбе противотанковое оружие ближнего боя. Вдруг лейтенант, наблюдавший за атакующими в бинокль, крикнул: «Это «пантеры»!» Он вскочил, размахивая кепи. Первый танк повернул и направился прямо к нему. Момент для лейтенанта был не из приятных. А вдруг в танке русские?

Но вот над башней головного танка взвилась сигнальная ракета. Потом появилась черная пилотка командира. Из люков показались командиры и остальных танков.

Первый танк остановился. К нему подъезжали остальные. Распахнулся люк последней машины. Танкисты щурились на ярком солнце. Измотанные, они вылезали со своих мест, хватая ртом воздух. Потом они закурили и, шагая на полусогнутых ногах, словно матросы, стали обходить свои машины, осматривая многочисленные вмятины на башнях, бортах и на кормовых частях. Танкисты оборачивались в сторону пылавшей деревни. Они были преисполнены радости, счастья, что им удалось уцелеть, несмотря на огромную опасность».

На этом отчет Пенсгена заканчивается. Остается добавить, что за время прорыва рота не потеряла ни одного танка. Когда Герман Бикс увидел следы попаданий на своей «пантере», он удивился, что машина вообще могла еще двигаться.

«С таким танком нам ничто не грозит!» — сказал он, и четверо товарищей, деливших с ним замкнутое про-

странство стальной коробки, были с ним полностью согласны.

4-я танковая дивизия постепенно отходила. Отступление набирало ход. За пять недель Красная Армия продвинулась на 700 километров. Молниеносное наступление десятикратно превосходящих в численности советских сил уничтожило группу армий «Центр». Из тридцати восьми немецких дивизий двадцать восемь были разгромлены. Отвага отдельных солдат и боевой дух танковых частей были бессильны против лавины машин и людей, брошенной в бой советским командованием.

Наступление двигалось на запад паровым катком. Триста пятьдесят тысяч солдат группы армий «Центр» сгинули на поле боя. По советским данным, потери немцев составили 200 тысяч человек убитыми и 85 тысяч — пленными. В ответ на обвинения в трусости, нередко звучащие в адрес генералов, можно лишь отметить, что из сорока семи генералов, принимавших участие в боях в качестве командиров соединений от дивизии и выше, не менее тридцати одного были убиты или попали в плен.

В пригородах Варшавы танки 4-й танковой дивизии вновь приняли бой. Экипажи «тигров» и «пантер» бились в грандиозном танковом сражении. Оберфельдфебелю Биксу и его людям противостояли намного превосходящие силы советских танков. Немало советских танков пали жертвами дальнобойных танковых орудий. С вступлением в бой 19-й танковой дивизии советские войска были отбиты. Однако из советского тыла уже подтягивались свежие части. Тем не менее 4-й танковой дивизии внезапным ударом удалось овладеть мостом через Буг в районе Вышкова. В результате этого контрудара танкам удалось вклиниться на северном фланге советского танкового корпуса, пытавшегося обойти с севера XXXIX армейский корпус.

Вальтер Грохе, командир 1-го батальона 35-го танкового полка осенью 1944 года.

Вскоре XXXIX армейский корпус (генерал- лейтенанта фон Заукена) был передан группе армий «Север» (генерала Шёрнера). Ему было поручено заткнуть разрыв, образовавшийся между войсками Шёрнера и Раусса. Для оберфельдфебеля Бикса началась танковая война, которая ему и во сне не снилась.

Было 18 августа, и самые тяжелые бои в новой зоне ответственности для батальона и его «пантер» уже миновали. 4-я танковая дивизия не сумела выполнить задачу и выйти к Митаве и располагалась в районе Шагаррена. В этот день 1-й батальон 35-го танкового полка получил приказ атаковать и отбросить советские войска, вклинившиеся на этом направлении. Первым в строю роты шел обер- фельдфебель Бикс. Ему, как самому опытному командиру, обер-лейтенант Гольдхаммер поручил возглавить строй роты и обнаружить удобное место для прорыва советской обороны. Артиллерия противника открыла огонь.

— Закрыть люки! Приготовиться к бою! — скомандовал Бикс.

Командиры скрылись в башнях. Наводчики доложили о готовности орудий. В стереотрубу Бикс заметил вспышку выстрела советской «*ратш-бум*».

— Вражеское орудие. Дистанция восемь-ноль-ноль. Огонь по готовности.

Хенеман выпустил первый снаряд. Вражеский снаряд попал в башню и с воем ушел вверх. Второй снаряд ударил в землю правее «пантеры». Боевое отделение наполнилось дымом и отблесками пламени.

— Вперед, Вильрих! Вперед!

Водитель переключил передачу. Танк двинулся, но вдруг раздался треск и скрежет ломавшихся шестеренок редуктора, «пантера» вздрогнула и остановилась.

— Редуктор разбит! — испуганно крикнул Вильрих.

Танк Бикса лишился хода прямо перед основной линией советской обороны. Остальные танки шли вперед и вступали в бой, пытаясь прикрыть подбитую машину.

— Огонь, Хенеман! — приказал Бикс.

Обер-ефрейтор прицелился в противотанковую пушку. Второй снаряд заставил вражеское орудие умолкнуть. В бой тут же вступили другие. Еще два снаряда ударили в «пантеру», толкнув ее назад. Гул от попадания снарядов стоял невыносимый, но броню они не пробили. Пулеметы танка открыли огонь по группе советских солдат, приближавшихся к «пантере». Вдруг раздался страшный грохот. Все произошло мгновенно. Шальной снаряд пробил крышку люка над местом радиста. Снаряд отскочил вниз рикошетом от маски пушки, но сохранил достаточную энергию, чтобы пробить люк. Кусок стали, вырванный из крышки люка, снес Дедекинду руку. Зрелище было ужасное.

— Покинуть машину! Вперед! И помогите раненому!

Вместе они вытащили тяжело раненного радиста. Им удалось почти невозможное: несмотря на огонь противника, они благополучно вылезли из танка и укрылись в воронке. Пока Хенеман и Крюгер накладыва-

ли повязку, чтобы остановить обильное кровотечение, Бикс пытался позвать на помощь. Он никогда не бросал товарища в тяжелом положении, даже если покинуть относительно безопасное укрытие было, как в этом случае, равносильно самоубийству.

С советской стороны видели, как экипаж покидал танк, и не менее десяти минометов вели огонь в их направлении. Кашляющие звуки минометных выстрелов, треск взрывов и вой падающих мин, мешаясь с громом выстрелов танковых орудий и советских противотанковых пушек, создавали адскую какофонию.

Герман Бикс вскочил. Нужно было найти санитара. Едва он успел пробежать метра три, как вокруг с воем начали падать мины. Он бросился на землю, но, уже падая, понял, что опоздал. Мины легли в нескольких метрах от него. Грохот взрывов едва не оглушил Бикса. В тот же миг бок и бедро обожгла боль. В голове мелькнула мысль: конец! Но жажда жизни все же взяла верх. Он не мог и не собирался сдаваться. Его товарищи вызвали санитаров. К счастью, атака немецких танков увенчалась успехом, и советские войска оставили выступ. Бикс и радист Дедекинд были отправлены в тыл и доставлены в санчасть. Там из тела Бикса извлекли осколки, и вместе с Дедекиндом его погрузили в санитарный поезд, шедший в Германию. В госпитале Бикс получил серебряный знак за ранение и знак «За танковую атаку» 2-го класса. Шли недели. Бикс был рад снова оказаться дома, в мирной обстановке, где не нужно ежедневно и ежечасно быть готовым к бою — и к гибели.

Однако вскоре, даже не залечив до конца раны, он вернулся на фронт. Прибыв в Гробин под Либавой, он тут же принял в расположенной здесь ремонтной мастерской дивизии отремонтированную «пантеру» с экипажем. Вместе с четырьмя новыми товарищами он на-

правился на участок Шрунден — Преекульн, где вел тяжелые бои его батальон. Он прибыл как раз к началу первой битвы за Курляндию.

ТАНКИ! ТАНКИ! ТАНКИ!

Первую битву за Курляндию открыла 27 октября 1944 года советская артподготовка, начавшаяся в 6.30 утра. Две тысячи орудий различных калибров открыли огонь по всему фронту от Преекульна до реки Венты. Затем под прикрытием этого мощного огневого вала, постепенно сдвигавшегося к северу, в наступление перешли советские танки и пехота. Основной удар был направлен против 30-й пехотной дивизии, но вскоре были атакованы и 4-я и 14-я танковые дивизии. Так складывалась обстановка, когда Бикс прибыл в Гробин.

— Вот ваша лошадка, Бикс. Только что подготовили, — сказал мастер ремонтного цеха, указывая на «пантеру», в которую только что погрузили боекомплект. Оберфельдфебель кивнул. Он обошел танк, внимательно его осматривая.

— А экипаж? — наконец спросил он.

— Можете выбирать сами, Бикс, — ответил распоряжавшийся здесь капитан Фёлкман.

— Хорошо. Я хотел бы выехать через полчаса. Я хотел бы видеть людей.

Вскоре Бикса окружили танкисты, ожидавшие нового назначения, и оберфельдфебель отобрал нескольких из них. Затем они залезли в «пантеру», и танк двинулся в направлении между Шрунденом и Преекульном. Где-то там находился участок батальона. Бикс просил указать направление. Вскоре он услышал шум боя. Уже у самого расположения своей роты Бикс услышал голос товарища, просившего о помощи.

— Оберфельдфебель Боркман окружен русскими танками, — сказал он своему экипажу. — Мы ему поможем!

— Где вы, Боркман? Мы идем!

Оберфельдфебель ответил:

— Мы посреди леса у Валдени. Два танка застряли в глубоком овраге.

— Укажите точное местонахождение, Боркман! — попросил Бикс. Наконец он получил нужную информацию.

Бикс обернулся к механику-водителю, опытному танкисту:

— Иди так, как показано на карте, Шэдельбауэр!

Они двинулись вперед. Рота еще не знала о возвращении Бикса, хотя он уже находился посреди ее позиций. «Пантера» шла проселочными дорогами и мелкими лощинами. Стемнело, но Бикс не останавливался: усилившиеся радиопереговоры подсказывали ему, что он уже очень близко к попавшим в ловушку товарищам.

— Продолжай движение, но сбавь скорость! — приказал он обер-ефрейтору.

Шэдельбауэр вел танк через поле к кромке леса, черневшего перед ними.

Они остановились, и Бикс прислушался.

— Должно быть, они там, — сказал он. — Похоже на пулеметную стрельбу.

— Да, это точно иваны палят, — подтвердил наводчик Крук.

— Вперед! — приказал Бикс.

«Пантера» снова двинулась вдоль проселка в сторону леса и вскоре вышла к оврагу, в который угодили их товарищи.

— Огонь по пулеметам! Мы вытащим вас по одному.

Пулеметная очередь заставила Бикса юркнуть в башню.

— Дай несколько очередей в том направлении, Бергхаус, — приказал он радисту.

Обер-ефрейтор Бергхаус прицелился по вспышкам выстрелов на другой стороне оврага и нажал на спусковой крючок. Следы трассеров прорезали темноту и исчезли на дальнем склоне. Следующая очередь совпала с очередью «Максима». Бергхаус слегка поправил прицел и снова открыл огонь. Над позицией противника блеснула яркая вспышка, грохнул взрыв, и «Максим» умолк.

— Отлично, Бергхаус!

Оберфельдфебель Боркман и его наводчик попытались закрепить буксирный трос, пока радисты его и второго танка помогали огнем Бергхаусу, пытаясь отбросить советских солдат от края оврага. Шэдельбауэр медленно сдал назад. Трос натянулся, дрожа, словно струна, но выдержал. Шэдельбауэр осторожно выжал педаль газа и метр за метром потянул другую «пантеру» вверх по склону. Прошло больше получаса, прежде чем «пантера» оберфельдфебеля Боркмана достигла края оврага. Вторую машину удалось вытащить чуть быстрее.

Вся операция заняла час. Три «пантеры» поднялись на проселок. Машина Бикса шла последней, развернувшись в сторону противника. Вдруг Бикс заметил мерцание трассирующего снаряда, несущегося прямо на него. Он хотел было укрыться, но времени уже не было. Раздался взрыв советского фугасного снаряда. Перед лицом блеснула вспышка, едва не ослепившая Бикса. Инстинктивно он закрыл глаза. Удивительно, но Бикс не пострадал. В ярости он подумал: ловкая работа!

Бикс приказал механику-водителю:

— Вперед, Шэдельбауэр! Нужно убираться из леса, пока русские на нас не набросились.

— Я быстрее не могу. Машина повреждена после падения в овраг, — отозвался оберфельдфебель.

Позади машины Бикса, к которому уже частично вернулось зрение, появилась пара советских солдат. Он приказал наводчику открыть огонь. Развернув орудие назад, наводчик выпустил по советским солдатам несколько осколочно-фугасных снарядов, и они скрылись в лесу и больше не появлялись. Из леса танкам удалось выбраться лишь к рассвету.

Переведя дух, оберфельдфебель Боркман сказал:

— Самое время сказать тебе спасибо, Герман.

— Не за что. А вот мне самое время доложить командиру роты о прибытии.

Бикс дал сигнал продолжать путь. Он не любил быть в центре внимания и чувствовал некоторую неловкость при мысли о похвалах. Вскоре Бикс доложил о своем прибытии из Германии. Обер-лейтенант Гольдхаммер был рад, что опытный взводный вернулся в роту.

— Немедленно ко мне, Бикс! — приказал по радио баварец.

И в этот миг закричал наводчик Крук:

— Иваны выходят из леса!

Оглянувшись в сторону опушки леса, Бикс доложил:

— Я должен остаться здесь, пока не будет отбита атака русских.

— Хорошо, действуй! Удачи, Бикс!

— Танки! — доложил фельдфебель Мюнделяйн, командовавший третьей «пантерой».

Справа, метрах в восьмистах, из леса появилась группа Т-34. Рядом, чуть позади них держались несколько

сверхтяжелых танков «Иосиф Сталин». Один из гигантов направился прямо к «пантере» Бикса.

— Сначала большого, Крук! — крикнул Бикс.

Наводчик развернул длинноствольное орудие. В прицеле появился силуэт советского гиганта. Крук нажал кнопку выстрела. «Пантера» вздрогнула от отдачи, и в сторону противника устремился бронебойный снаряд. В мозгу Бикса мелькнула мысль: «Ну вот, только вернулся — и сразу получу по новой!» Но потом он понял, что этот совершенно не знакомый ему экипаж работал очень неплохо. Второй снаряд Крука угодил между корпусом и башней ИСа. Пушка тяжелого танка опустилась к земле. Следующий снаряд пробил броню ИСа. Из открытого люка вырвалось пламя, и советский танк взорвался с оглушительным грохотом.

Остальные две «пантеры» вели бой с «тридцатьчетверками». Уже четыре советские машины были уничтожены, а остальные повернули и несколько секунд ехали параллельно трем «пантерам». Крук развернул башню. В прицеле появился первый Т-34, и Крук выстрелил. В задней части Т-34 поднялся высокий столб огня. Танк остановился. Экипаж попытался покинуть горящую машину, но в этот момент взорвалось топливо. Экипаж советского танка встретил ужасную смерть.

Бикс, принявший командование, приказал:

— Сменить позицию влево!

Все три «пантеры» повернулись, съехали в неглубокую низинку и укрылись в кустах.

— Подпустим их на 500 метров. Когда подойдут, откроем огонь. Но только все вместе!

Они выжидали. Судя по шуму, советские танки перегруппировывались.

— Вот они! — вызвал по радио своих товарищей Бикс. Но пока они не видели Т-34, поскольку находились в мертвой зоне. Бикс приказал наводчику:

— Возьмешь крайнего справа.

Крук повернул орудие в сторону флангового Т-34.

— Вижу их, Бикс! — доложил Боркман.

Через несколько секунд доложил фельдфебель:

— Я тоже их вижу.

— Пусть подойдут поближе! — предупредил Бикс.

Они отчетливо видели советские танки. Когда противник вышел на середину открытого поля, оберфельдфебель прочистил горло. Потом в наушниках командиров других танков четко прозвучала его команда: «Огонь!» Первый снаряд Крука сорвал правый передний опорный каток одного из вражеских танков. Т-34 резко развернулся на месте и выстрелил. На второй выстрел времени у него не было: через несколько секунд Крук поджег его вторым снарядом. Все Т-34 остановились и открыли огонь по вспышкам выстрелов, мелькавшим из-за кустов в низине. Четыре советских танка уже горели.

— Пошли, Шэдельбауэр! Движемся вправо-вперед. Остальным оставаться на месте!

Механик-водитель переключил передачу, и «пантера» быстро двинулась вперед, рассекая кустарник. Большой танк постепенно разгонялся, и прежде чем Т-34 сумели ее как следует разглядеть, «пантера» оказалась на фланге огромной массы советских танков.

— Короткая, Шэдельбауэр!

«Пантера» остановилась и развернулась. Крук открыл огонь. Наводчик выпустил еще несколько снарядов. Потом «пантера» вновь пришла в движение и с грохотом понеслась к лесу, из которого вышли советские танки. Ревя двигателем, танк подминал под себя молодые деревья и вдавливал их в землю.

— Иди по просеке! — крикнул Бикс.

Шэдельбауэр обошел толстый старый березовый пень, обогнул воронку, зацепил дуб (в результате чего

экипаж попадал со своих мест) и снова въехал в молодую поросль.

— Все в порядке, Заттлер? — спросил Бикс у заряжающего. Обер-ефрейтор кивнул, держа наготове новый снаряд.

— Пройдем вперед еще пятьдесят метров и остановимся!

«Пантера» вышла из-под прикрытия леса. Быстро окинув поле взглядом, Бикс увидел горящие и подбитые вражеские танки. Заметил он и два Т-34, пытавшихся обойти немцев справа.

— Продолжай двигаться. Пока не стрелять!

На высокой скорости «пантера» двинулась дальше в тыл потрепанного строя танков противника. Перед лобовым листом машины просвистел снаряд танка оберфельдфебеля Боркмана. Шэдельбауэр ушел с его линии огня. Тем временем силуэты двух Т-34 все увеличивались в размерах.

Советские танки остановились. То же сделала и «пантера». В тот самый миг, когда Т-34 были готовы вступить в бой с двумя оставшимися «пантерами», Бикс открыл по ним огонь с тыла. Первый снаряд поджег один из Т-34. Следующий снаряд попал в гусеницу второго Т-34. После еще двух снарядов советские танкисты прекратили бой. Уцелевшие советские танки развернулись и скрылись в лесу в каком-то километре от машины Бикса. «Пантера» выпустила им вслед несколько снарядов, но ни разу не попала.

Бикс вернулся к танкам, оставшимся в низине.

Его окликнул Боркман: «У тебя получилось, Бикс! Все прошло просто отлично!»

Бикс кивнул и сказал: «Нужно побыстрее убираться отсюда. Знаю иванов, они скоро выжгут здесь все».

Немецкие танки отошли назад и укрылись за полосой сосен. Советский артобстрел не заставил себя

ждать. Тяжелые минометы и «катюши» начали поливать огнем низину, из которой «пантеры» только что вышли. В течение дня экипаж Бикса записал на свой счет шестой вражеский танк.

Когда Бикс доложил обер-лейтенанту Гольдхаммеру, тот сказал: «Вы неплохо отметили возвращение, Бикс. Надеюсь, это хороший знак и для вас, и для всех нас!»

На следующий день советские войска прорвали основную линию немецкой обороны. Пехота была выбита с позиций. К 29 октября советские войска перерезали дорогу Приедес — Дзелзгале и рвались на север.

— Мы контратакуем вместе с 108-м моторизованным полком, — объяснял взводным обер-лейтенант Гольдхаммер, собравший подчиненных на КП роты. — Наш батальон идет первым. Мы должны оттеснить противника за Летильские высоты.

— Когда начинаем? — спросил один из взводных.

Командир роты посмотрел на часы.

— Пора выступать. Пехота будет нас ждать.

Танки двинулись в путь. Вскоре они повстречались с советскими войсками. Смешанная группа Т-34 и ИСов пыталась парировать контрудар. Завязался бой. В ходе семичасового боя немцам удалось отбросить советские танки. «Пантера» оберфельдфебеля Бикса получила несколько попаданий. Бортовые броневые экраны танка были разорваны в клочья, вещевой ящик был пробит, а броня танка сильно повреждена. Тем не менее «пантера» продолжала бой.

За первый час экипаж Бикса уничтожил три вражеских танка. Бикс вступил в бой в тот момент, когда уже начинало казаться, что советские танки сомнут пехоту. Бикс подбил еще три танка и вынудил остальные отступить. Во время двухчасовой дуэли в лесах перед высотами казалось, что советские танки задавят немецких

танкистов массой. Экипаж оберфельдфебеля Боркмана удалось спасти практически в последний момент.

Двигаясь вперед, Бикс наткнулся на хорошо замаскированный Т-34, стоявший в засаде в широком рву. Бикс и не подозревал о его присутствии, пока из ствола Т-34 не вырвалось пламя. Отблеск вспышки осветил боевое отделение. Крук тоже выстрелил. Снаряд был пущен слишком высоко и просвистел над самой башней Т-34. Следующий снаряд советского танка ударил в башню «пантеры» и отскочил, а ответный выстрел немецкого танка снес Т-34 башню.

Наступление продолжалось. Вдруг «пантеру» потряс сильный удар. Была перебита правая гусеница. Прежде чем Т-34 успел прикончить «пантеру», Крук прицелился и выстрелил. Первый же снаряд попал точно в цель. Т-34 взорвался с оглушительным грохотом. Бой закончился. Оберфельдфебель Бикс уничтожил восемь советских танков. Его «пантера» тоже была подбита, но, если не считать перебитой гусеницы, можно сказать, что ему повезло. Повреждения были устранены за час.

2 ноября линия немецкой обороны проходила чуть южнее линии Имули — Дзелзгалескрогс — Метрайне — Вартая. У Стрикуне линия фронта поворачивала на 90 градусов в направлении Преекульна. Несмотря на разрушение обоих мостов через Дзелду, советские войска сумели переправиться на северный берег реки. Красноармейцы отчаянно оборонялись в районе мызы Маздзелда и деревни Метрайне, отбивая контратаки немецких войск. Бикс вместе со своими «пантерами» вновь вел бои в лесах у Глазниеки и на перекрестке у Дзелзгале. День выдался примечательным. В битве не на жизнь, а на смерть Бикс уничтожил двенадцать советских танков. Положение в начале боя было мрачнее некуда, но Биксу удалось решить исход боя в свою поль-

зу. Его успеху в условиях численного превосходства противника способствовали скорость «пантеры», его собственная мгновенная реакция, а также готовность и способности экипажа. Постоянно останавливаясь, стреляя и снова двигаясь, в этом бою Бикс предпринимал самые смелые маневры. Чтобы выйти победителем в борьбе с противником, имеющим подавляющее численное превосходство, Биксу потребовался весь его опыт.

Когда наступил вечер, советские войска прекратили наступление, поскольку большинство их танков горели или дымились на поле боя. Силы Германа Бикса и его экипажа были на исходе. Они выбрались из танка и рухнули на охапки соломы на полу крестьянской избы, но, несмотря на полное изнеможение, заснуть не могли. Снова и снова они видели мерцающие огни, объятых пламенем советских танкистов, пытающихся вылезти из горящих машин. Снова и снова они слышали тяжелые удары вражеских бронебойных снарядов, словно сама смерть стучала в их стальную коробку. Конца этой титанической битве не предвиделось. Завтра наступит новый день, и снова нужно будет идти в бой.

Судьба экипажа Бикса решилась 4 ноября. Советские войска снова нанесли удар большими силами у важного перекрестка у Дзелзгале. Бикс на своей «пантере» двинулся вперед. Вместе с двумя шедшими следом танками своего взвода он вскоре достиг позиций пехоты. Советские танки, пытавшиеся прощупать на этом месте немецкую оборону, были остановлены несколькими прицельными выстрелами. Советские войска спешно подтянули к передовой реактивные минометы и открыли огонь. Стаи ракет с ревом прорезали воздух и рвались на позициях пехоты. Оглушающий гул подбирался все ближе к танкам. Потом на взвод обрушился полновесный залп из шестнадцати реактивных снарядов. С неба хлынули огонь и дым, и один из ог-

ненных шаров ударил точно в «пантеру» командира взвода. Раздался звонкий удар, и в боевое отделение хлынуло пламя. Вопль Шэдельбауэра перекрыл гул битвы. Весь экипаж был словно оглушен ударом молота.

Полуоглохнув, не слыша собственного голоса, Бикс прокричал по радио: «Подбиты прямым попаданием «сталинского орга́на!» Казалось, раскаленный докрасна металл буравит его мозг. Ощущение было такое, словно давление вот-вот разорвет его череп, и в то же время он знал, что не ранен. Уцелевшие члены экипажа покинули танк, забрав с собой тело Шэдельбауэра. Судя по всему, механик-водитель погиб сразу после попадания.

«Пантера» штабсфельдфебеля Хаазе доставила их в тыл. Их танк, с которого сорвало гусеницы, отбуксировали. Осмотрев оберфельдфебеля, батальонный военврач сказал: «Вам нужно в госпиталь, Бикс».

Это был шанс уехать отсюда целым и невредимым. Бикс знал, что такого шанса ему может больше не представиться. Однако щуплый командир танка, проявивший целеустремленность и ум во многих боях, не хотел уезжать. Он остался! И снова он отправился не в госпиталь, а в тыл батальона. После короткого периода лечения он вернулся в строй, чтобы командовать контратаками и деблокирующими ударами. В конце 1944 года 4-я танковая дивизия была переброшена из Курляндии в Данциг.

ПОДБИТО ШЕСТНАДЦАТЬ ТАНКОВ

Следующие несколько дней 4-я танковая дивизия вела тяжелые оборонительные бои севернее Диршау. Противник непрестанно атаковал, имея десятикратное превосходство в танках. С оборонительных позиций

Бикс нередко наблюдал за тем, как советские войска подтягивали новые силы для очередной атаки.

У немцев больше не оставалось сплоченных рот и батальонов. Непрекращающиеся бои более не позволяли немецкой стороне бросать в сражение целые части. Танки требовались повсюду, чтобы помогать пехоте сдерживать напор противника. Пока один батальон 35-го танкового полка вел бои в Тухольских борах, сдерживая превосходящие силы противника, другой танковый батальон, в который входила рота лейтенанта Тауторуса, был разбит на малые боевые группы и придан различным пехотным частям в районе Диршау и Прёйсиг Штаргард. Почти все «пантеры» роты были выведены из строя. В числе машин, присланных на замену, были шесть новых «ягдпантер», предназначавшихся батарее самоходных орудий.

— Бикс, возьмете для своего взвода «ягдпантеры», — приказал по радио командир батальона.

Новая противотанковая самоходная установка была построена на шасси «пантеры» и вооружена 88-мм орудием Pak L-71. Ограниченная подвижность орудия по вертикали и по горизонтали вначале причиняла некоторое неудобство. Тем не менее личный состав взвода Бикса, которому достались пять «ягдпантер», вскоре освоил новые машины. В скором времени экипажи стали буквально молиться на новые самоходки и их орудия, обладавшие огромной бронепробивающей способностью и очень высокой точностью.

— Бикс, русские заняли Прёйсиг Штаргард. Вам с пятью машинами надлежит занять позицию восточнее города и не допустить дальнейшего продвижения противника. Пехоте приказано отступить. Вы прикроете отход. Вопросы есть?

— Никак нет! — ответил оберфельдфебель.

Бикс вернулся в свой танк. Даже командуя САУ, он

не переставал думать и говорить о них как о танках. Бикс со своими «ягдпантерами» занял позицию на краю деревни за компостной кучей. Отсюда были видны позиции, только что оставленные пехотой.

Пехота оборонялась перед ними на темных холмах. Оттуда она открывала огонь по советским танкам и пехотинцам всякий раз, когда они пытались приблизиться, но в конце концов вынуждена была отойти, чтобы избежать разгрома.

— Доложи обстановку, Дем, — вызвал Бикс оберфельдфебеля, чья самоходка стояла чуть левее и позади его собственной машины. Оберфельдфебель Дем прокашлялся, прежде чем ответить:

— Снаряды на исходе. Осталось всего шесть осколочно-фугасных и четыре бронебойных.

— А у тебя, Поллер? — спросил Бикс командира другой самоходки.

— У меня то же самое, — ответил фельдфебель. — Девять осколочно-фугасных и три бронебойных.

— Хорошо. Поллер и Дем, оттянитесь назад и вступайте в бой только в случае крайней необходимости.

Поллер начал спорить:

— Но мы можем...

— Отойдите на километр и наблюдайте за обстановкой. В бой без моего приказа не вступать.

Бикс понимал, что с таким малым боекомплектом две «ягдпантеры» в случае атаки советских войск станут обузой. Он наблюдал, как обе самоходки отходили назад. Потом он сосредоточил все внимание на невысоких холмах, из-за которых должны были появиться советские танки. Плоская рубка «ягдпантеры» едва выступала из-за промерзшей компостной кучи.

Стало светлее, и вдруг Бикс увидел в бинокль, как на вершине холма осторожно показались два вражеских танка. «Это не Т-34 и не КВ-1. Похоже, американ-

ские танки, — сообщил Бикс товарищам. — Дистанция около 1200 метров. Мы возьмем их на себя. Ты их видишь, Рольман?»

Наводчик кивнул:

— Отлично вижу!

— Тогда — огонь!

Первый снаряд поразил гусеницу правого танка, который немедленно остановился. Второй снаряд поджег машину. Из люков плеснуло яркое пламя, и через несколько секунд танк был объят раскаленным алым облаком. Второй танк остановился и выстрелил. Бронебойный снаряд пролетел в двух метрах выше компостной кучи. Потом в советский танк попал первый 88-мм снаряд. Заряжающий Шульц подал новый снаряд, и Рольман чуть-чуть подправил прицел. Вспыхнул и второй советский танк.

— Все! — лаконично заметил Беккер, механик-водитель.

Бикс кивнул. Потом он услышал:

— Фельдфебель, мы обеспечим вам прикрытие, чтобы русские не забросали вас «коктейлями Молотова», — это был фельдфебель Вегенер, командир танка, потерявший свою машину накануне. Он собрал вокруг себя десяток «безлошадных» танкистов, и они заняли оборону вокруг «ягдпантеры» Бикса.

Бикс ответил фельдфебелю:

— Хорошо, Вегенер. Спасибо!

Вегенер отполз обратно под прикрытие домов.

— Теперь врасплох нас не застанут, — сообщил Бикс экипажу.

С момента уничтожения двух вражеских машин прошло полчаса, и Бикс снова услышал шум приближающихся танков. Он осмотрел местность в полевой бинокль и вдруг обнаружил метрах в ста два советских танка, пытавшихся обойти деревню с фланга.

— Рольман, внимание!

— Беккер, поворот вправо!

Механик-водитель развернул «ягдпантеру».

— Отлично, я их вижу, — доложил Рольман, когда оба танка появились в его прицеле. С такого расстояния промахнуться было почти невозможно.

Первый снаряд пробил борт одного из танков, которые еще не заметили самоходку, спрятавшуюся за компостной кучей. Танк тут же вспыхнул. Второй советский танк развернулся на месте. Его орудие развернулось в сторону смертоносного противника, но прежде чем он успел выстрелить, снова громыхнуло 88-мм орудие. Раздался сильный глухой удар. Второй вражеский танк загорелся и остановился. Вслед убегающим советским танкистам открыли автоматный огонь «безлошадники».

Бикс доложил командиру роты:

— Русские нащупывают слабое место!

— Будь предельно осторожен, Бикс! — предупредил лейтенант Тауторус.

— Вас понял, — ответил он и обернулся к своему экипажу.

— Как дела со снарядами, Шульц?

Заряжающий пересчитал оставшиеся боеприпасы.

— Осталось пять осколочно-фугасных и двадцать бронебойных! — доложил он спустя пару секунд.

— Не считая того, который в стволе, — добавил Рольман.

Еще один вражеский танк попытался прорваться, но отступил и скрылся в ложбине после первого же выстрела «ягдпантеры».

— Осталось двадцать бронебойных, и меня постоянно атакуют танки противника, — доложил Бикс командиру.

— А что у Дема и Поллера? — спросил лейтенант, связанный боем на другом участке.

— У Дема кончились снаряды. У Поллера неисправен двигатель, и он пытается починить свою лошадку.

— Вы должны держаться, Бикс, — ответил после небольшой паузы лейтенант. — Пехота ушла еще недостаточно далеко.

Бикс завершил разговор:

— Будем держаться, пока есть снаряды.

Тем временем охранявшие его «безлошадники» тоже вынуждены были отступить под натиском советских дозоров, вошедших в деревню с нескольких направлений. Теперь Бикс не знал даже, что делается в деревне справа от него. Противник мог без помех делать все, что угодно. Вдруг Бикс заметил движение на противоположном склоне. Он поднял бинокль и увидел, что советские артиллеристы установили там два противотанковых орудия, собираясь, по-видимому, выкурить его.

— Рольман! Противотанковые пушки на склоне у двух круглых кустов!

— Вижу цель! — доложил наводчик.

— Осколочно-фугасным! Огонь по готовности!

С первым же попаданием снаряда в воздух над позицией взметнулись куски дерева и других материалов. «Прекратить огонь! — крикнул Бикс. — Эти сволочи нас надурили!»

Советские солдаты разместили на склоне муляжи орудий, чтобы немецкий экипаж заметил их и выдал свое местонахождение огнем. Но, судя по всему, они не смогли засечь укрытие у компостной кучи, поскольку выдвинули на позицию еще два муляжа.

— Ну уж на этот раз вы нас не проведете, — ухмыльнулся Бикс. — Прибережем снаряды для более подходящих целей.

На всякий случай он приказал механику-водителю

сдать на несколько метров назад. Теперь противник мог заметить самоходку, только добравшись до деревни, а Бикс все еще просматривал пространство за невысоким холмом. Вскоре советские войска двинулись к деревне на полной скорости. Они появились длинной колонной на холме примерно в 1200 метрах от самоходки. Впереди шли танки, за ними — грузовики и передвижные радиостанции. Было там и несколько бронетранспортеров. Тем временем Бикс определил дистанцию по некоторым ориентирам на местности.

— Бронебойным по головному танку! — приказал он. — Но пусть сперва подойдут на 800 метров, Рольман.

Обер-ефрейтор выжидал. Он вел прицелом головной Т-34. Когда танк приблизился на 800 метров, Рольман нажал кнопку выстрела. Орудие самоходки глухо бухнуло, «ягдпантера» рванулась назад, и бронебойный снаряд со свистом полетел в сторону вражеского танка. Но он промахнулся, срезав вместо этого верхушку дерева прямо перед головным Т-34. Крона дерева обрушилась прямо на советский танк. Биксу показалось, что советская машина приняла верхушку дерева, словно бык на рога. «Он ослеплен деревом, Рольман! Бей по другим!» — приказал командир наводчику.

В этот момент головной танк съехал в кювет. Он нырнул носом вниз и быстро застрял. Следующие танки шли за ним почти вплотную. Их орудия были развернуты не влево, где находилась позиция истребителя танков, а вправо, где на фоне неба вырисовывался темный силуэт гряды, на которой оборонялась пехота. С ревом выстрелила пушка первого советского танка. Снаряд разорвался на оставленных немецких позициях.

— Давай, Рольман. Сначала — того, что в середине. Целься между башней и корпусом.

В прицеле был виден борт советского танка. Ошибиться было невозможно. Первый 88-мм снаряд пора-

зил вражеский танк, шедший в середине колонны и стрелявший в противоположную сторону, и поджег его.

— Теперь по последнему! — крикнул Бикс.

«Ягдпантера» чуть довернула. Рольман снова прицелился и выстрелил. Вспыхнул и второй танк. Командиры советских танков пришли в замешательство. Одни машины пытались развернуть башни, чтобы открыть огонь по противнику. Другие пытались съехать с дороги, но танки в колонне шли слишком плотно, и пространства для маневра не было. Третьи съехали в кюветы и там застряли.

— Каждый снаряд должен попасть в цель! — предупредил Бикс.

Рольман стрелял, Шульц заряжал. Бой ревел, словно ураган. Советские танкисты были захвачены врасплох и все еще не могли обнаружить позицию истребителя танков. Рольман выпускал снаряд за снарядом в танки, разворачивавшие башни в сторону самоходки. Поле боя было наполнено огнем, взрывами, бегущими танкистами и регулярными вспышками новых выстрелов «ягдпантеры». Советский снаряд ударил в лобовой лист «ягдпантеры» и с ревом унесся в небо. Рольман выстрелил, и снаряд разорвал гусеницы советского танка. Потом он взял прицел чуть повыше, и следующий снаряд сорвал с вражеского танка башню. 88-мм пушка гремела десять минут. Вскоре дорога была объята пламенем. Танки стояли в колонне вплотную друг к другу, и пламя перекидывалось с машины на машину. Одиннадцать танков противника были подбиты и догорали на дороге. Еще четыре танка были подбиты раньше. Одинокая «ягдпантера» уничтожила пятнадцать советских танков, не получив ни царапины.

— Теперь осколочно-фугасными по грузовикам! — распорядился Бикс. Взмокший от напряжения экипаж привалился к стальным бортам истребителя танков.

— Осталось всего два снаряда! — крикнул наводчик. Чуть помолчав, он добавил: — Пулеметные патроны тоже кончились! — Это означало, что нужно побыстрее убираться. Бикс не хуже других понимал, что без боеприпасов у них будут проблемы. — Возвращаемся, Беккер! — приказал он.

Когда «ягдпантера» двинулась назад, Бикс внезапно обнаружил справа в деревне вражеский танк. Тот, по-видимому, разведывал местность впереди остальных сил. Не обнаружив немецкой машины, его командир доложил, что все чисто. Остальная колонна двинулась к деревне прямо в засаду. Только этим Бикс мог объяснить безрассудное движение колонны советских танков и грузовиков без охранения.

Следующий приказ Бикса перекрыл рев двигателя: «К танку!»

«Ягдпантера» немного прошла вперед и повернулась на месте. Советский танк показался в прицеле. Т-34 получил попадание бронебойным снарядом с дистанции восемьдесят метров и загорелся. С этим Т-34 счет танков, подбитых Биксом за день, достиг шестнадцати. Когда Бикс наконец вернулся в роту, его окружили товарищи. В этот день он стал самым удачливым истребителем танков во всем батальоне. Пока его «ягдпантеру» заправляли и пополняли снарядами, он явился к командиру батальона. Здесь же присутствовал и лейтенант Тауторус. Он тоже уничтожил несколько советских танков.

РЫЦАРСКИЙ КРЕСТ ОБЕРФЕЛЬДФЕБЕЛЯ БИКСА

— Друзья мои, Клешкау пал. Наша задача — не допустить дальнейшего продвижения русских и поддержать контрудар на Клешкау, который нанесет сегодня днем пехота. — Лейтенант Тауторус оглядел выстроив-

шихся командиров танков и продолжил: — Формируем небольшие боевые группы по две-три машины под командованием взводных. Взводов у нас больше нет.

Вскоре оберфельдфебель Бикс с тремя подчиненными ему самоходками покинул командира роты. Лейтенант попрощался с ними: «Удачи, Бикс! И вам, Игель и Швафферт, тоже!»

Они двинулись в сторону противника. Бикс знал местность, по которой будет наступать противник, поскольку сам возвращался этим путем. Поэтому он знал, откуда появится вражеская колонна, и соответствующим образом разместил свои самоходки. Днем они отогнали огнем советские танки, осторожно прощупывавшие дорогу.

— У нас хороший сектор обстрела, и нам известно, откуда они пойдут, Швафферт. Это даст нам некоторое преимущество.

— Да. Если будем настороже, мы их остановим, — подтвердил Швафферт, подошедший вместе с Игелем к командирской машине, чтобы обсудить обстановку. После этого они вернулись к своим самоходкам. Потом подошла пехота. Командир штурмового батальона подошел к Герману Биксу.

— Вы сможете поддержать нас, пока мы выходим к окраине деревни? — спросил он у оберфельдфебеля.

— Мне приказано оставаться здесь и остановить возможный прорыв танков, — ответил Бикс.

Губы майора вытянулись в тонкую линию. Бикс увидел на его напряженном лице выражение удивления. «К черту приказы!» — подумал Бикс.

— Подождите! — окликнул он развернувшегося было офицера.

Майор остановился. Выражение его лица вдруг изменилось.

— Вы в самом деле?..

Вместо ответа Бикс сказал:

— Соберите людей и следуйте вплотную за мной.

Пехотинцы собрались. Увидев, что они в полной готовности ожидают сигнала в кюветах и в кустах, Бикс приказал механику-водителю двигаться вперед. Продвигались они быстро. Перед пехотинцами возникли деревенские дома. Из домов и из-за заборов по пехоте открыли огонь из пулеметов и винтовок.

— Пулемет справа от дома! — предупредил Бикс наводчика.

— Вижу! — подтвердил Рольман. Тяжелое орудие выстрелило. Осколочно-фугасный снаряд врезался в стену дома и вышиб все окна. Пулеметная очередь резко оборвалась.

— Продолжай двигаться, Беккер! Дальше!

Они достигли деревни, и позади «ягдпантеры», обстреливавшей вражеские огневые точки, пехотинцы выбивали противника из домов. В борт самоходки ударила пуля из противотанкового ружья. «Противотанковое ружье!» — крикнул радист, открывая по советским солдатам огонь из пулемета. Снова раздался удар. На этот раз — у маски пушки. Вспышка попадания послужила для Бикса сигналом: противотанковые ружья были оружием чертовски точным и представляли опасность даже для истребителя танков.

— Идем прямо сквозь них! — приказал Бикс. — Движемся к центру деревни!

Он должен был пробить дорогу пехоте. «Ягдпантера» с лязгом двинулась вперед и проехала по пулеметной позиции, намотав на правую гусеницу стрелка с противотанковым ружьем. На лобовой лист самоходки обрушилась протараненная стена. Снаряд 88-мм орудия подавил очередную огневую точку, и они вышли к центру деревни. В этот момент поступил вызов из штаба батальона: «Станция управления — взводу Бикса:

Для вас есть особое задание! Свяжитесь с командиром роты».

Бикс вызвал командира и услышал голос лейтенанта Тауторуса:

— Командир — взводу Бикса: Немедленно возвращайтесь. Противник атакует танками по главной дороге на Данциг. Нужно остановить их, иначе Данцигу конец.

— Нам нужно задержаться здесь на несколько минут. Пехота только что очистила деревню от противника. Если мы сейчас уйдем...

— Вы должны уходить, Бикс. Двадцать вражеских танков наступают на Данциг, и другого противотанкового оружия на их пути нет. Что бы у вас там сейчас ни творилось, немедленно разворачивайтесь и возвращайтесь! Конец связи!

Раздался треск. Бикс вызывал командира еще дважды, но связь была прервана.

— Сдавай назад, Беккер! — приказал Бикс. Когда они развернулись и выезжали из деревни по главной улице, Бикс увидел, что вместе с ними отступает и пехота. К «ягдпантере» большими шагами подбежал обер-лейтенант.

— Что происходит на фронте? Иваны двинули вперед танки? — крикнул он.

— У меня приказ вернуться. На вашем участке все в порядке! — крикнул в ответ Бикс. Заметив на лице обер-лейтенанта сомнение, Бикс понял, что обер-лейтенант считает это лишь предлогом. Он яростно ругался про себя, глядя, как пехотинцы гроздьями виснут на его машине, стремясь побыстрее убраться из опасной зоны. Получилось как раз наоборот — повиснув на бортах самоходки, они лишь подвергли себя еще большей опасности. По медленно отходившим назад «ягдпантерам» открыли огонь минометы. Взрывы мин

сбивали с самоходки пехотинцев, швыряя их убитыми и ранеными на землю.

— Быстрее, Беккер! Черт возьми, быстрее!

— Но тогда они отстанут и...

— Быстрее! — проревел Бикс.

Беккер подчинился, и вскоре пехотинцы отстали. Теперь они сообразили, что в домах и садах укрыться легче, чем на открытой местности за идущей по дороге самоходкой.

— Черт! Черт! — ругался Беккер. Бикса тоже терзали муки совести из-за того, что пришлось оставить товарищей, выполняя приказ.

Лейтенант Тауторус, встретивший Бикса, был очень взволнован.

— Веди свои три машины в направлении Мертвой Головы, — приказал он. — У подножия холма стоит большое поместье, которое необходимо удержать.

«Мертвой Головой» прозвали конический холм, возвышавшийся над окружавшей его равниной.

— Что мы должны там делать?

Лейтенант Тауторус посмотрел на оберфельдфебеля. Невысокий офицер немного успокоился, и это, в свою очередь, немного успокоило Бикса.

— В поместье русские окружили батальон фольксгренадеров. Они атакуют танками, и если им удастся уничтожить фольксгренадеров, они двинутся на Данциг и без помех возьмут город. Любой ценой нужно этого не допустить.

— Я отправляюсь немедленно. Надеюсь, удастся к ним пробиться.

— Вы обязаны, Бикс. Вы обязаны добраться до поместья до полуночи и к рассвету уничтожить вражеские танки или, по крайней мере, не допустить их прорыва на Данциг.

Уже начинало темнеть. Словно этого было мало,

пока Бикс прокладывал карандашом на карте маршрут движения, пошел снег. Судя по карте, до Мертвой Головы было 15 километров. Чтобы не заблудиться в темноте и снегу, придется двигаться медленно.

— Игель и Швафферт, ко мне! — Он подозвал командиров обеих самоходок и в точности обрисовал положение. В конце инструктажа он сообщил: — Примерно в двух километрах от поместья нас встретят двое проводников от фольксгренадеров. Там мы сначала остановимся и продолжим путь пешком, свяжемся с их командиром и получим от него подробные сведения об обстановке. Потом вернемся и приступим к делу. Теперь — по машинам!

«Ягдпантера» двинулась сквозь снежную завесу. Их движению мешали колонны беженцев, шедшие на запад. Они подходили большими группами. Не раз Биксу приходилось съезжать с дороги, чтобы обойти толпы народу, бегущие от советских войск. Наконец, терпение лопнуло. Он двинулся напролом через колонны, и машины беженцев вынуждены были съезжать в кювет, чтобы пропустить истребители танков. Беженцы ругали Бикса. Они попросту не осознавали, что этот человек со своими тремя самоходками должен спасти, в том числе, и их самих. Если ему и его товарищам не удастся остановить советские танки и спасти батальон фольксгренадеров, противник прорвется и у беженцев не будет ни малейшего шанса. Несмотря ни на что, к месту встречи с проводниками они прибыли вовремя. То, что им удалось это сделать, несмотря на темноту, вселяло оптимизм.

— Хорошо, ребята. Ждите меня здесь. Понятно? — С этими словами оберфельдфебель ушел.

Игель крикнул ему вслед:

— Мы подождем!

Три человеческих фигуры скрылись в темноте.

В этот момент из батальона по радио сообщили: «Взвод Бикса. Для вас есть особое задание! Свяжитесь с командиром роты».

Втроем они гуськом пробирались через парк. Противник отовсюду вел огонь по усадьбе. Наконец они добрались до длинного здания с плоской крышей и забрались внутрь через полуподвальное окошко. Это был главный зал винокурни, в котором Бикс разглядел большую группу изможденных, усталых солдат, сидевших на полу. Навстречу ему поднялся майор.

— Вот мой отряд, оберфельдфебель. Рано утром я поведу их в бой, и вы должны будете мне помочь. Сколько у вас танков?

— Три «ягдпантеры», — ответил Бикс.

— Негусто, но уже хоть что-то. Будьте внимательны, я постараюсь как можно точнее описать обстановку и местность.

Майор коротко сообщил оберфельдфебелю обстановку и показал на карте общее положение. Позиции вражеских танков он показывал на схеме поместья. Командир пехотинцев показал Биксу, где находились танки противника до того, как стемнело. Когда старый вояка закончил, Бикс кивнул:

— Да. Мы справимся. Покажите, где я могу за ночь развернуть свои машины и подобраться поближе к противнику, чтобы получше по ним прицелиться, когда рассветет.

Майор снова развернул карту.

— Вот здесь, Бикс, есть высота, которая называется «Череп». На высоте до сих пор находится одна из наших счетверенных зениток. Связи с ними нет с прошлого дня.

— Хм... Это примерно в 1200—1500 метрах от позиций русских танков. Самая подходящая дистанция для

огня, — заметил Бикс. — Постараюсь за ночь забраться туда со своими самоходками.

— Хорошо. Чем я могу вам помочь?

— Вашим пехотинцам лучше всего оставаться здесь, в подвале, пока не услышите стрельбу из танковых пушек. Я бы не хотел, чтобы они во время боя оказались у меня на линии огня, — объяснил Бикс. — Когда танковые пушки замолчат, выходите и атакуйте русскую пехоту.

— Хорошо, Бикс! От всей души надеюсь, что вы справитесь.

Они пожали друг другу руки на прощание, и майор понял, что на этого человека можно положиться. Бикс вернулся к своим машинам, экипажи которых встретили его с облегчением. Он коротко и четко объяснил положение командирам и экипажам. Все должны были знать, что́ поставлено на карту.

— Хорошо. По машинам, и следуйте за мной к Черепу.

Они разошлись по машинам, и истребители танков двинулись в путь. Они прошли по опушке леса и выехали на вполне проходимую тропу, шедшую к вершине высоты Череп. Начинало светать. Из темноты медленно вырисовывались очертания строений поместья. У самого гребня холма их остановили. Это был часовой из расчета легкой зенитки. Установка по-прежнему находилась на вершине холма. Лейтенант объяснил Биксу положение в том виде, в котором оно представлялось ему. Оберфельдфебель узнал, сколько танков было в саду поместья, и получил точную информацию о целях.

«Механикам-водителям, наводчикам и командирам — спешиться и собраться здесь», — приказал Бикс подчиненным. Он назначил каждому командиру позицию. Теперь они уже могли видеть очертания поместья

полностью, и каждый командир получил свой сектор для наблюдения.

Потом Бикс приказал: «Расходитесь по машинам и подъезжайте к гребню холма так, чтобы орудие чуть-чуть поднималось над ним».

Он сам со своей машиной расположился у подножия Черепа, и обзор справа был совершенно закрыт. Зато по центру и слева был отличный сектор обзора. Когда стало еще чуть светлее, он попытался осмотреть сад в бинокль. В утреннем полумраке он разглядел группы белых цифр — это могли быть только номера на башнях советских танков. Потом он заметил несколько советских танков, на большой скорости подходивших к поместью справа.

— Игель, — вызвал Бикс машину на левом фланге. — Видишь русских?

— Вижу. Наверное, приближающиеся танки везут припасы для иванов, потому что колесные машины отстали.

— Возможно.

По мере того как становилось светлее, в саду поместья обнаруживались все новые и новые танки.

— Вы их всех видите? — спросил Бикс.

— Как на ладони, — ответили его товарищи.

— Огонь по готовности!

Наводчик Рольман нацелил орудие по белым цифрам на башне одного из танков. Первый снаряд поразил танк, и тот сразу же загорелся. Открыли огонь и остальные два истребителя танков. В поместье вспыхнула паника. Советские солдаты были захвачены врасплох. До позиций «ягдпантер» доносились крики и команды на русском. В тот самый миг, когда Рольман уже был готов выстрелить во второй раз, за горящим советским танком взметнулся еще один столб огня. Второй танк, стоявший вплотную за первым, вспыхнул вместе с ним.

«Двое с одного выстрела!» — возбужденно крикнул наводчик. Для радости у него были все основания — такое удавалось очень нечасто. Теперь советским танкистам нужно было выводить уцелевшие машины из укрытия, чтобы пламя не перекинулось и на них. Танки двинулись в разных направлениях. Повсюду царил хаос.

Швафферт и Игель подбили по танку. Обе машины только что развернулись и наводили орудия в направлении, откуда по ним велся огонь. Четыре Т-34 выехали из сада в чистое поле. Теперь их уже ничто не защищало. Рольман уничтожил одну за другой три машины. Экипажи выпрыгивали из танков и бежали через заснеженные поля, на фоне которых четко выделялась их форма.

«Мы ведем огонь по дороге!» — доложили Игель и Швафферт. Чуть позже Бикс увидел в том направлении языки пламени и клубы черного дыма, отмечавшие положение подбитых танков.

Тем временем окончательно рассвело. Беспорядочно сгрудившиеся советские танки врезались в садовые деревья и сносили их. От этого обзор для Бикса только улучшился. Несколько Т-34 и КВ-1 попытались уйти по обратному скату, но Рольман пристрелялся. Он попал одному из Т-34 в корму. Вражеский танк задымил, но все же достиг склона и скрылся из вида. Едва Рольман начал говорить, что противнику удалось уйти, как на дальнем склоне, там, где скрылся советский танк, взметнулся двадцатиметровый столб пламени. Донесся грохот взрыва. Т-34 взорвался. Игель доложил об уничтожении четырех советских танков. Швафферт сообщил о трех, потом еще об одном.

Бикс осматривал сад в бинокль. Вдруг за амбаром он заметил движущуюся антенну. Это мог быть только танк!

— Танк за амбаром с окнами, Рольман. Движется прямо к правому углу.

— Вижу! Целюсь в следующее окно! — крикнул наводчик. Он слегка повернул орудие вправо. Рольман прицелился в оконную раму, за которой должен был появиться вражеский танк. Вот он! Рольман слегка поправил прицел вверх. В окне появилась белая цифра, и 88-мм орудие с грохотом выстрелило. Снаряд врезался в башню советского танка с громким ударом. Машина остановилась, из люков повалил дым.

Вскоре в поле зрения не осталось ни одного вражеского танка, не считая горящих или тлеющих. «Ягдпантеры» прекратили огонь. Торжествующие пехотинцы выскочили из подвала. Они наблюдали за внезапной атакой истребителей танков через окна и дыры в стенах. Они слышали выстрелы и видели пламя. Избавившись от гнетущего страха и чувствуя, что спасены, восторженные молодые солдаты подбрасывали в воздух каски. Они во главе с майором бросились к самоходкам. Когда они подбежали к «ягдпантере» Бикса, тот стоял в открытом люке, осматривая местность в бинокль.

— Спасибо! — крикнул майор. Он потянулся к своему Железному Кресту 1-й степени и едва не сорвал его с кителя.

— Я хочу наградить им одного из командиров ваших экипажей, Бикс, — сказал он, заметив озадаченный взгляд оберфельдфебеля.

— У них есть кому об этом позаботиться, — с улыбкой ответил Бикс.

Они насчитали девятнадцать подбитых вражеских танков. В секторе обстрела оберфельдфебеля Бикса было уничтожено одиннадцать Т-34 и КВ-1. Остальные танки были на счету Игеля и Швафферта. Танкисты перевели дух. Они вылезли из своих стальных коробок

После боя: усталые, но живые

и закурили. Кто-то задумался об уроне, нанесенном противнику, и о сгоревших и растерзанных солдатах, оставшихся в советских танках. В последующие несколько дней немецкие войска были вынуждены отступить в Данциг. После падения города танки 4-й танковой дивизии продолжали сражаться на косе Фрише-Нерунг — полуострове, выдававшемся в море в районе Данцига.

Утром 22 марта 1945 года Герман Бикс проснулся и умылся. Он уже собирался выйти из маленького, изрешеченного снарядами дома, как открылась дверь и вошел лейтенант Тауторус.

— Доброе утро, Бикс!

— Доброе утро, господин лейтенант! Затевается

что-то особенное? — спросил фельдфебель, поскольку другого объяснения появлению Тауторуса у него не было.

— В общем-то нет, Бикс. Я просто хочу передать приказ капитана Кэстнера: сегодня вы должны отдыхать и оставаться при КП роты.

— Мой экипаж тоже может отдохнуть? — тут же спросил Бикс.

— Разумеется, Бикс. Без своего командира они никуда не двинутся.

Позади были долгие недели величайшего напряжения. За последние несколько недель он подбил семьдесят пять вражеских танков и получил знак «За танковую атаку» высшего класса, дававшийся только за участие в 100 или более танковых боях. Данциг пал, но пехота и танкисты все еще держались на окраине города. Что означал этот приказ? Бикс терялся в догадках. Возможно, у командира батальона было для него какое-то особое задание.

День прошел. Вечером прибыл капитан Кэстнер вместе с батальонным адъютантом обер-лейтенантом Григатом и начальником штаба батальона лейтенантом Пинтельманом. Лейтенант Тауторус отрапортовал командиру батальона. Вскоре все они сидели в маленькой комнате. Здесь же были несколько унтер-офицеров, на счету которых были уничтоженные вражеские танки. Был разлит коньяк. Бикс все еще не понимал, что они празднуют. И вот встал майор Кэстнер.

— Друзья, мы собрались здесь по особому поводу. Мне представилось большое счастье и огромная честь вручить одному из опытнейших наших танковых командиров только что присвоенную ему высокую награду. Оберфельдфебель Бикс, от имени фюрера я вручаю вам Рыцарский Крест!

Лейтенант Пинтельман вынул из чемоданчика ко-

робочку, и командир батальона повесил высокую награду на шею Биксу Для Бикса это было полной неожиданностью. Он и понятия не имел о том, что должно было произойти. Конечно, его нередко упоминали и превозносили во фронтовой газете как «убийцу танков», но такого он не ожидал.

Оберфельдфебель из маленькой силезской деревушки носил теперь высшую награду Германии за храбрость. Что бы сказала, узнав об этом, его мать? Что бы сказал его учитель, его товарищи? Но его мать уже двинулась в путь на запад. Бикс вспомнил товарищей, прошедших плечом к плечу с ним не одно сражение. Их лица проносились перед его мысленным взором. Одни — похоронены где-то в необъятной России, другие — ранены и вывезены в тыл. Мысли его в этот час были горькими.

Война шла к концу. Противник стягивал кольцо вокруг немецких войск, сражавшихся на клочке земли, звавшемся косой Фрише-Нерунг. В руках немцев оставались только деревушки Никельсвальде и Шивенхорст. Предпринимались отчаянные попытки эвакуировать на запад по морю женщин и детей. Куда бы ни направлялись танки, всюду были гражданские, оборванные и изможденные, угнетенные грузом страданий и слез.

Безоружные солдаты строили трапы и помогали гражданским. Но на Фрише-Нерунг оставалось еще 180 тысяч человек, и чтобы полностью их эвакуировать, требовалось много времени. Герман Бикс и его истребители танков, защищавшие подступы, должны были содействовать успеху эвакуации. Там, где пытались прорваться советские войска, на их пути вставали танки 4-й танковой дивизии. Сражение шло на пляже и в прибрежных дюнах Данцигской бухты.

Одной из «ягдпантер» командовал оберфельдфе-

бель Герман Бикс, ставший 20 апреля 1945 года фанен-юнкером.

Были подготовлены десять огневых позиций. 4 мая Бикс находился на девятой позиции. Ему было приказано вместе с последними четырьмя самоходками роты сдерживать противника, отступая к шестой позиции. Они должны были обеспечивать прикрытие до тех пор, пока последние беженцы и солдаты не покинут Фрише-Нерунг и полуостров Хела. Вести бои предстояло до 12 мая. Затем последние экипажи самоходок должны были взорвать свои «ягдпантеры» и сесть на моторный баркас, который переправил бы их в море на подводную лодку. В Данцигской бухте еще оставался легкий крейсер, который должен был прикрывать их огнем до последней минуты.

Советские войска продолжали давить. Они попытались прорваться в Никельсвальде, но все шедшие впереди танки были уничтожены. На позиции № 7 четыре немецкие самоходки обошла с фланга советская пехота. Тем не менее им удалось отбить атаку. Утром 6 мая, едва рассвело, оберфельдфебель Бикс заметил в бинокль, что советские солдаты валят деревья и строят баррикаду.

— Что это они задумали? — спросил он Швафферта.

— Вряд ли они собираются окопаться, — ответил Швафферт.

Вдруг они услышали шум двигателя. За баррикадой в воздух взвилось облако сизого дыма. Появились двое советских солдат, которые раздвинули ветви деревьев в баррикаде, и Бикс увидел ствол огромного орудия с дульным тормозом. «Это не танк, — заметил он. — Заряжай бронебойный. Дистанция — 400».

Наводчик прицелился. Бикс еще раз проверил прицел и приказал стрелять. После выстрела вокруг «ягдпантеры», укрывшейся среди елей, все заволокло ды-

мом и гарью. На самоходку дождем посыпалась хвоя, закрывшая экипажу обзор. Вспышки, которая указывала бы на прямое попадание, никто не заметил.

Когда обзор стал получше, Бикс увидел, что противник все еще на месте. Они выстрелили во второй раз и в третий, но никакого видимого ущерба вражескому орудию не нанесли. Потом огонь открыло советское орудие. Первый снаряд ударил в землю метрах в трех перед «ягдпантерой». В боевое отделение пахнуло пламенем и дымом.

Второй снаряд гигантского советского орудия пронесся в нескольких метрах над рубкой истребителя танков. Третий попал в цель. Бикс увидел, как дернулось назад противооткатное орудие его «ягдпантеры». Мощный удар оглушил его, поэтому он не услышал доклада наводчика о том, что оптика разбита и больше ничего не видно.

Бикс открыл затвор и попытался целиться, глядя через ствол, но обнаружил, что противооткатный механизм торчит изнутри, под крышей боевого отделения. Он понял, что орудийную маску сорвало с цапф и скоро им наступит конец.

— Назад! — приказал он механику-водителю, и самоходка, взревев двигателем, пришла в движение.

«Командир — Хофкнехту», — вызвал Бикс фельдфебеля, командовавшего второй машиной, находившейся в дюнах. Тот слышал приказ и тоже начал отступать. Затем Бикс вызвал батальон. Лейтенант Пинтельман, бывший в лазарете, прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть отход Бикса.

— Осторожно! Осторожно! — предупредил лейтенанта Бикс, но было уже поздно.

Мощное орудие вновь выплюнуло столб пламени. Танк лейтенанта тоже получил попадание в маску орудия и остановился. Он вынужден был дать приказ на

отступление. Фельдфебель Хофкнехт выехал на боковую дорогу и заметил, что «стенобитное орудие», как они прозвали тяжелое самоходное орудие, медленно двинулось вперед. Увидев в прицеле борт новейшей и самой тяжелой из советских самоходок, он дважды выстрелил ей в борт бронебойными. Экипаж выбрался и сдался Хофкнехту. Тот разглядел, что три снаряда Бикса попали в центр лобовой части самоходки и вошли в нее сантиметров на десять, но так и не смогли пробить двадцатисантиметровую наклонную лобовую плиту.

На этот раз нашелся человек, превзошедший Бикса. Через два дня Бикс получил приказ командира батальона вместе с экипажем отступить к Никельсвальде. По пути он узнал от беженцев, что Германия капитулировала. Ночью они плыли на судне в сторону полуострова Хела. У самого места назначения их подобрали два тральщика, и в этом им повезло, поскольку иначе выбраться с Хелы им бы уже не удалось. 14 мая они достигли Киля и сдались в плен англичанам. Война для них закончилась.

Важные даты из жизни Германа Бикса

10 октября 1914 года: Родился в Силезии.

1 октября 1941 года: Произведен в фельдфебели.

20 октября 1941 года: Награжден Железным Крестом 1-го класса за уничтожение в одиночку советского мотострелкового батальона.

1 августа 1942 года: Произведен в оберфельдфебели.

22 августа 1942 года: Ранен при подрыве на мине. Эвакуирован в Германию. После выздоровления направлен в школу фельдфебелей в качестве инструктора и командира взвода.

оября 1942 года: Награжден Золотым Германским Крестом.

на 1944 года: Возвращение на Восточный фронт (группа армий «Центр»).

июня 1944 года: Начало советского наступления против группы армий «Центр».

уст 1944 года: Дивизия передана группе армий «Север».

августа 1944 года: Ранен во второй раз. Награжден серебряным знаком за ранение и знаком «За танковую атаку» 2-го класса. Начало первого сражения за Курляндию.

октября 1944 года: 4-я танковая дивизия переброшена из Курляндии в Данциг.

абрь 1944 года: Взвод получает истребители танков «ягдпантеры».

чало 1945 года: Бикс уничтожает 75 вражеских танков за три недели, в том числе 16 в один день.

марта 1945 года: Награжден Рыцарским Крестом.

й 1945 года: Эвакуирован с косы Фрише-Нерунг по морю. Сдался англичанам в Киле.

Альберт Эрнст

УНИЧТОЖЕНО ВОСЕМЬ ВРАЖЕСКИХ ТАНКОВ

— Командир, там творится кромешный ад!

Так унтер-офицер Кёттер, механик-водитель «Ястреба», противотанковой самоходки командира взвода, описал адский гул советской артиллерии. Было раннее утро 19 декабря 1943 года. Шел седьмой день советского наступления. 519-й тяжелый дивизион истребителей танков выдвинулся форсированным маршем к фронту, где его использовали в качестве мобильной «пожарной команды». «Скоро настанет и наш черед», — заметил унтер-офицер Герберт Колани.

Лейтенант Альберт Эрнст, командир взвода противотанковых САУ «хорниссе» 1-й роты 519-го тяжелого

дивизиона истребителей танков, попыхивал сигаретой. Он нервничал. Ему впервые предстояло вести тяжелую самоходку в бой. На учениях все проходило гладко. Воевать на противотанковых самоходках «хорниссе» с их внушающими ужас пушками «восемь-восемь» было большой честью.

— Кто-то едет! — крикнул от входа в избу ефрейтор Бретшнайдер. Через несколько секунд подъехал мотоцикл с коляской, и входная дверь распахнулась. Это был капитан Штрелер, командир 1-й роты.

— Эрнст, готовься. Ты с тремя машинами выходишь через три минуты. Направление — Сураж.

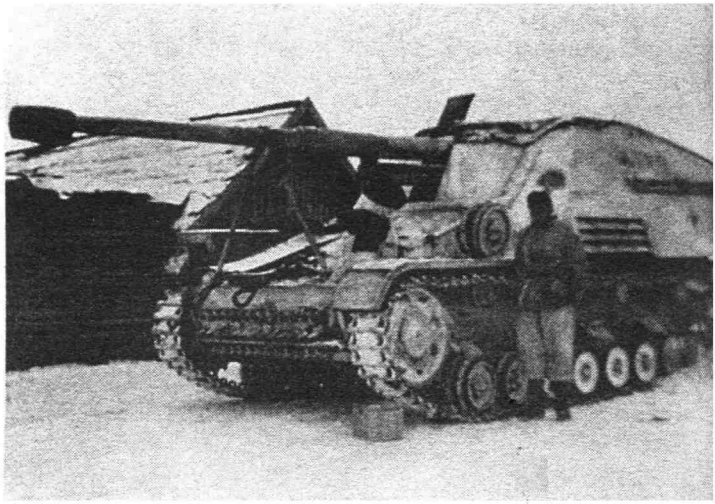
— Мы все? — спросил лейтенант. Капитан Штрелер кивнул.

— Взводы будут распределены по всему фронту сосредоточения русских. Нами, так сказать, подпирают пехоту, Эрнст.

Капитан отправился дальше ко 2-му взводу. В низенькой крестьянской избе начался переполох. Несколько минут спустя экипажи трех самоходок «хорниссе», расквартированные в избе, уже собрались у своих машин. Самоходная установка была собрана на шасси танка Pz-IV с неподвижной рубкой, в которой устанавливалось 88-мм орудие, длинный ствол которого придавал машине сходство с гигантским доисторическим слоном. Лейтенант Эрнст занял свое место в строю и узнал, что фельдфебель Найгель со своим взводом уже выступил.

— Поехали! — скомандовал он.

Огромная машина сорвалась с места, и три истребителя танков двинулись клином туда, откуда доносился рев рвущихся артиллерийских снарядов. Экипаж ехал, стоя в открытом сверху боевом отделении. Альберт Эрнст быстро окинул их взглядом. На всех них можно было положиться. Звуки канонады раздавались



Людвиг Найгель у своей САУ «хорниссе»

все ближе и ближе. Земля перед ними гейзерами взметалась высоко вверх. В воздухе свистели куски мерзлого грунта.

— Веди прямо на разрывы, Кёттер! — приказал Эрнст механику-водителю. Возбуждение постепенно оставило его. Лицо его напряглось и вытянулось. Сузились глаза, вперившиеся в приближающийся ад.

Когда они добрались до городка, находившегося в центре артиллерийского обстрела, над домами поднималось пламя, и острый, пронизывающий восточный ветер гнал облака черно-желтого дыма и огонь к трем самоходкам. Лейтенант Эрнст осмотрел местность перед собой. Затем они отправились на командный пункт батальона.

— Как думаете? — обратился Эрнст к заместителю командира батальона. — Русские собираются наступать?

— Конечно! Вчера они прощупывали нашу оборону и пристреливали артиллерию. Они скоро появятся... Сигарету?

Лейтенант Эрнст закурил еще одну сигарету. Позже, во время боя, на это не будет времени, а после боя курить не захочется. Курил он торопливо.

— Они пытаются пробиться здесь уже неделю, — продолжал заместитель командира батальона, тайком рассматривая лейтенанта в черной танкистской форме. Он обратил внимание на награды: оба Железных Креста, серебряная нашивка за ранения и высокий болгарский орден на шее. Похоже, этот лейтенант — стоящий человек.

Лейтенант Эрнст вместе с пехотным офицером прошел на КП. Здесь ему указали наиболее подходящее место для засады, и он вышел. К нему подошли Хольман и Фрессонке, командиры других двух САУ.

— Что происходит, командир?

— Русские бросают в бой свежие дивизии. Они хотят взять Витебск и срезать клин у себя на фланге.

— Бедолаги... — Фрессонке махнул рукой в ту сторону, где рвались снаряды.

— Мы выдвигаемся к той гряде холмов и занимаем позиции на обратном скате, — сказал Эрнст. — Наступление, наверное, начнется сразу, как кончится обстрел.

Они двинулись вперед, достигли холмов и въехали на них так, чтобы рубки истребителей танков лишь чуть-чуть возвышались над гребнем. Это давало им чистый сектор обстрела по расстилавшейся перед ними долине. «Хорниссе» расположились по фронту примерно в ста метрах друг от друга. Двигатели были заглушены. Грохот и треск артиллерийской подготовки усиливался. Унтер-офицер Георг Кёттер открыл водительский люк и смотрел на творившийся перед ними ад.

Дни в декабре были короткие, и, хотя время было еще не позднее, уже начинало смеркаться. Море артиллерийского огня и рвущихся снарядов перед ними росло ввысь и вширь. Казалось, что оно вот-вот целиком закроет небо.

— Черт! — выругался обер-ефрейтор Шётте, в десятый раз протирая прицел.

— Ястреб вызывает всех. Вы готовы? — спросил лейтенант Эрнст. Один за другим командиры доложили о готовности.

Внезапно интенсивность артиллерийского огня достигла нового уровня. Вот оно! Альберт Эрнст помнил по опыту зимы 1941/42 годов под Москвой, когда он со своей самоходкой был придан 3-му мотоциклетному батальону 3-й танковой дивизии: сейчас русские пойдут в атаку! Вблизи самоходок упало всего несколько снарядов. Они вгрызались в мерзлую землю, заставляя ее дрожать. Сталь, выпущенная из тысяч стволов, обрушивалась на немецкие позиции. Под жесточайший огонь попали солдаты 14-й пехотной дивизии. Им пришлось выдержать тридцать минут массированного обстрела. Вдоль гряды холмов снаряды начали ложиться ближе. Один снаряд разорвался метрах в тридцати от «Ястреба». Экипаж пригнулся: большие комья земли заколотили по лобовой броне.

— Ублюдки! — взревел Бретшнайдер, которому ком земли угодил в поясницу.

Как всегда невозмутимый Колани ответил:

— Держи свои жалобы при себе!

Вдруг обстрел прекратился. Эрнст поднес к глазам бинокль. Вдали, перед занятым противником Суражем, он разглядел плотную массу солдат Красной Армии. Между ними чернели точки. Это были... Да, это были советские Т-34 и КВ-1!

— Идут! Приготовиться!

Первый снаряд уже был в стволе. Унтер-офицер Колани навел орудие в сторону наступающих советских войск.

«Пока не стрелять! — приказал лейтенант. — Пока не будем уверены, что каждый снаряд попадет в цель. Тогда они получат свое». Лейтенант, стоявший на платформе в левой задней части рубки, имел лучшее поле обзора, но при этом он был открыт для пулеметного и артиллерийского огня. Глянув направо и налево, он увидел, что «Канюк» и «Орел» также изготовились к стрельбе. Между тем советские танки начали скрываться в истерзанном снарядами перелеске. Появившись снова на открытой местности, они оказывались в пределах досягаемости для «хорниссе». Экипажи САУ уже могли расслышать грохот и рев приближающихся танков. Скоро они должны были приблизиться к основной линии обороны, где в своих промерзших окопах их ждали с пулеметами пехотинцы.

Советские минометы открыли огонь по немецким позициям. Снова и снова раздавался пронзительный, резкий звук рвущейся мины. Вокруг трех истребителей танков начали падать первые бронебойные снаряды, затем на холмы обрушились минометные залпы. Плотно натянув наушники и выкрутив ручку громкости радиостанции на максимум, чтобы слышать сквозь шум рвущихся мин, лейтенант Эрнст стоял у оптического прицела. Он вынул сигарету изо рта, бросил ее на пол и растер окурок носком сапога, ни на мгновение не отрывая глаз от прицела — дело было достаточно привычное.

Внезапно он понял: время пришло!

Из прореженной полоски леса начали появляться танки: десять... пятнадцать... двадцать. За ними шли еще и еще.

— Ястреб вызывает всех. Дистанция тысяча восемьсот!

Прицел, проверка, поправка прицела.

— Огонь по готовности!

Колани нажал на кнопку выстрела. Первый снаряд покинул ствол «восемь-восемь». САУ содрогнулась от отдачи. Впервые после долгих недель обучения они вели огонь по врагу. Теперь им предстояло проявить себя или сгинуть.

— Горит! — проревел заряжающий Шётте, здоровый молодой детина. Он уже держал на руках новый снаряд и заталкивал его в ствол. Вспыхнул подбитый Т-34. Весь строй наступающих танков вдруг остановился. Выстрелил «Канюк». Мгновение спустя, почти одновременно, произвел первый выстрел и «Орел».

Снова прицел. Колани работал быстро и четко.

— Тысяча шестьсот, правее!

Еще одна поправка, цель в прицеле и — огонь! Еще одно попадание, на этот раз в корпус. Танк загорелся. Три истребителя танков стреляли все быстрее и быстрее. Попадание! Попадание! Попадание!

Танки противника стреляли в ответ и начали уклоняться, пытаясь уйти из этого ада. Три «хорниссе» продолжали поливать атакующие советские танки огнем из своих 88-мм орудий. Все больше танков останавливались и горели или поворачивали назад, чтобы скрыться в спасительном мраке леса.

Внезапно на холм обрушился ливень снарядов. По-видимому, вражеская артиллерия только что получила новую цель. Снаряды рвались совсем рядом с тремя машинами. Вокруг них разверзлась геенна огненная. Повсюду вверх взметались языки пламени, сталь стучала о сталь, кричали раненые. К обстрелу присоединились минометы. Смертоносные снаряды сыпались, словно град, но не причиняли большого ущерба.

потому что осколки 50-мм минометных снарядов или перелетали через истребители танков, или безобидно стучали по стальной рубке.

Заряжающий Рудольф Шётте зарядил новый снаряд. «Восемь-восемь» громыхнула, и пустая гильза, с грохотом проскочив пружинный механизм выбрасывателя, лязгнула об пол. Над вражеским танком взметнулся султан пламени от взорвавшегося боекомплекта, превращая машину в стальной гроб. Лейтенант Эрнст позабыл о происходящем вокруг него. Все его мысли были направлены на то, чтобы уничтожить каждый танк, прорвавшийся к основной линии немецкой обороны и пытающийся обрушить мерзлые стенки траншеи или переехать стрелковую ячейку.

Бой продолжался. Приказы Эрнста были краткими и четкими, вселявшими уверенность в подчиненных. Не было никаких сомнений в том, что им по силам остановить это танковое наступление. Один за другим последние танки противника исчезали в темноте. Восемь из них остались на поле боя — расстрелянные, разорванные, не подлежащие восстановлению. Шесть уничтожил «Ястреб», еще по одному — остальные САУ. Советская пехота также отошла. Несколько групп остались на ничьей земле перед немецкими окопами, вероятно, ожидая новой атаки. В ночи горело множество огней. Впереди пылало несколько изб. Два вражеских танка еще не остыли. Плотные облака дыма висели над ними, словно черные памятники их гибели. Советские войска перегруппировывались в Сураже. Вперед двигались новые ударные группы. Лейтенант Эрнст вытащил фронтовую газету и вслух зачитал экипажу последнюю сводку Вермахта: «Тяжелые бои в районе Невеля отодвигают на второй план прочие бои на Восточном фронте».

— Господи! Они ударили под Невелем!

— Это было четырнадцать дней назад к северу отсюда, — ответил лейтенант. — Теперь они хотят заодно смять и северный фланг нашей 3-й танковой армии

— Но русским не особенно везет, — вмешался подошедший фельдфебель Хольман. — Они безуспешно атакуют с 13 декабря, а уже девятнадцатое число. Они скоро выдохнутся.

— Боюсь, они продержатся дольше, и это только начало, — сказал лейтенант. — Возможно, русские хотят захватить здесь исходные позиции для наступления на Прибалтику. Для этого им нужно обрушить северное крыло нашей танковой армии.

— Только бы пехота держалась. Иначе русские выкурят нас из машин оружием ближнего действия, — предположил Хольман.

— Генерал-майор Флёрке [командир дивизии, награжденный Рыцарским Крестом за четыре дня до этого] остается здесь и в основном проводит время в окопах у пехтуры, — вмешался лейтенант.

— Довольно! Давайте поговорим о чем-нибудь другом! — взмолился унтер-офицер Фрессонке.

— Поговорим о яичнице и жареной картошке? — предложил Хольман.

— Черт побери! — взбесился Фрессонке. — Командир, запретите ему говорить о жратве.

Альберт Эрнст ухмыльнулся:

— Помнишь, Фрессонке... Борна... ресторан «Дикий кабан»... Жареная картошка и колбаса с...

— Командир, смерти моей хочешь? — с обидой в голосе спросил Фрессонке.

Они съели сухой паек. Чай, привезенный во флягах, подогрели на крышке моторного отделения. Вскоре настала полночь. Три самоходки заняли новые позиции на холме рядом с позициями пехоты.

— Знаете, если бы не вы, — сказал бородатый

обер-ефрейтор с Золотым Германским Крестом, — они бы нас просто раздавили.

— Просто постарайтесь, чтобы русские не добрались до нас. Об остальном мы позаботимся, — крикнул в ответ Фрессонке.

— Отставить разговорчики! — приказал Эрнст, не в силах сдержать улыбку. Этот молодой парень из Восточной Германии был человеком особого рода, очень надежным.

После полуночи прошло пять минут. «Слышите, командир? — спросил фельдфебель Хольман, продвинувшийся на северо-восток дальше всех. — Похоже, танки!»

Через несколько мгновений уже все они слышали лязг и грохот. Потом они заметили мерцавшие в темноте огоньки, вырывавшиеся из выхлопных труб вражеских танков. Лейтенант Эрнст осмотрел местность. Вот они! Никаких сомнений — танки идут вперед! А темная масса за ними, ближе к вражескому тылу — это пехота, идущая в новую атаку.

— Не дайте им прорваться! — крикнул пехотинец, подошедший к машине. Он взглянул снизу вверх на Эрнста. В бледном свете полной луны лейтенант увидел узкое молодое лицо. Большие глаза пехотинца смотрели на него с мольбой.

— Мы вас не бросим, — ответил Эрнст.

— Внимание! «Канюк», возьми тот, что справа. «Орел», твой — слева. Видите их?

— Вижу цель! — оба командира ответили почти одновременно.

— Стрелять наверняка!

Они выжидали. Впереди застрочил первый МГ-42. Начался бой между немецкой и советской пехотой. Большинство вражеских танков остановились. Из стволов их 76-мм орудий вырвалось пламя.

— Внимание! По моей команде... Огонь!

Все три «восемь-восемь» выстрелили разом. Снаряды с воем понеслись в сторону противника, врезались в стальную броню, и сразу три танка были обездвижены одним ударом. Два из них, хоть и были лишены возможности двигаться, продолжали стрелять.

— Они штурмуют кладбищенский холм!

— Мы их остановим!

Они открыли огонь, когда первый Т-34 показался на верхней гряде холмов. И снова: рев орудийного выстрела, лязг гильзы в выбрасывателе, треск бронебойного снаряда, пронзающего сталь. Справа раздался мощный взрыв. Вверх взметнулось пламя. На экипаж дождем посыпалась грязь. Ком земли — по счастью, мягкой — ударил Шётте, могучего заряжающего родом из Лейпцига, прямо в лицо. Тот выругался, сплюнул и вернулся к работе.

Т-34 катился по низине прямо на них. Первый снаряд прошел над его башней. Башня повернулась, качнулся длинный ствол пушки. Из ствола вырвалось пламя. Спустя две секунды снаряд угодил прямо в «Орла». Эрнст услышал в наушниках голос унтер-офицера Фрессонке: «Командир, мы...» Слова перешли в долгий булькающий хрип. Лейтенант повернул голову и увидел экипаж «Орла», лежащий на земле.

— Огонь! — крикнул он.

На этот раз Колани не промахнулся. Снаряд попал в башню Т-34. Башню сорвало с корпуса, и она упала на землю метрах в десяти. «Канюк» подбил еще один Т-34. Теперь наступление противника было сорвано. Русские потеряли еще шесть танков. Теперь на счету истребителей танков было четырнадцать подбитых машин. Восемь из них были записаны на счет лейтенанта Эрнста. Пехотинцы очистили местность от вражеской

пехоты. У кладбищенского холма им пришлось отойти на 200 метров.

Когда унтер-офицер Кёттер закуривал первую сигарету, к машине подошел обер-ефрейтор Йолассен, заряжающий «Орла».

— Командир, экипаж эвакуирован. Унтер-офицер Фрессонке убит. Но я не хочу в тыл, я хочу остаться с вами.

На несколько секунд Эрнст утратил дар речи. Наконец он собрался с мыслями и ответил:

— Ты сам в каком состоянии?

— В левом локте кусок железа.

— С таким ранением ты должен немедленно отправляться на перевязочный пункт, Йолассен. Здесь тебе оставаться нельзя.

— Но рана-то пустячная. Я вам еще наверняка пригожусь. Я не хочу в тыл. Разрешите остаться.

Лейтенант Эрнст снова взглянул на обер-ефрейтора. Лицо юноши выражало решимость. Но лейтенант все еще колебался.

— Командир, — снова обратился к нему обер-ефрейтор. — Смотрите! — Он попытался вытянуть руку. Раздался ужасный треск, и лицо юноши исказилось от боли.

— Йолассен, ты должен...

— Я должен остаться здесь. Там всего лишь горстка пехотинцев. Я могу взять автомат и хотя бы прикрыть вас. Возможно, они смогут даже отправить меня в дозор. На это я еще гожусь. Чтобы стрелять, мне хватит и одной руки.

Он опустил правую руку и вытащил из кобуры пистолет. Тут лейтенант сдался. Он знал, что отказывать бесполезно и что он мог найти дело для этого человека. Он молча кивнул. На мгновение на его лице сверкнула улыбка, которая и теперь, после боя, ничуть не утрати-

ла напряженности. Он никогда не бросит этих людей в переделке. Они оставались с ним. Только так.

Через час лейтенант Эрнст вызвал обер-ефрейтора:

— Йолассен, мы идем в разведку.

— Отлично, — ответил юноша.

Они немедленно отправились в путь и ползком забрались далеко на ничейную полосу. Русских они не обнаружили. Похоже было, что больше в эту ночь атак ждать не стоило. В течение следующего часа Йолассен еще дважды отправлялся на передовую посыльным.

— Мы отойдем в тыл... пополним боекомплект, заправимся и отдохнем несколько часов. Соберите наших раненых... и убитых! — приказал Эрнст.

За следующие полчаса они приняли немало раненых из 14-й пехотной дивизии и уложили их в боевом отделении. Второй «хорниссе» тоже был загружен полностью. Те, у кого ранения были полегче, забрались на крышку моторного отделения.

— Аккуратнее! — крикнул им механик-водитель. — Глядите, чтобы ваши задницы от жары не растаяли!

Они медленно двинулись в тыл. Кёттер осторожно вел машину со страшным грузом к главному перевязочному пункту. Здесь лейтенант Эрнст встретил начальника медслужбы дивизиона, полковника Брунца.

— Пусть Фрессонке отнесут на кладбище. Мы хотим утром похоронить его.

— Сделаем, Эрнст, — ответил доктор Брунц и протянул тридцатилетнему лейтенанту руку.

Незадолго до того, как они должны были вернуться на передовую, снова появился обер-ефрейтор Йолассен.

— Командир, я здесь оставаться не могу. Возьмите меня с собой!

— Ты с ума сошел, Йолассен, — ответил Эрнст. — Ты не можешь вернуться туда вместе с нами! Одумайся!

Лейтенант Эрнст устроил юноше настоящую головомойку. Обер-ефрейтор долго молча смотрел на него полным мольбы взглядом. И снова лейтенант сдался. Он жестом показал Йолассену на САУ.

— Спасибо! — крикнул Йолассен и, словно боясь, что лейтенант передумает, бросился к машине, вскарабкался на борт и уцепился покрепче.

Ночь прошла. Обе САУ были снова подготовлены к бою. Эрнст и его люди узнали, что весь дивизион вместе с ротой «тигров» из 501-го тяжелого танкового батальона, направленной генерал-майором Флёрке, уничтожил шестьдесят вражеских танков. Из них только три «хорниссе» лейтенанта Эрнста уничтожили четырнадцать. Люди разошлись по избам, рухнули на солому и быстро уснули.

21 декабря лейтенант Эрнст проснулся вскоре после полудня. Монотонный рокот артиллерии врывался в комнату сквозь открытое окно. Он встал и умылся водой из приготовленного для него таза.

— Ты со мной, Богхут?

Фельдфебель Вилли Богхут кивнул. Они вышли из избы, оставив внутри своих товарищей, из которых кое-кто еще спал. «Хорниссе» были поставлены вплотную к западной стене избы и замаскированы соломой. С воздуха они были практически невидимы и казались небольшими пристройками к дому.

— Как прошла ночь, Вилли? — спросил Эрнст своего друга.

— Впустую! — с легким раздражением в голосе ответил Богхут. — Такое чувство, будто, когда я со своим взводом выхожу на передовую, русские и не думают наступать. А когда выходишь ты, они всегда валят толпами.

Пошел снег. Резкий восточный ветер швырял его на деревню клубящимися облаками. Снег сыпался на борта самоходки. Принадлежащий взводу мотоцикл с ко-

ляской, стоявший под открытым небом, был заметен почти полностью. Из-за угла показался часовой, на ногах которого были надеты толстые, подбитые мехом ботинки. Он шел пригнувшись, чтобы закрыться от летящего в лицо снега. Увидев их, часовой выпрямился, чтобы отдать честь, но Эрнст жестом предложил ему продолжать путь. Они вошли в дом.

— Вроде бы сегодня из тыла должна прийти почта? — спросил Хольман, только что умывшийся и приступивший к бритью.

— Может быть, ее привезут днем вместе с пайками... Эй, дядя Саша, ты что это делаешь?

Пожилой русский, который для всех был кем-то вроде денщика, выпрямил сгорбленную спину и показал сделанную им самокрутку.

— Вот, лейтенант! Хороший табак! — сказал он и протянул сигарету.

— Хм... Пахнет подсолнухом и перечной мятой. Это лучше даже не пробовать, — сказал Эрнст и рассмеялся. Старик ухмыльнулся и закурил. Потом он встал и поковылял в свой сарай.

Эрнст огляделся. Фрессонке положили позади грузовика. Там было кладбище. Завтра они его похоронят.

— Полевая кухня едет! — сказал один из солдат, которые к этому времени уже все проснулись. Они бросились к двери и распахнули ее. Бой затих. Война переводила дыхание перед очередным раундом.

Полевая кухня расположилась рядом с избой командира роты. Люди вышли на улицу, по одному от каждого экипажа, и у каждого было по пять котелков. Ручки котелков были сплетены вместе, чтобы все пять можно было нести в одной руке. В другой руке несли коробки с сухими пайками.

Колани и Хольман подбежали к пришедшему с кухней грузовику. «Где почта, Шааршмит?» — спросили

они штабсфельдфебеля. Прищурив глаза под толстыми линзами очков, тот показал себе за спину.

Хольман схватил почтовую сумку и побежал к избам. Когда Бретшнайдер принес еду, почту уже разобрали, а сумку передали во 2-й взвод. Они быстро поели. Альберт Эрнст тоже поймал себя на желании побыстрее покончить с едой и вскрыть письмо — на двух из них был виден почерк его молодой жены. Но он заставил себе подождать и дохлебать горячий гороховый суп. Конверты все вскрыли почти одновременно. После этого в избе стало так тихо, что дядя Саша понял, что происходит.

— От жены? — спросил он у лейтенанта. Эрнст кивнул.

— С ней все в порядке?

— Да, все в порядке, — сказал Эрнст. Слова, выведенные на бумаге рукой любимой жены, унесли его мысли на тысячи километров. Все прочее было забыто. Все что теперь имело для него значение, — это написанные строки и знание, что где-то далеко есть кто-то, кто молится о нем и беспокоится за него.

Тишину расколол громкий шум. Облегчение, радость и уверенность наполняли комнату ровно до того момента, когда фельдфебель Хольман передал командиру взвода три письма. Они были адресованы Фрессонке: одно из Лейпцига, от родителей, и два из Борны, от невесты. Это была другая сторона войны. Фрессонке был мертв. Те, кто оставался дома, надеялись на лучшее, но его постигла участь солдата. Он погиб так же, как и жил, — незаметно. Он был товарищем, которого они никогда не забудут. Эрнст, как командир взвода, должен будет написать родителям. Быть может, его слова дадут им то утешение, в котором они нуждаются. Слова утешения и уверения в том, что он не страдал. Фрессонке они не воскресят, но могут облегчить боль.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Зазвенел телефон. Утро 22 декабря для них началось рано. Альберт Эрнст увидел, что ефрейтор жестом зовет его к телефону. Он быстро вскочил и поднял трубку.

— Первый взвод, это лейтенант Эрнст.

Из трубки раздался зычный голос майора Вольф-Хорста Хоппе:

— Эрнст, вам надлежит немедленно выступить с одной машиной в направлении Суража. Наступает русская пехота. Нашей пехоте нужна поддержка.

— Я выступаю немедленно!

— Снова началось? — спросил Хольман.

— Вы остаетесь здесь. «Ястребу» — приготовиться!

Через три минуты их в избе уже не было. Ледяная вьюга била в лицо. Небо сыпало льдинками, но, к счастью, не слишком густо. Пока они занимали места в машине и прогревали двигатель, снегопад немного стих.

— Вперед, Кёттер! В сторону кладбища!

Самоходка двинулась вперед. Ревел мощный двигатель. Истребитель танков быстро преодолел ложбину, перевалил в облаке снежной пыли через гребень холма и покатился вниз, к следующей низине. Дорогу показала группа саперов. Они двинулись в указанном направлении, объезжая минные поля, установленные для защиты от вражеских танков. Наконец они достигли района сосредоточения пехоты. К ним подбежал незнакомый майор.

— Как дела? У вас достаточно осколочно-фугасных снарядов? — спросил он.

Альберт Эрнст кивнул и спросил:

— Где прорыв?

— За мной, я покажу. Вражеский пулемет не дает нам поднять голову!

Они двинулись следом за майором. Когда пулеметная очередь заставила того укрыться, самоходка проехала мимо. Эрнст перегнулся через борт «хорниссе»:

— Мы обнаружили цель. Какой сигнал к атаке?

— Зеленая ракета, пущенная наклонно вперед. Не двигайтесь слишком быстро!

— Скажите своим людям, чтобы не толпились за самоходкой — это очень опасно.

Майор кивнул. Они подъехали к группе невысоких елочек. В этот момент на холме блеснули четыре огненных вспышки.

— Уничтожить пулемет! — приказал Эрнст.

Унтер-офицер Колани прицелился по пулеметной позиции. Он прицелился так, чтобы снаряд попал на полметра ниже вспышек выстрелов. В стволе был осколочно-фугасный. Грохнул выстрел, и показалось, что отдача отбросила «хорниссе» чуть назад.

— Попадание! — закричал один из пехотинцев, лежавших в окопах по обе стороны от САУ. Второй и третий снаряды полностью разрушили пулеметную позицию.

— Командир, сигнал!

Альберт Эрнст его уже увидел.

— Вперед, на малой скорости!

Истребитель танков двинулся вперед. В стволе уже был следующий осколочно-фугасный снаряд. Колани не стрелял — он ждал цели, по которой можно было стрелять наверняка. Пехотинцы шли меньше чем в десяти метрах за самоходкой. Когда раздался кашляющий звук минометных выстрелов, они бросились искать укрытие. Лейтенант Эрнст всматривался в оптический прицел. Он увидел бурые фигуры советских солдат в низине. Самоходка в этот момент стояла на гребне холма. Вид открывался великолепный.

— Шестьсот метров, прямо по курсу!

— Вижу цель! — отозвался через несколько секунд наводчик.

— Огонь по готовности!

Огромная пушка с грохотом выстрелила. Звякнул выбрасыватель. Пустая гильза загремела по полу. Шётте тут же дослал новый снаряд. Затвор захлопнулся. Снаряд разорвался посреди группы красноармейцев, пытавшихся собраться в низине для новой контратаки. Атакующие немцы их опередили.

«Вперед! Вперед!» — ревел майор, появившийся рядом с «хорниссе». Он поднял руку и показал в сторону низины. Пехотинцы вскочили на ноги и бросились вперед. Унтер-офицер Кёттер вел ревевшую двигателем самоходку следом за ними.

Лейтенант Эрнст увидел, что обер-ефрейтор Йолассен помогает заряжающему. Лицо молодого солдата было белым, как мел. «И как это он еще держится?» — только подумал Эрнст, как Йолассен рухнул. Из последних сил он отполз в сторону, чтобы не мешать Шётте. Эрнст пообещал себе, что он сам отнесет Йолассена на перевязку, если они выберутся из этой передряги.

Атакующие быстро двигались вперед. Они достигли передовых позиций русских. Осколочно-фугасные снаряды крушили огневые точки. Противник побежал.

«Танки!» — крикнул Кёттер. Он вдруг заметил через смотровую щель Т-34, появившийся из дефиле справа. За ним последовали еще три... четыре... пять танков.

Последний осколочно-фугасный снаряд вылетел из ствола орудия. Заряжающий сунул в ствол бронебойный снаряд. Русские снаряды врезались в мерзлый грунт справа и слева. Смерзшийся в камень ком земли ударил Колани в лоб. Наводчик бесшумно съехал на пол.

— Поднимите его! — крикнул лейтенант. Вместе с

Шётте они подняли потерявшего сознание товарища и уложили его ближе к борту. Ефрейтор Бретшнайдер тут же начал оказывать ему помощь. Эрнст приник к прицелу наводчика. В поле зрения появился первый Т-34. Вот он оказался в перекрестье прицела. Небольшая поправка — и Эрнст нажал кнопку выстрела. С гулким ударом бронебойный снаряд вылетел из ствола и ударил Т-34, сорвав башню с погона.

— В цель! — прорычал Шётте.

Лейтенант Эрнст увидел покрытое потом лицо здоровенного обер-ефрейтора, таскавшего снаряды, словно спички. Он знал, что на этого человека можно положиться.

— Берегись, Шётте! — предупредил он, когда рука здоровяка оказалась слишком близко к выбрасывателю. Откат ствола стоил раздробленных рук немалому числу заряжающих, но Шётте уже заметил опасность.

— Командир, Колани приходит в себя, — облегченно крикнул Бретшнайдер.

Эрнст не услышал ни слова. Он увидел вспышку пламени, вырвавшуюся из ствола, и проводил взглядом снаряд, пролетевший почти над самой самоходкой и ударившийся далеко позади.

— Вправо, 90! — приказал он. Кёттер развернул машину, затем слегка подправил курс. На этот раз снаряд «восемь-восемь» сорвал передний правый опорный каток Т-34, приготовившегося сделать новый выстрел. Сила удара сдвинула танк, и второй снаряд прошел мимо. Вдруг по «хорниссе» открыли огонь слева, примерно с трехсот метров.

— Зигзаг! Жми! — крикнул Эрнст.

Самоходка вильнула словно хромой гигант и повернулась прямо на Т-34, пушка которого снова плюнула пламенем.

— Стоп! Стоп!

«Хорниссе» резко остановилась, и Эрнст выстрелил. Это был выстрел «навскидку» из 88-мм пушки. Бронебойный снаряд ударил в лобовую броню Т-34 и пробил ее.

Несколько секунд казалось, что ничего не произошло. Затем башенный люк распахнулся. Командир танка и наводчик, оба объятые огнем, выскочили из машины. Они отбежали в сторону и бросились на землю, чтобы сбить пламя. Из люка показалась голова третьего танкиста. Когда он уже наполовину выбрался из люка, внутри Т-34 громыхнули два взрыва, убившие его и четвертого члена экипажа.

«Хорниссе» прошла немного вперед, остановилась в низинке, затем повернула в сторону и с урчанием поползла вверх по склону, чтобы занять новую позицию. Это была битва не на жизнь, а на смерть. Если русским танкам удастся их уничтожить, вынужденную укрываться в чистом поле пехоту попросту перебьют.

Они снова двинулись на врага. Под ударами снарядов «восемь-восемь» разлетелся пятый танк. Затем они подбили шестой. Промежуток в порядках готовившегося к наступлению противника был так велик, что приготовления можно было считать сорванными. Когда бой затих и они двинулись на исходную позицию, Колани спросил:

— Скольких вы подбили?

— Шестерых, старина!

— Значит, вы задали им жару за меня! — ответил Колани.

Эрнст подошел к Йолассену, за которым ухаживал радист. Йолассен лежал на одеяле и был укрыт еще двумя. Он по-прежнему был без сознания. Они вернулись к своей линии обороны. Пехота оттянулась в свои окопы. Майор поблагодарил лейтенанта Эрнста:

— Если бы не вы, мы бы угодили прямо в район со-

средоточения русских. Можно представить, чем бы это кончилось!

— Мы сделали все, что смогли, — ответил Эрнст и перегнулся через борт, чтобы пожать протянутую майором руку. Двигатель самоходки снова взревел.

— На перевязочный пункт, — сказал Эрнст, когда они достигли деревни. Кёттер выполнил приказ. Они внесли товарища в перевязочный пункт. Убедившись, что за Йолассеном обеспечат должный уход, они отправились в тыл для заправки и пополнения боезапаса. Вернувшись в деревню, экипаж узнал, что русские атаковали пехоту.

— Все остальные машины уже брошены в бой! — сказал фельдфебель Богхут.

— Хорошо, мы вернемся и вытащим их!

Эрнст и его экипаж бросились в бой во второй раз за день. Еще не дойдя до позиций пехоты, они увидели, что на этот раз противник атаковал на широком фронте и глубоко эшелонированным порядком. В оптический прицел Эрнст видел плотные ряды солдат Красной Армии, лежавших перед основной линией обороны. Убитые лежали сразу же за проволокой. Вид был ужасен. Бурые шинели убитых русских четко выделялись на снегу. Их там были сотни. Но снова и снова новые волны наступавших бросались в атаку и оказывались прижатыми к земле стрекочущими пулеметами. Волны накатывались и разбивались одна за другой. Отдельные солдаты подбирались ближе, зарывались в снег и скрывались из вида.

Внезапно советская артиллерия начала мощный обстрел. С тонким мелодичным свистом и воем бесчисленное множество снарядов обрушивалось на передовые немецкие окопы. Часть снарядов не долетала, падая среди передовых наступающих русских частей. Чуть позже артиллерия перенесла огонь на немецкий

тыл. Воздух наполнился звуками взрывов, свистом снарядов и пронзительным щебетанием раскаленных осколков.

— Еще один вражеский танк! — крикнул Кёттер. Он снова первым заметил приближение врага.

Вот увидел его и лейтенант Эрнст. Километрах в двух от них между плотными волнами четвертого эшелона наступавших чудовищным исполином двигался Т-34.

— Дистанция 2000, Колани!

«Хорниссе» остановилась. Унтер-офицер тщательно прицелился и выстрелил. Первый снаряд прямым попаданием уничтожил Т-34. Немецкий минометный взвод, позиции которого они только что миновали, начал выпускать 80-мм мины по наступающим русским. Стрекотали пулеметы, быстрым стаккато рокотали два счетверенных зенитных автомата. Плотные ряды русских залегли. Роты рассыпались. Раненые ползли обратно к своим окопам, остальные окапывались. Казалось, аду не будет конца. Вскоре немецкая артиллерия открыла огонь по ничейной земле, по которой двигалась четвертая волна атакующих.

— Когда же все это кончится? — простонал Кёттер, увидев, как в тылу противника поднимается пятая волна. Эрнст покачал головой. Наверное, это кончится лишь после того, как все атакующие найдут свою смерть. Русские явно были готовы пожертвовать всем ради решающего успеха.

Смертельный шторм пришел из глубины России. Солдаты Красной Армии бросались на немецкие позиции, пытаясь прорвать их и пронестись по ним разрушительным вихрем. Лейтенанту казалось, что он знает, почему так отчаянно атаковали русские. Позади наступавших войск стояли заградительные батальоны, перехватывавшие бегущих и бросавшие их обратно в бой.

— Осколочно-фугасным! — приказал он.

Следующие пятнадцать минут были наполнены стуком снарядов, щелчками пулеметных пуль по броне «хорниссе», частыми взрывами вражеских транспортеров, вспыхивавших после попадания снарядов. Все это время осколочно-фугасные снаряды рвались в гуще человеческих тел.

— Осталось два осколочно-фугасных, — доложил Шётте.

— Огонь! Потом вернемся и пополним боезапас. Несколько бронебойных оставим на всякий случай.

Они выпустили последние два снаряда и доложили по радио, что отходят. Когда они достигли деревни Плисово, лежавшей между линией фронта и районом расквартирования, их остановила группа пехотинцев. Почти все солдаты были ранены. Лейтенант увидел в лицах солдат ужас.

Перегнувшись через борт, он спросил:

— Что случилось?

— Русские танки прорвались к северу отсюда!

— Где именно?

— Прямо по этой разбитой дороге. Вы их увидите!

— Поворачивай, Кёттер!

Не дожидаясь команды, Шётте загнал в ствол бронебойный снаряд. Они вышли на северо-восточную окраину деревни и остановились. В бинокль Эрнст увидел танк. В чистом поле он выделялся небольшой точкой.

— Не меньше четырех километров, Колани. Мы можем его достать?

— Конечно, можем! — ответил наводчик. Он прицелился во вражеский танк.

Блеснул первый выстрел. Через пятнадцать секунд второй снаряд со звоном покинул ствол. Третий выстрел взметнул облако снега прямо перед Т-34. Четвер-

тый попал в цель. Над подбитым советским танком начал разворачиваться шлейф черного дыма, становясь все выше и гуще. Языки пламени поднимались все выше и выше. На лице Эрнста появилась улыбка облегчения. Раздалось четыре взрыва. С танком было покончено. Эрнст был рад, что удалось помочь пехотинцам. Впервые он почувствовал, как замерзли руки. Он сунул их в карманы камуфляжной куртки.

Пока Кёттер вел машину в тыл, экипаж курил. Двигатель ревел на высоких оборотах. Ветер сек обшивку «хорниссе». Они возвращались обратно, к своим теплым квартирам. Когда они пополнили боекомплект и поставили самоходку за домом, чтобы укрыть ее от ветра, на крыльцо вышел фельдфебель Шааршмит и заковылял к ним. Он улыбался. Его глаза блестели за толстыми линзами очков.

— Там внутри командир батальона, Эрнст, — сказал он.

— Хорошо, — ответил лейтенант. Он вошел внутрь и доложил: — Вернулся из боя. Уничтожено семь Т-34. Атака русских отбита.

— Великолепно, Эрнст! Думаю, после такого тебе должны дать Рыцарский Крест. Вчера Верховное командование сухопутных войск упомянуло о твоих успехах 21 декабря в приказе по армии.

— Спасибо!

Он крепко пожал протянутую руку командира батальона. Командир был ему по душе. Высокий офицер был награжден Золотым Германским Крестом. Он побывал в боях в Испании в батальоне подполковника фон Тома и был награжден Серебряным Испанским Крестом и испанским нагрудным знаком за танковую атаку.

— Вы научились неплохо обращаться с «хорниссе»,

Подбитый танк

Эрнст. Помните переучивание в Шпремберге? Когда вы не могли найти китель и докладывали полуодетым?

Майор улыбнулся командиру взвода. Они оба прекрасно друг друга понимали. Лейтенант мысленно вернулся к своим первым дням в 519-м тяжелом дивизионе истребителей танков.

Он снова работал с экипажем «хорниссе». Было лето 1943-го, палило солнце. Он снял куртку и работал в одних брюках. Зная, что однажды от этого может зависеть его жизнь, он хотел изучить каждый рычажок. Когда сообщили о прибытии майора, они устанавливали затвор. Эрнст тут же вылез из боевого отделения и хотел накинуть куртку, но не смог ее найти. Он вспомнил даже, о чем думал в этот момент. Но, отбросив все сомнения, он решил представить Хоппе свой экипаж, не одеваясь.

— Это еще что такое? — спросил майор.

— Лейтенант Эрнст, второй взвод. Прохожу обучение. Я должен знать, как все работает.

Майор на несколько мгновений задумался, затем снова обернулся к лейтенанту.

«Я пойду с вами, погляжу», — сказал он наконец и подошел к «хорниссе» вместе с лейтенантом. Потом он отметил, как хорошо работает Эрнст со своим экипажем и как быстро они действуют.

Через некоторое время он созвал офицеров батальона и сказал им: «Господа, завтра утром все вы и ваши экипажи должны явиться в комбинезонах. Офицер — первый член расчета орудия. Он должен знать все. И когда я говорю *все*, я именно это и имею в виду. Понятно?»

С тех пор другие офицеры стали относиться к Эрнсту не слишком дружелюбно, но вскоре положение изменилось.

— Вспоминаете Шпремберг, Эрнст? — спросил майор, с интересом глядя на офицера.

— Да, — ответил лейтенант.

— Замечательное было время. Особенно проводы в Ольденбрюке с гостями из ОКХ и ОКВ, когда мы демонстрировали свои «хорниссе».

— И прием после этого.

— Да уж. На следующий день я никого из вас добудиться не мог.

Майор улыбнулся и раздал привезенные сигареты и конфеты. «Берегите себя, ребята! У нас на счету каждая машина и каждый боец!» — он вышел из избы. Люди разлеглись на копнах сена. Подошел к концу еще день боев. На этот раз они не понесли потерь и были рады крыше над головой и возможности несколько часов поспать в тепле. Вскоре они уснули.

Старик-русский положил стопку кирпичей у печной трубы, требовавшей ремонта. Он работал тихо,

словно зная, как нужны людям эти несколько часов отдыха. Лейтенант Эрнст положил руки под голову. Его взгляд упал на тяжелые закопченные балки под потолком. Быстрым ударом он прихлопнул клопа, не успевшего укрыться. Потом он посмотрел на Бретшнайдера, сидевшего у стены на перевернутом ящике и писавшего на планшете письмо.

Что он писал своей милой? Рассказывал, что он живет в роскошной гостинице, наслаждаясь передышкой? Бретшнайдер был малым поэтичным, и просто удивительно, как ему удавалось в большинстве ситуаций увидеть что-то хорошее.

Через несколько мгновений уснул и Эрнст.

НОЧНАЯ РАЗВЕДКА

Наступил вечер, и дядя Саша завесил окна избы, где расположился на постой 1-й взвод. Пламя пары «светильников Гинденбурга» (плошек со стеарином) мерцало на ветру, врывавшемся через открытые окна. Фельдфебель Хольман играл в карты с двумя ребятами из своего экипажа. Они стучали по столу, сбрасывая козыри, смеялись, когда выигрывали, или ругались, когда проигрывали при хорошей карте. Альберт Эрнст разобрал свой автомат и теперь занимался его чисткой. Если русским когда-нибудь удастся вплотную подобраться к «Ястребу», от этого оружия будет зависеть все. Едва он собрал автомат, как раздался звонок полевого телефона. Лейтенант вскочил и подбежал к аппарату:

— Взвод Эрнста!

— Эрнст, похоже, русские этой ночью снова собираются атаковать. Проверьте район. Поглядите, что там творится, и если возникнут проблемы, идите на передовую и поддержите пехоту.

— Вас понял! Бернлёр, готовься идти в разведку.

Обер-ефрейтор, лихой мотоциклист, встал. Он накинул подбитую мехом кожаную куртку, натянул на уши меховую шапку и надел большие водительские очки. Потом он подхватил свой автомат, повесил его на плечо и доложил о готовности.

— Хорошо. Я готов. Дуй за мотоциклом и подъезжай сюда! — сказал лейтенант.

Эрнст тоже взял автомат. Через некоторое время он вышел из избы. Гул артиллерии, раньше доносившийся издалека, теперь стал ощутимо громче. Из сарая с урчанием выкатился мотоцикл. Фридхельм Бернлёр остановился у крыльца. Пассажирское сиденье было вытерто насухо.

— Все готово, Бернлёр? Бак заправлен?

— Доедем хоть до Москвы.

— Так далеко нам не надо, — ответил лейтенант и сел на сиденье позади водителя. Мотор взревел, и мотоцикл покатил по давно знакомому маршруту. Разогнавшись, они взобрались на обледеневший склон, проехали по оврагу и угодили в выбоину. Бернлёр поднял мотоцикл и повел дальше. Наконец они добрались до изб недалеко от передовой. Здесь их встретил обер-лейтенант. Он показал им дорогу, и они отправились глубоко на нейтральную полосу. Приблизившись вплотную к занятой противником деревне, они услышали танки.

— Они не движутся... просто работают на холостом ходу, чтобы прогреть двигатели, — предположил Бернлёр.

— Ты прав! А это значит, что они собираются снова атаковать!

В этот момент неожиданно открыла огонь советская артиллерия. В секунду небо наполнилось воем и

визгом снарядов, рвавшихся повсюду в адской свистопляске грохота и вспышек.

— Возвращаемся, Бернлёр! — приказал Эрнст.

— Прямо через эту срань? Может, лучше подождем, пока они перенесут огонь на тылы?

— Тогда будет уже поздно. В это время идет вперед их пехота. Пошли!

Они прошли благополучно. Чуть позже они услышали за собой шум наступления. Забравшись на вершину холма и оглянувшись назад, они увидели плотные, еле различимые группы наступающей пехоты. Среди пехоты они видели огоньки, вырывавшиеся из выхлопных труб сопровождавших ее танков.

— Атака на нашем участке, — сказал Эрнст. — Надо добраться до нашей машины и предупредить пехоту.

Неподалеку разорвался снаряд. Ударная волна сбросила их с мотоцикла. Лейтенант упал головой в сугроб, водитель приземлился в нескольких метрах от него и вывихнул правую руку. Ругаясь, они отряхнулись, подняли еще работавший мотоцикл и продолжили путь. Вслед им летели снаряды. Они вернулись на позиции пехоты.

— Русские наступают при поддержке танков! Готовьтесь! Я вернусь с тремя своими истребителями танков! — крикнул Эрнст офицеру. Мотоцикл с тарахтением направился туда, где стояли самоходки. Прибыв на место, Эрнст отправил Бернлёра в санчасть.

— Приготовиться! Ночная атака русских при поддержке танков со стороны деревни. Они наверняка уже там. Все готовы? Ты тоже, Штёрц?

Фельдфебель Штёрц, принявший самоходку Фрессонке — «Орла», доложил о готовности.

— Тогда вперед! Все за мной, не отставать! — приказал Эрнст.

«Ястреб» шел впереди. Рвались артиллерийские

снаряды, взметая в воздух камни и мерзлый грунт и обдавая машины снегом. Они проскочили воронку. Экипаж покрепче ухватился за поручни, чтобы не удариться о стенку боевого отделения. Чуть позже перед ними вырос обледеневший склон. На второй передаче они взобрались наверх и понеслись дальше. Снаряды перелопачивали землю на пути советского наступления. Пехотинцы были там. Если бы они решили остаться на месте, вполне вероятно, что никого из них уже не осталось бы в живых. К счастью, майор оттянул их назад метров на триста. Они вжимались в наскоро отрытые ячейки и всматривались в гущу рвущихся снарядов.

— Что творится на фронте справа и слева? — спросил Эрнст у командира батальона, как раз подошедшего к самоходке.

— Ни малейшего понятия — мы потеряли телефонную связь. Но мы должны выбить русских из деревни, иначе они накопят силы и перебьют нас всех.

— Танки в деревне есть? — спросил лейтенант.

— Как минимум четыре, может быть, больше, Эрнст! — ответил командир батальона.

— Настоящее осиное гнездо! — заметил Эрнст. — Нужно срочно с ним что-то делать.

— Если вы со своими тремя «хорниссе» поддержите нас, мы можем немедленно начать контратаку, Эрнст.

— Вот и хорошо! Мы можем двинуться тремя группами. У противника будет три цели, и он вынужден будет рассредоточить огонь.

Офицеры обсудили важнейшие детали операции. Потом Эрнст отдал приказ:

— Построиться клином! Интервал по фронту между машинами двести метров. Штёрц — справа, Хольман — слева. Я пойду в центре. Не слишком быстро, чтобы пехота не отставала.

Три ударные группы, в каждой одна «хорниссе» и

рота пехоты, двинулись вперед. Они шли к деревне, откуда доносился шум танков, выдававший позиции противника.

— Осторожно! Вот он!

Кёттер резко остановил «Ястреба». Пехотинцы укрылись. Из тени вынырнул танк. Он шел мимо ударной группы, подставляя «Ястребу» свой борт. В этот момент командир русского танка, видимо, заметил противника, потому что танк развернулся и его орудие начало поворачиваться.

Эрнст докладывает командиру после трудного задания

— Огонь!

Колани уже прицелился, и через доли секунды после того, как была дана команда, снаряд был на пути к цели. Бронебойный ударил Т-34 под башню, пробил бортовую броню и вылетел с другой стороны. Снаряд прошил оба борта Т-34. Советский танк остановился, и экипаж выпрыгнул из него, преследуемый автоматным огнем.

— Все в деревню! Быстро! — приказал Эрнст.

— Понеслись! — проревел Штёрц, еще не привыкший к строгой дисциплине радиопереговоров во взводе Эрнста. Эрнст хотел было тут же сделать ему выговор, но не решился, зная пагубность подобных выволочек на поле боя. Потом он поговорит с ним с глазу на глаз.

Машины двигались все быстрее и быстрее. На последнем участке пути истребители танков оторвались от пехоты. Они были уже на окраине деревни. Совет-

ские солдаты бросились врассыпную, когда самоходка открыла огонь осколочно-фугасными. Вперед они двигались осторожно. По мере появления групп вражеских солдат лейтенант указывал новые цели. Экипаж демонстрировал отличное взаимодействие, работая быстро и безошибочно.

— Где танки? — спросил Штёрц.

— Не видно. Но будь начеку! — ответил Эрнст.

Они свернули за угол, и их встретил шквальный пулеметный огонь. Пули щелкали по стали лобовой брони, отскакивали и со свистом уносились в ночь.

— Внимание! «Ястреб» — общий вызов! Огонь по пулеметному гнезду!

Одновременный выстрел трех «восемь-восемь» прозвучал с утроенной мощью. Препятствие, которое могло бы стоить жизни многим пехотинцам, было уничтожено. Моторы снова взревели. Из сада выскочила группа русских солдат и бросилась к машине Эрнста. Инстинктивно он схватил автомат. Русские подобрались к ним вплотную. Один из солдат поднял руку, чтобы бросить бутылку с зажигательной смесью. Лейтенант нажал на спусковой крючок. Очередь ударила в русского и швырнула его на землю. Разлитый бензин вспыхнул и окружил убитого стеной пламени.

Радист-ефрейтор Бретшнайдер стрелял из пулемета. Первая очередь градом обрушилась на бегущего к самоходке противника. Лишь немногим удалось уйти живыми. Атака на «хорниссе» была отбита практически в последний момент. Справа с ревом появился «Канюк». Фельдфебель Хольман выстрелил по группе советских солдат, перебегавших с минометом через улицу. Он повел машину дальше, снеся при повороте стену дома, которая с грохотом рухнула на самоходку.

Тем временем пехотинцы нагнали самоходки и вступили в уличные бои с советской пехотой. Трещали

их винтовки и автоматы. Рвались ручные гранаты. Солдаты перескакивали с одной позиции на другую. Ночь наполняли предсмертные крики. Лейтенант Эрнст тоже их слышал. С содроганием вглядывался он в мрачную темноту. Вдруг он увидел прямо перед собой противотанковую пушку. Группа солдат тянула ее по боковой улочке к площади.

— Кёттер, назад!

Механик-водитель включил задний ход, и «хорниссе» с лязгом въехала на боковую улицу. Машина повернулась на месте и открыла огонь в тот самый миг, когда советские артиллеристы установили пушку. Снаряд ударил в стальной щит орудия; бесчисленные осколки разлетелись во все стороны. У артиллерийского расчета не было ни малейшей возможности выстрелить.

— Командир, сообщение от майора. Группа русских с четырьмя пулеметами удерживает позицию на нашем пути!

Солдат, принесший известие, хватал ртом воздух, пытаясь отдышаться после бега.

— Запрыгивай сзади и показывай дорогу!

Солдат запрыгнул на «хорниссе», и они двинулись вперед. Дойдя до позиции, они увидели вспышки выстрелов советских пулеметов. Колани тщательно прицелился. Первый выстрел заставил замолчать два пулемета из четырех. Небольшая поправка — и мощная отдача. Почти сразу же раздался звук взрыва. Все четыре пулемета были уничтожены. Группы пехотинцев побежали мимо самоходки к дому и ограде, бросая гранаты и стреляя на ходу.

Фельдфебель Хольман по радио предупредил Эрнста: «Внимание, вражеская артиллерия!»

Через несколько секунд Эрнст и его экипаж почувствовали ее присутствие. Снаряды советских орудий начали рваться в деревне. Русские были твердо намере-

ны удержать деревню в своих руках в качестве трамплина для новой атаки. Русские держались, сражаясь до последнего вздоха и умирая под пулями и снарядами. Несмотря ни на что, уцелевшие продолжали бросаться в новые атаки.

— Осталось всего пять осколочно-фугасных! — доложил заряжающий Рудольф Шётте.

— Выпустим их и выбьем последних русских, а потом... — Лейтенант осекся. Он услышал дикий рев и еще за несколько секунд до взрыва понял: этот снаряд предназначен им. — В укрытие! — крикнул он остальным.

В тот же миг снаряд ударил в мерзлую землю перед самоходкой. Мощнейшая взрывная волна ударила «хорниссе», развернула машину и швырнула экипаж на пол. Лейтенант Эрнст держался из последних сил. Он почувствовал болезненный удар в левое плечо. Вот и все, подумал он. Он услышал вскрик, сорвавшийся с губ Шётте. Глянув в его сторону, Эрнст увидел пятна крови на левом рукаве наводчика.

— Что случилось, Шётте?

— Осколок! — простонал обер-ефрейтор. В неровном свете множества вспышек и огней Эрнст видел, что парень побледнел. Землистый цвет лица был заметен даже сквозь пыль и пороховую гарь.

— Дальше мы двигаться не можем. «Ястребу» конец, — крикнул кто-то из членов экипажа.

— Покинуть машину! — хрипло крикнул Эрнст.

Он подскочил к Шётте. Вместе с Колани они подняли раненого. Вдвоем они вытащили его из машины. Унтер-офицер Кёттер покинул место механика-водителя. Едва он успел перепрыгнуть через борт, как застрочил пулемет «максим». Очередь попала в Кёттера и отбросила его на несколько шагов назад. Он медленно осел на землю. Тем временем лейтенант Эрнст и Кола-

ни вместе с раненым добрались до канавы. Ефрейтор Бретшнайдер, подбежавший к Кёттеру, что-то кричал им сквозь шум боя, но они ничего не могли разобрать. Пара русских побежала по направлению к ефрейтору. Он нажал на спусковой крючок пулемета и расстрелял все патроны. Увидев, что друг погиб, он впал в отчаянную ярость.

— Не уходи, — простонал Шётте, когда лейтенант начал подниматься на ноги.

— Я остаюсь, Шётте, — ответил Эрнст.

— Прости, командир! — с трудом проговорил раненый. — Наверное, мне придется вас покинуть.

— Не беспокойся, Шётте. Вернешься, когда залечишь раны.

Он наложил на рану повязку. Подбежал Бретшнайдер.

— Кёттер убит!

Эрнст кивнул. Он не мог найти слов. Кто-то крикнул ему: «Враг наступает! Пехота отходит!»

— Нужно забрать оборудование! — сказал Колани.

— Прикрой меня! Я этим займусь, — ответил Эрнст.

Он перебежал через дорогу, добрался до машины и заскочил внутрь. Эрнст вырвал важные приборы. Встав, он понял, что попал в трудное положение. Советская штурмовая группа подобралась к ним почти вплотную. Но вдруг на большой скорости подъехал «Орел». Из него выпрыгнул фельдфебель Штёрц.

— У меня в экипаже трое с осколочными ранениями! — крикнул он сквозь шум боя.

— Ну что ж, у нас найдется тебе дело. Формируем новый экипаж. Теперь ты — наводчик, Колани будет заряжать!

Уложив внутрь убитых товарищей и раненого наводчика, они залезли в самоходку. Вскоре они двинулись в направлении противника. «Орел» уничтожил

несколько очагов сопротивления. И вот у них остался последний снаряд. Его потратили на подавление пулеметного гнезда. «Орел» развернулся и покатил обратно к немецким позициям, где готовилась новая линия обороны. Разбив силы противника, сосредоточивавшиеся в деревне, самоходчики и пехотинцы дали своим товарищам время перегруппироваться.

Истребитель танков подъехал к перевязочному пункту. Оставив Шётте в надежных руках, экипаж приступил к печальной обязанности — отвезти двоих убитых, одного из членов экипажа «Канюка» и унтер-офицера Кёттера с «Ястреба», на кладбище. Заправив баки и пополнив боекомплекты своих машин, они повели свои «хорниссе» в расположение части. Все были подавлены и вымотаны.

Прошло три часа после возвращения. Лейтенант Эрнст, погруженный в свои мысли, сидел на снарядном ящике. Он думал о «Ястребе». Машина осталась примерно в 500 метрах за линией немецких окопов, на территории врага. Всегда существовала возможность, что в руки советских солдат могла попасть другая самоходка или боеприпасы к «восемь-восемь», и это позволило бы им использовать «Ястреба» против прежних хозяев.

— Его нужно уничтожить! — тихо произнес лейтенант.

— Кого уничтожить? — спросил Вилли Богхут.

— «Ястреба»! — ответил Эрнст.

— И как ты собираешься это делать? Он на вражеской территории. Возможно, в нем уже сидят иваны.

— Не думаю, Вилли!

Вошел майор Хоппе. Он не требовал рапорта, поскольку и так знал, что произошло. Он молча присел рядом с Альбертом Эрнстом. Его широкое лицо выражало уважение и озабоченность. Майор закурил и ска-

зал: «Мы должны уничтожить машину, прежде чем враг сможет ее вытащить и использовать против нас, Эрнст».

Эрнст кивнул. «Думаю, это можно сделать небольшой штурмовой группой. Группу поведу я». — «Хорошо, Эрнст! Так и поступим. Но бери только добровольцев».

Когда Эрнст спросил, есть ли добровольцы, идти вызвались все. Майор тем временем связался с командиром пехотного батальона. Тот должен был выделить солдат для сопровождения группы Эрнста.

— А чем мы будем его взрывать?

— У нас есть четыре противотанковые мины и три подрывных заряда. Думаю, двух мин и двух зарядов хватит.

Те, кто вызвался идти с группой, подготовились. Оставалось убить еще несколько часов. Вдруг, словно по волшебству, появилась украшенная елка. Герберт Колани зажег две маленькие свечки.

— С Рождеством, ребята, — сказал он.

— Отпразднуем, когда вернемся, Колани, — ответил лейтенант.

Час настал. Они молча пожали руки тем, кто оставался.

«Удачи! — сказал Бретшнайдер. Тихо, едва слышно для других, он добавил: — Да поможет вам Бог!» Он говорил это с чистой совестью, ведь они уходили не для того, чтобы кого-то убивать. Они лишь хотели уничтожить машину, застрявшую на территории противника.

Они уходили в чернильно-черную ночь. На случай, если противник их обнаружит, они накинули легкие белые маскхалаты, захваченные у русских, и советские шапки-ушанки. Их было четверо. Впереди шел лейтенант Эрнст. Вплотную за ним двигались Колани, фельдфебель Хольман и фельдфебель Богхут. Богхут был фанен-юнкером и не собирался отпускать лучшего

друга Хольмана на такое опасное задание одного. Каждый нес заряд взрывчатки и автомат. У Богхута был советский автомат с магазином на 72 патрона. Сначала они двигались быстро. Вскоре четверка встретила пехотного обер-лейтенанта Пельца.

— Я командую группой сопровождения, Эрнст, — сказал обер-лейтенант. — Да уж, опасное дело вы затеяли.

— Мы хотим уничтожить «Ястреба», — ответил Эрнст.

— Тогда удачи. И будьте поосторожнее! Мы займем позицию левее и отсечем погоню. Ясно?

— Ясно. Спасибо.

Группа двинулась дальше. Вскоре они оставили сопровождение позади. Двигаясь медленно, низко пригнувшись, они продолжали путь, стараясь не издавать ни звука. Трое не сводили глаз со спины шедшего впереди лейтенанта. Проходили минуты. Каждая казалась бесконечной. Не привыкшие пробираться через снег солдаты вспотели, спины болели от постоянных пригибаний и от тяжести лежавших на них противотанковых мин. Но если уж лейтенант мог молча тащить на себе мину, то и Хольман собирался поступить точно так же. Время от времени все четверо останавливались, чтобы поудобнее пристроить груз. Каждый раз, когда в небо взмывала ракета, заливавшая резким светом истерзанную, покрытую снегом землю, они старались укрыться. Они прятались в воронках и окопах. Появились первые советские солдаты. Теперь нужно было соблюдать особую осторожность. К этому моменту каждая противотанковая мина, казалось, весила уже килограммов сто. Но они были нужны, и бросить их было нельзя.

Вот показались четко обрисованные силуэты крайних деревенских домов. Вдруг Эрнст услышал голоса. Это переговаривались русские. Часовые! Чем дальше

они продвигались, тем больше было часовых. Вот уже советские солдаты были вокруг них повсюду. Тяжело дыша, они остановились у плотной изгороди. Руки и ноги дрожали от напряжения. Но они еще не достигли цели. Пройти оставалось еще достаточно много.

«Нужно поторапливаться», — сдавленно прошептал лейтенант. Они встали и побежали вдоль изгороди. Через несколько десятков метров они взмокли.

Скрип их шагов по снегу тонул в гуле артиллерийской перестрелки. Артиллерия с обеих сторон вела контрбатарейную стрельбу. То и дело небо над ними прочерчивали огненными хвостами шестнадцать ракет — залп «катюши» — которые с ревом неслись к немецким позициям и рвались со страшным грохотом.

— Вот он! — сказал Колани, когда они узнали на обочине дороги свою машину.

— Русских не видно, — ответил Богхут.

Эрнст четко видел имя «Ястреб», выведенное на борту самоходки. Он прочитал имя несколько раз, словно прощаясь со стальным гигантом, вместе с которым он прошел через столько боев. Их небольшая группа пробежала мимо заснеженных кустов по правой стороне дороги. Фельдфебель Хольман забрался в боевую рубку самоходки. Остальные передали ему подрывные заряды. Богхут распахнул крышку моторного отделения, а Колани открыл люк механика-водителя. Они закладывали заряды и устанавливали взрыватели, пока другие прикрывали своих товарищей с автоматами в руках. Вскоре дело было сделано. Лейтенант Эрнст еще раз проверил заряды.

«Отлично! — сказал он, вернувшись к остальным. — Теперь убираемся отсюда, а то нас зацепит!»

Они со всей поспешностью ползком отправились обратно и вернулись в кусты. Здесь они поднялись на ноги и бросились бежать к дому. В его тени они огляде-

лись, ища, куда бежать дальше, и вскоре оказались на околице. И снова: голоса русских, смех, время от времени — команда.

«Ложись! Когда рванет, дорога будет открыта», — прошептал Эрнст.

Они вжались в снег, укрывшись в большой воронке, и ждали. Взглянув на подсвеченный циферблат часов, Эрнст понял, что время почти пришло. Последние несколько секунд ожидания взрыва, который возвестил бы об их удаче, казались бесконечностью. И вот на месте самоходки взметнулся яркий язык пламени. Одновременно ночь потрясли четыре взрыва. В деревне творился ад. Слышны были стоны, приказы, крики, стук шагов. Потом — звук запускаемых танковых двигателей.

«Вон они!» — шепнул Богхут, ткнув пальцем в сторону русских часовых, бежавших всей группой к месту взрыва. Появились еще советские солдаты, тоже бежавшие к взорванной машине. Внезапно огонь советских батарей усилился, и тем же им ответили батареи немецкие. Неподалеку, метрах в двухстах справа, зарокотал «максим». Глаза всех, кто находился в воронке, были устремлены на лейтенанта. Он встал.

— Пошли... Быстро за мной!

Остальные поднялись, бросились бежать от воронки, падали и вновь вскакивали на ноги. Они бежали в сторону своих окопов. Легкие их горели. Пулеметная очередь ударила в их сторону, и они бросились на землю, сливаясь в своих белых маскхалатах со снегом. Когда в стрельбе возникали короткие паузы, они ползли вперед, продвигаясь иногда на считаные сантиметры, пока снова не появлялась возможность вскочить и побежать.

Эрнст чувствовал, как холодный воздух обжигает легкие. В ушах стоял гул. Он услышал пулеметные очереди, направленные ему вслед, и бросился в укрытие.

Вот он снова вскочил и побежал. Вконец выдохшись, они добежали до группы прикрытия, которая автоматным огнем прижимала к земле погоню. Все же еще несколько винтовочных пуль просвистели в их направлении. Потом они уже спустились в немецкий ход сообщения. Задание было выполнено. «Ястреба» больше не существовало. Четыре взрыва разорвали его на куски.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ТАНКОВ — ДВАДЦАТЬ ОДИН СНАРЯД

В тот сочельник Альберт Эрнст не мог сомкнуть глаз. Вернувшись с задания, они все вместе зажгли свечи на елке, которую украсил Колани. Вечером они собирались отметить Рождество. Школа была украшена для всего батальона. Эрнст повернулся к своему новому механику-водителю.

— Хайнрихс, иди прогрей «Бизона». Сдается мне, что-то затевается.

— А как же Рождество? — вмешался Бернлёр.

— Не думаю, что русским есть до этого дело. — Лейтенант Эрнст торопливо курил сигарету. Когда он бросил окурок в печь и тут же закурил снова, Колани ткнул нового заряжающего Густава Гётте локтем в бок.

— Старик нервничает! Он опять что-то учуял.

Это знали все. Когда лейтенант курил вот так, атмосфера мгновенно сгущалась, и не только от табачного дыма. Альберт Эрнст курил только когда беспокоился или собирался вступить в бой. Во время боя курить не было времени, а после боя — необходимости. Обер-ефрейтор Хайнрихс натянул утепленную куртку. Вместе с Бретшнайдером он вышел из избы, в которой сквозь разбитые окна был четко слышен монотонный гул сражения.

Эрнст был солдатом уже двенадцать лет. В ноябре 1930 года, в восемнадцать лет, он поступил на службу во 2-ю роту 4-го транспортного полка в Магдебурге. Энергичный и спортивный юноша из Вольфсбурга не раз отличался в соревнованиях. Он был одним из тех немногих, кому посчастливилось быть зачисленным в 100-тысячную немецкую армию. Сначала Эрнста направили в учебный полк в Хальберштадте. Это был 12-й пехотный полк. Позднее он стал служить в прусской 2-й роте 12-го пехотного полка в Магдебурге.

Здесь он получил разнообразную подготовку. Вскоре он уже познакомился с мотоциклами, бронеавтомобилями и, наконец, танками. В то время вместо танков использовались картонные муляжи. Эрнст закончил унтер-офицерское училище, спортивную школу и различные курсы. Альберт Эрнст хотел сделать карьеру в Рейхсвере, а это было чертовски сложно. Начало войны положило конец амбициозным планам юноши. Он стал фанен-юнкером резерва и истребителем танков. В Польше Эрнст подбил из 37-мм противотанкового орудия свой первый танк. Он отличился в бою под Кутно и получил Железный Крест 2-го класса из рук генерала пехоты Фридриха Ольбрихта.

(27 октября 1939 года генерал Ольбрихт стал одним из первых немецких военнослужащих, награжденных Рыцарским Крестом. Оберфельдфебель Эрнст считал Ольбрихта очень достойным человеком. Это был человек, ставивший справедливость превыше всего, человек, любивший свою страну и дерзнувший восстать против деспота. В результате генерал пехоты Ольбрихт закончил свою жизнь на виселице 20 июля 1944 года).

Поправившегося после легких ранений Эрнста из запасного батальона перевели в 294-ю пехотную дивизию. С этой дивизией Эрнст участвовал во французской кампании. Потом его направили в Болгарию. От-

сюда охотники за танками в авангарде наступающих войск вошли в Югославию. Снова, как и во Франции, они шли далеко впереди дивизии. Вдруг они оказались прямо в расположении югославских войск. Взвод Эрнста был совершенно один. Обер-фельдфебель Эрнст потребовал от полковника югославской армии капитуляции. Он объяснил, что в случае отказа через полчаса прилетят Ю-87 и сровняют это место с землей. Югославы сложили оружие. Взводу Эрнста сдались четыреста человек. За удачный блеф Альберт Эрнст был удостоен высокой болгарской награды.

После кампании в Югославии 294-я пехотная дивизия вернулась в Центральную Германию. Она уже была отобрана для участия в наступлении в России, где должна была двигаться вслед за танками в качестве резерва ОКВ, предназначенного для группы армий «Центр». Дивизия наступала в направлении Киева. Под Харьковом истребители танков, действовавшие в авангарде, понесли тяжелые потери. Со своим взводом, попрежнему использовавшим довоенный транспорт (трехосные грузовики Круппа) для буксировки новых 50-мм противотанковых пушек, оберфельдфебель Эрнст принимал участие в обеих битвах за Харьков.

Позднее истребители танков были направлены в 3-ю танковую дивизию, понесшую большие потери в зимних боях. Эрнста перевели в 3-й мотоциклетный батальон, которым командовал майор Гюнтер Папе. В начале февраля 1942 года тяжелые бои разгорелись в районе Верхнего Ольховатого. Под командование Папе были переданы пехотный батальон войск СС и несколько танков.

Во время захвата Сулаевки Эрнст был в авангарде. Его охотники за танками уничтожили несколько вражеских пулеметов, захватили минометную позицию, достигли позиций советской 32-й кавалерийской диви-

зии и вместе с батальоном участвовали в ее уничтожении. Командир советской дивизии попал в плен. На остатках бензина Эрнст со своими орудиями и несколькими танками преследовал противника и достиг Никольского. Затем Эрнст и его люди собрались в Сулаевке и Рындино. Новоданиловка была взята с ходу. Через полчаса Эрнст с товарищами вошел в Москвинку, а в 11 часов, после пятичасового перехода и четырехчасового боя, было взято Стаканово. Они осуществили первую успешную атаку на Востоке после зимнего отступления.

10 февраля 1942 года майор Папе получил Рыцарский Крест за успешное командование боевой группой. Позднее, 15 сентября 1943 года, уже в чине полковника и командуя 394-м мотопехотным полком, Папе стал 301-м немецким военнослужащим, награжденным «Дубовыми листьями» к Рыцарскому Кресту.

Альберт Эрнст получил Железный Крест 1-го класса. Капитан Кирш, командир противотанковой батареи, рекомендовал его к досрочному производству в офицеры за мужество перед лицом врага. Однако Эрнст об этом не узнал. Через несколько дней в ходе очередной атаки он получил тяжелое ранение и был отправлен в госпиталь в Германию.

Альберт Эрнст очнулся от воспоминаний. Он подошел к окну и выглянул на улицу. Стемнело. Перед дверью высилась огромная широкая тень самоходки. Экипаж был готов. Эрнст невольно улыбнулся. Экипаж хорошо его знал и уже почувствовал, что Эрнст чего-то ждет.

— Командир! Доклад с КП батальона. Танки! Советская танковая бригада движется к деревне Ксанино.

Эрнст мгновенно вернулся к реальности. Он хлоп-

нул по своей каске и потянулся за автоматом. Бинокль уже висел на шее.

— Готовы? — спросил он.

— Готовы! — ответили оба командира самоходок.

— Остаешься в резерве, Хольман, — сказал Эрнст. — Я атакую двумя машинами.

— Спасибо, командир, — сказал Штёрц.

— За что, Штёрц?

— За то, что вы не наказали меня за нарушение радиомолчания.

— Забыли об этом, Штёрц. Теперь пошли. Ты пойдешь следом за мной. Держись поближе и не теряй нас из вида!

Они по очереди вышли из избы. На улице навстречу им ударил ветер. Мороз пробирал до костей даже сквозь зимнее обмундирование. Экипажи залезли в свои самоходки. Обер-ефрейтор Хайнрихс огляделся.

«Поехали, Хайнрихс!» — приказал лейтенант, выбрасывая за борт недокуренную сигарету.

Переключенный на первую передачу двигатель глухо взревел. Новая самоходка, носившая имя «Бизон», пришла в движение. Быстро переключая передачи, Хайнрихс быстро разогнал машину. Вплотную за ними двигался «Орел». Обе самоходки двигались по грунтовой дороге в сторону боя.

— К тому холму, Хайнрихс! Штёрц, к холму! Оттуда у нас будет хороший сектор обстрела по атакующим вражеским танкам.

— Вас понял, — ответил фельдфебель.

«Если успеем туда вовремя, можем успеть ударить противнику во фланг».

Самоходки прибавили ход. Гусеницы с грохотом взметали в воздух позади машин густые клубы снега. Они шли все быстрее и быстрее. Они миновали позиции пехоты на левом фланге. Пехотинцы зарылись в

землю и ожидали надвигавшуюся армаду вражеских танков.

«Ты можешь выжать еще что-нибудь, Хайнрихс?» — крикнул Эрнст. Он знал, что им нужно быть на месте вовремя. Только так они могли спасти своих товарищей на гребне холма и в последней занятой немцами деревне перед холмом.

— Черт! Мы в болоте, командир! — крикнул Хайнрихс.

— Сто-о-оп!

Эрнст развернул карту. Где-то должен быть путь на холм в обход болота. Где-то! Только вот где? На мгновение мелькнула мысль продолжать идти прямо. Но если они застрянут в болоте, они станут легкой мишенью и неминуемо будут уничтожены советскими танками, которые выйдут перед ними на холм. Шли секунды. Эрнст осторожно обдумывал положение. Нужно было что-то делать. Вдруг он принял решение. Хоть он и не был до конца уверен, в голосе этого не чувствовалось.

— Поехали! Прямо на холм с четырьмя соснами. Ведомый, следуй за мной на дистанции 500 метров. Если мы увязнем, сразу разворачивайся и ищи другую дорогу.

Обе машины снова двинулись в путь. И тут перед ними, размахивая руками, появился капитан с Рыцарским Крестом на шее. Они остановились. Офицер стоял на месте и переводил дух.

— Русский танк на окраине деревни. Т-34. Уничтожьте его прежде, чем он войдет в деревню!

— Где он? — спросил Эрнст.

— Как подъедете к той избе, увидите. Дистанция около двух километров.

Они проехали вперед метров десять и остановились у избы. Эрнст увидел черный силуэт Т-34.

— Прямо по курсу. Дистанция две тысячи!

— Вижу цель! — ответил Колани, поправляя прицел.

— Огонь!

Машина содрогнулась от отдачи «восемь-восемь». Пологая траектория снаряда была видна отчетливо. На месте Т-34 полыхнула яркая желтая вспышка. До них донесся грохот удара. Они продолжили движение. «Танки!» — услышали они вопль капитана, донесшийся сквозь беспорядочный стрекот пулеметов.

— Вперед! Жми на педаль!

Альберт Эрнст знал, как выглядит горящий танк. Знал это и его экипаж. У них не было времени разглядывать свою жертву — им еще нужно было преодолеть болото и достичь холма. Если болото достаточно промерзло, им, может быть, удастся проскочить напрямик. Может быть... Два истребителя танков неслись на предельной скорости к холму с четырьмя соснами. «Орел» чуть изменил курс и подождал, пока между ним и «Бизоном» будет указанная дистанция. Потом он медленно двинулся вперед.

Фельдфебель Штёрц наблюдал за машиной командира взвода. Он уже увяз? Нет, командир продолжил движение. «Черт побери, — подумал он. — Старику опять удалось добиться своего. Он шел вперед, рискуя застрять посреди болота и стать легкой мишенью. Он не приказал сделать это кому-нибудь другому. Снимаю шляпу!» Штёрц оторвался от размышлений. Появилась группа пехотинцев, последовавшая за «Бизоном» через болото к холму. Им было приказано разобраться с сопровождавшей танки советской пехотой, и у них был в этом особый интерес, потому что эти два истребителя танков должны были оборонять их от Т-34. Теперь они были уже на самом болоте. Хайнрихс невольно остановил машину, почувствовав, что она увязает глубже.

— Проверить дорогу перед нами? — спросил он.

Альберт Эрнст на мгновение задумался, но он уже слышал за холмом глухой рев танковых двигателей и лязг гусеничных траков по мерзлому грунту. Время было бесценно. Время означало жизнь или смерть для пехоты, и это решило дело. «Вперед, Хайнрихс! Давай! Прямо на холм. И не слишком медленно, иначе мы утонем... Поехали!»

Самоходка двинулась вперед. Экипаж стоял на боевых постах и вслушивался в рев мотора. Гусеницы вгрызались в болотистый грунт. Они уходили все глубже, на десять, на двадцать сантиметров. Верхний слой грунта, сцементированный морозом, прогибался, но выдерживал. Болото выдерживало вес машины. Гусеницы равномерно несли самоходку по его поверхности. Оставалось надеяться, что так будет и дальше. Вдруг задняя часть самоходки угрожающе просела. В один голос они закричали: «Газуй! Газуй!»

Машину тряхнуло, лязгнули гусеницы. Самоходка выбралась на твердую землю и двинулась с уклоном вверх. Они миновали болотистую местность и въехали на холм. Двигатель пел, и вместе с ним от облегчения был готов петь весь экипаж.

— На полузакрытую позицию, Хайнрихс!

Лейтенанту не нужно было уточнять. Они прекрасно знали, что значила команда. Они должны были двигаться вперед, пока над гребнем холма не покажутся только рубка и орудие самоходки. На такой позиции по ним было трудно целиться, и сложнее было заметить смену позиции после выстрела. Наконец они вышли на позицию. Несмотря на мороз, лейтенант Эрнст утер пот со лба. Он обернулся и наблюдал, как идет «Орел». Могучий истребитель танков, казалось, без малейших проблем преодолевал болото. Он тоже шел на большой скорости, чтобы не увязнуть в топком грунте. «Орел» пересек болото и тоже двинулся вверх по склону. Лей-

тенант выскочил из самоходки и показал второй машине позицию примерно в двухстах метрах левее.

— Когда мы меняем позицию, ты стреляешь. Потом я стреляю, пока ты отходишь влево, Штёрц!

— Вас понял!

Обе самоходки поползли вперед. Длинные стволы 88-мм пушек медленно поднимались над вершиной холма. Они заняли место в верхнем ряду амфитеатра. Внизу они видели черные, но все же вполне узнаваемые силуэты советских танков, приближавшихся к немецким позициям.

— Вон они, впереди! Дистанция тысяча двести! — крикнул Хайнрихс.

Альберт Эрнст, осматривавший местность далеко за холмом, чуть опустил бинокль. Он тоже увидел два Т-34, которые во главе советской танковой бригады готовились атаковать немецкие позиции справа.

— Видишь их, Колани?

— Вижу цель!

— Огонь по готовности!

Колани выстрелил. Через несколько секунд донесся звук попадания. Первый Т-34 горел. Хайнрихс довернул самоходку на тридцать или сорок градусов. Колани прицелился. Густав Гётте, новый заряжающий, подал в ствол очередной снаряд и закрыл затвор. Выстрел! Откат! Самоходка дрожала, словно ей передавалось нервное напряжение экипажа. У них получилось! Второй снаряд тоже попал точно в цель. Т-34 был объят пламенем. Тем не менее он повернулся и направил орудие на атаковавшего. Но прежде чем Колани выстрелил снова, мощный взрыв разорвал колосса на части.

Бой только начинался. Вторая машина тоже была готова открыть огонь, и обе самоходки начали стрелять по вражеским танкам, появлявшимся из темноты ночи. Опытные экипажи стреляли через четкие промежутки

времени, целясь в борта вражеских машин. Попадание 88-мм снаряда означало для любого вражеского танка смертный приговор. Истребители танков начали стрелять быстрее. Советские танки отвечали, но их снаряды пролетали над немецкими машинами и падали позади них.

Открытое поле, по которому двигались советские танки, было усеяно пылающими остовами. Восемь советских танков горели. Остальные, все еще численно превосходившие противника во много раз, сосредоточили огонь на второй самоходке. Снаряд ударил перед «Бизоном» и засел в мерзлом грунте. Экипаж осыпало дождем земли и камней. Гётте прищемил палец. Несмотря на сильную боль, он продолжал работу. Он должен был подавать новые снаряды, поскольку лейтенант быстро и четко указывал новые цели. Исполнять его команды нужно было быстро, поскольку каждая секунда была для них вопросом жизни и смерти. Внезапно слева, на позиции второго истребителя танков, прогремел взрыв. Эрнст обернулся и увидел огонь и фигурки людей, пытавшихся сбить пламя.

— В нас попали. Все ранены! — донесся по радио дрожащий голос фельдфебеля Штёрца.

— Отходи, Штёрц! Позаботься о раненых.

«Орел» отошел назад. Эрнст провожал его взглядом до тех пор, пока два огонька, вырывавшихся из выхлопных труб, не скрылись за холмом.

— Они пытаются пройти в мертвой зоне, — окликнул его Колани.

Эрнст встал и заглянул через холм. Сомнения не было! Противник пытался проскользнуть и атаковать их во фланг. Ответ был только один: уничтожить их! «Вверх по холму на полной скорости и повернуть направо, чтобы они показались в нашем прицеле. Приготовься стрелять, Колани!»

Экипаж напрягся. Они знали, что означало открытое появление на вершине холма — мишень для дюжины вражеских танков! Хайнрих рванул рычаг переключения передач вперед. Двигатель взревел, и машина пришла в движение. Двигаясь все быстрее и быстрее, они достигли гребня холма. По ним вели огонь со всех сторон. Снаряды врезались в промерзшую землю, подскакивали, словно гигантские блохи, и с ревом уносились в небо. Т-34 в долине вышли на удобную дистанцию огня. Экипаж самоходки спасало лишь то, что свет от горящих танков не давал противнику разглядеть их как следует. Все снаряды, предназначенные им, прошли мимо. Вдруг они увидели вражеский танк, поднимавшийся по склону холма.

— Короткая! — рявкнул лейтенант. Колани потребовалось три секунды, чтобы прицелиться и нажать на кнопку выстрела.

— Попадание! Горит! — крикнул Бретшнайдер.

Они продолжали стрелять. Четыре советских танка в долине были уничтожены. Экипаж «Бизона» вновь вернулся к приближавшейся волне танков противника. Экипаж продолжал стрелять, вокруг рвались снаряды. Эрнст отдавал приказы все быстрее. Экипаж лихорадочно работал. От долей секунд зависели жизнь и смерть. Как для самоходчиков, так, в конечном итоге, и для пехотинцев, отчаянно сражавшихся у подножия холма с советской пехотой, наводнившей долину следом за танками. Стрекот пулеметов смешивался с грохотом танковых пушек и ревом и свистом пламени.

Единственная возможность для них была деморализовать врага прежде, чем тот сумеет воспользоваться десятикратным превосходством для прорыва. Исход зависел от силы воли Эрнста. Он должен был заставить врагов сражаться так, как это нужно ему, и не позволить им воспользоваться численным превосходством.

Эрнст заметил, что Гётте уже не справляется в одиночку. «Бретшнайдер, помоги!» Бретшнайдер спустился и стал переставлять снаряды, стоявшие поодаль, туда, где Гётте было легче их достать. Эрнст насчитал тринадцать подбитых вражеских танков. Вдруг он заметил среди густого дыма вспышку выстрела. Вражеский танк шел по долине, пересекавшей поле боя.

— Десять метров вправо и поворот, — приказал он.

«Бизон» повернулся и двинулся к новой позиции.

— Прямо перед нами... в низине... дистанция тысяча!

— Я его не вижу! Я...

Вспышка нового выстрела выдала Колани позицию последнего боеспособного вражеского танка. Он прицелился. Снаряд советского танка врезался в землю метрах в десяти в сторону. Грохот на несколько секунд оглушил экипаж. Потом они почувствовали, как «Бизон» рванулся назад — Колани выстрелил. Все пятеро вскрикнули от облегчения. Но радость их была преждевременной. Т-34 не был подбит. Снаряд угодил в землю прямо перед ним. Вдруг советский танк двинулся вперед. Его башня поднималась все выше и выше над краем оврага. В бинокль Эрнст наблюдал, как орудие танка разворачивается в их сторону: «Продолжать бой!»

Наводчик четко видел противника. Новый снаряд был уже в стволе. Колани нажал кнопку выстрела. Осечка! «Черт!» — воскликнул Эрнст. Советский танк мог выстрелить в любой миг. Тогда будет уже слишком поздно для третьего выстрела.

— Основной спусковой механизм неисправен! — доложил Колани.

— Используй резервный!

Снаряд Т-34 понесся в их направлении. Он прогудел над их головами и врезался в мерзлую землю где-то позади них. Экипаж работал, словно в лихорадке. Они просто вырвали из гнезда кабель основного спускового

механизма и подключили резервный. Колани уже поправил прицел. Эрнст увидел вспышку нового выстрела Т-34. «Берегись!» — крикнул он. Снаряд взорвался на земле прямо перед «Бизоном». Сила взрыва сбила людей с ног. На них дождем обрушился высокий фонтан льда, грязи и стали. Лейтенант Эрнст вскочил и навел орудие на Т-34. Он должен был опередить противника — следующий снаряд Т-34 наверняка попадет в них. Не бойся... Целься как следует... Чуть выше... Огонь! Снаряд преодолел километр в считаные секунды. Эрнст следил за его полетом через прицел. «Попадание!» — дружно закричали они, и на этот раз не ошиблись. На вражеском танке блеснула вспышка. Снаряд ударил в башенный погон Т-34 и приподнял башню.

— Это последний! — закричал механик-водитель, откидывая крышку люка. Попытавшись высунуться, он почувствовал, что все его тело затекло.

Лейтенант Эрнст тоже выпрямился и расправил затекшие конечности. Внезапно наступила тишина. Единственные звуки боя — уханье танковых пушек и длинноствольных «восемь-восемь» немецких самоходок — доносились издалека, с юго-востока. Там бой тоже складывался в пользу немцев под командованием майора Хоппе. Фельдфебель Людвиг Найгль за время того боя подбил четыре Т-34.

Лейтенант Эрнст пересчитал видимые остовы танков. Их было четырнадцать! В драматичной и скоротечной схватке, продолжавшейся каких-то полчаса, они уничтожили четырнадцать вражеских танков. Пересчитав бронебойные снаряды, они обнаружили, что на эти четырнадцать машин они затратили всего двадцать один снаряд! В боевом отделении остался всего один бронебойный выстрел. Ефрейтор Бретшнайдер вытащил из кармана мятую пачку сигарет и предложил

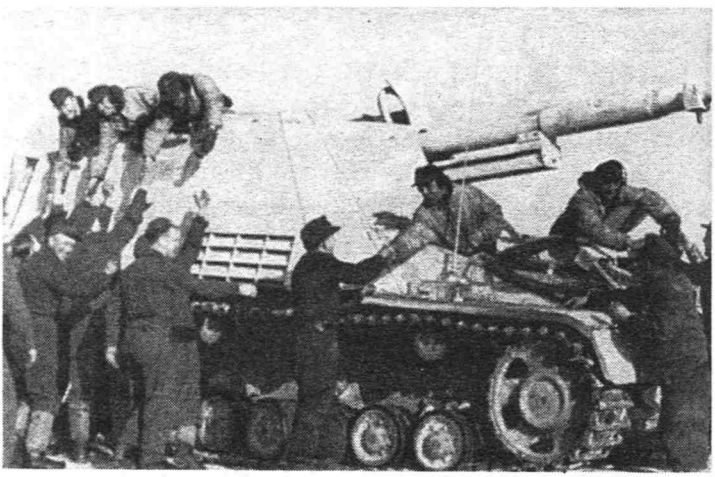
Эрнсту закурить. Эрнст поблагодарил его кивком головы. Бой был окончен. Он больше не нервничал, но все еще был возбужден. Экипаж дымил сигаретами. Потом по радио пришел приказ вернуться на квартиры. Противник прекратил наступление.

— Мы все-таки успеем отметить Рождество, — заметил Колани.

— Конечно, старина. А ты как думал? — спросил Эрнст. — Я так был в этом уверен.

Эрнст говорил со всей убежденностью, хотя во время боя он отнюдь не был уверен, что им удастся вернуться целыми и невредимыми, особенно когда по ним бил последний Т-34.

Подъехав к своей избе, они узнали от штабсфельдфебеля Шааршмита, что пропал без вести майор Эрих Лёве. Он командовал 501-м тяжелым танковым батальоном, приданным действовавшей правее 14-й пехотной



Экипаж «Бизона» под командованием Эрнста принимает поздравления после крупного успеха под Витебском

дивизии. Больше о майоре Лёве никто и никогда не слышал. 8 февраля 1944 года он стал 385-м немецким военнослужащим, награжденным «Дубовыми листьями» к Рыцарскому Кресту. Позднее в его честь большой мост через реку Западную Двину в районе Бешенковичей получил название «Мост майора Лёве».

— Готовьтесь праздновать Рождество!

Экипаж помылся и переоделся в чистую форму. Они дошли через деревню до школы. Лейтенант Эрнст первым вошел в большое помещение. Известие об огромном успехе опередило его. Он увидел, как двое солдат из службы тыла его роты прячут полуметровый Рыцарский Крест. Лейтенант ухмыльнулся, глядя, как они пытаются его спрятать. Неужели они думали, что у него шея чешется в ожидании Рыцарского Креста? Или это был намек, что сегодня он снова все поставил на карту? Он прекрасно понимал, что как командир взвода он обязан быть впереди. Он сразу же и без колебаний брался за любое задание, где требовалась только одна машина. Именно «Ястреб» неоднократно спасал товарищей в тяжелых ситуациях. Он всегда приходил на помощь товарищам, даже если приходилось идти на верную гибель. Потом Эрнста окружили сослуживцы. Капитан Штрелер подошел и протянул руку. «Поздравляю, Эрнст! Не исключено, что за это ты получишь Рыцарский Крест», — сказал он.

— Не знаю, — ответил Эрнст.

Они болтали и пели рождественские песни, и вскоре стало казаться, что война идет где-то далеко-далеко. Ничто не сближало их с теми, кто оставался дома, так, как эти часы воспоминаний и мыслей о тех, кто также сидел вокруг рождественской елки в тысячах километров от них и думал об ушедших на фронт.

Чуть позже приехал майор. Он тоже поздравил лейтенанта и его взвод с большим успехом.

— 1-я рота 519-го тяжелого дивизиона истребителей танков подбила за сутки тридцать танков. Львиная доля из них приходится на вас и ваши четырнадцать побед. Я горжусь вами и вашими людьми, Эрнст!

— А как выглядит общая картина? У нас хорошие шансы на успех?

— Думаю, да, Эрнст! Сейчас механизированная дивизия «*Фельдхернхалле*» занимает участок 246-й пехотной дивизии. В 17:00 они нанесут удар в северном направлении, на Крынки, чтобы восстановить прежнюю линию обороны.

— А запланированный отход на северном участке фронта? Это ведь и нас касается. Что там?

— Сегодня после полудня получены указания фюрера. Он удовлетворил просьбу генерала Рейнгардта. 14-я пехотная дивизия, 3-я и 4-я авиаполевые дивизии люфтваффе и 129-я пехотная дивизия сейчас отходят на блокирующие позиции у Лосьвиды.

Лейтенант Эрнст облегченно вздохнул.

— Тогда, может быть, у нас и получится! Это сильно упростит задачу пехоте, да и всем нам.

— Продолжайте праздновать. Надеюсь, на Рождество нам не придется идти в бой — на улице сильный снегопад.

Часом позже они разошлись по избам, повеселевшие и расслабившиеся. Шел такой густой снег, что они с трудом могли что-либо разглядеть.

— Русские наверняка попрутся! — предположил Бретшнайдер.

Альберт Эрнст кивнул:

— Да. Для русских такая погода — самая подходящая! Они подкрадутся под прикрытием снегопада, и никто ничего не заметит, пока они вдруг не окажутся у цели. А тогда обычно уже слишком поздно что-то делать!

— Бедолаги! — ответил ефрейтор, подумав о пехотинцах, которым приходилось бороться с метелью, пока они расходились по своим теплым квартирам.

РЫЦАРСКИЙ КРЕСТ

В последние дни 1943 года советское командование сосредоточило в районе Витебска тридцать семь стрелковых и три кавалерийских дивизии. Туда же были направлены пятнадцать танковых соединений и четыре механизированных бригады. Однако, несмотря на многократные попытки, им так и не удалось продвинуться дальше. После 19 декабря, когда в дело вступил 519-й тяжелый дивизион истребителей танков, советские войска потеряли 355 танков. Интенсивность оборонительных боев на различных участках фронта резко возросла. Для советской стороны легкий мороз с сильным снегопадом казался подходящей погодой для нового наступления.

Район Витебска стал ареной самых жарких боев на Восточном фронте. Фельдмаршал Буш, командовавший группой армий «Центр», призывал остальные три армии своей группы добровольно выделить любые силы, какие только возможно, на помощь оказавшейся под угрозой 3-й танковой армии. Только так можно было избежать катастрофы. 4-я армия, сама втянутая в тяжелые бои, первой откликнулась на призыв, направив сильную блокирующую группу на участок IV армейского корпуса.

В последние три дня 1943 года советские войска пытались прорваться юго-восточнее Витебска. Им удалось продвинуться на запад до дороги Витебск — Орша. Движение по этой важнейшей дороге немцы сумели восстановить немедленным контрударом, в котором

приняли участие и несколько «хорниссе». Было уничтожено пятнадцать вражеских танков. Бои на участке 14-й пехотной дивизии затихли, и у экипажей самоходок выдалось несколько дней отдыха. В один из таких дней в расположение недавно сформированного «пожарного» взвода, которым командовал Альберт Эрнст, прибыл генерал Ганс-Георг Рейнгардт.

Рейнгардт пожал руки всем членам экипажей «хорниссе». Этот командующий, начинавший войну танкистом и получивший Рыцарский Крест в Польше, командуя 4-й танковой дивизией, знал, каково это — сражаться в составе танкового экипажа. Он понимал, какая для этого нужна ответственность и самодисциплина. Он был одним из них. Генерал долго беседовал с Эрнстом, и лейтенант прямо сказал ему, что нужно его людям. Генерал обещал достать запрошенные игры, книги и записи.

— Я вернусь, Эрнст, и надеюсь застать вас в добром здравии.

Генерал, у которого было и без того немало забот, и в самом деле вернулся и снова навестил самоходчиков.

В начале 1944 года стояли сильные морозы. На Восточном фронте этот год должен был стать решающим. Никто даже не подозревал, какая судьба уготована не только 3-й танковой армии, стоявшей под Витебском, но и всей группе армий «Центр» семь месяцев спустя. Позднее немало было написано о том, что в начале 1944 года немецкий солдат утратил желание сражаться, и лишь генералы продолжали вести войну. Но все эти домыслы были опровергнуты самоотверженной борьбой 3-й танковой армии. В январе 1944 года каждый солдат был уверен в том, что война все еще может решиться в пользу Германии.

Подготовка к бою. «Тигры» также участвовали в оборонительных боях под Витебском зимой 1943/44 года

В начале января 1944 года советское командование перебросило под Витебск дополнительные подкрепления. В бой были брошены все наличные силы: пять советских армий, в составе которых было пятьдесят две стрелковые дивизии, пять стрелковых бригад, три кавалерийские дивизии и двадцать два танковых соединения. На фронт были брошены штрафные батальоны и целые лагеря заключенных. Первые дни боев нового года были отмечены сильными метелями и морозами. Атаки чередовались с контратаками. Казалось, что советские войска уже измотаны, их ударная мощь падала.

Однако 5 января 1944 года советские войска возобновили, и весьма неожиданно, наступление по всему

фронту. Через день интенсивность боев достигла невиданного уровня. Советское наступление поддерживала многочисленна штурмовая авиация; артиллерия часами обрабатывала немецкие позиции. На всех участках в районе Витебска шли массовые бои. Советские войска широко применяли реактивные минометы. Сотни воющих реактивных снарядов заставляли немецкую пехоту забиваться в окопы поглубже. Юго-восточнее Витебска в бой вступила новая советская армия — 5-я.

7 января 1944 года в штабе IX армейского корпуса фельдмаршал Буш излагал общее содержание приказов, поступивших из штаб-квартиры фюрера. Когда фельдмаршал закончил выступление, генерал Рейнгардт заявил:

— Целью Советов, бросивших на Витебск по две армии с востока и с северо-востока, несомненно, как по стратегическим мотивам, так и по соображениям престижа, является окружение города. Какие-либо указания на дальнейшие их стратегические намерения отсутствуют. Напротив, противник сосредоточивает усилия исключительно на Витебске.

С востока приближается новая вражеская армия. Еще одна армия, судя по всему, перебрасывается на данное направление с севера.

Очевидной задачей для 3-й танковой армии является удержание Витебска — ключевого стратегического пункта всего фронта. Задача эта выполняется не только под непрерывным давлением численно превосходящего противника, но и в условиях постоянного снижения боевой численности наших сил. Постоянно прибывающим свежим советским войскам противостоят немецкие части, без передышки сражающиеся по нескольку месяцев.

В последнее время солдаты не имеют возможности для отдыха даже в ночное время, поскольку противник атакует главным образом по ночам.

Генерал предложил сократить линию фронта. Он завершил свое выступление словами: «Поэтому я считаю необходимым, чтобы танковая армия направила все усилия на удержание Витебска любой ценой. Для этого она должна иметь возможность сократить фронт в любой момент, когда ситуация станет угрожающей».

Зимняя битва за Витебск продолжалась. С началом безжалостных боев затиший больше не было. 8 января все «хорниссе» были приведены в боевую готовность. Они повзводно выходили к линии фронта, чтобы помочь измотанной пехоте. «Атака русских отбита. Отмечено сосредоточение войск для ночной атаки на участке механизированной дивизии «*Фельдхернхалле*» и левого крыла 14-й пехотной дивизии. Всем «хорниссе» приказано сопровождать пехоту и содействовать в уничтожении скоплений противника».

Майор Хоппе вызвал ротных и взводных командиров на свой командный пункт. Приказания он отдавал коротко, по существу и точно. Последнее приветствие — и все офицеры и унтер-офицеры на мотоциклах разъехались по своим подразделениям. Через пять минут САУ двинулись вперед, достигли позиций пехоты, остановились и уточнили обстановку. Лейтенант Эрнст попрощался с остальными двумя машинами своего взвода, которые были приданы соседним пехотным ротам:

— Удачи, ребята!

— Спасибо! Вам тоже удачи!

Обе самоходки исчезли в темноте пасмурной ночи.

— Не двигайтесь слишком быстро, Эрнст, — сказал

майор Клефман, когда они приготовились к атаке. — Пехота не угонится за вами по свежему снегу.

— Вас понял!

Самоходки двинулись вперед. За ними пошла пехота. Они шли не слишком близко к самоходкам, понимая, куда полетят снаряды. Справа Эрнст заметил «Орла». Он окликнул его по радио, и фельдфебель Штёрц тут же отозвался. Потом Эрнст попытался вызвать «Канюка», который был вне поля зрения. Отозвался и Хольман.

«Если у кого-то возникнут проблемы, сообщите!» — сказал Эрнст.

Они продолжали движение, зная, что могут положиться друг на друга и что они будут сражаться до тех пор, пока не сделают свое дело. Время от времени тяжелая машина проваливалась в засыпанные снегом воронки и на первой передаче с гулом выбиралась из них на другой стороне. Ударные силы приближались к району сосредоточения советских войск.

— Вон деревня! — сказал Эрнст. Они остановились, и их нагнал обер-лейтенант, командовавший пехотной ротой.

— Только силуэты... сложно что-то разглядеть. Похоже, там пусто.

Но лейтенант Эрнст покачал головой.

— Они там и... что это? Похоже, лязгают гусеницы, и движется большая колонна.

— Вон они! На дороге перед деревней!

Эрнст осмотрел дорогу в бинокль и заметил четыре черные тени, опознать которые он пока не смог.

— Это могут быть танки, а могут быть и телеги! — осторожно заметил он.

— Прикажите вашим самоходкам двигаться вперед и присоединиться к нам. Пехотная рота развернулась для атаки.

Вызвав остальные самоходки взвода и указав им позиции, Эрнст сказал:

— Я иду вперед разведать цель. При необходимости, Колани, возьмешь командование «Бизоном» на себя.

— Так точно!

Вместе с обер-лейтенантом и штабом роты Эрнст подобрался поближе к дороге. Широко рассыпавшись в цепь, пехотинцы преодолели половину расстояния до дороги и вдруг, словно по команде, остановились.

— Черт, это танки! Двигатели работают. — Обер-лейтенант говорил взволнованно. Эрнст кивнул. Он видел, как курили советские танкисты. Их голоса были прекрасно различимы с расстояния 250 метров.

— Что будем делать, Эрнст? — спросил обер-лейтенант. — Атакуем?

— Другой такой возможности у нас может и не быть. Нужно поторопиться — открыть огонь, прежде чем экипажи закончат перекур и вернутся в танки. Если они со своими Т-34 и КВ-1 атакуют первыми, плохо дело.

— Хорошо. Когда откроете огонь, я дам две зеленые ракеты и одновременно атакую.

Лейтенант Эрнст бросился к своему экипажу. Действовать нужно было быстро — быстрее, чем когда-либо.

Он добрался до позиций и заскочил в самоходку. Эрнст вызвал остальные две машины, которые тем временем подошли поближе.

— Мы атакуем танки на дороге. «Канюк» возьмет правый фланг, «Орел» — левый. Огонь от края колонны к центру, чтобы перекрыть им путь к отступлению. Я начну с середины.

Оба командира подтвердили получение приказа. Потом лейтенант прицелился. Он сел у прицела и осмотрел колонну. Он установил подсвеченную иголку

прицела над средним танком. Машина стояла точно перед ним.

— Внимание! Огонь!

Раздался гром выстрела «восемь-восемь», и еще до того, как снаряд нашел цель, в небо с шипением взвились две зеленые ракеты. Снаряд попал в цель. Из моторного отделения подбитого советского танка вырвалось пламя. Одновременно или, быть может, на полсекунды позже открыли огонь и обе другие самоходки. Точно по сигналу начался огненный ад. В бинокль Эрнст видел метавшихся из стороны в сторону советских танкистов. Некоторые пытались забраться в танки, но их быстро срезал автоматный огонь пехоты. До пехотинцев сквозь шум боя долетали крики советских танкистов. Нескольким экипажам все же удалось залезть в машины. Эрнст увидел, что несколько советских танков пришли в движение и начали разворачиваться в сторону нападавших, чтобы уменьшить площадь, подставленную вражескому огню, и выйти на огневую позицию.

Тем временем истребители танков продолжали вести огонь. Бронебойные снаряды врезались в стальную броню и поднимали с земли фонтаны снега, которые тут же уносил ветер. Над подбитыми советскими танками в небо поднимались пламя и густые облака дыма. Пять Т-34 и один КВ-1 скрылись в ночи. Часть экипажей, которым удалось добраться до своих машин, сгорела в стальных гробах. С громкими криками пехотинцы бросились вперед и добрались до советских танков. Несколько раненых красноармейцев сдались. Танкисты вылезали из люков с поднятыми руками, ошеломленные внезапным морем огня.

Новая линия обороны прошла вдоль дороги. У пехотинцев появилась возможность для мобильной обороны на случай следующей атаки. В случае необходи-

мости они могли вернуться на прежние позиции и встретить наступающих там. Снова пошел густой снег, и с первыми лучами солнца 9 января Эрнст и его люди вернулись на квартиры. Заправив машины и пополнив боекомплект, они были рады вернуться в избы. Механики немедленно приступили к устранению всех обна-

САУ Су-152, подбитая экипажем Эрнста в начале 1944 года

руженных повреждений, чтобы самоходки могли при первой необходимости вступить в бой.

В приказе по армии от 9 января 1944 года говорилось об уничтожении шестидесяти вражеских танков и повреждении и захвате немцами еще двадцати семи. В рапорте говорилось: «Вновь «хорниссе» 519-го тяжелого дивизиона истребителей танков сыграли выдающуюся роль в успехе».

7 февраля 1944 года лейтенанта Эрнста вызвали на командный пункт батальона. Прибыв туда, он обнаружил машину генерала, легко узнаваемую по флажку и водителю. Батальон выстроился перед зданием.

— Эрнст, где твоя каска? — спросил капитан Штрелер, увидев молодого лейтенанта.

— Зачем мне каска? — спросил в ответ Эрнст.

— Ты должен быть перед строем роты и всего батальона в лучшей повседневной форме. Как думаешь, что бы это значило, Эрнст?

Лейтенанта вдруг осенило. Сначала он решил, что его переводят. Потом к нему подбежал Шааршмит.

— Возьми мою каску, Альберт. Сойдет!

Эрнст надел каску и занял место в голове строя своей роты.

Перед строем вышел командующий армией. Капитан Штрелер доложил командиру батальона. Тот обернулся к Рейнгардту и отрапортовал:

— 519-й тяжелый дивизион истребителей танков построен!

— Спасибо, Хоппе.

Генерал прокричал приветствие, на которое ответили две сотни голосов. Лейтенант Альберт Эрнст вышел вперед. Генерал Рейнгардт протянул ему руку.

«Лейтенант Эрнст, вы стали самым удачливым истребителем танков в ходе великой зимней битвы за Витебск. За уничтожение двадцати пяти вражеских танков

и нескольких противотанковых орудий фюрер награждает вас Рыцарским Крестом. Сегодня я имею честь лично вручить вам награду».

Рейнгардт взял орден с черно-бело-красной лентой, лежавший в открытой черной коробочке, которую держал его адъютант. Майор Хоппе встал за спиной Эрнста и застегнул ленточку ордена. Затем майор, генерал и лейтенант прошли перед строем. Когда они дошли до его роты, Эрнст остановился, обернулся и вскинул руку в воинском приветствии.

«Кёттер!» — тихо сказал он. Упоминание о павшем товарище также относилось и ко всем погибшим.

Еще долго генерал Рейнгардт говорил о «Витебской пожарной команде» и о «Витебском тигре». Он передал всем им, вплоть до последнего механика, благодарность пехотинцев, которых неоднократно спасали самоходчики. Позднее Эрнст вспоминал об этом моменте: «Это был величайший день моей жизни. Я до сих пор вспоминаю о нем с гордостью. Но я также знаю, что он стал возможным лишь благодаря усилиям всех членов моего экипажа и экипажей двух остальных машин моего взвода».

РАЗГРОМ СОВЕТСКОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ

К концу первого зимнего сражения за Витебск советские войска потеряли 40 тысяч человек. На широких полях сражения остались остовы 1203 танков. Усилия противотанковых частей описывались в докладе командования Вермахта: «Помимо отважного и упорного сопротивления пехоты и мотопехоты, особую роль сыграли действия артиллерии, танков и противотанковых частей, а также штурмовой артиллерии и люфтваффе».

Оттепель в середине января превратила все дороги в бездонные трясины. Вторая зимняя битва за Витебск началась 3 февраля 1944 года. Советские войска снова атаковали крупными силами, особенно к северо-западу от Витебска между озерами Лосьвида и Зароновское. Вскоре советские войска нанесли удар и юго-восточнее Витебска. В день, когда лейтенант Эрнст получил Рыцарский Крест, советские полки штурмовали плацдарм у деревни Новики. Фузилерный батальон 131-й пехотной дивизии под командованием майора Людвига Шютте отразил двадцать одну атаку. За свои действия Шютте был награжден Рыцарским Крестом.

Потом пришел черед истребителей танков. Поступил приказ атаковать. В скоротечном первом бою нового сражения Альберт Эрнст записал на свой счет два Т-34. Вечером Эрнст доложил майору Хоппе:

— Похоже, противник стал нас уважать. Он больше не применяет танки большими группами. Теперь они действуют по одному — по два.

— Так нам будет труднее их уничтожить, Эрнст, но атаки противника будут не такими мощными, как раньше. Пехота будет нам благодарна.

На следующий день самоходки снова были вызваны на передовую. Перед позициями пехоты было обнаружено скопление советских танков, которые необходимо было уничтожить. Еще на пути к передовой экипажи услышали гром пушек советских танков, открывших огонь осколочно-фугасными снарядами по позициям немецких пулеметов.

«Вперед на полной скорости! Хайнрихс, жми!»

«Бизон» набрал скорость. Две другие машины держались чуть позади справа и слева на случай, если противник внезапно выскочит из редкого леса, пытаясь атаковать самоходки с фланга. Внезапно в небе над ни-

ми раздался рев двигателей. «Бизон» остановился. Экипаж завертел головами, глядя вверх.

— Штуки! — крикнул Колани. — Штуки атакуют!

Немецкие наземные части прозвали вооруженные пушками Ю-87 «небесной артиллерией».

Пикирующие бомбардировщики нырнули к лесу, в котором сосредоточивались советские танки. Все следили за воющими бомбардировщиками. Установленные под крыльями пушки выплевывали пламя. В тот самый миг, когда самолеты, казалось, уже неминуемо зацепят верхушки деревьев, они вышли из пике и резко набрали высоту. Вскоре они развернулись и прошли прямо над ожидавшими самоходками. Бомбардировщики снова спикировали к лесу, и на этот раз экипажи самоходок смогли разглядеть атаку получше. Они видели вспышки выстрелов пушек Ю-87 и дымные следы их бронебойных снарядов. Вдруг фельдфебель Хольман крикнул:

— Внимание! Справа, за деревьями!

Лейтенант Эрнст вскинул бинокль. Вот они: Т-34, КВ-1 и КВ-2, выгнанные из леса «штуками». Они шли прямо на поджидавшие самоходки, все еще не подозревая об их присутствии за засыпанным снегом кустарником.

— Внимание! Огонь!

Приближались восемь вражеских танков. Все три истребителя танков выстрелили. Первым попал в цель Хольман. Затем вторым выстрелом поразил цель «Бизон». Советский танк взорвался. Бой начался. Словно гончие, бомбардировщики выгнали восьмерку советских танков из леса прямо на орудия самоходок. «Хорниссе» вели огонь словно на полигоне. Советские танки отвечали. Снаряд попал в одну из гусениц «Орла». Штёрц, также доложивший уже об уничтожении вра-

жеского танка, вместе с экипажем приступил к ремонту гусеницы под огнем.

— Хольман, прикрой «Орла»!

Фельдфебель Хольман подбил советский танк, повредивший «Орла». Советские танкисты были захвачены врасплох. Судя по всему, их план сорвался. Вторая и третья жертвы Эрнста были объяты ярким пламенем. Последний из восьмерки советских танков развернулся и исчез в овраге, уходившем в лес.

«За ним! В овраг у леса!»

Самоходка с лязгом понеслась на полной скорости через воронки и ухабы. В какой-то момент самоходка опасно накренилась, грозя опрокинуться набок. Но этого не произошло, и, ревя двигателем, машина добралась до нужного места на склоне оврага, грозившем осыпаться. Самоходка сдала назад на несколько метров. Из-за изгиба оврага появился Т-34. Они его заметили.

— Пусть идет, пока не подставит нам корму! — крикнул Эрнст. Они ждали. На дистанции в 500 метров Т-34 подставил корму. — Огонь!

Громыхнул выстрел 88-мм орудия. Земля под танком начала проваливаться. Хайнрихс быстро включил заднюю передачу и отъехал на несколько метров. Над моторным отделением Т-34 поднялся столб огня, и в несколько мгновений машину охватило пламя. Ни один из четырех членов экипажа выбраться не успел. Таким образом, Эрнст довел счет подбитым танкам до тридцати двух. Последний стал трехсотым танком, подбитым батальоном.

Бои продолжались. Попытки советских войск ослабевали, и атаки следовали все реже. Но у них оставалось еще много танков, и самоходки лейтенанта Эрнста без дела не стояли. Эрнст записывал на свой счет танк за танком. Список его побед неуклонно рос. Полоска-

ми за подбитые танки был покрыт уже почти весь ствол орудия самоходки.

Когда 17 февраля 1944 года советское командование прекратило вторую зимнюю битву за Витебск, люди лейтенанта Эрнста вздохнули с облегчением. Они без перерыва участвовали в боях с 8 по 17 февраля и нередко оказывались на волосок от гибели. Они были измотаны до предела.

Напряжение боев отражалось на лицах людей. Вместе с пехотинцами они выносили все тревоги и тяготы. За плечами было два крупных сражения. И вот их заслуженная награда — наконец-то они смогли выспаться. Запоздалые письма домой были написаны и отправлены. Главной их заботой в период затишья было привести свое оружие — противотанковые САУ «хорниссе» — в максимально боеспособное состояние, поскольку противник мог атаковать в любой момент дня или ночи.

БЕСЕДА С ФЕЛЬДМАРШАЛОМ

В конце февраля 1944 года советские ударные дивизии вновь пошли в атаку. Однако на этот раз они атаковали не всей массой, как раньше, а полками, и каждой ударной части было придано шесть-восемь танков. Появление «Бизона» на передовой стало обычным делом. Лейтенант Эрнст и его люди выполняли одно задание за другим. В конце февраля из полевого госпиталя вернулся Йолассен. Его должны были отправить в Германию, но он сбежал и вернулся на фронт. Доложив о возвращении лейтенанту Эрнсту, он улыбнулся и сказал: «Назад вы меня не отправите». Последовал взрыв хохота — такую мрачную рожу скорчил Йолассен.

— Отлично! Можешь вернуться на «Орел» заряжающим.

В следующие несколько недель истребителей танков видели повсюду. Майор Хоппе создал «пожарную роту» под командованием Эрнста. Рота вышла на плацдарм у Новиков и освободила из окружения 197-ю и 299-ю пехотные дивизии. Затем ей было приказано переправиться на западный берег Лучесы для усиления блокирующей позиции у Волосово. Здесь разгорелась ожесточенная схватка. За ночь позиция переходила из рук в руки шесть раз. Советское командование считало, что отсюда его войскам удастся прорваться на запад. 4 марта 1944 года «пожарная рота» снова оказалась на этом участке.

— Будьте осторожны! Я пойду впереди. Остальным ждать, что будет дальше! Вперед, Хайнрихс! — приказал Эрнст своему механику-водителю.

Экипаж стоял по местам. В любой момент из-за склона, который обстреливали советские минометы, могли появиться вражеские танки. «Хорниссе» катилась вверх по склону, подминая гусеницами дерн. Вдруг «Бизон» резко остановился. Эрнсту не нужен был бинокль, чтобы разглядеть скопление советских танков. С работающими двигателями, они были готовы к следующей атаке. В слабом свете Эрнст разглядел за танками плотную массу пехоты.

— Внимание всем! За мной на холм! Дистанция шестьсот, вражеские танки!

Колани ждал приказа открыть огонь. Он уже прицелился в крайний правый танк и знал, что с такой дистанции попадание из 88-мм орудия будет смертельным. Противник же не обращал внимания на надвигающуюся опасность. Похоже, рев двигателей «хорниссе», взбиравшихся по склону, заглушили моторы их собственных танков. В последний момент, когда подошли остальные семь машин ударной группы, противник оч-

нулся. Альберт Эрнст увидел, что первый советский танк пришел в движение.

«Огонь!» — приказал он.

Звуки выстрела и попадания снаряда слились в один. С громким треском снаряд «восемь-восемь» проломил броневую плиту Т-34 и поджег его. Экипаж действовал автоматически: «Заряжай! Огонь! Заряжай! Огонь!» Остальные истребители танков тем временем достигли гребня холма и вступили в бой. Вскоре в их сторону двигались три, потом — четыре, потом — десять танков Т-34. У подножия холма они были вне досягаемости для самоходок, которые не могли опустить ствол орудия достаточно низко, чтобы стрелять по советским танкам.

Появился фельдфебель с штурмовой группой. «Мы о них позаботимся!» — крикнул он, махнув рукой в сторону танков, уже двинувшихся вверх по холму. Эрнст кивнул. В руках солдат он увидел подрывные заряды и противотанковые мины.

Самоходки Эрнста вели огонь, пока вражеские танки не развернулись и не исчезли в леске. Метрах в двухстах ниже по склону громыхнул взрыв. Взрывы противотанковых мин и подрывных зарядов посылали вверх по склону ударную волну, с корнем вырывавшую кусты. С вершины холма экипажу Эрнста были видны три подбитых танка. Однако одной машине удалось избежать уничтожения, и теперь она была всего метрах в шестидесяти под ними.

— Вперед, Хайнрихс! Вниз!

«Хорниссе» пришел в движение. Самоходка съехала вниз по холму метров на пятьдесят и развернулась. Примерно на одном с ними уровне Эрнст увидел Т-34. Он стоял, только что выстрелив из пушки. Т-34 был повернут к ним правым бортом. Колани приказа не дожидался. Как только вражеский танк оказался в прицеле,

Колани нажал кнопку выстрела. Раздался громкий двойной удар. Прошитый насквозь 88-мм снарядом Т-34 был уничтожен.

Острие советской атаки затупилось. В стальной фаланге была пробита брешь. Последовавшую атаку пехоты немцы отбили без труда. К этому моменту лейтенант Эрнст уничтожил сорок девять танков. В батальоне он был первым по числу побед, и конца им не предвиделось, поскольку стычки и советские атаки продолжались, не ослабевая.

Во время одной из вражеских атак самоходки не успели вовремя. Но в этом случае смогли вмешаться люфтваффе. Над линией фронта пронеслись девяносто Ме-110 и Ю-87, уничтожая советские танки и штурмуя пехоту.

Днем шли сильные дожди со снегом, а температура поднималась выше нуля. Мартовские ночи все еще были холодными; температура иногда достигала —10 градусов. Бушевали ранние грозы, вновь превратившие дороги в бездонные моря грязи. На гусеницах тяжелые «хорниссе» с трудом пробивали себе путь через метровый слой грязи.

При обороне на рубеже Лучесы девять немецких батальонов вынуждены были сдерживать девять советских дивизий, стрелковую бригаду и две танковые бригады. Танки удалось сдержать благодаря усилиям «хорниссе», батальонов «тигров» и шести бригад штурмовых орудий, собранных под Витебском.

28 марта Эрнст вел свои истребители танков сквозь огонь вражеской артиллерии. Немецкая разведка обнаружила 110 советских батарей с 404 орудиями. Они вели ураганный огонь по немецким позициям. «Бизон» умудрился пройти под артиллерийским огнем и добраться до советского наблюдательного пункта, который был уничтожен четырьмя осколочно-фугасными сна-

рядами. Самоходку атаковала советская пехота. Экипаж «Бизона» отбивался ручными гранатами и автоматным огнем. Увидев подходящий на помощь «Канюк», экипаж вздохнул с облегчением.

Пять дней советские войска пытались прорвать фронт. Однако после пятидесяти неудачных атак они прекратили попытки. Эти пятьдесят атак осуществлялись силами от полка до дивизии. Еще восемьдесят операций советские войска предприняли силами от роты до батальона. Землю перед немецкой линией обороны устилали тела четырех тысяч убитых солдат и остовы сорока девяти подбитых танков.

Над полем боя воцарилась тишина. 20 апреля в частях на передовой узнали, что генерал пехоты Ганс Йордан, командовавший VI армейским корпусом, стал 64-м немецким военнослужащим, получившим «Мечи» к Рыцарскому Кресту.

Генерал Рейнгардт несколько раз приезжал к Альберту Эрнсту. Вскоре в войсках говорили: «Оборона Витебска — это Рейнгардт!»

26 мая 1944 года генерал стал 68-м немецким военнослужащим, награжденным «Мечами» к Рыцарскому Кресту. Об этом он сказал: «Я с радостью и гордостью ношу эту награду, зная, что эти «Дубовые листья» и «Мечи» — награда всей моей 3-й танковой армии за победу в трудных зимних боях при обороне Витебска».

На следующий день лейтенант Альберт Эрнст был приглашен в штаб группы армий «Центр». Фельдмаршал Эрнст Буш пригласил самых прославленных солдат и представленных к наградам военнослужащих группы армий в Минск. Лейтенант Эрнст отправился на аэродром. Сопровождавшие его догадывались о том, что готовится. Фельдфебель Шааршмит уже высказывал предположение по этому поводу. Их лейтенант должен был получить «Дубовые листья» к Рыцарскому

Ганс-Георг Рейнгардт, одна из наиболее выдающихся личностей в танковых войсках

Кресту. Фельдфебель Хольман, получивший тем временем Золотой Германский Крест, даже поспорил на то, что их «старик» вернется из Минска с «Дубовыми листьями». Некоторые из его друзей приняли пари, и Хольман проиграл. И вот почему.

Собравшиеся солдаты сидели за большим столом в обеденном зале штаба группы армий. Офицеры вели беседу между собой. Оглядевшись, Эрнст увидел множество офицеров, награжденных высокими наградами. Он нервно прошел вперед и сел напротив командующего. Когда после ужина они закурили, фельдмаршал спросил: «Как же так получилось, Эрнст, что вас до сих пор не повысили? Вы уже довольно давно командуете ротой».

Сглотнув ком в горле, Эрнст ответил: «Господин фельдмаршал, мы, самоходчики, не думаем о продвижении по службе. Наша работа — каждый день уничтожать вражеские танки, и в любой день есть вероятность, что уничтожат нас самих». — «Это не ответ на вопрос. Я имею в виду, почему вы до сих пор — не обер-лейтенант?» — «Мне сказали, господин фельдмаршал, что я должен прослужить несколько лет лейтенантом, и только потом могу стать обер-лейтенантом».

Фельдмаршал Буш обернулся к начальнику оперативного отдела: «Что скажете, Грёбен? Эрнст говорит

правду?» — «Лейтенант Эрнст совершенно прав. Его нельзя произвести в обер-лейтенанты просто потому, что он носит Рыцарский Крест. Он должен немного подождать».

Альберт Эрнст уже был произведен в офицеры за отвагу перед лицом врага. Даже тогда его повышение задержали на несколько месяцев, и похоже было, что Эрнсту суждено еще некоторое время проходить в лейтенантах.

Но вот фельдмаршал Буш обернулся к лейтенанту. «Дорогой Эрнст, что бы вы больше хотели получить: «Дубовые листья» за уничтожение пятьдесят пятого вражеского танка или чин обер-лейтенанта?»

Все посмотрели на лейтенанта, и Эрнст подозревал, о чем думают многие из них: «Дубовые листья» принесут ему больше славы. Человеческое тщеславие толкало его выбрать награду. Однако мысли его двинулись в другом направлении. Он был женат и имел двоих детей. Его лейтенантское жалованье было меньше, чем он получал оберфельдфебелем с двенадцатилетней выслугой. «Если господин фельдмаршал оставляет выбор за мной, то я предпочел бы производство в обер-лейтенанты».

На несколько секунд воцарилась мертвая тишина. На него обрушился шквал вопросов, на которые Эрнст ответил, что деньги для себя и для семьи ему нужнее, чем награда. В результате Эрнст получил звание оберлейтенанта за отвагу перед лицом врага. Для простого солдата рейхсвера он сделал огромный шаг вперед.

Через несколько недель его отозвали из 519-го тяжелого дивизиона истребителей танков. Он был выбран для прохождения командной подготовки, поскольку он так и не прошел офицерских курсов, а ему предстояло командовать новой частью. Обер-лейтенант Эрнст должен был попрощаться с товарищами.

«Альберт, если получишь под командование новую часть и будет возможность забрать нас, сделай это!» — попросил Богхут. О том же просили и остальные.

Обер-лейтенант был очень тронут, поскольку ему довелось вести этих людей за собой в очень трудных и опасных ситуациях.

В танковой школе в Милау Эрнст с отличием окончил командирские курсы. В конце обучения он обнаружил, что ему предстоит служить под командованием майора Ноака, получившего Рыцарский Крест за бои во Франции в составе 46-го дивизиона истребителей танков. 17 января 1941 года под Москвой Ноак стал 63-м немецким военнослужащим, получившим «Дубовые листья». Новый дивизион должен был получить на вооружение мощные истребители танков «ягдпантера». Однако этот переход так и не случился. Эрнст мог бы многому научиться у майора Ноака, командовавшего в Курской битве 654-м тяжелым дивизионом истребителей танков. В той битве дивизион воевал на «фердинандах».

Вместо этого Эрнст предпочел принять участие в формировании нового 1299-го дивизиона истребителей танков. Это дало ему возможность вызвать из России своих товарищей. Как командиру батальона ему было разрешено самому подбирать себе людей. И вот его товарищи прибыли из России. Однако приехали не все. Во время крупномасштабного летнего наступления советских войск против группы армий «Центр» дивизион был придан 299-й пехотной дивизии и понес тяжелые потери. Прибыли лейтенант Богхут, оберфельдфебель Тарлах и лейтенант Рондорф, а также Колани и Бретшнайдер из старого экипажа Эрнста. Остальные погибли.

В это время Эрнсту несколько раз предоставлялась возможность навестить семью в Лейпциге. Это были недели спокойствия и счастья. Впервые он ощутил всю

прелесть гражданской жизни. Лето было прекрасным. Однако в конечном итоге настало время вести в бой новый дивизион (в начале состоявший всего из одной батареи). Часть была направлена на Восточный фронт в район юго-западнее Ленинграда, где Красная Армия начала новое наступление. Альберту Эрнсту вновь было суждено воевать в составе 3-й танковой армии.

Советские войска достигли Немана в районе Олиты. 4-я и 7-я танковые дивизии должны были уничтожить эти силы, наступая из района Бабришкис (в десяти километрах севернее города Ораны). Обер-лейтенант Эрнст со своими «ягдпантерами» должен был участвовать в охватывающем ударе. Одна группа была сформирована из подразделений 25-го танкового полка и приданного 6-го моторизованного полка. В ее задачу входила атака по левому флангу вдоль дороги на Олиту. На правом фланге шел обер-лейтенант Эрнст с шестнадцатью новехонькими машинами и приданным пехотным батальоном. Было раннее утро 11 августа. Альберт Эрнст поднял руку, и истребители танков двинулись в путь.

— Вперед, ребята! Мы не должны увязнуть в этом болоте, иначе русские нас разгромят!

«Ягдпантеры» с лязгом двигались вперед. Эти новые противотанковые машины, которых было построено всего несколько сотен, были вооружены 88-мм пушкой L/71, одним из самых мощных и точных орудий своего времени. Под Олитой им предстояло крещение огнем.

В наушниках Эрнста сквозь треск прозвучал голос командира одного из взводов, лейтенанта Рондорфа: «Вражеская противотанковая пушка!»

— Все за мной! В атаку!

Огромные самоходки набрали скорость, оставив пехоту далеко позади. В кустах блеснули выстрелы.

Снаряды ударили в лобовую броню машины Эрнста и отскочили. Внутри шум стоял такой, что Эрнсту показалось, что он оглохнет. Колани открыл огонь. Выбранное в качестве цели противотанковое орудие сорвало с огневой позиции и подбросило в воздух.

— Продолжать наступление!

Фельдфебель Цельман, механик-водитель Эрнста, перешел на шестую передачу. Самоходки наткнулись на батарею советских реактивных минометов, четыре установки которой вели огонь по немецкой пехоте. Тяжелые машины проехали прямо через их позицию и направились к противотанковым пушкам. Когда они добрались до позиций противотанковых пушек, советские артиллеристы вскочили и бросились наутек. У них не было ни малейшего шанса. С ужасным треском истребители танков проехали по пушкам, вдавливая их в землю. Чуть дальше они наткнулись на основную линию советской обороны. Впереди была видна дорога на Олиту.

Пулеметный огонь и залпы бригады реактивных минометов превратили поле боя в кромешный ад. Мотопехота, которую обстрел застал в открытом поле, была буквально перемолота. Кричали раненые. Уцелевшие, кто-то лопатками, а кто-то и просто голыми руками, зарывались в мягкий грунт.

«Атака захлебнулась!» — доложил фельдфебель Унтершмит.

Снова по радио донесся голос Рондорфа: «На дороге вражеская колонна!»

«Всем оставаться здесь широким полукругом и прикрывать нас огнем! Немедленно уничтожать любую обнаруженную вражескую позицию! Богхут и Рондорф — за мной!» — Обер-лейтенант Эрнст собирался применить тактику, приносившую ему успех в боях под Витебском: прорваться внезапным броском, уничтожить

вражескую технику и посеять панику в рядах противника. Если противник отступит, он будет преследовать всем дивизионом и откроет путь мотопехоте.

Подошла машина Богхута. Впереди справа из кустарника, служившего ему укрытием, появился Рондорф. Эрнст наблюдал за приближением двух «ягдпантер». Наклонный лобовой лист, длинноствольное орудие с небольшой люлькой и броневые юбки на бортах придавали самоходке компактный и надежный вид.

— Мы атакуем с интервалом по фронту пятьдесят метров. Каждый выбирает цель на дороге. Начинайте бить справа и слева к центру колонны!

Ревя двигателями, истребители танков двигались вперед, пока не вышли на удобную огневую позицию с хорошим обзором.

«Огонь по готовности!»

Из всех трех стволов вырвались столбы пламени. Снаряды врезались в колонну советских танков, грузовиков и бронетранспортеров. Одни машины взрывались, другие снарядами сносило с дороги.

Рондорф доложил о первых успехах, затем по радио сквозь треск помех донесся голос Богхута: «Подбил троих, Альберт!»

Три машины ринулись вперед, останавливаясь только для стрельбы. Вражеские снаряды с шипением проносились над ними. К противнику были обращены только лобовые части самоходок, наклоненные под большим углом и тяжело бронированные. Казалось, ничто не может их остановить.

«Богхут, оставайся здесь. Я с Рондорфом иду дальше. Поддерживай связь с остальными!»

Фельдфебель Цельман вел «ягдпантеру» на противника со скоростью сорок километров в час. Курсовой пулемет, за которым сидел Бретшнайдер, вел огонь по появлявшимся в поле зрения советским солдатам.

«Они вот-вот побегут, Альберт!» — вызвал его по радио Рондорф.

Советские войска потеряли три десятка машин и несколько танков. Внезапный удар трех быстрых и мощных истребителей танков привел их в замешательство. Они отступали, и отступление постепенно переходило в паническое бегство. Дорога была усеяна горящими грузовиками. Несколько противотанковых пушек, которые советские артиллеристы скатили с дороги, пытаясь установить на огневую позицию, были раздавлены.

«Продолжать огонь!» — крикнул Эрнст.

Две 88-мм пушки продолжали сеять разрушение; оба пулемета рокотали почти без перерыва. Вражеские войска охватила паника. Вдруг метрах в трехстах перед ними блеснула вспышка. Получив мощный удар, «ягдпантера» резко остановилась.

— Дальше мы ехать не можем — разбиты катки! — доложил механик-водитель.

— Осторожно, Рондорф! Нас подбили!

— Я видел. Готов вас подобрать. Богхут докладывает, что он тоже наготове.

— Пусть остается на месте! — приказал Эрнст. Если подойдет еще одна машина, противотанковая пушка, местонахождение которой по-прежнему оставалось неизвестным, неминуемо подобьет и ее.

— Внимание! Русские атакуют!

Советские солдаты, которые опомнились и собрались в штурмовые группы, устремились к самоходке Эрнста.

— Занять круговую оборону! Раздать гранаты!

Они везли с собой два ящика гранат, и, как оказалось, не зря. Советские солдаты приближались. Изо всех люков в них полетели ручные гранаты. Сквозь смотровые щели экипаж видел падающих солдат. Ране-

ные пытались отползти в сторону. Но за ними последовала новая волна советских солдат. Они бросали бутылки с зажигательной смесью. Бутылки не долетали и обдавали пылающим бензином своих же раненых.

Эрнст бросал гранаты через открытый командирский люк. В попытке остановить приближавшуюся спереди основную группу советских солдат Бретшнайдер расстрелял из курсового пулемета целую ленту. Пятеро членов экипажа самоходки слышали стоны раненых и треск автоматных очередей и видели яркие вспышки.

Эрнст, отвечавший как командир за оборону башни, стоял, высунувшись из люка. Несколько советских солдат вскочили на крылья. Эрнст стал стрелять по ним из пистолета; затем он нырнул в укрытие, чтобы сменить обойму. Это был бой не на жизнь, а на смерть. Лейтенант Рондорф бил осколочно-фугасными снарядами по основной группе солдат противника, пытавшихся захватить подбитый истребитель танков.

Обер-лейтенант Эрнст зарядил последнюю обойму. Он снова высунулся из люка и четырежды выстрелил, а потом нырнул в люк, прячась от просвистевшей над головой автоматной очереди. Он снова выпрямился. Меньше чем в метре перед собой он увидел лицо советского офицера. Эрнст поднял пистолет. Он на долю секунды опередил противника, но пистолет дал осечку. Щелкнул выстрел «нагана» советского офицера. Альберт Эрнст ощутил сильнейший удар в лоб. Пуля вошла в голову прямо под шлемофоном и вышла сзади.

Видимо, обер-лейтенант инстинктивно ухватился за крышку люка, поскольку, как только он упал внутрь самоходки, люк с лязгом захлопнулся. Бретшнайдер тут же плотно его закрыл.

«Они повсюду. Придется прорываться к своим с бо-

ем», — сообщил по радио унтер-офицер Файге, наводчик самоходки Рондорфа.

«Осколочно-фугасным... Огонь!» — скомандовал лейтенант. Снаряды рвались вокруг машины командира батареи. Для сидевших внутри это был ад. Только командир ничего не знал о происходящем — он был без сознания.

Бретшнайдер натянул окровавленный шлемофон Эрнста: «Внимание! Командир тяжело ранен. Вытащите нас отсюда, иначе он умрет».

Они перевязали обер-лейтенанта, наложив на голову две повязки и прижав входное и выходное отверстия толстым валиком.

— Двигайся вперед... еще четыре снаряда... потом подъезжай к ним! Нёрсген, приготовь скобу и передай ее мне.

— Я сам кину ее! — ответил механик-водитель Герберт Нёрсген.

— Хорошо!

Был выпущен последний снаряд, и истребитель танков двинулся вперед. Он прошел сквозь группу советских солдат, укрывшихся в мертвой зоне и подобравшихся к машине командира батареи сзади. Нёрсген высунулся из люка и бросил буксировочную скобу. Бросок был удачный, и скоба сразу же зацепилась. Лейтенант Рондорф дал очередь из автомата в сторону советских солдат, целившихся в его механика-водителя. Затем истребитель танков рванулся назад, таща за собой подбитую «ягдпантеру». На третьей машине, почти непрерывно стреляя, подошел Богхут. Рондорф тоже время от времени стрелял по появлявшимся в поле зрения преследующим танкам. «Ягдпантера» метр за метром двигалась назад. Наконец они вышли из скопления вражеских войск и остановились. Теперь они

были под защитой остальных самоходок. Теперь уже едва ли что-то могло пойти не так.

«Нужно побыстрее доставить командира в тыл. Придется его везти!» — сказал один из них.

Обер-лейтенанта, который все еще не приходил в сознание, положили в другую самоходку, осторожно двинувшуюся в сторону перевязочного пункта. По дороге Эрнст пришел в себя и понял, что они едут на запад. Несмотря на рану, он почувствовал облегчение. Его везли в тыл, и скоро он будет в безопасности. Он слышал лязг гусениц, видел лица склонившихся над ним и попытался улыбнуться, но не смог. Кровь все еще сочилась сквозь бинты. На оливково-зеленой куртке запеклись пятна крови. Даже Рыцарский Крест выглядел так, будто его окунули в кровь. Эрнст снова потерял сознание от кровопотери. Снова придя в себя, он увидел, что двое товарищей несут его на сложенном вдвое брезенте через картофельное поле.

Они дошли до командного пункта пехоты. Здесь царила суета — сюда же спешно собрались офицеры дивизиона. Они спорили с командиром полка о том, кто должен командовать дивизионом. Эрнст все это слышал, а потом снова потерял сознание. Вдруг на командный пост ворвался высокий, широкоплечий уроженец Верхней Силезии лейтенант Богхут. Он последовал за своим командиром и тоже прорвался через советское противотанковое заграждение. Он подошел к своему другу и склонился над ним. Потом встал и сказал:

— С этого момента нашим дивизионом командую я! Это сражение уже и так слишком дорого нам обошлось! И больше об этом даже не заикайтесь. Никто! — громогласно объявил он, обернувшись к офицерам.

— Да что это с тобой? — в ужасе спросил полковник.

И вдруг Эрнст сел. «Лучше Богхута не справится

никто!» — еле слышно пробормотал он. Потом он вновь потерял сознание.

Командование дивизионом принял Богхут. На перевязочный пункт Эрнста отнесли унтерфельдфебель Виперман, старший из унтер-офицеров дивизиона, и два солдата. Советские войска продолжали давить, и новый прорыв был лишь вопросом времени. Через час Эрнст лежал в маленьком домике, и над ним склонился офицер медслужбы.

— Доктор, — сипло проговорил он. — Просто наложите повязку, и все будет в порядке.

— Повязку? — ответил врач. — Такое ранение требует лечения в Германии!

Это было последнее, что Эрнст услышал перед тем, как впасть в забытье. Ему немедленно сделали операцию. Проснувшись на следующий день, он увидел, что по-прежнему лежит в крестьянской избе вместе с парой десятков тяжело раненных солдат. Он слышал стоны и крики боли, чувствовал смрад инфицированных ран. Вдруг он увидел перед собой знакомое лицо. Это был Виперман.

— Ты что здесь делаешь? — запинаясь, спросил Эрнст.

— Приглядываю за вами, командир, и останусь здесь, пока вас не погрузят в санитарный поезд и не отправят в тыл.

Виперман остался с командиром, поскольку русские добровольцы, исполнявшие обязанности санитаров, особо не церемонились. Если кто-то из раненых переставал двигаться, а дыхание его становилось поверхностным, они, считая его мертвым, вывозили его на тележке из избы и клали вместе с мертвыми.

Виперман оставался, чтобы убедиться, что ничего подобного не произойдет. Лишь когда Эрнста погрузили в импровизированный санитарный поезд — товар-

ный состав с соломенными лежаками и подушками для раненых — Виперман вернулся в часть. Однажды, чего Эрнст так и не увидел, ему даже пришлось наставить пистолет на русских добровольцев, хотевших вынести обер-лейтенанта. Когда позднее Эрнст узнал об этом, на глазах его впервые за долгое время выступили слезы. Такое проявление преданности и товарищества на мгновение смягчило его закаленное в пламени боев сердце.

Обер-лейтенант Эрнст был внесен в «Почетный список» немецкой армии и получил редкую награду — Почетную пристежку. В карлсдорфском госпитале под Дрезденом он получил золотой знак за ранение. Жене и детям было разрешено его навестить. Врач сказал Эрнсту, что для него война закончена. Эрнст не мог в это поверить — неужели все настолько плохо? Последовало несколько недель отдыха и восстановления. Хотя ранение в голову по-прежнему причиняло ему боль, в остальном он чувствовал себя неплохо.

После выздоровления он был направлен в Берлин. «Альберт, — сказала ему жена. — Не упорствуй. Один раз судьба тебя уже пощадила. Просто чудо, что ты жив и находишься здесь, со мной и с детьми. Не проси от Господа слишком многого».

Он дал жене обещание, потому что любил ее и детей, и надеялся, что, когда все закончится, он сможет вернуться к нормальной жизни.

По прибытии в Берлин Эрнст был вызван к генералу Больбринкеру. В штабе сухопутных войск генерал сказал Эрнсту, что он отобран для особого задания. Поскольку он владел английским и французским, его зачислили в специальное подразделение Скорцени. Обер-лейтенант Эрнст уже слыхал о гауптштурмфюрере. Его портрет красовался во всех газетах после того, как его десантники освободили Муссолини. Это был

гигант со множеством шрамов на лице. Альберт Эрнст стал одним из немногих армейских офицеров, попавших в специальное подразделение Скорцени. Перед подразделением стояла важнейшая и опаснейшая задача. В американской форме и на трофейной технике оно должно было перейти линию фронта и сеять в тылу противника панику и хаос во время планируемого наступления в Арденнах.

Альберт Эрнст стал «капитаном» американской армии, командовавшим 405-м танковым полком, укомплектованным немецкими солдатами. Во время обучения Эрнсту несколько раз представилась возможность побеседовать с Отто Скорцени. Скорцени описывал в беседе Фау-3, которые, по его словам, вскоре должны были поступить на вооружение. Этого, однако, не произошло.

Однажды один из сослуживцев оскорбил Эрнста. Он ухватился за Рыцарский Крест обер-лейтенанта и спросил: «За что ты получил эту жестянку?»

Эрнст взбесился, словно разъяренный бык. Оскорбили не только его самого, но и его людей, из которых многих уже не было в живых, а сам он был ранен шесть раз. Эрнст вскочил и ударом сбил оскорбившего с ног. Попытались обвинить во всем Эрнста, но Скорцени поступил справедливо и наказал человека, задевшего честь Эрнста. Сам Эрнст наказан не был. Тем не менее он был поставлен в неловкое положение и попытался уйти из подразделения. Это ему не удалось.

Операция прошла не слишком успешно, но все же операция «Грифон» посеяла подозрительность среди американцев. Американские часовые арестовывали собственных офицеров, принимая их за бойцов диверсионной группы.

После завершения операции Эрнста самолетом отправили в Кёльн. Здесь ему удалось добиться назначе-

ния в запасной батальон в Борне вместе со своими давними приятелями — обер-лейтенантом Богхутом и лейтенантом Рондорфом, которые были переведены в диверсионную группу Скорцени вместе с ним. У Эрнста снова появилась возможность провести некоторое время с семьей. Через две недели он получил назначение в 500-й учебный танковый батальон в Падерборне. Здесь он прошел обучение на танке «тигр» и был направлен для участия в формировании 512-го тяжелого дивизиона истребителей танков под командованием капитана Шерфа. Дивизион получил на вооружение новые самоходки «ягдтигр», которые строились на заводе Гинденбурга в Санкт-Валентине, неподалеку от австрийского города Унц. Гигантская машина, и особенно ее 128-мм орудие с более чем восьмиметровым стволом, произвела на Эрнста огромное впечатление.

После первых испытаний в районе Дёллерсхайма новые истребители танков 10 марта 1945 года были брошены в бой против американского плацдарма на Рейне в районе Ремагена. Для экипажей, привыкших сражаться в обычных танках, некоторые особенности ведения боя на «ягдтигре» были в новинку. Так, перед боем нужно было отсоединить фиксатор орудия и опору ствола. Прицеливание осуществлялось исключительно поворотом всего корпуса машины, поскольку 128-мм орудие было жестко закреплено в рубке. Для Эрнста и других офицеров, имевших опыт командования обычными самоходками, переход на «ягдтигры» особых сложностей не представлял.

Немецкое наступление на Ремагенский плацдарм провалилось главным образом из-за того, что ударные силы бросались в бой по частям. Генерал-лейтенант Бауэрляйн, командовавший немецким LIII армейским корпусом, предлагал начать наступление только после того, как будут сосредоточены все три выделенные для

операции дивизии со всем тяжелым вооружением. Однако предложение было отвергнуто, и ему пришлось начать наступление 10 марта. Гитлер отдал приказ атаковать «немедленно всеми имеющимися частями». Атака, в которой принимал участие Эрнст, была безуспешной. Правило Гудериана — наносить удар решительно и не распылять силы — было нарушено.

После провала наступления Эрнст и его «ягдтигры» получили приказ прикрыть отступление немецких войск. Самоходки заняли позиции и подбили американские танки с дистанции два километра, демонстрируя великолепную точность боя 128-мм орудий. Затем Эрнст и его батарея отошли через Нидернепфен и Обернепфен к Зигену. Отсюда немцы планировали нанести удар, чтобы деблокировать Рурский котел.

В кювете

ОКРУЖЕНИЕ В РУРСКОМ КОТЛЕ

В Зигене доклад об обстановке делал генерал Харпе. На совещании присутствовал и Альберт Эрнст, произведенный в капитаны и получивший под командование боевую группу.

— Господа, нам поручено прикрыть тыл отступающей армии. Эрнст, ваша боевая группа составит арьергард.

— Пехоту нам дадут? — спросил Эрнст.

— С вами будет *фрайкор* Зауэрланд.

— Никогда не слышал о таком подразделении, — заметил капитан, одетый в черную танкистскую форму.

Тут же поднялся крупный человек и, прочистив горло, резко сказал: «Командир фрайкора Эхтеркамп! Фрайкор Зауэрланд подчиняется мне и будет сражаться до конца!» Эрнст едва не попросил прощения за свой скептицизм. Командир фрайкора был явно убежден, что командует первоклассным подразделением.

Когда «ягдтигры» пошли в первую атаку, бойцы фрайкора жались позади машин. Один-единственный вражеский снаряд мог бы запросто уложить не один десяток фрайкоровцев.

Капитан Эрнст высунулся из башенки. «Эй, вы! — крикнул он. — Рассредоточьтесь. Не толпитесь. Вас можно перебить одним снарядом!»

Увещевания были тщетны. Внезапно фельдфебель Цельман заметил первый «шерман». «Короткая!» — приказал Эрнст.

«Ягдтигр» остановился. Экипаж отсоединил фиксатор орудия, готовясь к бою. Фельдфебель Колани произвел первый выстрел. Громыхнуло 128-мм орудие. Снаряд попал в «шерман» и разорвал его на части. Новые боеприпасы давали огромное облако дыма, и «ягдтигр» полностью скрылся из вида. Вдруг кто-то из

бойцов фрайкора крикнул: «Тигр» подбит!» Словно по команде фольксштурмовцы, которыми был укомплектован фрайкор, разбежались. Они скрылись в лесу и бежали, пока не добрались до своих домов в Изерлоне и близлежащих городах.

Майор Шерф был направлен для службы в штабе LIII армейского корпуса. Каждой батарее «ягдтигров» была отведена своя зона ответственности. Так, например, батарее Кариуса была поручена оборона Унны. Батарея Эрнста была усилена взводом штурмовых орудий, несколькими танками Pz-IV и зенитно-артиллерийским взводом из четырех самоходных 37-мм зенитных установок. Получившаяся боевая группа обладала значительной боевой мощью, а еще больше повышению ее боевой эффективности способствовали опыт личного состава и жесткое руководство командира. В новой части вместе с Эрнстом воевали несколько его прежних сослуживцев. К Богхуту и Рондорфу присоединился фельдфебель Зепп Тарлах. Богхут, получивший к тому времени звание обер-лейтенанта, занял в боевой группе должность офицера по оперативным вопросам, а Рондорф, тоже ставший обер-лейтенантом, командовал ротой «ягдтигров». Группа прошла через Зиген, Майнерцхаген, Кальте Айхе, Брюгген и Люнденсхайд. Прибыв в Альтену 8 апреля, Эрнст получил приказ грузиться в эшелон и следовать в Изерлон. В Дайлигхофене оставалось еще несколько действующих аэродромов, которые Эрнсту было приказано оборонять.

Несколько самоходок и танков двинулись в Изерлон, а части, переброшенные по железной дороге, выгружались в Мендене. Эрнст вел свои «ягдтигры» через Хаген. Город подвергался сильным налетам, и бронетехнике приходилось пробиваться через усыпанные битым камнем улицы. Эрнст ехал впереди на легкобронированной командирской машине. У моста Гоген-

лимбургер его остановила фельджандармерия. Командовавший постом майор отказывался их пропустить.

— Я же сказал вам, зачем мы здесь, — сказал Эрнст майору. — Вы можете нас задержать, но вся ответственность ложится на вас...

— Идемте, парни! — сказал Эрнст, обернувшись к своим солдатам. — Хорошая возможность немного поспать.

Эрнст и его люди растянулись на полу кафе и уснули. Через пять часов пришел майор фельджандармерии и разбудил их. «Прошу прощения, что задержал вас. Ваш рассказ подтвердился. Естественно, вы можете выезжать немедленно».

Машины продолжили путь и остановились в лесу недалеко от Бюренбрух-Эргсте. Здесь Эрнст получил задание освободить город Унна, занятый союзниками 9 апреля. Именно в Унне американцы замкнули кольцо вокруг Рурского котла. Боевой группе Эрнста было приказано разорвать кольцо.

На следующее утро, еще затемно, танки и самоходки двинулись на север по шоссе № 233. Через Рур они переправились у Лангсхеде. Следом за танковой группой Эрнста двигались несколько батальонов пехоты и мотопехоты. Обер-лейтенант Рондорф первым услышал доклад командира бронемашины, расположившейся на холме Башни Бисмарка: «Приближаются американские танки!»

«Это невозможно! — ответил Эрнст, получив доклад. — Я должен сам в этом убедиться!»

Командирская машина Эрнста вползла на крутой холм. Добравшись до позиции разведывательной машины, Эрнст посмотрел вниз и увидел вдали колонну танков, грузовиков и артиллерии, двигавшуюся по шоссе № 1 в направлении Дортмунда. У него на глазах

группа машин свернула на шоссе № 233 и двинулась прямо на них.

«Всем занять позиции на холме!» — приказал по радио капитан Эрнст. «Ягдтигры», танки и штурмовые орудия заняли полузакрытые позиции на гребне холма. Четыре «ягдтигра», четыре «штурмгешутца» и три Pz-IV выстроились в линию, развернутую на север. Дальше на флангах заняли позиции 37-мм зенитные установки.

Кто-то доложил: «Они движутся прямо на нас!»

«Замечательно. У всех орудий будет одинаково хороший сектор обстрела, — ответил Эрнст и добавил: — Без команды не стрелять. Нельзя дать им возможность отстреливаться. Стрелять всем одновременно».

Американский отряд двигался к холму широко развернутым фронтом. Очевидно, американцы планировали с севера пройти прямо в сердце Рурского котла. Глядя в стереотрубу на шоссе, Эрнст увидел группу разоруженных немецких солдат, шедших в плен.

Перед тем как отдать решающий приказ, Эрнст прочистил пересохшее горло. «Огонь!»

Все немецкие машины одновременно открыли огонь. Дымные следы отмечали путь снарядов, со свистом устремившихся к американским танкам и другим машинам.

«Попадание! Попадание! Попадание!» — кричали немецкие солдаты. Внизу в чистом поле стояли объятые пламенем машины. Два «шермана», шедших в голове колонны, были подбиты. «Ягдтигры» стреляли медленнее, чем танки и штурмовые орудия. Их целями были самые дальние танки, и цели эти поражались на расстоянии четыре километра.

Равнина, расстилавшаяся перед ними, напоминала потревоженный улей. В панике, ища спасения, американские машины съезжали с дороги, застревая в кюветах и на полях, где они становились легкой добычей

для счетверенных зенитных установок. До сих пор на холм не упал ни один американский снаряд. 128-мм орудия «ягдтигров» отлично выдержали боевое крещение. Одного попадания хватало, чтобы разнести «шерман» на куски. Но был ли уже в этом хоть какой-то смысл?

Глядя в бинокль, Эрнст распределял цели. Танки продолжали стрелять, целясь туда, где не было домов. Любая американская машина, которой посчастливилось укрыться за домом, была в безопасности. Боевая группа сражалась в одиночку, ведя безнадежную битву, но в тот момент никто об этом даже не задумывался. Продвижение американцев было остановлено. Теперь американцы начали отвечать, но немцы так хорошо выбрали позиции, что ни один американский снаряд в цель не попал. Американские танки отступили. Однако танки и противотанковые САУ продолжали вести огонь, уничтожив немало грузовиков и бронемашин. Наконец, вся американская техника отошла за пределы досягаемости немецких орудий.

— Они свое получили! — крикнул командир одного из штурмовых орудий, высунувшись из люка и осматривая местность.

— Да. Сегодня они уже больше не сунутся, — ответил Эрнст. Он достаточно хорошо знал, как воюют американцы, чтобы понимать, что следующий удар они нанесут с воздуха.

Подбежал широко улыбающийся лейтенант Кубелка, командовавший взводом «ягдтигров».

— Мы подбили четыре «шермана», — доложил он, переведя дух.

— Я видел. Но будьте осторожны, чертовски осторожны, когда прилетят их истребители-бомбардировщики. Как только они появятся, забирайтесь под машины!

— Вас понял!

Лейтенант вернулся к своей машине. Едва он влез в «ягдтигр», как воздух наполнился ревом авиационных двигателей.

«Воздух!» Вверх взлетели две ракеты — сигнал о воздушном налете. Четыре счетверенных зенитных установки развернули стволы на север и северо-запад. Потом появились истребители-бомбардировщики. Они шли на высоте не более 500 метров и, по-видимому, искали немецкую позицию.

«Пусть подлетят поближе... теперь... огонь!»

Четыре зенитки открыли огонь. Шестнадцать дымных трасс протянулись к атакующим самолетам. Головная машина получила прямое попадание и взорвалась. Ее обломки разлетелись в воздухе. Оторванное крыло пролетело над головами зенитчиков и срезало верхушку дерева. Получил попадание второй истребитель-бомбардировщик. Он клюнул носом, с ревом устремился к холму и пронесся над немцами, врезавшись в кусты метрах в ста позади немецких позиций. Остальные «тандерболты» скрылись на юго-западе, но секунд через десять снова появились с северо-запада. На этот раз они подходили на малой высоте под неудобным для зениток углом. Четыре самолета выпустили 50-кг ракеты, разорвавшиеся на склоне. Пятая же машина, стреляя из пулеметов, спикировала на зенитную установку на левом фланге и сбросила бомбу. Прицел американского летчика был точен, и бомба разорвалась прямо посреди позиции зенитного орудия, уничтожив весь расчет. Боекомплект зенитки взорвался, и все вокруг было охвачено дымом и пламенем.

Оставшиеся три зенитных орудия продолжали вести бой. Через полчаса Эрнст получил удручающий доклад: «У орудий два, три и четыре кончились боеприпасы!» Через несколько секунд появилась новая группа

истребителей-бомбардировщиков. Танкисты открыли огонь из пулеметов, повредив один из вражеских самолетов. Остальные продолжили лететь вперед и спикировали на цели. Засвистели бомбы. Один из «ягдтигров» был подбит. Бомба влетела прямо в верхний люк и разорвалась внутри, убив лейтенанта Кубелку и его экипаж. Был подбит еще один «ягдтигр», но на этот раз экипаж отделался ранениями. Лейтенант Кубелка и его экипаж были похоронены в Шверте.

Капитан Эрнст понимал, что позицию на холме придется оставить — без боеприпасов к зенитным орудиям танки и другие машины были бессильны против атак с воздуха. По холму пронесся приказ: «Медленно отходим. Рондорф, Богхут и я остаемся в арьергарде».

Боевая группа начала отход. Капитан Эрнст с холма осматривал местность, но наземные силы противника, похоже, получили серьезный удар и преследовать не собирались. Потери американской ударной группировки составили пятьдесят машин, в том числе одиннадцать «шерманов». Попытку прорыва немцам пришлось отменить, поскольку силы противника оказались слишком велики.

На следующее утро Эрнст получил приказ из штаба LIII корпуса удерживать аэродром Дайлингхофен в течение двадцати четырех часов. В тот же день, 12 апреля 1945 года, он с головным отрядом вошел в Хемер. Здесь он увидел пробиравшихся в Дайлингхофен и на аэродром «золотых фазанов», прозванных так за светло-коричневый цвет партийной униформы. Крысы бежали с тонущего корабля, оставляя солдат отдуваться за них. Капитан Эрнст разместил свой командный пункт в одном из домов Хемера. Танки, самоходки и зенитки (которые благодаря усилиям своего командира снова получили боеприпасы) заняли оборону вокруг аэродрома Дайлингхофен.

На высоте 300, у домика лесника у Штокшладе, заняли позицию штурмовое орудие и танк Pz-IV. «Ягдтигр» разместился на канатной фабрике в Бильверингзене. Готовились к обороне отряды на 400-метровых Хемерских высотах. Несколько отрядов пехоты, находившихся в распоряжении Эрнста, были направлены охранять сам аэродром вместе с зенитной артиллерией аэродрома, вошедшей в боевую группу Эрнста. Особенно беспокоил Эрнста близлежащий лагерь военнопленных, в котором содержалось 30 000 русских. Он прекрасно мог себе представить, что начнется, стоит американцам просто освободить русских.

Вечером 12 апреля американцы начали прощупывать путь вперед. «Ягдтигры» подбили два «шермана» с дистанции 4000 метров. Бургомистр Хемера вызвал Эрнста и пригласил его в свой кабинет. Между ним и герром Пельцингом состоялась долгая беседа, несколько раз прерывавшаяся ревом пролетавших над домом тяжелых самолетов. Пельцинг сообщил Эрнсту, что Хемер является госпитальным городом, и здесь остается много раненых немецких солдат.

Наконец бургомистр спросил:

— Что вы собираетесь делать? Вы будете сражаться или нет?

— Если мне прикажут прекратить сопротивление здесь, я это сделаю. Я поступлю так, как мне прикажут. Но я не отвечаю за решение. Это дело более высокопоставленных офицеров.

День 13 апреля начался тихо, но по поступающим докладам капитан Эрнст понимал, что близится конец войны. Менден, город в нескольких километрах севернее Хемера на шоссе №7, пал. Вскоре бои начались поблизости, и «ягдтигр» на Штокшладе открыл огонь по наступающему противнику. Потеряв два танка, враг поспешно отступил. У Хемера начали рваться снаряды.

Судя по всему, американцы готовили общее наступление. К Эрнсту пришел капитан медслужбы из госпиталя, расположенного в Хемере.

— Вы намерены прекратить бой?

Эрнст удивленно посмотрел на офицера.

— Уж вы-то должны понимать, что это дело генерала, а не какого-то там капитанишки, — ответил он. — Я должен получить соответствующий приказ.

— Но здесь больше никого не осталось. Мне кажется, что ваша группа — единственное боеспособное подразделение в округе. Остальные ушли. Только вы можете предотвратить катастрофу. Если вражеская артиллерия перенесет огонь еще ближе, раненые, скопившиеся на небольшом пятачке земли, погибнут. Госпиталь... раненые солдаты... — Голос военврача затих.

— Ну, хорошо, — сказал Эрнст, понимая, что сам сует голову в петлю. — Учитывая обстоятельства, я решил действовать. Однако вы как офицер медслужбы должны будете отправиться к американцам и привезти парламентера, с которым я смогу вести переговоры.

— Я отправляюсь немедленно.

— Хорошо. Я попытаюсь найти штаб, чтобы переговоры о капитуляции вел генерал.

Капитан медслужбы сразу же сел в машину и уехал. Капитан Эрнст отправил американцам по радио сообщение, что к ним едет парламентер под белым флагом. Он хотел сделать все, чтобы с этим храбрым человеком ничего не случилось. Эрнст вместе со своими давними товарищами Тарлахом и Богхутом объехал на машине всю округу. Многие штабы частей уже исчезли. Оставшиеся действовать не решались. Много спорили о том, как и где следует вести переговоры. Наконец, Эрнст задал вопрос: «Сможете ли вы хотя бы принять участие в переговорах, которые я буду вести?»

Почти все офицеры согласились. Американцы при-

няли предложение о прекращении огня. Все подразделения боевой группы Эрнста оставались на своих местах.

Наконец прибыл американский майор с несколькими штабными офицерами. Это был майор Бойд Мак-Кьюн из 99-й пехотной дивизии, заместитель подполковника Криза, командовавшего 394-м пехотным полком дивизии. Переговоры проходили в доме на окраине Хемера. Во время переговоров поступил доклад о том, что положение в городе резко ухудшилось. По городу бродило множество иностранцев. Были освобождены русские пленные. Они уже напали на нескольких женщин. Поступали сообщения о перестрелках. Альберт Эрнст обернулся к Мак-Кьюну: «Майор, я передал вам город в полном порядке. Что вы собираетесь делать в этой ситуации?»

Майор Мак-Кьюн встал. «Отдайте приказ вашим людям: любого гражданского с оружием в руках — расстреливать. Я отдам такой же приказ своим войскам. Только так мы можем вернуть городу порядок, безопасность и мир».

Майор Мак-Кьюн приказал американским танкам окружить лагерь военнопленных, поскольку немецкое ополчение было не в силах сдержать русских пленных. Тем не менее отдельным группам русских удалось вырваться. Они хотели туда, на свободу. А кое-кто хотел и большего. Американские танки открыли огонь и вернули пленных в лагерь.

Капитан Эрнст въехал в Хемер вместе с майором Мак-Кьюном. Оба они хотели лично проверить обстановку в городе. Когда они подъехали к центру города, к ним приблизилась группа вооруженных иностранцев. Они увидели немецкого офицера в черной форме танковых войск и закричали: «Вот один из немецких свиней! Убейте его!»

Они были готовы вот-вот броситься на штабную машину. Американский майор вытащил автомат и выпустил очередь поверх голов. Напуганные люди бросились врассыпную и скрылись в боковых улицах. Американский майор отпустил несколько очень нелицеприятных фраз о поведении своих союзников.

Позднее Эрнст утверждал: «Если бы не решительные и быстрые действия американцев, 3000 человек разбежались бы повсюду. Это привело бы к убийствам, жестокости и насилию». Его слова подтверждают и некоторые местные жители.

Немцы оставались на своих позициях. Американцы хотели подойти и постепенно занять эти позиции. Все немецкие части должны были идти в плен. Все, кроме одной — боевой группы Эрнста. Она должна была отступить, сохранив все оружие. Между тем Эрнст попросил одного из американских штабных офицеров съездить в казармы зенитной артиллерии в Изерлоне, где находился штаб коменданта крепости генерала Бюхса. Район вокруг Изерлона относился к зоне ответственности крепости Бюхса.

Обер-лейтенант Богхут завязал американцу глаза и отвез его в Изерлон. Парламентеру было поручено договориться о капитуляции Рурского котла. Однако офицеры, находившиеся в казармах зенитной артиллерии, ответили отказом, и американцу пришлось вернуться с пустыми руками.

Боевая группа Эрнста оставила Хемер и по шоссе № 7 отошла к Изерлону. Разграничительная линия, на которую должна была отойти боевая группа, находилась выше по реке Хардт. Эрнст ехал в хвосте колонны в джипе майора. За ними в «кюбельвагене» ехали двое офицеров штаба боевой группы. Вдруг джип остановился. Майор Мак-Кьюн повернулся к Эрнсту и сказал: «Капитан, время перемирия истекло. Теперь я могу

открыть огонь по любому из вас, но я дам вам еще двадцать минут. Постарайтесь к этому времени добраться до своих... Постойте...»

Американец по радио передал своим войскам не открывать огонь еще двадцать минут. Потом он обернулся к капитану с Рыцарским Крестом.

— Мистер Эрнст, — сказал он. — Я хотел бы вас попросить: пожалуйста, останьтесь с нами.

— Не могу. У меня есть приказы, как и у вас. Я сдал вам город, который не должен был сдавать. У нас теперь новый закон: «Тот, кто сдаст город или укрепленную позицию, заплатит за это жизнью своей и своей семьи». Еще раз прошу вас, не упоминайте, пожалуйста, моего имени. Не говорите, что я сдал Хемер. Моя семья живет в Лейпциге. Пока ничего не случилось. Я очень боюсь потерять жену и детей из-за того, что попытался спасти жизни гражданских и русских военнопленных.

— Мистер Эрнст, прошу вас, обдумайте мое предложение еще раз. Неужели вы хотите погибнуть в самом конце войны?

— Майор, — ответил немец. — Миллионы пали до меня, и среди них были многие мои товарищи и друзья. Я не боюсь стать последним из них.

Не говоря больше ни слова, майор протянул немецкому офицеру руку. В этот миг они перестали быть врагами. Эрнст подъехал к своему «ягдтигру». Изерлон уже горел в нескольких местах — там, где разорвались снаряды. Он нашел генерала Байерляйна в небольшом домике в Изерлонском лесу. «Господин генерал, я сдал Хемер противнику», — доложил он. Генерал задумчиво кивнул: «Я понимаю, что вы сделали, Эрнст. Но потом вам, возможно, придется нести за это ответственность. Тогда вам придется объяснить ваши действия».

Он взял бокал, поставил еще один перед капитаном

Эрнстом и наполнил их шампанским. Потом он поднял тост за капитана. Эрнст понял, что генерал негласно одобрил его действия. Байерляйн не мог сказать больше, чем уже было сказано. Наконец генерал Байерляйн приказал Эрнсту явиться в Изерлон к генералу Бюхсу. Тем временем тяжелая техника боевой группы Эрнста заняла позиции на реке Хардт, в Изерлоне и у Гогенлимбурга.

Из Эргсте Эрнст получил по радио сообщение, что туда прибыла 1-я рота обер-лейтенанта Кариуса. Когда капитан Эрнст доложил о прибытии генералу Бюхсу, он получил приказ отправить дозоры, чтобы определить, где проходит линия фронта и какие боеспособные силы имеются в наличии. Когда он доложил, что передал Хемер противнику, офицеры и генералы штаба, как и бывшие здесь же партийные функционеры, пришли в ярость. «Проведите разведку в направлении на Хемер, Альтену и Летмате, Эрнст, и немедленно доложите мне!»

Капитан Эрнст тут же отправился на разведку на бронемашине. Он миновал «ягдтигры» и штурмовые орудия, охранявшие основные дороги, и добрался до проезда под железной дорогой на Хаген, где располагался штаб его боевой группы и командный пункт. Разведка Эрнста повсюду выявила одинаковую картину: несколько групп продолжали фанатично обороняться, в то время как остальные рассеялись в поисках убежищ. Среди этих групп были дезертиры и уголовники, решившие, что неразбериха дает возможность безнаказанно грабить и воровать.

Ночь с 14 на 15 апреля прошла относительно тихо. 15 апреля американские танки начали прощупывать подступы к Изерлону с нескольких направлений. Некоторые из них были уничтожены «ягдтиграми». В этот день экипаж обер-лейтенанта Рондорфа записал на

свой счет три «шермана». Упорная и эффективная оборона боевой группы Эрнста подготовила почву для новых переговоров, которые должны были вскоре начаться в Изерлоне, куда, спасаясь от возможной гибели, стеклось 200 000 беженцев.

Капитан Эрнст был твердо намерен избавить Изерлон от ужасной судьбы «выжженной земли». Боевая группа непрерывно получала новые приказы. Дважды за ночь и ранним утром 15 апреля машина Эрнста была на волоске от уничтожения. В течение дня американская артиллерия обстреливала Изерлон одиночными выстрелами. Времени оставалось совсем немного. Взбешенный всеобщим бездействием, Эрнст вернулся в штаб генерала Бюхса в казармах зенитной артиллерии.

«Господин генерал, — обратился он к старому, седому генералу, совершенно неспособному контролиро-

«Ягдтигры» роты Эрнста в Изерлоне незадолго до капитуляции

вать ситуацию. — Я могу до скончания веков слать рапорт за рапортом о происходящем, но, похоже, до этого никому нет дела. Вы здесь, в штабе, понятия не имеете, что происходит, и просто прячете головы в песок. Вы, господин генерал, знакомы с положением своих войск только по карте. Отправьтесь туда и убедитесь во всем сами! В этой ситуации я могу только посоветовать: отправьтесь в город! Предотвратите ненужные жертвы среди мирного населения!» Капитан Эрнст положил голову на плаху — разговор о капитуляции даже в столь безнадежном положении был игрой с огнем.

Большой зал наполнился гулом голосов. Генерал Бюхс обернулся к капитану и сказал: «Я созываю совещание».

«Надеюсь, я смогу принять в нем участие, — перебил его Эрнст, — потому что только я знаю общее положение и могу дать вам важные сведения и...»

«Довольно!» — вдруг заорал генерал Бюхс. Потом, обернувшись к капитану и майору из своего штаба, он приказал: «Задержите капитана Эрнста! Отведите его в соседнюю комнату. Он не должен выходить из помещения! Головами мне за него отвечаете!»

«Ну, вот ты и попался! — подумал Эрнст. — Теперь тебя или расстреляют сразу после совещания, или упекут за решетку». Нужно было искать выход из положения. Перед столовой стояла бронемашина. Если бы удалось до нее добраться, он был бы в безопасности — его люди не бросили бы командира в беде. Из зала доносились ожесточенные споры. Постепенно накал страстей ослабевал, и Эрнст понял, что времени осталось совсем немного. Майор, сидевший напротив, выглядел очень недовольным, а капитан, сидевший рядом, тоже казался не слишком решительным человеком. Эрнста мог спасти только хороший и быстрый блеф.

Эрнст, все еще облаченный в камуфляжную форму, встал. Он вытянулся по стойке смирно, вскинул руку в нацистском приветствии и сказал: «Господин майор, сообщите генералу, что я вернусь через два часа!» — «Вам запрещено выходить! Останьтесь на месте, иначе...» — «Скажите генералу!» — крикнул Эрнст и решительно направился к двери. В любой момент он ожидал услышать выстрел и почувствовать удар пули в спину. Но вот он подошел к двери, распахнул ее и захлопнул за собой. Быстрым шагом он миновал вестибюль, вышел на крыльцо и, сбежав вниз по ступенькам, запрыгнул в ожидавшую его бронемашину.

— В штаб! — крикнул Эрнст.

Фельдфебель Цельман включил передачу, и бронемашина тронулась с места. Эрнст сообщил товарищам о произошедшем. Все они умоляли его не возвращаться в казармы зенитной артиллерии, однако Эрнст хотел вернуться, чтобы доложить о плачевных результатах разведки. На всякий случай он взял с собой резервный взвод — два «ягдтигра» и «штурмгешютц».

Когда они подъехали к казармам, Эрнст приказал заглушить двигатели. «Будьте начеку, — сказал он. — Я захожу в офицерскую столовую. Услышите выстрелы — бейте из пушек и въезжайте». Капитан Эрнст надеялся, что неожиданное возвращение застанет всех врасплох, и стрелять в него не будут. Он вылез из бронемашины и прошел через вестибюль в столовую. Увидев, что там сидят всего два офицера, он сразу понял, что произошло. И здесь крысы сбежали с тонущего корабля.

— Где генерал Бюхс? — спросил он.

— Генерал поехал в город. Он ищет вас, — ответил молодой лейтенант.

— Я генерала не видел. Может быть, он сбежал, бросив вас по уши в дерьме?

— Этого не может быть! — лейтенант едва не расплакался.

— Я принимаю командование, — сказал старый полковник, ветеран Первой мировой. Эрнст обернулся к седовласому офицеру:

— Господин полковник, со мной целое подразделение, поэтому я тоже вступаю в командование!

— Поступайте так, как сочтете нужным, Эрнст!

— Отлично. Оставайтесь здесь, я вернусь. — С этими словами капитан Эрнст вышел из штаба. Увидев командира целым и невредимым, его люди вздохнули с облегчением.

— Мы должны поискать генерала Бюхса, — сказал Эрнст товарищам, вернувшись в бронемашину. — Говорят, он в городе.

Эрнст и его люди обыскали весь Изерлон, но генерала нигде не нашли. В других штабах он тоже не появлялся.

«Командир, похоже, генерал Бюхс смылся!» — предположил Бретшнайдер, недавно вернувшийся из отпуска.

В штабе Эрнсту сказали: «Эрнст, вы говорите по-английски. Под вашим командованием сильное и надежное подразделение, и вы знаете ситуацию. Положите конец этому безрассудству!»

После этого Эрнст снова вернулся в казармы зенитной артиллерии и заявил собравшимся там офицерам: «Господа, в Изерлоне командую я. Мой штаб находится в тоннеле под железной дорогой. Если что-то случится, сначала посоветуйтесь со мной. Понятно?»

В полночь Эрнст вернулся на передовую. Он передал одному из радистов собственноручно подписанное сообщение: «Положение в Изерлоне безнадежное... ожидаем дальнейших распоряжений... постараемся продержаться до утра».

Сообщение было отправлено вслепую — ни одна станция не отвечала. Радист вел передачу минут двадцать, но никто так и не ответил. Единственный ответ на сообщение пришел со связным: «Изерлон защищать до последнего камня!»

Эрнст разорвал записку. Теперь американцы обстреливали Изерлон чаще. Судя по всему, они приближались. Рано утром Эрнст созвал личный состав своей боевой группы. Он объявил:

— Друзья, я — новый комендант Изерлона. Дела наши идут неважно. На небольшом клочке земли скопилось почти триста тысяч человек. Мы не можем и не должны сражаться, если это поставит под угрозу жизнь гражданских лиц.

Товарищи, мы долгие годы сражались, чтобы защитить наш народ. Продолжение борьбы может привести лишь к его уничтожению.

Я намерен связаться с американцами и сдать Изерлон. Я поеду к ним лично на бронемашине. Машина будет накрыта белой простыней. Над ней будет поднят белый флаг. Я намерен осуществить свой план сразу после рассвета.

Товарищи! Поскольку я говорю о сдаче в плен, вы имеете право в соответствии с законами военного времени арестовать меня и принять командование на себя. Вы не обязаны следовать моим приказам.

Солдаты приветствовали слова своего командира троекратным «Ура!»

Офицеры посовещались между собой, и через несколько секунд обер-лейтенант Рондорф, один из самых опытных и удачливых командиров истребителей танков, подошел к капитану Эрнсту. «Альберт, ты при-

вел нас сюда, и мы хотим, чтобы ты вел нас до конца. Мы твердо убеждены, что ты поступаешь правильно».

«Спасибо, Рондорф!» — слова товарища глубоко тронули Эрнста.

Рано утром 16 апреля 1945 года двое солдат боевой группы Эрнста были убиты американским снарядом. Это были последние люди Эрнста, погибшие в боях Второй мировой.

Когда взошло солнце, Эрнст отправился на бронемашине к озеру Зайлер. В конце улицы Гинденбурга он встретил первых американцев и попросил их отвести его к командиру. Офицера из американского батальона приезд парламентера не заинтересовал, и он собрался взять Эрнста в плен.

Эрнст сказал капитану: «Вы можете оправдать пленение парламентера, предлагающего почетную капитуляцию? Вы можете оправдать дальнейшее кровопролитие? Моя боевая группа будет сражаться дальше, если я не вернусь».

На несколько мгновений воцарилась тишина. Потом американский капитан спросил:

— Вы, случайно, не капитан Эрнст?

— Да, я — капитан Эрнст, — ответил танкист.

— Хорошо. Полковник согласится на прекращение огня.

Вскоре приехал полковник, и они переговорили. После этого по радио и через громкоговоритель было объявлено о прекращении огня. Эрнст связался со своим командным пунктом, который распространил среди немцев известие о перемирии. Было 13.00. Капитан попросил медперсонал и медикаменты. Их незамедлительно предоставили, и Эрнст отправил их заботиться о раненых немецких и союзных солдатах.

Полковник завершил разговор: «Мы хотели бы завершить капитуляцию к 14:00».

Эрнст пообещал найти генерала для подписания акта о капитуляции с немецкой стороны. К тому времени, когда он на бронемашине подъехал к штабу Байрелляйна на улицу Ротехаус, стрельба уже прекратилась. Генерал был еще на месте.

— Господин генерал, — начал Эрнст. — Я прошу вас поехать со мной и подписать капитуляцию города Изерлон.

— Эрнст, я в плену и не могу этого сделать.

Альберт Эрнст узнал, что полковник фон Хаузер капитулировал 15 апреля с группой из 2600 человек из состава учебной танковой дивизии. Солдаты LIII армейского корпуса при штабе корпуса в Рафлингене тоже сдались в плен.

— Что мне делать, господин генерал? — спросил Эрнст.

— Я больше не могу вам приказывать! — ответил Байерляйн.

— Тогда я сам сдам Изерлон американцам.

— Так и поступите. Это лучше всего, — последовал ответ генерала. Эрнст ушел. Прежде чем вернуться в Изерлон, Эрнст связался со своими людьми в Гогенлимбурге и с экипажами «ягдтигров» в Летмате. Он связался по радио с Рондорфом, который уже был в городе, и сообщил ему о происходящем. К приезду Эрнста Рондорф сделал все необходимые приготовления и вышел на связь со всеми подразделениями, с которыми еще можно было связаться.

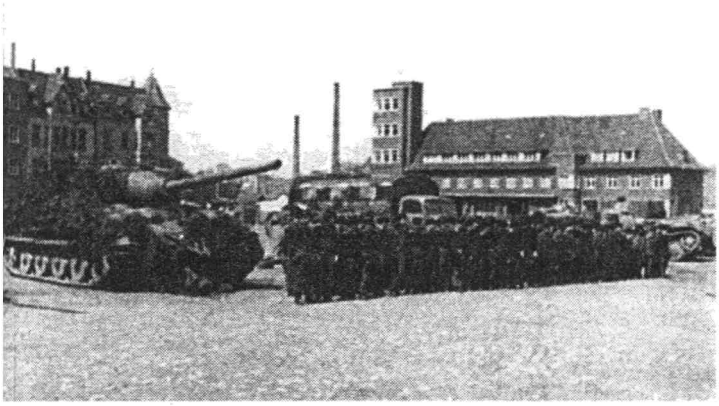
Эрнст в сопровождении трех «ягдтигров» отправился в ратушу. Они въехали на площадь, и Эрнст вошел в полицейский участок. Там находились трое невооруженных полицейских. Здесь же были отец Дитце из католического прихода Изерлона, медик доктор Мёке и человек, которого отрекомендовали как бывшего бургомистра Изерлона.

Эрнст увидел майора полиции, стоящего по стойке «смирно». Протягивая майору руку, Эрнст заметил, что тот уже снял награды и знаки различия. Эрнст резко развернулся, оставив майора стоять посреди комнаты.

Потом он сел за стол переговоров. С американской стороны присутствовал подполковник Криз, офицер 99-й дивизии. В ходе переговоров Эрнсту удалось выяснить все существенные вопросы. Капитуляция должна была произойти на площади Шиллера в присутствии всего личного состава боевой группы Эрнста.

Эрнст вышел из ратуши довольный, что ему удалось спасти тысячи жизней. И тут к нему подошел гражданский и сказал: «Мир не видывал таких трусов, как ты». Он плюнул в Эрнста. Обер-лейтенант Рондорф хотел ударить человека, но Эрнст его сдержал. Эрнст отвернулся, чтобы другие не увидели, как он плачет.

Потом все кончилось. «Ягдтигры» въехали на улицу Шиллера. Гражданские устремились на площадь, и вскоре она была заполнена народом. Экипажи вылезли



Немецкие войска собираются в Изерлоне для капитуляции

и выстроились перед своими машинами. Альберт Эрнст собрал своих людей и повернулся к американскому офицеру.

«Последние защитники котла, защитники Изерлона, капитулируют перед лицом безнадежной ситуации и просят о достойном обращении!»

Эрнст вытащил из кобуры пистолет и передал его подполковнику Кризу. Американский офицер отдал честь и принял оружие. Альберт Эрнст повернулся к своим людям и приказал им сложить оружие и разойтись. Вновь заговорил американский офицер:

— Мы пришли к почетному соглашению. Все солдаты могут сохранить личное оружие. — Потом он обернулся к Эрнсту. — Зачем вам идти в плен, капитан? Поедемте ко мне в штаб, там мы найдем для вас дело!

— Так не пойдет. Я остаюсь со своими солдатами. Мы несколько лет сражались вместе, и теперь, в самый трудный час, я не могу их оставить.

— Ну, тогда воспользуйтесь хотя бы собственной свободой, — предложил подполковник.

— К сожалению, я снова вынужден отказаться, если только вы не предоставите свободу и моим людям.

Тут к Эрнсту подошел адъютант дивизии, только что приехавший на джипе вместе с командиром дивизии генералом Лауэром: «Генерал Лауэр предоставляет вам свободу в любом случае».

«Только если вы всем моим людям дадите документ об освобождении», — последовал окончательный ответ Эрнста. Генерал Лауэр отправил штабную машину, чтобы отвезти капитана Эрнста в плен. Но даже и от этого предложения Эрнст отказался. Он пошел в плен пешком вместе со своими солдатами.

Война закончилась. Позднее выяснилось, что Изерлон оказался единственным городом в Рурском котле,

который капитулировал перед врагом. Ставший впоследствии полковником, а потом возглавивший компанию Kriz-Davis Wholesale Electric Company в Гранд-Айленде (штат Небраска) Роберт Криз писал:

«Сегодня трудно описать то незабываемое впечатление, которое произвел на меня капитан Эрнст, и то уважение, которое я к нему испытываю. С ним мы вели открытые переговоры о сдаче города — единственные подобные переговоры в моей жизни. Думая о боях под Изерлоном, я не могу не вспоминать об этом отважном немецком отряде».

Эрнсту полковник Криз написал:

«Дорогой Альберт!

Город Изерлон перед вами в огромном долгу. У вас не было ни малейшей возможности победить на последнем этапе боев в Рурском котле. Когда я ехал через немецкие позиции для обсуждения условий капитуляции, в моем распоряжении были авиация и многочисленная артиллерия. Но я хотел сохранить жизни как можно большему числу своих солдат, и поэтому отправился к вам. Если бы что-то произошло, если бы кто-то из ваших солдат открыл огонь или если бы выстрелил кто-то из наших, если бы вы вместе с вашими отважными солдатами не сложили оружие, вся тяжесть последствий легла бы на Изерлон.

Я до сих пор храню ваш пистолет. Вчера я осматривал его. Его номер — 5921. Вы, Альберт, всегда желанный гость в моем доме.

Да благословит вас Бог!

Искренне ваш,
Боб»

Альберт Эрнст поселился в Изерлоне — городе, спасенном им от разрушения. Он остался таким же скромным человеком, каким был. Его друзья — всегда желанные гости в его доме, а сам он по-прежнему являет собой воплощение лучших традиций немецкого солдата, что с уважением признают и бывшие его враги.

Важные даты в жизни Альберта Эрнста

15 ноября 1912 года: Родился в Вольфсбурге (Германия).
1 февраля 1942 года: Награжден Железным Крестом 1-го класса.
7 февраля 1944 года: Награжден Рыцарским Крестом.
1944 год: Получил Золотой знак за ранение.
7 января 1945 года: Награжден Почетной пристежкой.
Последнее звание: Капитан.

Зепп Бранднер

— Лейтенант Бранднер прибыл по вашему приказанию!

— Хорошо, Бранднер, вольно, — капитан Хандрик, командир батареи 202-го батальона штурмовых орудий, пожал руку своему зампотеху. — Бранднер, вы знаете, что лейтенант Бём был тяжело ранен при штурме Ельни и выбыл из строя. Можете заменить его в качестве командира первого взвода?

Сначала Зепп Бранднер решил, что ослышался. Ему предложили то, чего он желал с начала русской кампании — стать командиром боевого подразделения.

— Буду весьма рад, господин капитан!

— Хорошо. Я уже доложил командиру батальона. Он согласен, поскольку лейтенант Нарбутт может за-

менить вас на должности замотеха. Пойдемте к вашему взводу.

Два штурмовых орудия первого взвода стояли рядом. Фельдфебель Прайнлингер, командир второго экипажа, отрапортовал. Капитан Хандрик кратко проинформировал о назначении нового командира взвода. Особых объяснений не требовалось, поскольку именно лейтенант Бранднер прошел на 18-тонном тягаче через минное поле, чтобы спасти два штурмовых орудия во время первой попытки прорыва немцев под Ельней. Это было 18 июля 1941 года. Теперь они стояли в Ельнинском выступе. Перед ними были девять советских стрелковых дивизий и две танковые части. 202-й батальон штурмовых орудий подчинялся командованию 10-й танковой дивизии. Севернее была дивизия СС «Дас Райх».

10-я танковая дивизия в один из предыдущих дней уничтожила пятьдесят танков противника. 202-й батальон, который направлялся генералом Шаалем на самые горячие участки фронта, внес свой вклад в успехи танковой дивизии. Ельню взяли. Но затем немецкая танковая дивизия была остановлена перед хорошо укрепленными позициями советских войск. Треть боевых машин дивизии вышла из строя. Боеприпасы приходилось подвозить по 450-километровому маршруту. Дивизия СС «Дас Райх» застряла севернее Ельни, между ней и Дорогобужем. Такова была ситуация в июле 1941 года.

* * *

— Русские контратакуют. Противник достиг главной линии обороны и оттеснил нашу пехоту из траншей к мельнице и высоте 167. Батальон штурмовых орудий должен ударить по прорвавшемуся противнику и отбросить его назад.

Командир батальона собрал трех командиров батарей. Тревожная ситуация сложилась на всем участке фронта, и командир дивизии генерал Шааль немедленно поставил задачу батальону штурмовых орудий.

— Следует ли нам действовать раздельно, господин майор?

— Нет. Сначала атакуем всеми двадцатью семью орудиями высоту 167. Затем повернем к мельнице и возьмем ее. Отправляемся через пять минут.

Командиры батарей поспешили к своим подразделениям. Капитан Хандрик собрал командиров своих семи орудий. Они окружили его, ожидая приказа.

— Господа, нам надо отбить у противника главную линию обороны. У всех полный боезапас? Горючим заправлены?

— Так точно, господин капитан!

Моторы штурмовых орудий взревели. Они выехали из укрытий и пошли в боевом порядке. Зепп Бранднер смотрел вперед через «ножницы» (бинокулярный телескоп). Он заметил движение на западной окраине деревни. Собрался доложить, но услышал по радио голос командира.

— «Тигр» — «Кунице» и «Хорьку». Вы берете по противотанковому орудию на въезде в деревню. Двигайтесь быстро и открывайте огонь с близкой дистанции. Конец связи.

Через пятьсот метров Бранднер приказал водителю вывести машину из канавы. Когда он вновь смог наблюдать деревню, увидел одно из противотанковых орудий в трехстах метрах впереди. Ствол вражеской пушки поворачивался в его сторону.

— Фугасным снарядом, Шранцль!

— Заклинило, командир!

— Проклятие, действуй, или мы получим!

Через «ножницы» Бранднер наблюдал за лихора-

дочной деятельностью орудийного расчета. Они должны были выстрелить немедленно.

— Поворачивай вправо. Полный газ!

«Куница» прыгнула. В тот же момент противник выстрелил. Снаряд пролетел в двух метрах позади штурмового орудия. Другие немецкие машины открыли огонь. Сквозь грохот Бранднер услышал второй выстрел противотанкового орудия. Затем увидел, как слева и справа появилась немецкая пехота, укрывавшаяся до этого в канавах и окопах.

Бранднер лихорадочно прокручивал в памяти боевые наставления и технические параметры машины. Его орудие все еще оставалось заклиненным, а советская пушка могла выстрелить в любой момент. У Бранднера было лишь несколько секунд на принятие правильного решения. Если ошибется — гибель грозила и штурмовому орудию, и его экипажу. Затем он услышал взрыв сзади и правее машины.

— Командир, «Хорек» на связи!

— Противотанковое орудие взяло на прицел «Хорька»! — прокричал Бранднер, и тут он принял решение. — Мы его раздавим. Вперед, дави на газ, Раковиц!

«Куница» помчалась вперед полным ходом. Другие орудия 3-й батареи продолжали вести огонь. Снаряды рвались среди домов на западном краю деревни. Начали стрелять пулеметы.

Сноп огня вылетел из ствола противотанкового орудия, целившегося в «Хорька». Затем орудийный расчет осознал приближающуюся опасность. Открыл огонь пулемет «максим». Пули отскакивали от лобовой брони «Куницы». Внутри машины был слышен их грохот. Водитель Раковиц слегка повернул, направляя штурмовое орудие прямо на позицию противотанковой пушки.

Русские не могли успеть развернуть ствол. Они бросились врассыпную за мгновение до того, как гусеницы

раздавили пушку. Штурмовое орудие тряхнуло, когда оно проехало по ней. В машине был слышен звук рвущегося металла, она опасно накренилась налево. Затем штурмовое орудие вернулось в горизонтальное положение. Бранднер услышал радостный крик наводчика.

— Ствол чист, лейтенант!

— Огонь по пехоте!

Раздался первый выстрел. Снаряд разорвался среди наступавших красноармейцев. Заряжающий Любиш отправил в затвор следующий снаряд. Орудие ударило еще раз. В поле зрения показалась атакующая с фланга группа. Третий выстрел. Затем послышался шум от подъехавшего «Хорька».

Бранднер высунулся из люка и крикнул немецким пехотинцам:

— Залезайте на броню. Быстро, быстро!

— «Тигр» — всем! — раздался голос капитана Хандрика. — Идите через деревню и возьмите высоту 167 концентрической атакой. Пехота пусть будет у вас на броне.

Штурмовые орудия пошли вперед. Их обстреливали, они отвечали огнем. Снаряды сметали деревенские дома. Еще одна советская противотанковая пушка открыла огонь. Она была уничтожена двумя штурмовыми орудиями.

«Куница» катилась на восток, прячась между домов. Впереди, на открытом пространстве, показалась высота 167. Бранднер увидел, что остальные штурмовые орудия заняли позиции для атаки.

— Двигай, Бранднер! Приглядывайте за склоном на правом фланге, — предупредил капитан.

Советская пушка открыла частый огонь, посылая снаряды в штурмовые орудия. Шум в машине Бранднера был ужасным. Он свернул вправо и, описав дугу, скрылся в зарослях ивы. Раковиц развернулся, съехал в

овраг и по нему направил машину в сторону высоты. Бранднер осмотрелся и обнаружил траншеи главной немецкой линии обороны, которую русские отбили утром.

— Дистанция 200, направление 12 часов!

Наводчик Шранцль выстрелил, и позиция пулемета противника, стрелявшего по наступавшей немецкой пехоте, окуталась облаком дыма и песка. Машина катила к траншеям. Вражеские солдаты появились справа. «Куница» проехала через них. Шранцль выстрелил еще раз. Затем подошли остальные штурмовые орудия.

Встретив такой мощный штурм, русские дрогнули и побежали. Немецкая пехота стреляла им вслед, продвигаясь на восточный скат высоты.

— Командир батальона — всем! — прозвучал голос майора Бухнера. — Первая батарея выдвигается севернее мельницы, вторая посредине, третья южнее. Следуйте по пятам за противником, не дайте ему закрепиться у мельницы.

— Командир, они поворачивают влево. Вероятно, хотят укрыться в березовой роще!

Бранднер тоже увидел это движение противника. Он собирался приказать водителю повернуть, когда капитан Хандрик радировал:

— Третий взвод преследует противника по направлению к лесу. Остальные следуют в прежнем направлении, южнее мельницы.

— Да, мы хотели бы ехать... Но...

Раздался мощный взрыв, затем второй. Две вспышки огня возникли там, где машины третьего взвода достигли опушки рощи.

— Они попали на мины, командир!

— Проклятие! Только этого не хватало! «Хорек», следуй за мной. Раковиц, давай поворачивай влево. Мы заберем их оттуда.

Пехотинец ждет начала наступления под прикрытием штурмового орудия

Через «ножницы» Бранднер увидел, как экипажи покинули машины. Они укрылись в воронке, а русские с трех сторон бежали туда, чтобы взять их в плен.

— Огонь!

Первый выстрел «Куницы» попал в передовую группу красноармейцев, заставив их залечь. Немецкие пе-

хотинцы спрыгнули со штурмовых орудий и оттеснили противника. Экипажи двух подорвавшихся машин забрались на броню «Куницы» и «Хорька».

— Спасибо, Зепп! — прокричал лейтенант Маричка, командир третьего взвода.

— Ерунда. Ты бы сделал то же самое для нас.

— Командир, впереди!

Голос водителя прозвучал взволнованно, и Бранднер немедленно повернулся, чтобы посмотреть, в чем дело. Перед ними были четыре советских бронеавтомобиля. Они разворачивались в сторону двух штурмовых орудий. Наводчики дали залп бронебойными снарядами. Секундой позже из зарослей кустарника появилась машина командира батареи, которая поразила один из бронеавтомобилей первым же выстрелом.

— Гляньте на Старика! Он дал им перцу! — заорал лейтенант Маричка. Машина капитана Хандрика развернулась и разбила последний бронеавтомобиль.

— Вперед, к мельнице! Там идут дела!

Штурмовые орудия помчались на полном газу к месту боя, где 2-я батарея уже сражалась против советских 76-мм противотанковых пушек. Однако к их прибытию все было уже кончено — пушки подавлены, а пехота бежала в сторону своей главной линии обороны.

* * *

26 июля противник продолжал атаковать под Ельней, и генерал-полковник Гудериан направил 268-ю пехотную дивизию на укрепление этого участка фронта. В тот же день 3-я танковая группа генерал-полковника Гота, действовавшая севернее 2-й танковой группы Гудериана, успешно завершила окружение советских войск, закрыв ударом с севера пути их отхода восточнее Смоленска. В итоге 3-я танковая группа, по-

теснённая до этого назад, вновь смогла наступать. Однако, по мнению командования 2-й танковой группы, наиболее опасное положение было в районе Рославля и восточнее Ельни. Это вскоре подтвердилось. Противник неоднократно атаковал Ельню, и каждый раз 202-й батальон штурмовых орудий был в гуще событий. Только 30 июля было отбито тринадцать атак советских войск. К этому времени лейтенант Бранднер хорошо освоился на новой должности. Казалось, что он был взводным командиром с самого начала.

Рославль был взят 3 августа. Но возле Ельни противник не проявлял склонности к отступлению, и генерал-полковник Гудериан вынужден был отправить туда свои последние резервы. Это была рота охраны штаба танковой группы. 4 августа в Ново-Борисове прошло совещание, в котором участвовали Гитлер и командование Группы армий «Центр». Вариант отхода из Ельнинского выступа был отвергнут, поскольку еще было неясно, можно ли обойтись без него как стартовой позиции для удара на Москву. 14 августа генерал-полковник Гудериан вновь запросил разрешения оставить Ельнинский выступ, и снова Верховное командование сухопутных сил ему отказало. В конце концов немецкие войска прорвались в районе Ельни. Наступление продолжилось в направлении Орла. Лейтенант Бранднер добился успехов в борьбе против вражеских противотанковых орудий, пулеметов и пехоты. 202-й батальон штурмовых орудий приблизился к Орлу.

* * *

— Командир батареи — первому взводу. Атакуйте деревню и наступайте по дороге на Брянск, зачищая ее.

Два штурмовых орудия взвода выехали из расположения части. Ничего не было видно. Пехота, наступав-

шая за штурмовыми орудиями, брала под контроль пройденную местность. Вглядываясь сквозь «ножницы», Бранднер увидел противника, прежде чем его могла заметить пехота. Затем уже каждый мог видеть плотные цепи красноармейцев, атаковавших со стороны деревни и пытавшихся отрезать оба штурмовых орудия. Пулемет позади «Куницы» начал свою жатву. Раздались первые орудийные выстрелы. Наступление русских потеряло темп. Но внезапно они стали перегруппировываться, и лейтенант Бранднер услышал крики немецких пехотинцев: «Танки, танки!» Через несколько секунд лейтенант увидел серо-зеленого гиганта, катившего справа налево между домами, прямо перед штурмовым орудием, в 120 метрах. За ним следовал второй танк.

— Т-34 перед нами. Заряжай бронебойным! По правому Т-34 — огонь!

Выстрел не дал результата. Лейтенант Бранднер видел, как бронебойный снаряд попал в башню Т-34 и срикошетировал в небо. Второй выстрел — с таким же итогом.

— Мы не можем продырявить его, командир!

Первый снаряд противника прошел выше штурмового орудия. В правый Т-34 удалось попасть еще дважды. Когда к битве присоединился «Хорек», оба советских танка развернулись и скрылись за домами.

— Черт побери! Мы не можем пробить их броню. Наша пушка бесполезна! — ругался унтер-офицер Шранцль.

— Целиться по гусеницам! — приказал лейтенант, когда появились еще два Т-34. Первый выстрел повредил гусеницу головного танка. Экипаж покинул обездвиженную машину. Огонь из стрелкового оружия положил русских на землю.

«Куница» развернулась. Как только появилась воз-

можность стрелять в корму Т-34, наводчик послал снаряд. Моторный отсек вспыхнул. Они уничтожили свой первый танк.

Деревня пылала, когда они проезжали через нее. Подъехали остальные два взвода. Через полчаса селение было полностью в немецких руках. Штурмовые орудия заняли позиции на околице.

* * *

— Господин капитан, нам нужны более действенные орудия и боеприпасы.

— Я знаю, Бранднер. Мы уже много раз обращались к командованию. Нам дадут кумулятивные снаряды в ближайшие дни. С ними вы сможете справляться с Т-34.

— Ствол орудия слишком короткий, господин капитан!

Капитан Хандрик хотел улыбнуться, но затем кивнул.

— Вы правы, Бранднер. Это предполагается изменить. Вскоре нас должны оснастить длинноствольными 75-мм орудиями.

Оба офицера только что побывали в ремонтной мастерской. Атака на деревню ясно показала, что нужно иметь более сильное вооружение, чтобы иметь дело с русскими Т-34.

— Мы выступим до наступления темноты, Бранднер, — офицеры остановились у командного пункта батареи.

— Можно знать точнее, господин капитан?

— Пока нет.

Бранднер отправился в избу, где поселились его экипажи.

— У нас осталось несколько яиц, командир.

— Хорошо, Любиш. Я действительно довольно голоден.

Когда он поел и закурил непременную сигарету, к нему обратился фельдфебель Прайнлингер.

— Ну, как? Мы проведем ночь здесь?

— Отправимся ближе к вечеру. Поедем через деревни севернее Брянска, а затем повернем южнее.

Пять часов спустя штурмовые орудия 202-го батальона отправились в путь. Они вошли в широкий пояс лесов и прошли через несколько покинутых деревень. Стоя в открытом люке, Бранднер видел широкую спину капитана Хандрика в командирской машине впереди. Через час должно было стемнеть. Если к этому времени не достичь основной дороги, придется застрять посреди леса. Штурмовые орудия катили через очередной лес. Громкий взрыв заставил лейтенанта Бранднера непроизвольно присесть. Затем он увидел вспышки выстрелов из четырех стволов.

По радио прозвучал голос капитана Хандрика: «В укрытие!» Бранднер спустился в машину.

— Первый взвод, открыть огонь!

Снаряды штурмовых орудий проносились сквозь лесные заросли, где противник устроил засаду. Еще один пулемет осветил сумерки вспышками. Первым выстрелом «Хорек» заставил замолчать «максим». Два штурмовых орудия вновь пошли вперед.

— Парни, это партизаны. Я думаю, мы еще не раз с ними встретимся.

Предсказание лейтенанта Бранднера вскоре сбылось. За ночь передовой отряд, частью которого они были, несколько раз был обстрелян партизанами. Штурмовые орудия отвечали огнем и продолжали движение. К утру они пересекли лесную зону и прибыли на сборный пункт для штурма Брянска.

— Внимание всем, впереди танки противника.

Атака началась десять минут назад. Весь батальон шел в линейном порядке на вражеские позиции, откуда теперь появились танки.

Батарея капитана Хандрика направлялась в сторону оврага. Когда Раковиц увидел вспышки выстрелов приближавшихся танков, он хотел повернуть, чтобы обойти их. Но лейтенант Бранднер приказал свернуть в другую сторону. Однако в этот момент раздался громкий удар по правому борту, и машина потеряла управление.

— Неисправность, командир!

Еще один удар, по орудийной надстройке. К счастью, снаряд не пробил броню и отскочил в стенку оврага.

— Из машины! И не забудьте автоматы и карабины.

Зепп Бранднер первым вылез через люк, сжимая карабин. Над его головой прогремела очередь. Он спрыгнул на землю и укрылся в кустарнике. Сразу же осмотревшись, увидел вспышки выстрелов и открыл огонь из карабина. Стрельба противника прекратилась, и три члена его экипажа смогли покинуть машину. Они залегли рядом с лейтенантом. Русские вновь начали стрелять. Над головами засвистели бронебойные снаряды.

— «Хорек», командир!

Отчаянный крик унтер-офицера Шранцля заставил Бранднера обернуться. Он увидел, что второе штурмовое орудие его взвода дымится. Затем пронесся еще один бронебойный снаряд, разбивший правую гусеницу.

Вражеские танки приближались. Четыре машины ехали по оврагу. Тем временем фельдфебель Прайнлингер выбрался из «Хорька», первым из своего экипажа, и зигзагами побежал в сторону. Его преследовала пулеметная очередь, но он уклонился. Экипаж выбрался из машины. Последним был водитель Пишель. Он бежал за всеми, когда прилетел очередной снаряд, который попал ему прямо в грудь.

— Пишель, — сказал заряжающий Любиш, — наш Пишель...

— Глядите! За танками идет пехота!

Четыре танка уже были в 150 метрах, а теперь за ними была видна и советская пехота. Передовая группа была с пулеметом «максим», остальные с винтовками и автоматами.

— Ползите за склон оврага. И не высовывайтесь!

Зепп Бранднер имел в виду насыпь из булыжников в тридцати метрах правее. Танки не смогли бы туда добраться, а у немцев был шанс сдержать противника. Сжимая карабин, он пополз туда. Укрывшись за камнями, Бранднер выстрелил. Один из русских пулеметчиков упал. Второй выстрел сбил с ног другого. После этого русские побежали.

Лейтенант Бранднер прополз за насыпью. Там он был в относительной безопасности. Но затем ему пришлось расстрелять всю обойму карабина. Некоторые из врагов упали, но не все. Два автоматчика открыли по нему огонь. Пули выбили осколки из булыжников, поранив его лицо. Бранднер спрятался, вставил новую обойму и переместился. В этот момент все четыре советских танка выстрелили. Судя по разрывам — фугасными снарядами! В сорока метрах от него появились красноармейцы, которые пригнувшись подбирались к маленькой группке немцев, залегших под огнем из танков. Бранднер стал стрелять. Еще один вражеский солдат упал, однако четверо других повернули к нему.

Зепп Бранднер видел вспышки выстрелов из стволов их автоматов с круглыми магазинами. Затем в его карабине кончились патроны. Он отбросил его и достал пистолет. Несколько очередей заставили Бранднера искать укрытия. Он отполз за камни, слыша гортанные крики и затем резкий приказ. Но его товарищи были

теперь предупреждены об опасности, пусть даже он и окончит свой жизненный путь здесь.

Среди кустов появился первый русский, за ним второй. Они были с автоматами. Бранднер выстрелил. Оба вражеских солдата упали. С другой стороны начал стрелять русский автомат. Бранднер слышал, как пули бьют по камням, за которыми он укрывался. Затем русский высунулся и был срезан пулей. Потом стал слышен ужасающе громкий звук танковых гусениц. В воздухе запахло бензином. Бранднер увидел танки в сорока метрах. Они продолжали стрелять.

В этот момент Любиш побежал. Он ринулся к первому русскому танку, пропал из поля зрения лейтенанта, а затем возник на корме. Потом спрыгнул и пропал. Двое его товарищей в это время стреляли из карабинов по красноармейцам, вынудив их прятаться.

Мощный взрыв сдвинул башню танка. Его длинноствольная пушка накренилась к земле. Из кормы поднялся огромный столб пламени. Первый из четырех Т-34 горел, но остальные три шли вперед. Они приближались как раз к тому месту, где укрывался экипаж Бранднера. Лейтенант уже был готов бежать к ним, когда услышал звук выстрела из пушки штурмового орудия со стороны оврага.

— Они идут, командир! — прокричал фельдфебель Прайнлингер сквозь грохот. Затем фельдфебель оказался рядом с Бранднером, а следом и два остальных члена экипажа «Хорька».

— Вы?..

— Я смог радировать им, прежде чем покинуть машину. Капитан ответил, что посылает лейтенанта Маричку.

— Ага, они достали одного.

Мощный удар сотряс Т-34. Черный дым заклубился над танком. Два других повернули. Один из них был

поражен, когда подставил борт штурмовым орудиям. Снаряд врезался в его двигатель и поджег. Одно из штурмовых орудий остановилось возле Бранднера и его людей, а второе пошло дальше. Из люка высунулся лейтенант Маричка.

— Спасибо, что выручил нас, Польди.

В ответ лейтенант Маричка прокричал: «Вам следует убираться отсюда, раз вашей «коробке» нужен ремонт!» Затем он нырнул в люк. Штурмовое орудие рвануло вслед за ушедшим вперед, которое уже снова вело огонь.

— Кто-нибудь ранен?

— Нет, командир!

— Тогда за работу, чините гусеницу! — приказал Бранднер и повернулся к Прайнлингеру. Тот кивнул в сторону, где лежал Пишель.

Когда они приблизились к водителю «Хорька», то

Загрузка боеприпасов в перерывах между боями была трудной работой

поняли, что ему уже не помочь. Бранднер преклонил колени перед своим юным товарищем, который был родом из Вены. Бранднер снял с Пишеля личный жетон и забрал его ценные вещи.

— Мы похороним его потом, если у нас будет время, Прайнлингер.

— Да, командир. Мы должны сделать это для Пишеля.

— Посмотрите, что можно сделать с «Хорьком», Прайнлингер. Если вы не сможете починить его здесь, я пошлю запрос ремонтной команде.

Остальные два члена экипажа «Хорька» подошли к телу своего павшего товарища. У Люттера в глазах были слезы. Зепп Бранднер подошел к нему.

— Держись, Люттер! Для него все уже закончилось.

— Да, господин лейтенант! — голубые, как у ребенка, глаза солдата-добровольца глядели на Зеппа Бранднера. Люттер сглотнул и пошел к остальным, уже чинившим штурмовое орудие.

Лейтенант Бранднер подошел к своей машине. Любиш и Шранцль только что заменили поврежденный трак гусеницы, Раковиц в ожидании высовывался из люка.

— Двинь немного, Тони!

Раковиц скрылся в люке. Штурмовое орудие слегка повернулось на починенной гусенице.

— Стоп! Нормально!

Пока они меняли трак, был слышен шум боя, который разгорелся впереди. Резкие выстрелы короткоствольных 75-миллиметровок чередовались с глухим грохотом пушек русских танков. Затем во всю мощь заработала немецкая дивизионная артиллерия.

— Неплохо, а, Любиш?

— Все сделано, командир! — доложил Шранцль.

— Эй, Прайнлингер, что с твоей «коробкой»?

— Будет в порядке, командир, но попозже.

— Ладно, работайте. Потом на малой скорости двигайтесь вперед. Мы пошли в сторону деревни.

Зепп Бранднер плюхнулся на сиденье. Он подрегулировал «ножницы», и «Куница» пошла вперед. Штурмовое орудие проехало конец оврага. Когда у Бранднера появился полный обзор, он увидел вспышки орудийной стрельбы.

— Танки противника впереди, на холмах перед деревней, — информировал Бранднер свой экипаж. — Возможно, они вкопаны там.

— «Куница» и «Хорек» — наступать на правом фланге. Направление — южная оконечность деревни.

— «Куница» — командиру батареи. Принято. «Хорек» еще ремонтируется. «Куница» атакует.

— Хорошо, Бранднер. Если встретите сильное сопротивление, то применяйте обходные маневры и отвлекайте внимание противника.

Штурмовое орудие повернуло и въехало в низину. Разбрызгивая воду, машина пересекла ручей. Затем «Куница» врезалась носовой частью в камень. Двигатель взревел и заглох. Прежде чем Раковиц смог завести его вновь, экипаж услышал шум танков со стороны деревни.

— Т-34! Раковиц, двигай через этот маленький овраг!

Штурмовое орудие с трудом пробиралось по овражку. Гусеницы вязли в земле. Приходилось давить кустарник, а когда в нем показался просвет, Бранднер увидел первый Т-34 не далее ста метров впереди. Вражеские танки двигались на батарею капитана Хандрика. Два ближайших Т-34 остановились, поворачивая башни, но не в сторону машины Бранднера, а в направлении других штурмовых орудий, уже начавших стрелять.

— Будем бить по моторным решеткам. Раковиц, пятьдесят метров вправо, на полном газу! Остановишь

в кустах. Шранцль, приготовьтесь. Первый снаряд должен пойти, как только Рако повернет «коробку» направо.

Мотор взревел, и штурмовое орудие двинулось в указанном направлении. Зепп Бранднер теперь видел три или четыре Т-34 справа, наступавших под прикрытием нескольких оврагов. Но лейтенант не отменил свой приказ, он был намерен выполнить намеченный маневр.

— Стоп! — крикнул Бранднер. Тяжелая машина тут же замерла. Снаряд поразил Т-34, пробив моторную решетку. Танк загорелся.

— Поворачивай к другому!

Раковиц развернул машину. Одновременно стала вращаться башня Т-34. Но Шранцль успел выстрелить первым. Любиш зарядил второй снаряд, и еще один Т-34 был поражен.

— Сейчас, давай, еще... — сильный удар потряс машину, и экипаж услышал вой срикошетировавшего снаряда. «Куница» прыгнула вперед, избежав следующих попаданий из пушек Т-34, которые были на дистанции прямого огня, выдвигаясь из зарослей кустарника. Штурмовое орудие зигзагами помчалось в сторону деревни, на полной скорости. Среди выстрелов танковых пушек Бранднер слышал стрельбу штурмовых орудий. Затем он увидел, как левее и позади его выходят из укрытий немецкие машины.

— Мы атакуем! — заорал он. Ближайшие дома деревни были уже совсем близко. По броне застучали пули из пулеметов и винтовок.

— Огонь фугасным!

Снаряд разорвался рядом с местом, откуда были видны вспышки очередей пулеметов противника. Они стреляли по немецкой пехоте, наступавшей за штурмовыми орудиями. Деревенские дома были охвачены огнем, стены рушились. Затем в селение въехали штур-

мовые орудия, с нескольких сторон. Пехота стала очищать деревню от противника дом за домом. Поставленная задача была выполнена.

* * *

В то время, когда еще полыхала битва за Брянск, 202-й батальон штурмовых орудий продолжал наступать в направлении на Орел. Наконец прибыли новые бронебойные боеприпасы. Теперь штурмовые орудия могли успешно поражать Т-34 в лоб. Немецкие войска продвигались через партизанскую страну.

В ночь на 7 октября, когда батарея Хандрика только что прибыла в место сбора для атаки на Орел, выпал снег. Зепп Бранднер прекрасно понимал, что теперь технике будет существенно труднее. Так оно и случилось. В следующие дни дожди превратили дороги в канавы, заполненные грязью. Наступление продолжалось со скоростью улитки. При этом надо было быть готовым к обстрелу в любой момент.

Орел был взят. Личный состав 202-го батальона штурмовых орудий получил возможность отдохнуть несколько дней. Люди и техника приводились в порядок. Зепп Бранднер оказывал всяческую помощь в проверке машин. Он был своим собственным офицером-ремонтником. Работы велись до глубокой ночи.

После того как продвижение к Москве практически завязло в грязи под Мценском в конце октября, в начале ноября была сформирована «броневая боевая группа», в которую вошел и 202-й батальон штурмовых орудий. Мценск надо было взять, поскольку через него проходила единственная мощеная дорога из Орла в Тулу. Полковник Эбербах, командир бригады 4-й танковой дивизии, возглавил боевую группу.

Мценск был взят. Наступление шло быстрыми тем-

пами. Была взята также Чернь. Штурмовые орудия шли вперед, с пехотой на броне. Но, достигнув Плавска, броневая боевая группа была истощена. Передовые подразделения 3-й танковой дивизии уже были под Тулой, в 150 километрах восточнее Мценска. Однако необходимых сил и горючего для немедленного взятия города не было. 24-й танковый корпус, наступавший на Москву, истратил к тому времени все свои ресурсы.

Штурмовые орудия постоянно были в боях, и Зепп Бранднер все больше убеждался, что короткоствольные 75-миллиметровки не годились для борьбы против Т-34, имевших сильную броню. Штурмовому орудию приходилось приближаться к Т-34 на расстояние 600 метров, чтобы иметь какую-то надежду на успех, в то время как Т-34 мог эффективно бить с почти вдвое большей дистанции.

В декабре ртутный столбик термометра опустился до отметки минус тридцать градусов; это было началом суровых времен для немецких войск, в том числе и для штурмовых орудий. Но если пехота вызывала штурмовые орудия — они приходили, как это было в Веневе, Сталиногорске и Кашире. Штурмовые орудия упорно шли вперед, расчищая путь пехоте. Подразделения снабжения следовали за наступающими частями, и по ночам штурмовые орудия подготавливались к новому бою.

Но потом все остановилось. «Генерал Зима» был сильнее стремления воевать. Немецкие пехотинцы, одетые неподходяще для морозов, съеживались от холода в своих окопах. Теперь лейтенанту Бранднеру часто приходилось заниматься перевозкой в тыл солдат с обморожениями. Хотя боеприпасов уже не хватало, штурмовые орудия контратаковали русских, чтобы выручать немецких пехотинцев.

Боевая группа под командованием полковника Мюн-

целя удерживала район вокруг Позняхово. Потеряв большинство своих танков, бойцы группы сражались в траншеях, с ними был и сам полковник. Его черная танкистская униформа была хорошо видна на фоне снега. Но он отказывался сменить ее.

Штурмовые орудия постоянно поддерживали пехоту, и Зеппу Бранднеру довелось побывать в самых трудных ситуациях. Действия взвода Бранднера были отмечены в приказе командования дивизии. Затем наступило 12 февраля 1942 года — день, крепко запомнившийся Бранднеру.

* * *

— Готовы к бою, господин капитан.

— Отлично, Бранднер. Сегодня вы поведете всю батарею. Деревня, взятая Советами, должна быть отбита, потому что она вклинивается в нашу главную линию обороны.

— Да, господин капитан. Мы возьмем эту деревню.

— Опасайтесь мин, Бранднер. Не езжайте по балкам. Иваны всегда их минируют.

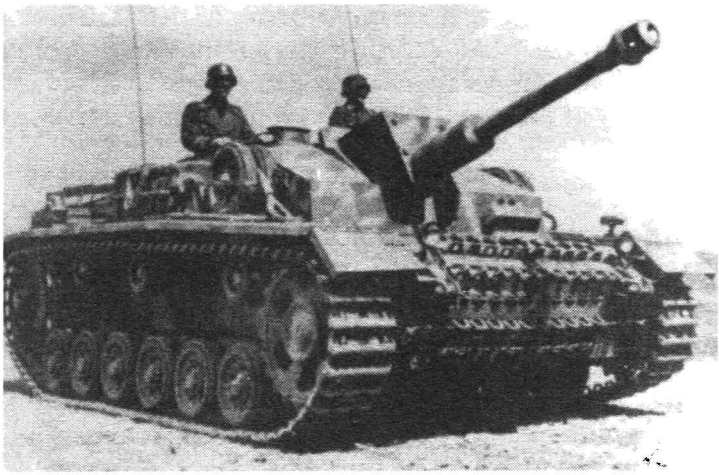
— Мы будем осторожны.

Зепп Бранднер трижды взмахнул рукой. Его командирская машина тронулась. Мягкий снежок разлетался из-под гусениц.

— Командир, наша «коробка» слишком сильно нагружена, — доложил водитель Раковиц.

— Утрясется, Рако. Все-таки мы загрузили 120 снарядов вместо обычных сорока.

Стоя в открытом люке, Бранднер оглядел свои штурмовые орудия. Три взвода батареи, по три машины в каждом взводе, и его верный «Феникс» — десятый, впереди всех. Они шли колонной, в опасении мин. Со стороны фронта не доносилось ни звука. Вне-



Штурмовое орудие Sturmgeschutz III в училище штурмовой артиллерии в Бурге

запно, примерно в 600 метрах от деревни, «Феникс» сотряс мощный взрыв. Членов экипажа отбросило назад, только лейтенант Бранднер смог удержаться на месте. Он услышал стон.

— Кто-нибудь ранен? — спросил он. В ушах звенело от взрыва русской мины, и он едва мог слышать собственные слова, хотя почти кричал.

— Все в порядке, командир!

— Машина неисправна!

— Заряжайте бронебойными! — передал по радио лейтенант Бранднер. — Огонь по видимым целям!

Штурмовые орудия открыли огонь. В то же время по ним из деревни стреляли противотанковые пушки. В тридцати метрах впереди штурмовых орудий немецкая пехота, находившаяся в траншеях, готовилась брать деревню, следуя за машинами.

— Шранцль, стреляй по любым целям в деревне, в которые можешь попасть разворотом ствола.

«Феникс» начал стрелять. Все десять штурмовых орудий посылали снаряды в центр занятого противником селения.

— Всем машинам — атаковать! — радировал Бранднер.

Штурмовые орудия двинулись вперед. Когда они достигли линии окопов, немецкая пехота пошла в атаку. Пехотинцы побежали за медленно ползущими машинами. Одно из штурмовых орудий было подбито вражеским огнем. Солдаты, бежавшие за этой машиной, не успели укрыться, и взрыв боезапаса штурмового орудия прикончил их всех. Бранднер осмотрел место схватки.

— Цель — противотанковое орудие. Четыреста метров, прямо впереди, Шранцль!

Фугасный снаряд попал точно в орудийную позицию. Противотанковая пушка замолчала. Экипаж услышал ожесточенный крик пехоты, штурмовавшей деревню. Послышались взрывы ручных гранат, подрывные заряды разносили дома целиком. Сквозь шум боя доносились и выстрелы штурмовых орудий.

— Продолжать стрельбу по замеченным целям.

— Что вы делаете, командир? Не надо, позвольте мне...

Однако лейтенант Бранднер не слушал. Он отдал водителю свои наушники и вылез из машины.

— Проклятие! — прокричал лейтенант, увидев, что случилось с машиной.

— Что там? — крикнул в ответ водитель.

— Обе гусеницы порваны. Один ведущий каток вырван.

— Тут могут быть еще мины, командир. Они обычно ставят их группами.

Зепп Бранднер невольно усмехнулся. Он не намеревался искать тут другие мины. Тем не менее стал тыкать палкой в мягкий снег. Наткнулся на что-то твердое и стал осторожно раскапывать. Это была русская противотанковая мина. Через несколько минут обнаружились еще две.

Тем временем пехота дала сигнал красной ракетой, что все чисто. Шранцль, тоже вылезший из машины, сказал: «Если бы мы поехали здесь, командир...»

— ...то получили бы бесплатный пропуск в рай, Шранцль. Давайте за работу. Мы можем заменить траки. И у нас есть запасной ведущий каток.

— Командир, Маричка вызывает. Им нужна срочная помощь.

— Вылезай, Рако, нужна твоя подмога! А я вновь за радио.

Раковиц присоединился к двум другим членам экипажа, которые уже принялись за работу. С правой окраины деревни начало стрелять противотанковое орудие. Снаряды проносились над «Фениксом» и падали где-то в зарослях.

— «Феникс» — «Чите», прием.

— «Чита» здесь, прием.

— «Чита», «Лев» и «Рысь» — уничтожить противотанковое орудие на южной окраине.

— Принято. Атакуем противотанковое орудие.

— Маричка, прием.

Командир третьего взвода ответил немедленно: «Маричка на связи».

— Что случилось, Маричка?

— Вкопанные танки на гребне оврага восточнее деревни, командир.

— Обойдите их с севера. Затем ударьте во фланг. Мы подойдем в ближайшее время, как только устраним повреждения.

Зепп Бранднер вызвал также командиров первого и второго взводов. Они также встретились со вкопанными танками противника. Бранднер кратко проинструктировал их.

— Ремонт закончен, командир.

— Тогда — в «коробку»! Полный газ, Рако! Дуй быстрее ветра!

Раковиц усмехнулся и привел штурмовое орудие в движение. Первые минуты все члены экипажа вслушивались в звуки машины. Они убедились, что гусеницы в порядке на сто процентов.

Вглядываясь через перископ, Бранднер увидел несколько Т-34, горевших на открытой местности, а позади них, на гребне оврага, тянувшегося с севера на юг, вспышки выстрелов из вкопанных Т-34. Им отвечали огнем штурмовые орудия третьего взвода.

Приближавшийся к деревне «Феникс» был встречен пулеметными очередями. Машина проехала вперед и остановилась у полуразрушенного дома. Через улицу перебежал пехотный лейтенант и укрылся за штурмовым орудием.

— Как дела, лейтенант?

— Они прижали нас огнем с фланга, лейтенант.

— Пусть ваши люди следуют за нами. Мы проедем, как на прогулке.

— Спасибо, лейтенант, — пехотный офицер помахал рукой. Со всех сторон из укрытий появились солдаты. Они приблизились к штурмовому орудию и двинулись позади него.

— Шранцль! Триста, один час! Пулеметное гнездо. Фугасным!

Вторым снарядом пулемет противника был разнесен вдребезги. Пехотинцы приветствовали это дикими криками. Машина прыжком перескочила овраг и взобралась на противоположную сторону. Бранднер не-

вольно зажмурился, когда увидел вспышку выстрела — вражеский снаряд пронесся над штурмовым орудием. Лейтенант увидел, как Т-34 опускает ствол своей пушки.

— Бронебойным! Поворот влево!

Т-34 и штурмовое орудие выстрелили одновременно. В то время как снаряд танка прошел левее, выстрел штурмового орудия поразил танк между основанием башни и корпусом, заставив его замолчать.

— Быстрее, Рако!

Штурмовое орудие набрало скорость. Пехотинцы позади него стали кричать, затем они достигли вражеских позиций. Тем временем главной линии обороны русских достигли почти одновременно все десять штурмовых орудий. Они прошли от флангов к центру, уничтожая очаги сопротивления один за другим. Бранднер давал краткие приказы командирам машин.

— Они бегут, командир!

Советскую линию обороны покидали все, кто мог двигаться. Бранднер не размышлял долго. Он выполнил поставленную задачу, и от него не требовалось наступать дальше. Однако он решил использовать хороший шанс.

— Батарея, слушай меня! Мы будем преследовать противника узким клином и не дадим им закрепиться. Уничтожать все обнаруженные орудия и другое вооружение. Когда будет дан приказ «отход!» — возвращаться сюда, на основную линию обороны.

— Черт возьми! Мы уже сделали отличную работу, командир. Капитан приказал, чтобы мы...

— Заткнись, Шранцль! У нас здесь есть шанс.

Они двинулись вперед. Через 300 метров Бранднер оставил два взвода позади, чтобы обезопасить фланги. Сам он продолжил преследование противника с двумя машинами третьего взвода (третья машина взвода встала из-за повреждения гусеницы). Штурмовые орудия

расстреляли уходившие русские грузовики фугасными снарядами.

— Как далеко мы едем, командир?

— Пункт снабжения иванов дальше. Туда-то мы и идем, Маричка.

Штурмовые орудия выдвинулись к западной окраине следующей деревни. Они остановились и стали обстреливать село фугасными снарядами. Загорелось хранилище горючего. Бранднер видел, как в небо взметнулись языки пламени. Затем засвистели первые вражеские снаряды.

— Артиллерийский корректировщик видит нас, командир.

— «Феникс» — Маричке: назад, к основной линии обороны.

Штурмовые орудия стали отступать, отстреливаясь на ходу. Вокруг рвались крупнокалиберные снаряды. «Феникс» осыпало стальными осколками, камнями и комьями земли. Вернувшись на линию обороны, лейтенант Бранднер определил, что они вторглись более чем на три километра в глубь территории противника.

— Бранднер — немедленно к генералу Шаалю!

Лейтенант услышал эту весть, когда он прибыл на командный пункт батареи. Бранднер отправился на командный пункт 10-й танковой дивизии, по приказу которой была проведена атака.

— Лейтенант Бранднер из 202-го батальона штурмовых орудий прибыл по вашему приказанию.

— Спасибо, Бранднер. Вольно. Хочу выразить свою благодарность вам и вашим подчиненным. Вы дали нам возможность вернуться на прежнюю линию обороны. У меня есть три Железных Креста первой степени и десять Крестов второй степени для ваших храбрецов.

— Спасибо, господин генерал! Мои люди заслужили награды.

— Послушайте, Бранднер, у вас достаточно топлива и боеприпасов, чтобы сделать еще одну вылазку?

— Машины сейчас заправляются. Будут готовы к бою через полчаса.

— Хорошо. Смотрите — здесь остался очаг сопротивления противника, северо-западнее нашей дивизии. Нам нужно немедленно выкурить их оттуда, чтобы враг не сосредоточил там свои силы за ночь, тем самым укрепив свои позиции. С вами пойдет пехотный батальон.

Лейтенант Бранднер раздал Железные Кресты на сборном пункте. Затем он проинструктировал командиров взводов. Через полчаса, когда был пополнен боезапас и завершена дозаправка горючим, штурмовые орудия вновь отправились в сторону русских позиций.

— Как вы намерены атаковать, господин капитан?

Командир пехотного батальона подошел к штурмовому орудию Бранднера; его солдаты залегли в укрытиях в ожидании приказа наступать. Пехотный капитан показал вперед.

— Я пойду за вами через открытую местность. Позади ваших штурмовых орудий.

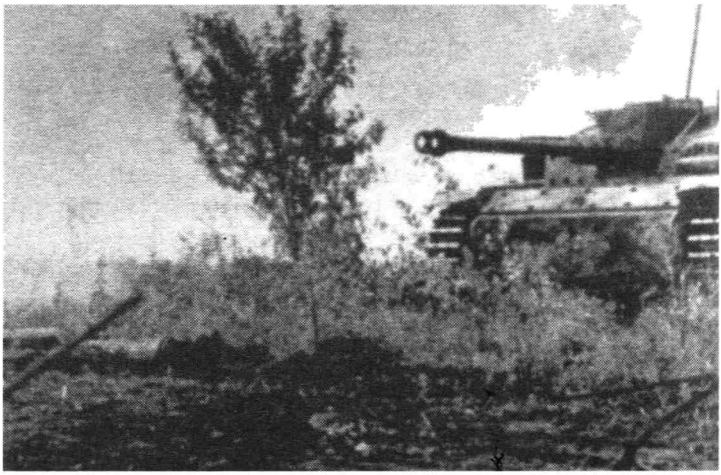
— Без вопросов, господин капитан! Прошу извинить, но я думал, что вам следовало бы атаковать через лощину, пока мы пройдем по равнине и подавим вражеский огонь.

— Конечно, для моих солдат это было бы проще, лейтенант. Но если вражеская пехота пропустит вас и затем вдарит по штурмовым орудиям подрывными зарядами, вам мало не покажется.

— Мы можем двигаться очень быстро, господин капитан.

— Очень хорошо. Я пойду с вами, пока мы не окажемся в виду противника.

По приказу Бранднера штурмовые орудия завели двигатели. Затем они выкатили из лощины. Машина



Правила действий штурмовой артиллерии: цельcя, стреляй и поражай из скрытной позиции!

командира батареи остановилась наверху, на открытом месте.

— Направление атаки — там, господин капитан.

Стоя в командирском люке, Бранднер показал командиру пехотного батальона направление, которое намеревался взять. Из деревни раздались винтовочные выстрелы. Пули свистели рядом с командирской машиной.

— Осторожно, Бранднер! Снайперы! — крикнул пехотный офицер.

В тот же момент Зепп Бранднер ощутил сильный удар, и с правой стороны его шеи хлынула кровь. Бранднер пытался закричать, но не смог. Прежде чем рухнуть в машину, он почувствовал режущую боль, но не понял, в какой части тела.

Он услышал расстроенный возглас унтер-офицера Шранцля: «Артерия перебита!»

В полуобморочном состоянии Бранднер слышал, как другие штурмовые орудия пошли вперед. Он услышал гром огня пушек и пулеметную стрельбу. Чувство удушья, почти не дававшее ему дышать, прошло. Доносились взволнованные голоса. Бранднер с усилием открыл глаза и увидел фельдфебеля из медицинского взвода, склонившегося над ним.

Бранднер слышал обрывки речи. Он понял, что пришли еще два санитара с носилками. Они осторожно извлекли его из машины. Затем почувствовал, как его несут на носилках. Ощутил режущий холод, хотя санитары укрыли его одеялом. Последнее, что он слышал — стрельбу его штурмовых орудий. Затем потерял сознание.

Бранднер пришел в себя, когда его доставили в деревню, где располагалась ремонтная группа. Вокруг собрались солдаты. Звучали встревоженные голоса. Но Бранднер не мог говорить. Врач этого временного медпункта решил, что его следует отправить в госпиталь в Болхове. К счастью, дорога туда была расчищена накануне. Однако двигатель санитарной машины отказывался заводиться. При температуре почти минус пятьдесят градусов он превратился практически в кусок льда.

Как по заказу, в этот момент из Болхова приехала командирская машина. Лейтенанта Бранднера немедленно положили в нее, и водитель отправился обратно. Состояние Бранднера было весьма тяжелым. Капеллан совершил над ним последний обряд. Когда Бранднера доставили в операционную, выяснилось, что вторая пуля попала в его правое предплечье. Первая пуля пробила шею между гортанью и пищеводом. Такое опасное для жизни ранение требовало отправки Бранднера в Германию самолетом. Однако самолеты не могли взлететь.

Зеппа Бранднера отправили в Орел на санитарной машине. Там он ждал отправки в Германию госпитальным поездом. Находясь между жизнью и смертью, несколько дней спустя он проезжал на поезде через партизанскую зону в районе Брянска. Однажды вагон перед локомотивом подорвался на мине. Затем партизаны атаковали поезд. Тем не менее Бранднер доехал до Бауцена, где его поместили в госпиталь.

Бранднер оправился от этого тяжелого ранения, которое было у него уже третьим, удивительно быстро. Несколько следующих недель он провел в своей родной Вене. Теперь он носил Серебряный Знак за ранения и Штурмовой Знак, которые ему вручили в госпитале 4 апреля 1942 года. В конце апреля Бранднер отправился в запасную часть, отказавшись от отпуска выздоравливающего, и вскоре вернулся в свою часть, стоявшую в Болхове.

Летом 1942 года 202-й батальон штурмовых орудий принимал участие в боях на центральном участке Восточного фронта, в районе Фатежа, где батальон использовался в качестве «дежурной пожарной бригады». Осенью батальон передислоцировали под Вязьму. Капитан Бур, командир 2-й батареи, принял командование батальоном. Зепп Бранднер, в звании обер-лейтенанта, стал командиром 2-й батареи. Затем батальон был переброшен в Ржев, где Советы готовились провести крупное наступление.

— Смотри, Вальднер, не врежься в дерево. Этой ночью темно, как в медвежьей заднице!

— Не беспокойтесь, господин обер-лейтенант. Вы можете спокойно поспать.

Зепп Бранднер откинулся на сиденье. Закрыл глаза и вскоре уснул. Но сильный толчок разбудил его.

— Что такое, Вальднер?

— Мы наткнулись на телефонный столб, господин обер-лейтенант.

— Как это? Ты заснул или что?

— Нет, господин обер-лейтенант! Просто я плохо вижу ночью.

Обер-лейтенант Бранднер ошеломленно посмотрел на своего нового водителя. Затем он уничтожающе прорычал:

— И ты имеешь наглость ехать столько километров ночью, надеясь только на удачу?

Обер-ефрейтор, заменявший Раковица, который был в отпуске, лишь усмехнулся. Прежде чем он мог извиниться, обер-лейтенант взмахом руки заставил его молчать. Он что-то услышал.

— Это тягач, командир, — сказал водитель.

— Хорошо, что ты хоть можешь слышать.

— Точно, господин обер-лейтенант. 18-тонник. Я уверен, что это он.

— Надеюсь, что это так.

Они выпрыгнули из машины, и обер-лейтенант Бранднер поспешил навстречу тягачу. Когда он увидел эмблему 102-го артиллерийского полка, усмехнулся. Это был полк, в котором он служил до перевода на штурмовые орудия.

— Эй, у вас есть лебедка? — спросил он водителя тягача.

— Нет, — ответил тот сразу же. Зепп Бранднер узнал обер-ефрейтора Зигля, который обучал его в самом начале службы. Зигль не мог разглядеть Бранднера, пока тот стоял в темноте.

— Послушай! — сказал Бранднер, продолжая играть роль. — Кто у вас старший?

— Старший унтер-офицер.

— Это гауптвахмистр Штрайт?

— Да... — Водитель выпучил глаза от удивления. Он

осветил фонарем Зеппа Бранднера. Однако прежде чем луч света дошел до лица, он высветил офицерские погоны.

— Извините, господин обер-лейтенант!

— Да, черт побери, ты меня не вспомнил. Эй, Штрайт, я был у тебя новобранцем, одним из тех, кого ты особенно гонял!

Теперь до унтер-офицера дошло.

— Будь я проклят, это Зепп Бранднер!

Штрайт спрыгнул с тягача. Он обнял своего бывшего новобранца, который теперь обошел его в звании. Две минуты спустя машина была вновь на дороге. Так Зепп Бранднер вновь встретился с 102-м артиллерийским полком, который следовал в Благушу, где сосредоточивались немецкие войска.

* * *

Обер-лейтенант Бранднер и его батарея добивались под Ржевом одного успеха за другим. Штурмовые орудия часто вызывали на помощь пехоте, чтобы ликвидировать прорывы противника. Небольшие стычки или крупные прорывы — Зепп Бранднер и его штурмовое орудие «Феникс» всегда были символом победы. За это время Бранднер и его экипаж уничтожили восемнадцать танков противника, в том числе Т-34 и КВ-1. Штурмовая артиллерия, в данном случае 202-й батальон, была талисманом для дивизий, которые она поддерживала.

Во время первого крупного совещания после назначения на должность генерального инспектора танковых войск генерал-полковник Гудериан потребовал, чтобы вся штурмовая артиллерия была подчинена ему. Это вызвало бурю протестов. Кроме Шпеера, все присутствовавшие, особенно артиллерийские командиры,

были против. Главный адъютант фюрера озвучил мнение артиллеристов: «Штурмовая артиллерия — единственное оружие, с помощью которого артиллеристы могут получить Рыцарский Крест. По этой причине они должны быть независимы от танкистов».

Гитлер, который уже почти согласился с планом Гудериана, повернулся к танковому военачальнику и сказал: «Видите, Гудериан, все против вас. Так что я не могу дать согласия». Это решение имело судьбоносные последствия в ближайшем будущем. Штурмовая артиллерия осталась независимой и посылалась туда, где она требовалась. Следует учесть, что пехотные дивизии, каждой из которых полагался батальон штурмовых орудий, еще не имели эффективного противотанкового вооружения.

В декабре 202-й батальон штурмовых орудий был выведен с фронта и дислоцирован в Бобичево. Впервые за долгое время были сделаны укрытия для штурмовых орудий и блиндажи для личного состава. Из этого места дислокации штурмовые орудия совершали боевые вылазки в сторону окруженных немецких войск. 202-й батальон оставался в этом относительно спокойном районе до весны. Затем он был переброшен южнее Орла для участия в операции «Цитадель» — немецкого наступления с целью ликвидации Курского выступа. Перевооруженные новыми длинноствольными (48 калибров) орудиями, теперь они могли уничтожать Т-34 на дистанции 1500 метров. Штурмовые орудия, наконец, достигли равенства в огневой мощи.

* * *

— Господин капитан, в деревне полно Т-34!

Высунувшись из люка заряжающего, обер-ефрейтор Любиш показывал вперед, на дома села Олеское,

стоявшие за ложбиной. Зепп Бранднер, произведенный в звание капитана несколькими днями ранее (1 июня 1943 года), слегка развернул «ножницы». Он увидел башню танка за стогом сена и нос другого Т-34 за сараем.

— Батарея остается на позиции в укрытии. Любиш, пойдешь со мной. Посмотрим, где они там все.

Капитан Бранднер вылез из машины. Он повернулся к посыльному, беседовавшему с экипажем «Орла».

— Возвращайтесь на командный пункт пехоты. Доклад: «Штурмовые орудия на участке. Готовимся наступать».

Мотор мотоцикла взревел, и посыльный помчался, зигзагами объезжая воронки. Бранднер спустился к ручью. Приходилось пробираться сквозь заросли кустарника и ольхи. Они приблизились на 300 метров к окраине деревни. Зепп Бранднер отметил расположение Т-34 на карте. Они уже собирались идти назад, когда выше по склону появился русский патруль, всего в пяти шагах.

— Руки вверх! — прозвучал резкий окрик. Бранднер и Любиш почти одновременно подняли свои автоматы. Они открыли огонь, и противник почти сразу же исчез из виду.

— Давай, назад! — они побежали под прикрытием кустов. Пули русских автоматов срезали листву позади них и шмякались в мягкую землю. Они достигли поворота оврага и оказались в безопасности.

Шранцль, недавно произведенный в звание вахмистра (соответствует званию фельдфебеля. — *Прим. пер.)*, усмехнулся и спросил командира батареи: «Что за спешка, господин капитан?»

— Я не хотел оставлять вас одних надолго, когда началась стрельба, — твердо ответил Зепп Бранднер. — Командиры взводов и орудий — ко мне!

Они собрались вокруг капитана, который показал

им расположение танков противника, и отдал боевые приказания. Десять штурмовых орудий и три штурмовых гаубицы медленно пошли вперед. Они выстроились, как приказал Бранднер, — три взвода веером. Затем прошли ложбину и вышли на открытое место.

— 1500 метров впереди, за стогом сена, Шранцль.

— Цель вижу.

Вахмистр прицелился и выстрелил. Т-34 проехал вперед на несколько метров. Танк развернулся, ствол его пушки стал поворачиваться. Обер-ефрейтор Любиш, который не мог видеть этого, зарядил следующий снаряд. Прогремел второй выстрел. Металлический звон — прямое попадание.

— Полный газ! Прямо вперед! — Штурмовые орудия приближались к деревне с трех сторон. Они вели огонь из своих длинноствольных пушек. Первый Т-34 задымил.

— «Орел» — командиру: два Т-34 подбиты, — доложил лейтенант Кирхнер.

— «Канюк» тоже должен вскоре доложить, — объявил водитель Раковиц. Сразу же после его слов по радио раздался голос:

— «Канюк» — командиру. Один Т-34 уничтожен.

— Двигайте дальше. В деревню.

— «Сокол» — командиру. Вижу восемь вражеских танков. Выезжают из деревни.

— Фронтальная атака!

«Феникс» помчался в направлении Т-34, выезжавших из деревни. Первый выстрел поразил один из русских танков, взорвав его.

— Броня плохо сварена, — прокомментировал водитель Раковиц.

Мощный взрыв сотряс штурмовое орудие. Один из недавно установленных бортовых щитов был сбит. Затем последовал второй удар.

— Противотанковые орудия, командир!

Не дожидаясь приказа, водитель Раковиц развернул машину в направлении обстрела. Он увидел вспышки орудийных выстрелов между двумя домами и двинул прямо туда. На большой скорости штурмовое орудие избежало попадания. Затем оно резко остановилось.

— Огонь!

Снаряд полетел в сторону врага. Огненный цветок осветил утро. Правее выстрелила штурмовая гаубица, послав снаряд в один из невысоких домов, откуда палили пулеметы противника.

— Они там!

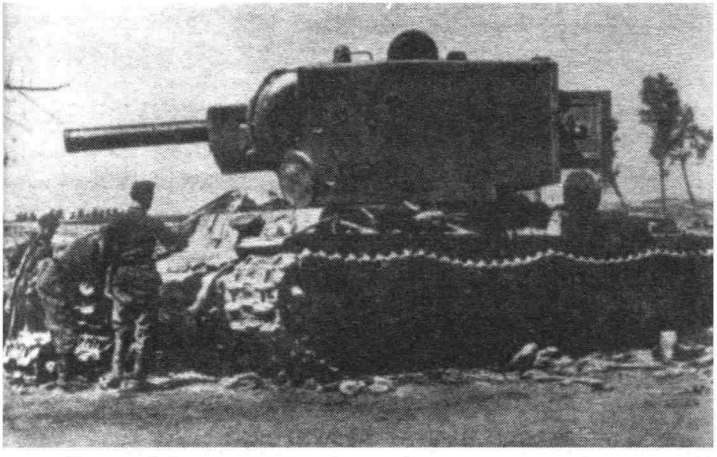
Красноармейцы устремились из домов. Бранднер отправил первый взвод на преследование убегавшего противника. Второй взвод занялся противотанковой пушкой. Тем временем Бранднер и третий взвод медленно продвигались. Снаряд за снарядом сметали дома. Нос Т-34 появился из-за груды обломков, не далее 80 метров впереди от штурмового орудия Бранднера. Прежде чем вражеский наводчик смог развернуть башню, первый снаряд «Феникса» врезался в русский танк. Однако снаряд не пробил броню и отскочил ввысь.

— Поверни левее, Рако! — прохрипел Бранднер.

Штурмовое орудие повернулось. Гремя и ревя, два стальных гиганта сблизились. Но затем «Феникс» переехал через забор и скрылся в переулке. Потом вновь развернулся. Он покатил за полуразрушенным коровником. Бранднер видел дым и слышал выстрелы его штурмовых орудий и нескольких Т-34.

— Направо, Рако. Хорошо — стоп!

Вахмистр Шранцль довернул ствол орудия. Затем слегка опустил его, беря на прицел вражеский танк. Снаряд ударил в корму Т-34 за мгновение до того, как тот начал двигаться. Открылся люк башни, из него вырвалось пламя. Потом взорвался боезапас.



Подбитый КВ-2

— Поворачивай, двигаем через деревню к восточной окраине!

Они покатили. Появился «Орел», следом за ним «Канюк». В десяти метрах позади ехал «Сокол».

— Движемся через восточную окраину! — приказал Бранднер по радио.

Позади штурмовых орудий появилась немецкая пехота. Они стреляли по отступавшим красноармейцам. Час спустя Олеское было очищено от противника. Пехота заняла русские позиции. Батарея Бранднера вернулась на сборный пункт. Через три часа русские неожиданно пошли в атаку, пытаясь отбить Олеское. Наступавшие силы были в размере полка, при поддержке танков.

* * *

— Бранднер, вы и ваша батарея пойдете ночью в Олеское.

— Да, господин майор. Но это не простое дело в слу-

чае окруженной деревни. Там еще держатся группы немецких солдат. Если мы по ошибке перестреляем их...

Майор Бур согласно кивнул.

— Чертовски трудная задача, Бранднер. Именно поэтому я выбрал вас. Вы знаете свое дело и понимаете, на что способны ваши штурмовые орудия. Если будут хоть малейшие сомнения в том, противник перед вами или нет, — не стреляйте. Огонь вести только в полной уверенности, что это враги.

Бранднер почувствовал груз ответственности, возложенный на его плечи. Тем не менее он был уверен, что сам и его солдаты выполнят задачу. Капитан отправился в расположение батареи, где командиры взводов уже ожидали его.

— Господа, мы отправляемся через час. Всем полностью заправить топливные баки и проверить полное наличие боеприпасов. Нам приказано атаковать Олеское и вызволить наших окруженных товарищей-пехотинцев.

Ровно через час Бранднер поднял правую руку. Двигатели штурмовых орудий, работавшие вхолостую, взревели. Взводы пошли вперед. В первой машине в люке стоял командир батареи.

Зепп Бранднер пытался увидеть что-нибудь в темноте перед его машиной. Со стороны Олеского слышались разрывы ручных гранат. Строчил «Максим», ему отвечал немецкий пулемет МГ-42 (1500 выстрелов в минуту).

— Они еще держатся, господин капитан. Мы можем их выручить, если придем вовремя.

— Мы придем вовремя, Шранцль. У нас нет другого выбора, кроме как ворваться в деревню и пройти как можно дальше.

— Всем — атакуем и идем вперед. Не позволяйте вас остановить. Стрелять только по опознанным целям.

Водители врубили третью скорость. Штурмовые орудия рванули вперед. Деревня становилась все ближе и ближе. Противник открыл огонь по командирской машине.

— Огонь по вражескому пулемету!

Второй снаряд поразил пулемет и отправил его в небеса. Затем штурмовые орудия въехали в деревню. Русские врассыпную бросились прочь. Три штурмовые гаубицы открыли по ним огонь. Неожиданно перед штурмовыми орудиями появились немецкие солдаты. Невзирая на вражеский огонь, Бранднер высунулся из люка.

— Справа! — крикнул ему пехотный лейтенант. — Снайперы на водокачке и на колокольне!

«Феникс» развернулся.

— Давайте за мной!

Лейтенант кивнул. Бранднер увидел впереди вспышки выстрелов с водокачки, которая была примерно восемь метров высотой. Русские затащили туда «Максим».

— Давай, Шранцль, максимальное возвышение. Целься в башню.

Ствол орудия поднялся на предельный угол. Затем первый снаряд врезался на метр ниже верхушки водокачки. Второй и третий снаряды легли рядом. В свете разгоревшегося пожара стали видны русские солдаты на башне. Они стали бросать ручные гранаты. Бранднер немедленно нырнул в люк.

— Стрелять быстрее!

Заряжающий Любиш прищемил палец. «Проклятие!» — прошипел он. Боль прошла по его руке. Тем не менее он зарядил очередной снаряд. Раковиц отвел машину на несколько метров назад. Там был небольшой склон, и нос орудия слегка приподнялся. Затем орудие выстрелило, и снаряд разнес верхушку водокачки. По-

следовал громкий взрыв, в воздух взлетели тела. Внизу раздались крики. Пулеметы и винтовки на земле продолжали стрелять.

— Давай! Следующий очаг сопротивления!

— Я проведу! — крикнул пехотный лейтенант капитану Бранднеру.

«Феникс» двинулся. Остальные штурмовые орудия также пошли на противника. Деревню сотрясали выстрелы, давая понять окруженным немецким солдатам, что спасение близко. «Феникс» проехал мимо воронки от разрыва снаряда, откуда раздался радостный крик:

— Это Бранднер! Наш Зепп здесь!

Начало стрелять противотанковое орудие, затем пулеметы.

— Они здесь, за стеной! — прокричал пехотный лейтенант.

— В укрытие! — крикнул Бранднер. В этот момент он увидел штурмовое орудие южнее по улице. Это была машина вахмистра Шпонзеля.

— Командир — «Канюку»! Атакуйте противотанковое орудие передо мной, конец связи.

В наушниках послышался голос Шпонзеля: «Цель вижу. Атакую». Капитан Бранднер увидел, как развернулась машина вахмистра. Обстрелянная с двух сторон, советская пушка вскоре замолкла. Штурмовые орудия прошли через пулеметные позиции. Три красноармейца бежали к машине Бранднера. Они несли подрывные заряды.

Капитан Бранднер схватил свой карабин. Он выстрелил не целясь. Мощный взрыв разорвал первого врага на куски, но остальные продолжали бежать. В этот момент рявкнула пушка Шпонцеля. Бронебойный снаряд пронзил второго красноармейца. Его подрывной заряд взорвался, убив третьего русского. Пять минут спустя штурмовые орудия достигли восточной окраины

деревни. Некоторые из врагов бежали, но другие оставались в домах. Штурмовые орудия остановились, чтобы провести краткое совещание.

— Что будем делать, командир? — спросил лейтенант Кирхнер, командир второго взвода.

— Придется ждать рассвета. Мы сможем помочь нашим товарищам, когда сможем лучше видеть.

— Проклятие, иваны стреляют в деревне.

В Олеском рвались снаряды, сметая то, что еще не было разрушено. Прошло несколько часов. Когда первые проблески рассвета появились на востоке, Бранднер обратился к своим командирам взводов:

— Я иду на разведку назад в деревню. Если не вернусь, обер-лейтенант Вагляйтнер примет командование батареей и поведет ее назад.

Прежде чем кто-нибудь мог возразить, Бранднер подошел к «Фениксу». Голова Любиша торчала из люка заряжающего.

— Едем, командир!

— Смотри, Любиш! В деревне еще могут быть снайперы.

Но сам Бранднер не мог прятаться в безопасности. Он должен был разведать вражеские позиции. Вокруг свистели пули. Бранднер спустился в машину и закрыл люк. Не расслабляться — сказал он себе. Он нес ответственность за трех остальных членов экипажа и за всех немцев, оказавшихся в ловушке в Олеском. Бранднер не видел противника. Но он слышал стрельбу из винтовок и пулеметов. Затем увидел несколько фигур в наскоро отрытом окопе. Они махали руками и кричали: «Товарищи, помогите нам!»

— Это раненые, Любиш. Мы с тобой пойдем к ним. Шранцль, продолжаешь стрелять. Целься по пулемету.

Капитан Бранднер выпрыгнул из люка. Когда он оказался на земле, Любиш уже был рядом. Очередь за-

ставила их залечь. Затем они услышали выстрел орудия «Феникса», который уничтожил вражеский пулемет.

Они подползли к раненым. Оберфельдфебель, с Золотым Германским Крестом и Золотым Знаком за ранения, выполз навстречу.

— Господин капитан, у нас нет санитаров. Они погибли этой ночью. А мы не можем больше держаться — боеприпасы почти кончились.

— Сколько вас? Кто может идти сам?

— Шестеро, все ранены; ни один не может передвигаться сам.

— Тогда мы вас вывезем.

— Спасибо, господин капитан.

Один из молодых солдат начал рыдать. Но он почти сразу же замолк, устыдившись проявления своих чувств.

— Давай, Любиш, этого парня — первым.

Они подняли тяжело раненного солдата, пригнувшись, добежали с ним до «Феникса» и положили его на корму штурмового орудия. Раздались выстрелы. Стрелял раненый оберфельдфебель. Бранднер и Любиш подошли, чтобы забрать его, но он отмахнулся:

— Сначала моих солдат! — прохрипел он и вновь стал стрелять по вспышкам вражеского пулемета. В конце концов всех раненых, включая оберфельдфебеля, погрузили на штурмовое орудие. Зепп Бранднер надел наушники и ларингофон.

— «Феникс» — всем. Мы отходим. Двигайте медленно назад и забирайте раненых! Конец связи.

Бранднер высунулся из люка и увидел глаза тяжело раненного солдата. В них блестели слезы.

— Вы вывезете нас, господин капитан?

— Конечно, сынок, — капитан Бранднер увидел, как глаза молодого солдата озарились радостью. Из люка заряжающего показалась голова Любиша.

— Ты спятил, Любиш?

— Но ваша голова тоже снаружи, командир. Два человека могут видеть больше, чем один. Мы не хотим оставить здесь кого-то из наших товарищей.

Капитан Бранднер промолчал. Таков уж был этот Любиш... Они катили между дымящимися развалинами. Там оставались гнезда снайперов. Штурмовые орудия доложили по радио. Все они подобрали раненых. Зепп Бранднер постоянно оглядывал местность через «ножницы», в то время как Любиш смотрел по сторонам из люка.

— Командир, там кто-то есть!

— Где, Любиш?

— За разбитым домом. Два человека. Они махали нам, чтобы мы их забрали.

— Поверни немного, Рако!

Штурмовое орудие развернулось. Вахмистр Шранцль продолжал стрелять в центр дьявольского котла, которым стала эта деревня. Затем они остановились возле раненых. Капитан Бранднер и обер-ефрейтор Любиш вылезли из машины еще раз. Они подобрали двух раненых с самодельными повязками.

«Феникс» вновь покатил. Раковиц тщательно объезжал завалы. Был уже полный день. Кроваво-красный шар солнца поднялся над горизонтом. Когда они выехали на открытую местность, Бранднер сказал заряжающему: «Будь осторожнее, Любиш!» Но тот продолжал оглядывать окрестности из люка. Бранднер хотел повторить свое предупреждение, когда спереди раздался выстрел. Любиша развернуло, и Бранднер увидел небольшую дырку в его лбу, из которой сочилась кровь.

— Любиш! — отчаянно крикнул Бранднер. — Любиш!

Но обер-ефрейтор, который был с ним с начала войны, не мог ответить. С мертвым товарищем внутри

и восемью ранеными на броне «Феникс» приехал на приемный медицинский пункт. Они осторожно разгрузили машину. Вновь увидели благодарные взгляды спасенных товарищей по оружию. Остальные штурмовые орудия также вернулись, нагруженные ранеными. Затем личный состав батареи простился со своим товарищем Любишем. Они похоронили его в русской земле.

* * *

— Всем — на выход! Быстро!

Капитан Бранднер проходил по домам, будя своих подчиненных.

— К орудиям. Нам объявлена предварительная готовность!

Все батареи бригады были подняты по тревоге. Экипажи залезали в машины и ждали дальнейших приказаний.

— Известно что-то конкретное, господин капитан? — спросил обер-ефрейтор Виммер, заменивший Любиша на месте заряжающего.

— Отступающие говорят, что русские наступают и готовятся нас обстрелять.

— Ну, если они не врут...

С фронта ударили русские «катюши». Реактивные снаряды сметали дома и за секунды превратили сборный пункт в ад.

— Значит, они не врали...

— Я предпочел бы сейчас быть в маленьком окопе, а не в этой стальной коробке, — заявил вахмистр Шранцль.

— Я тоже, Шранцль, — признался Бранднер.

По радио донесся голос командира бригады: «Вни-

мание, вражеские танки! Первая и вторая батареи отправляются и встречают их в лоб. Третья батарея и штаб стоят и ждут моего приказа. Остальным — счастливой охоты!»

— Охота — это хорошо, — пробормотал Виммер. — Пока на нас не начнут охотиться.

Вскоре послышался шум двигателей. Советские танки пытались преодолеть основную линию немецкой обороны и прорваться, чтобы обеспечить проход своей пехоте.

— Батарея, вперед!

Бранднер повел свою батарею, стоя в люке. За его машиной шли девять штурмовых орудий и три штурмовые гаубицы. Прогремел второй залп «сталинских орга́нов», так, что заложило уши. Один из реактивных снарядов упал не далее тридцати метров от «Феникса». Бранднер поспешно спустился в машину и закрыл люк. Затем почувствовал удар по борту штурмового орудия. Он вновь высунулся из люка. К счастью, гусеница не была повреждена. Штурмовое орудие катило вперед.

— Командиры машин — прием. Есть повреждения?

Последовали доклады. Никто не имел повреждений. Но теперь, в предрассветном свете, впереди стали видны вражеские танки.

— Несколько КВ-1 перед нами.

— Двенадцать Т-34 атакуют. За ними пехота.

Зепп Бранднер приказал развернуться, как только услышал доклад лейтенанта Кирхнера. Т-34 появились из утреннего тумана. Началась дуэль между штурмовыми орудиями и танками. Поле боя осветилось вспышками орудийных выстрелов.

«Феникс» катил то вправо, то влево. Когда появлялась цель — он бил по ней из своей длинноствольной 75-миллиметровки. За несколько минут не менее две-

Зепп Бранднер дает приказ из своего штурмового орудия

надцати вражеских танков были сожжены бригадой. Атака противника была остановлена. Советские танки отступили. Командир бригады двинул вперед третью батарею, которая встретила ожесточенное сопротивление со стороны русских тяжелых танков КВ-1, которые подбили три штурмовые орудия. Однако и там противник отступил.

* * *

Когда в мае 1943 года стало ясно, что противник планирует крупное наступление против Группы армий «Юг», было решено провести операцию «Цитадель», которая уже давно готовилась. Еще 18 апреля 1943 года фельдмаршал фон Манштейн рекомендовал начать эту операцию как можно раньше, чтобы предотвратить угрозу вражеского наступления в направлении Донбасса.

Гитлер приказал всем генералам, которым предстояло участвовать в операции «Цитадель», прибыть в его ставку в Растенбурге 1 июля 1943 года. Там он объявил, что операция начнется 5 июля.

Наступление на позиции двух советских фронтов началось 5 июля 1943 года. 9-я армия Группы армий «Центр» первоначально имела хорошие успехи, продвинувшись в первые дни наступления на двенадцать километров. Но затем 9-я армия под командованием Моделя была остановлена. А противник контратаковал 2-ю танковую армию и прорвал фронт на трех участках. 9-й армии пришлось разворачивать часть своих сил против этой угрозы. 13 июля 1943 года фельдмаршал фон Клюге и фельдмаршал фон Манштейн были вызваны в ставку фюрера. Выслушав Манштейна, Гитлер распорядился прекратить операцию «Цитадель».

Но это не означало прекращения боев на этом участке фронта. Совсем наоборот! Советские войска упорно стремились прорвать фронт. Все немецкие части были задействованы в оборонительных боях, и среди них была и 202-я бригада штурмовых орудий.

* * *

— Капитан Бранднер!

— Что такое?

— Посыльный, командир, — доложил Шранцль,

прибежавший на командный пункт. За ним следовал солдат.

— Давайте, — капитан Бранднер взял бумагу у запыхавшегося посыльного и прочитал:

«Посное занято русскими войсками. Немецкий опорный пункт окружен. Второй батарее — прорваться туда. Стрелять по всем видимым целям. Наши солдаты укрываются в дзотах».

— Спасибо. Каммлер, напишите ответ, что приказ выполняется.

Через пять минут по тревоге батарея покатила в сторону Посного. Впереди шла командирская машина, капитан Бранднер стоял в люке. Его штурмовое орудие уже уничтожило 38 вражеских танков. Когда впереди появились какие-то фигуры, он пригнулся.

— Пароль! — крикнул Бранднер. Ответа не последовало.

— Огонь!

Штурмовые орудия выстрелили фугасными снарядами. Это стало началом ночного боя.

— Всем орудиям — вперед и вести огонь!

Одно за другим штурмовые орудия вступали в бой.

По радио прозвучал голос вахмистра Шпонцеля, с правого фланга: «Советские убегают, командир!»

— Наступайте на малой скорости и займите деревню!

Зепп Бранднер никак не мог разглядеть старую линию обороны. Ничего не было видно. Затем одно из штурмовых орудий попало на мину. Услышав взрыв, Бранднер приказал остановиться. Проходил час за часом. Ничего не было слышно, кроме стрельбы артиллерии с обеих сторон. Наконец рассвело. Через «ножницы» Бранднер разглядел церковь и на въезде в деревню — противотанковое орудие!

— Шранцль, 300 метров впереди, противотанковое орудие.

Просвистел первый снаряд, и Виммер зарядил второй.

— Попали!

В тот же момент орудие выстрелило в их левый борт. Снаряд сбил бортовой лист брони.

— Сдай немного назад, иначе мы не достанем другого врага.

«Феникс» покатил задним ходом. Раковиц, опытный водитель, сразу же переключил передачу. Затем мощный удар сотряс «Феникса». Четыре человека в штурмовом орудии вскрикнули одновременно. И стали выбираться наружу. Они были уверены, что машина может взорваться в любой момент. Экипаж стал вылезать через люки, а штурмовое орудие продолжало катиться назад.

Бранднер спрыгнул на землю. Русская пехота вела частый огонь во все стороны. Штурмовое орудие по-прежнему само по себе двигалось назад и давало экипажу какую-то защиту.

— Проклятие, оно катится в большую воронку, командир!

Под огнем вражеской пехоты Бранднер запрыгнул в машину и выключил зажигание. «Феникс» остановился перед воронкой.

Остальные штурмовые орудия успешно теснили противника. Немецкая пехота, шедшая за ними, пришла на выручку окруженному экипажу. Вечером приехали тягачи и вытащили подбитые машины, в том числе и «Феникса». За ночь он был отремонтирован и к утру готов к бою.

Два дня спустя противник вновь попытался прорвать фронт. В полосе 2-й батареи наступали двадцать вражеских танков. За ними шла советская пехота.

— Не стрелять, пока я не дам приказ, — радировал Бранднер.

— Противник уже достиг пехотных окопов, командир, — послышался голос обер-лейтенанта Вегляйтнера, командира первого взвода.

— Пусть идут, Вегляйтнер!

У Бранднера было искушение начать контратаку, поскольку он понимал, каково приходится пехотинцам, через окопы которых проезжают Т-34. Но он все-таки хотел применить свой тактический прием, основанный на эффекте неожиданности. Он видел, как немецкие пулеметчики отчаянно палят по головному русскому танку. Пули без всякого вреда отскакивали от брони. Бранднер закрыл люк. Затем прочистил горло.

— Атакуем!

Штурмовые орудия одновременно выехали из укрытий. «Феникс» занялся головным танком, соревнуясь с ним в быстроте стрельбы. Два снаряда поразили танк, и Т-34 остановился и вспыхнул. Штурмовое орудие катило вперед, Зепп Бранднер направлял водителя. Он увидел Т-34, который разрушал окоп. Танк подставил свой борт. Первый выстрел разбил ему гусеницу, танк накренился. Второй выстрел поджег его двигатель.

Штурмовые орудия на полной скорости прошли позиции немецкой пехоты. Солдаты в окопах приветственно махали им руками. «Феникс» уничтожил еще три Т-34. Затем они достигли деревни. Там вступила в бой пехота. Однако с потерей танков советское наступление захлебнулось. Когда Зепп Бранднер вернулся на сборный пункт, его приветствовал майор Бур.

— Бранднер, я горжусь вами. Вы в очередной раз отразили вражескую атаку.

16 сентября 1943 года капитан Бранднер был награжден Золотым Германским Крестом за этот бой.

* * *

Не знаю, Зепп, но, думаю, мы здесь уже ничего не добьемся. Время упущено.

Обер-лейтенант Вегляйтнер поднял свой стакан и посмотрел на кристально прозрачную водку. Потом вопросительно взглянул на товарища. Капитан Бранднер кивнул.

— Боюсь, что ты прав. Наше наступление провалилось, теперь иваны контратакуют, и у них множество танков.

— Тогда почему мы позволяем гробить нас, вместо того, чтобы вовремя отступить?

— Черт побери, Кирхнер, мы не можем отходить, пока наша пехота еще лежит в грязи на линии фронта. Мы отойдем, это несомненно. Но мы не можем уйти, пока другие части еще держатся.

— Да, это понятно. Когда требуется огневая поддержка, они вызывают штурмовую артиллерию.

— И конкретно Зеппа, — высказался вахмистр Шпонзель. Зепп Бранднер отмахнулся.

— Не мели чушь! Каждый из вас делает то же, что и я. У всех орудий на стволах множество победных колец.

Вошел майор Бур, и лейтенант, сидевший с краю, крикнул: «Смирно!»

— Собирайтесь. Иван прорвался и уже идет по главной дороге западнее Орла. Нам приказано прикрывать наши отходящие части. Там будет жарко. 1-я батарея займет перекрестки, 2-я — середину, 3-я будет левее. Штаб бригады остается на сборном пункте.

Майор Бур проинструктировал командиров батарей, затем встал.

— Мы должны сделать все возможное. Отправление через десять минут. Загрузите по 120 снарядов.

* * *

— Ничего не слышу, командир. Дивизионная штурмовая группа, которая должна была сообщить нам, когда отход будет завершен, похоже, просто исчезла.

— Мы должны ждать, Вегляйтнер.

— Проклятие, мы здесь последние. Остальные две батареи уже получили приказ на отход. Почему Старик еще не отозвал нас?

— Потому что мы должны оставаться здесь, я думаю.

Капитан Бранднер медленно ходил вокруг своей машины. Штурмовая группа должна была уже давно появиться. Он подумал — не дать ли приказ отходить. Но отмел эту мысль. Позади еще могли оставаться немецкие подразделения, которым грозило окружение...

Батарея ушла только на рассвете. Не было никаких признаков немецких войск. Теперь не осталось сомнений, что они действительно последние. Штурмовые орудия проехали около километра и достигли железнодорожной линии. Вдруг с другой стороны насыпи послышался звук танковых двигателей.

— Батарее — развернуться в цепь за насыпью! — Бранднер повернулся к водителю: — Рако, давай наверх.

Двигатель «Феникса» взревел. Штурмовое орудие проворно взобралось на насыпь. Через «ножницы» Бранднер увидел деревню и перед ней — танки. Много танков.

— Командир — всем! Восемнадцать Т-34 впереди нас. Мы не получим подкрепления. Открывать огонь по моему приказу.

Раковиц направил командирское штурмовое орудие вниз с насыпи, по выемке, в направлении противника. Вражеские танки двигались плотной группой.

— Командир — всем: езжайте на сто метров западнее за насыпью. По моему приказу атакуйте в северном направлении через нее. Конец связи.

«Феникс» наступал в одиночку. Шум двигавшихся Т-34 становился все громче. Неужели они до сих пор не услышали звук двигателя штурмового орудия?

— Еще немного газу, Рако! — Штурмовое орудие прибавило скорость. Зепп Бранднер приказал немного повернуть. Машина стала выбираться из выемки. Через перископ командир четко видел башни Т-34.

— Мы сейчас поднимемся наверх. Дистанция до противника — 800 метров, Шранцль!

Вахмистр подготовил орудие к стрельбе. Заряжающий Виммер был готов зарядить следующий бронебойный снаряд.

— Поворачивай — и наверх! — «Феникс» выскочил из выемки. Когда ствол орудия принял горизонтальное

Этот Т-34 завалился набок, когда в него попали

положение, наводчик увидел, что следует его лишь слегка довернуть.

— Огонь!

Бронебойный снаряд врезался в решетку над мотором переднего советского танка. Т-34 запылал.

— Командир — всем! Стрелять самостоятельно!

«Феникс» с рычанием двинулся по дуге, чтобы взять на прицел следующий Т-34. В это время остальные штурмовые орудия перебрались через насыпь. Они зашли во фланг Т-34 и открыли огонь с расстояния 1000 метров. На поле боя царил ураган стали и огня. Это вовсе не было поединком между штурмовыми орудиями и Т-34. Русские были захвачены врасплох. Уже первые выстрелы штурмовых орудий уничтожили несколько Т-34. Около двенадцати танков дымили на равнине. Остальные повернули назад. Одно обездвиженное штурмовое орудие, потерявшее гусеницу, было расстреляно двумя другими орудиями батареи. Советские танки поспешно отступали, но третий взвод преследовал их на максимальной скорости. Вновь загромыхали пушки штурмовых орудий. Пламя взметнулось в небеса. Бой был окончен. Семнадцать Т-34 были уничтожены или подбиты.

— Всем собраться! Двигаем на запад!

Батарея покатила в тыл. Через час показалась окраина селения.

— «Орел» — «Фениксу»! Русский КВ-1 виден на въезде в деревню!

— Прими правее, Рако! — вглядываясь через перископ, Бранднер увидел русский танк. Видимо, его экипаж тоже заметил штурмовые орудия, поскольку развернулся и покатил назад.

— За ним! Огонь! — капитан Бранднер замолк, увидев на холме левее деревни множество вражеских тан-

ков. Они перестраивались в цепь, чтобы отрезать немцам путь к отступлению.

— Будут нас брать! — сказал Зепп Бранднер безнадежно.

— Мы должны прорваться, командир!

— Да, Рако, должны. Но мы окружены иванами. Что бы там ни было — двигай на запад!

Штурмовые орудия ушли от погони и через несколько минут достигли равнины, которую пересекали окопы. Зепп Бранднер уже был готов отдать приказ об открытии огня, но увидел, что солдаты в траншеях приветственно машут руками.

— Не стрелять, это наши!

Они подъехали к окопам. Из укрытия появился артиллерийский капитан, он подошел к командирской машине.

— Вы пришли вовремя. Нас отрезали. Я — капитан Громель.

Зепп Бранднер назвал себя. Он улыбался, полагая эту ситуацию комичной. Капитан Громель тоже усмехнулся.

— Где ваши пушки, Громель?

— Все разбиты этой ночью. Нам пришлось драпать сюда.

— Есть тут еще наши части?

— Нет, Бранднер, мы — последние.

— Ладно, сажайте своих солдат на штурмовые орудия. Пусть держат наготове стрелковое оружие, на случай, если нам придется прорываться через русскую пехоту.

Артиллеристы вскарабкались на машины. Им пришлось потесниться, поскольку на каждом штурмовом орудии было от восьми до десяти солдат. Батарея двинулась.

Пользуясь своим компасом, капитан Громель опре-

делял нужное направление движения. Штурмовые орудия быстро катили по открытой степи, направляясь на запад. Затем они приблизились к шоссе. По нему на запад шли советские танки, орудия и колонны снабжения. Батарея свернула в сторону от дороги. Судя по всему, противник их не заметил.

— Впереди лес. Пойдем через него. Согласно карте, за лесом — две дороги, ведущие на запад.

Штурмовые орудия приблизились к опушке леса. Затем лейтенант Кирхнер прокричал по радио: «Орел» — «Фениксу»! Русские среди деревьев!»

— Эй, Бранднер, это всего лишь русские тыловые части, — сказал капитан Громель, наблюдавший за противником в бинокль. — Они не смогут задержать нас!

— Командир — всем: идем через лес, огонь из всего оружия!

Машины прибавили ходу, катя к лесу со скоростью 35 километров в час.

— Впереди советский бензозаправщик. Открыть огонь с 500 метров!

Они мчались прямо на грузовик-цистерну, которая росла в прицеле орудия. Первый выстрел был произведен точно с дистанции 500 метров. Мощный взрыв разнес цистерну, в небо вздыбились белые языки пламени. Почти одновременно начали стрелять остальные штурмовые орудия. Солдаты на броне видели, какой урон противнику наносит каждый снаряд.

— Приготовить пулеметы! — крикнул капитан Громель.

Затем они оказались в пекле. Повсюду был огонь. Взорвался грузовик с боеприпасами, осколки полетели во все стороны. Застрочили пулеметы, усилив стоявший грохот. Два «Максима» открыли огонь, и двое артиллеристов, ехавших на «Соколе», упали на землю, смертельно раненные.

— Поворачивай, поворачивай, огонь!

Снаряд попал между двумя стоявшими пулеметами и заставил замолчать обоих. «Сокол» остановился. Несколько солдат спрыгнули с него и подобрали раненых. Машина двинулась дальше.

Часом позже они оставили лес позади. Капитан Громель сказал: «Мы почти достигли линии фронта».

Они ехали вдоль основного шоссе. Вскоре стало ясно, насколько далеко продвинулся противник за последние сутки. Справа от батареи русские колонны двигались по дороге. Штурмовым орудиям нужно было пересечь эту дорогу, чтобы добраться к своим.

Провели краткое совещание. «Почему бы нам просто не пробиться, открыв огонь из всех орудий, командир?» — предложил лейтенант Кирхнер.

— Это было бы глупостью в нашей ситуации. Противник расстреляет нас из танков. Нужно действовать по-другому.

Один из солдат, наблюдавший за обстановкой, прокричал: «Командир, командир, самолеты!»

— У нас будут проблемы, если это русские штурмовики.

— Почему бы не предположить, что это «Юнкерсы»? — спросил капитан Громель.

— Хотел бы надеяться, Громель.

— Расстелить опознавательные полосы, чтобы они не разбомбили нас, — приказал капитан Бранднер.

Когда приближающиеся самолеты были точно опознаны как «штуки», на земле лежали опознавательные полосы. Увидев их, самолеты качнули крыльями и направились к шоссе.

— Значит, у нас есть еще немного авиации, — объявил обер-ефрейтор Виммер.

Один за другим пикирующие бомбардировщики ударили в восточном направлении. Их жуткий вой со-

провождался грохотом взрывавшихся бомб. Отбомбившись, «штуки» прошли как штурмовики над дорогой, поливая ее огнем из бортового оружия. Экипажи штурмовых орудий видели трассы очередей и горящие на шоссе машины.

— Двигаем через дорогу, пока колонна остановлена!

Штурмовые орудия пересекли шоссе без единого выстрела. «Штуки» пришли как раз вовремя. Через два часа батарея с артиллеристами капитана Громеля добралась до немецкой линии обороны.

Адъютант бригады приветствовал командира батареи словами: «Бранднер, за это вам полагается Рыцарский Крест!» Зепп Бранднер лишь пожал плечами. Он был рад привести своих людей в безопасное место. Рукопожатия его боевых товарищей-артиллеристов были для него самым высоким признанием его заслуг.

* * *

— Бранднер, Сумы взяты советскими войсками. Вам приказывается наступать вместе с пехотой и отбить город.

Зепп Бранднер, принявший командование 202-й бригадой штурмовых орудий вместо раненого командира, кивнул. Начальник штаба дивизии, к которой придали бригаду, объяснил обстановку. Пять минут спустя бригада отправилась в направлении Сум, неся на броне пехотинцев.

Штурмовые орудия ворвались в Сумы, расчищая путь пехоте. Они катили через обломки зданий и разбитые противотанковые пушки противника. Вахмистр Шпонцель уничтожил еще четыре Т-34. За этот подвиг он был награжден Золотым Германским Крестом. Однако немецкое наступление было остановлено перед железнодорожным вокзалом, где противник вкопал

танки и поставил противотанковые орудия за прочными стенами. Битва стала затяжной. Штурмовые орудия сражались день за днем. Им отвечали советские пушки. Отвоеванное советскими войсками за ночь приходилось возвращать с утра.

Несколькими днями ранее на лобовой броне штурмового орудия капитана Бранднера были помещены череп и скрещенные кости, найденные в медучилище. Шранцль, мастер на все руки, установил внутри черепа фонарь, и теперь во время ночных боев в Сумах мертвая голова освещала путь командирской машины. Результат был впечатляющим. Возглавляемая капитаном Бранднером 1-я батарея проникла в глубь советских позиций. Стреляя из всех орудий, даже не видя целей, штурмовые орудия продвигались вперед. Среди русских солдат возникла паника, они бежали из своих укрытий и окопов, преследуемые пулеметным огнем пехоты с брони штурмовых орудий. Стало возможным занять новую линию обороны, причем без особых трудностей.

Эти бои продолжались еще несколько дней. Все лето 202-я бригада провела в районе Сум. Затем немецкие войска были отведены в направлении Киева.

* * *

Между 26 августа и 4 сентября 1943 года советские войска глубоко прорвались на фронте Группы армий «Центр» в направлении Конотоп — Нежин. В конце сентября они достигли Днепра, в районе Припяти. Затем, в середине октября, советские войска начали форсировать Днепр между Днепропетровском и Кременчугом. В начале ноября советские дивизии подошли к Киеву.

— Всем батареям занять позиции в северной части

города. Удар противника ожидается с севера. Мы должны остановить их там, чтобы обеспечить отход дивизий из Киева и его окрестностей.

Капитан Бранднер присутствовал на дивизионном совещании, вместе с командирами других подразделений. Он по-прежнему исполнял обязанности командира бригады.

Когда началось обсуждение ситуации, Зепп Бранднер попросил разрешения высказать предложение. Генерал взмахом руки дал позволение.

— Прошу разрешения разместить мои батареи на западной окраине города. По данным авиаразведки, русские наводят понтонный мост в излучине Днепра. Если они переправятся там, то смогут внезапно ударить и блокировать Киев с западной стороны. Наши войска окажутся в ловушке.

Panzer IV в излучине Дона в 1942 году

Генерал отверг это предложение: «Это абсурд, Бранднер. Это совершенная нелепость».

Но Зепп Бранднер провел в России уже много времени. Он хорошо знал тактику русских. Поэтому по собственной инициативе направил 1-ю батарею на западную окраину. Тем временем, хотя ситуация становилась все более критической, жизнь в Киеве продолжалась как обычно. Залы кинотеатров были заполнены. Никто не ожидал, что советское наступление начнется скоро.

Вечером 3 ноября Зепп Бранднер отправился в западную часть города на командирском «Хорьхе», в сопровождении двух штурмовых орудий. Лейтенант Мах, проводивший передовую разведку на своем штурмовом орудии, доложил исполнявшему обязанности командира бригады.

— Ну что, Мах, по-моему, ситуация все больше воняет тухлятиной. Как вы думаете? — сказал Бранднер.

— Несомненно, они придут в одну из ближайших ночей. Может, даже сегодня ночью. Тогда...

Лейтенант замолк на полуслове, увидев немецкие машины, на бешеной скорости приближавшиеся с севера.

— Проклятие, там что-то случилось! В «коробку», Мах! Приведите свою батарею в боевую готовность!

Капитан Бранднер подбежал к «Хорьху» и запрыгнул на сиденье. Колонна машин промчалась мимо, а спустя секунды стал слышен шум танковых моторов.

— Это русские, командир, — передал по радио лейтенант Мах.

— Приготовиться!

Появился мотоцикл с коляской. Капитан Бранднер махнул ему рукой, чтобы остановить, но мотоциклист умчался в Киев. Все громче слышались звуки приближавшихся танков. Потом появился первый из них.

— Т-34. Я отъеду на безопасную позицию. Мах, вы берете первого, Шпонзель — второго, когда он появится.

Вахмистр Шпонзель, орудие которого стояло в пятидесяти метрах позади, на обочине, подтвердил получение приказа. «Хорьх» отъехал за перевернутый трамвай, чтобы не быть на виду у противника.

— Проклятие, почему не стреляет лейтенант Мах?

— Возможно, он не видит Т-34 из-за дыма. А, вот он едет!

Затем вахмистр Шпонзель закричал: «Правее, лейтенант, или вы протараните меня!»

Капитан Бранднер выглянул из-за трамвая. «Черт побери, Шпонзель, это был иван!»

Теперь Шпонзель понял свою ошибку, но советский танк уже проехал мимо.

— Догони его, Шпонзель, и уничтожь!

Штурмовое орудие развернулось и бросилось в погоню за Т-34. Остальные машины заняли блокирующие позиции, перекрыв улицу.

— Поехали, Хёрих, мне надо вернуться в город, чтобы узнать обстановку, — сказал Бранднер водителю.

«Хорьх» направился в Киев. Через километр капитан Бранднер приказал остановиться. У него было странное ощущение, что приближается опасность. Со связкой гранат и пистолетом в руке Зепп Бранднер покинул машину. Водитель последовал за ним, тоже достав пистолет. Шаг за шагом они продвигались в темноте. Через 200 метров услышали звук двигавшегося танка. Капитан и водитель замерли как вкопанные. Затем они услышали приглушенные голоса, отдававшие приказы по-русски.

— Это Т-34, командир.

Бранднер кивнул и молча пригнулся к земле. Он уже собирался бросить во вражеский танк связку гра-

нат, когда услышал голос Шпонзеля: «Черт! Он ушел от нас!»

Бранднер чуть не уничтожил одно из своих штурмовых орудий. Должно быть, русские голоса были плодом его воображения. Он назвал себя и вышел из укрытия.

— Пойдем, Хёрих. Шпонзель, продолжайте. Как только увидите Т-34, уничтожьте его. Он где-то в городе.

Командир бригады поехал в город. Кинотеатры только что опустели. Машину остановила военная полиция. Бранднер известил удивленных патрульных, что где-то в городе бродит русский танк. Затем он поехал в свою бригаду. За час до рассвета на западной окраине Киева загремели пушки советских танков. Бранднер направил туда еще одну батарею штурмовых орудий. Сам он поехал на командный пункт дивизии.

Генерал первый делом спросил: «Бранднер, что происходит на западе города?»

— Все под контролем, господин генерал. Моя 1-я батарея уже сражается против Т-34.

— То есть вы послали туда батарею по собственной инициативе?

— Так точно, господин генерал.

— Вы предотвратили катастрофу. Бранднер, я даже не знаю, как вас отблагодарить.

Через три минуты Бранднер, на этот раз на своем командирском штурмовом орудии, был на пути в западную часть города. Поступили первые доклады об успехах. На западной окраине были подожжены восемь Т-34 и бронемашина. Немецкие войска в Киеве были подняты по тревоге. Загружались железнодорожные составы. Тыловые части уже покидали город по нескольким дорогам. Штурмовые орудия капитана Бранднера не дали советским танкам перерезать пути отхода немцев из Киева, предотвратив тяжелые потери и неизбежный хаос окружения.

Генерал представил Зеппа Бранднера к Рыцарскому Кресту, однако бумаги были уничтожены в результате артиллерийского обстрела. Но имя Бранднера все-таки попало в почетный список Вермахта и он получил соответствующий нагрудный знак. К этому времени Бранднер уничтожил пятьдесят танков противника, а 202-я бригада достигла больших успехов под его командованием.

В феврале—марте 1944 года 1-й Украинский фронт начал мощное наступление с целью перерезать немецкие коммуникации и окружить и уничтожить германские войска, еще державшиеся на нижнем Днепре. Несколько немецких частей, в том числе 202-я бригада штурмовых орудий, были отправлены на юг, чтобы предотвратить эту угрозу.

Возле Калараши-Таг, на шоссе Кишинев — Яссы, бригада встретила румынские части, которых должны были поддерживать штурмовые орудия. Каждый день были небольшие бои, со дня на день ожидалось начало советского наступления.

26 апреля 1944 года советские войска атаковали из Молдавии силами двадцати стрелковых дивизий и нескольких танковых бригад. Всеми способами они пытались прорвать немецко-румынскую оборону. В случае выхода в долину Серет Красной Армии открылся бы путь в Румынию и к нефтепромыслам Плоешти. В этих боях русские впервые применили 45-тонные танки «Иосиф Сталин» (ИС-2).

— Внимание, командир — всем! Ждать моего приказа. Ни в коем случае не оставлять сборный пункт

Командиры взводов подтвердили получение прика-

за. Вокруг рвались русские снаряды. Вдруг раздался удар по люку. Бранднер взял свой автомат и открыл люк. Он увидел смуглого солдата в униформе цвета хаки.

— Иван! — закричал капитан Бранднер, поднимая автомат. Солдат тут же поднял руки.

— Я не русский, я румын! — крикнул он. Зепп Бранднер опустил оружие и глубоко вздохнул.

Рассмотрев знаки различия румына, Бранднер спросил: «В чем дело, капитан?»

— Пожалуйста, следуйте за мной на командный пункт нашей дивизии. Мы хотим скоординировать предстоящую контратаку.

Зепп Бранднер пошел за румынским офицером. На командном пункте он изложил свои планы. На рассвете его бригада будет прорываться в село Каркула, выбьет оттуда русских и затем возьмет высоту за деревней, с которой советские наблюдатели корректируют огонь своей артиллерии. Румынская пехота должна наступать вместе со штурмовыми орудиями, занять высоту и препятствовать любым попыткам противника отбить ее. Атака должна начаться в 4 часа утра.

Бригада выступила в полном составе. Ревя двигателями, штурмовые орудия покатили в боевом порядке в направлении села. Начали стрелять противотанковые орудия противника. Затем открыли огонь штурмовые орудия, посылая снаряды в ответ. Деревня быстро приближалась. Бранднер видел, что румынская пехота отстает.

В селе было жарко, как в аду. Штурмовые орудия били по очагам сопротивления. Русские солдаты, пытавшиеся приблизиться к немецким машинам, уничтожались пулеметным огнем. Затем противник стал отступать. Бригада пошла в погоню. Те из русских, кто не мог бежать, сдавались. Однако вражеская артиллерия начала обстрел села с близлежащих высот.

— Вперед, парни!

Вновь «Феникс» пошел впереди бригады. С высот били 76-мм орудия. Немецкие машины уворачивались от выстрелов, меняя курсы, а затем они достигли дефиле, где вражеский обстрел не мог достать их. Дефиле переходило в овраг, ведущий к нужной высоте.

— Пойдем здесь, Рако. Первая батарея — следовать за мной. Стрелять по противотанковым орудиям, как только мы зайдем им во фланг.

Достигнув гребня холма, они услышали слева стрельбу противотанковых орудий, которые продолжали бить по селу.

— Поворот влево. Всем орудиям — огонь!

Они начали атаковать артиллерийские позиции. Первая пушка обнаружилась не далее тридцати метров впереди. Ее расчет начал разворачивать ствол на шум гусениц. Увидев штурмовое орудие, артиллеристы бежали.

— За ними, пока они не предупредили остальных!

«Феникс» повернул. Через секунды обнаружилась вторая пушка. Первый снаряд покинул ствол командирской машины. Противотанковое орудие было уничтожено, прежде чем его расчет успел осознать опасность. Затем за короткое время были разбиты еще шесть пушек. Штурмовые орудия взяли высоту. Русские солдаты убегали по обратному скату. Преследуя их, Бранднер увидел группу Т-34. Вражеские танки стали стрелять по холму, но их снаряды пролетали над штурмовыми орудиями, которые занимали боевые позиции. Через несколько минут три Т-34 горели.

— Командир — всем. На высоту!

Две батареи, остававшиеся в селе, пошли на холм. Бранднер по радио сообщил на румынский командный пункт, что высота в его руках. После этого румынские солдаты заняли деревню и позиции на холме. Затем

пришло сообщение из румынского штаба: «Капитан Йозеф Бранднер награждается орденом Михая Храброго за личную отвагу и успешное взятие жизненно важного пункта».

Штурмовые орудия пошли в атаку на русские танки. Вновь разгорелся бой между бронированными машинами, и еще шестнадцать Т-34 было сожжено. Теперь бригада могла занять хорошую оборонительную позицию.

* * *

Капитан Бранднер был вновь представлен к Рыцарскому Кресту. И опять не получил его. Однако Бранднер не переживал. Он просто делал свое дело, и его люди высоко ценили командира. Через несколько дней он получил Штурмовой Знак с гордой цифрой «100». Бранднер участвовал в 100 боях в качестве командира взвода, батареи и бригады. Сто раз он расчищал путь пехоте — к новым позициям, или к прежним линиям обороны, или к свободе.

К своему удивлению, Бранднер был отправлен в училище штурмовой артиллерии в городе Бург, под Магдебургом. Он должен был пройти курсы обучения командиров бригад и затем принять командование вновь формируемой 912-й бригадой штурмовых орудий. Ему поручалось командовать этой частью, учитывая его опыт, несмотря на то, что имелись офицеры, служившие дольше него.

В начале декабря 1944 года, прежде чем вступить в командование его новой бригадой штурмовых орудий, которая уже воевала в Курляндии, Зепп Бранднер получил последний отпуск домой. Он приехал к жене в Вену 3 декабря, вскоре после рождения ею ребенка. Бранднер получил всего несколько дней отдыха. Через

неделю пришла телеграмма с приказом отправляться в Курляндию и принять командование 912-й бригадой.

В Кенигсберге Бранднер сел на судно, доставившее его в Либаву (Лиепаю), где он присоединился к окруженной Группе армий «Курляндия». После доклада о прибытии в штабе Группы армий Бранднер немедленно отправился в свою бригаду.

В последующие дни Зепп Бранднер находился в постоянном движении. В его распоряжении была командирская машина, а также три штурмовых орудия мобильного резерва. Его люди жили в блиндажах, защищавших от авианалетов и артобстрелов.

В течение нескольких дней Бранднер познакомился почти со всеми подчиненными. День за днем он изучал местность. Он уже знал, что предпринять, когда русские начнут третью битву за Курляндию. Этот день настал 21 декабря. После многочасового артиллерийского обстрела советские войска пошли в наступление. Вокруг командного пункта бригады рвались снаряды.

— «Сталинские орга́ны» ведут мощный огонь!

— Хорошо, что я вчера приказал занять позиции, — сказал капитан Бранднер.

— У вас хороший нюх, командир, — ответил оберлейтенант Опель.

— Что докладывают по радио? Есть новости?

— Ничего нового, господин капитан, — доложил радист унтер-офицер Кайзер. — Сильный беспокоящий огонь.

— Они что — пьяны? Это беспокоящий огонь? Тогда я не хотел бы попасть под массированный!

Очередной залп «сталинских орга́нов» ударил ря-

дом с командным пунктом. Бранднер поднялся со складного стула.

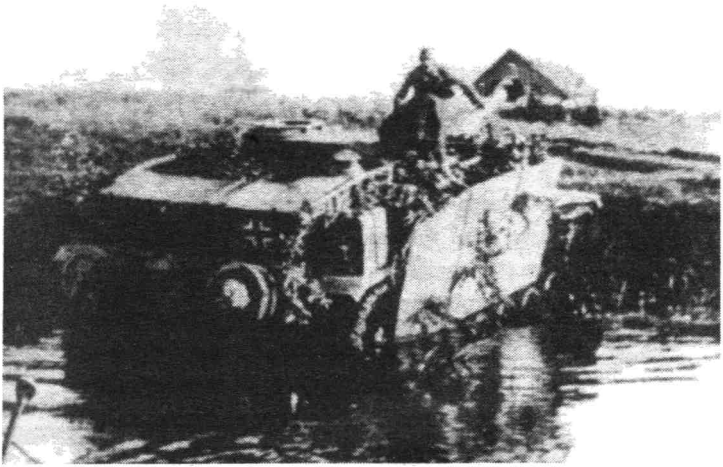
— Штурмовые орудия — к бою!

Мощные майбаховские моторы штурмовых орудий вскоре были прогреты. Тем временем снаряды стали ложиться ближе к Фройенбургу, в пригороде которого располагалась бригада. Ситуация была ясна Зеппу Бранднеру — это было начало третьей битвы за Курляндию.

— Господин капитан, радиодоклад от передовой батареи: очень сильный обстрел наших позиций!

— Передайте: стопроцентная готовность. Докладывать немедленно о начале атак противника.

Через десять минут это началось. Первые Т-34 пошли вперед. Целью советского наступления явно было шоссе Тукумс — Фройенбург. Если массы советских танков достигнут его, они смогут разрезать Группу ар-



Штурмовое орудие Бранднера преодолевает ручей

мий «Курляндия» и по частям уничтожить немецкие войска севернее и южнее Фройенбурга.

Дадим слово самому Зеппу Бранднеру, оставившему через десять лет следующее описание тех событий:

«Было 7.20 утра, основное направление атаки было четко видно. Я получил приказ вести мою бригаду туда. Спустя двадцать минут поступило сообщение о первой советской атаке, а также о первом прорыве на километровом участке фронта. Противник прошел позиции нашей пехоты на тяжелых и сверхтяжелых танках. Я возглавил бригаду и повел ее к месту прорыва. Я знал, что противник узнает меня по эмблеме на правом борту, а также по более чем пятидесяти кольцам на стволе моего орудия. Ну и пусть!

Мы шли с большими интервалами, чтобы не дать Советам сосредоточить огонь.

Раздался выстрел пушки вражеского танка. Снаряд упал впереди и правее. Мой водитель оценил ситуацию и повернул вправо, давая нам возможность ответить огнем нашему оппоненту. Я дал информацию наводчику. Первый снаряд покинул ствол. Всплеск пламени из вражеского танка. Т-34 взорвался.

Затем в четырехстах метрах впереди показался второй прорвавшийся Т-34.

— Проклятие, заклинило! — крикнул наводчик. Заряжающий выругался. Наши нервы были напряжены до предела. Два следовавших за нами штурмовых орудия уже вели бой с другими Т-34 и не могли помочь нам. Но и «наш» Т-34 почему-то пока не стрелял.

Затем он все-таки выстрелил, и снаряд ударил по верхушке дерева над нами. А потом через «ножницы» я увидел, как в лоб Т-34 ударил немецкий снаряд. Советский экипаж покинул танк и скрылся в кустах.

По дороге перед нами стала вести массированный обстрел тяжелая артиллерия противника. Они хотели уничтожить бригаду прежде, чем она примет участие в сражении.

Я получил взволнованный доклад по радио от 2-й батареи: «Наша пехота покинула свои позиции справа от нас, отступая от русских».

Но мы не могли поддержать правый фланг, поскольку подошли советские танки. Началась дуэль. Т-34 и «Иосифы Сталины» горели. Наши орудия стреляли, водители разворачивали машины так и эдак. Снаряды проносились над нами. Танки, танки, танки... Поступали доклады. Двадцать вражеских танков... Двадцать шесть вражеских танков уничтожено...

Накануне я изучил эту местность и теперь приказал занять позиции правее. Иначе нас могла накрыть советская артиллерия.

— Газуйте, дайте полный газ!

Снаряды рвались впереди и позади нас, взметая фонтаны земли в небо. Наша машина въехала в воронку, она опасно накренилась, но взревел двигатель, и мы выбрались на другую сторону.

Мы покатили в направлении нашей отступавшей пехоты. Солдаты остановились. Они больше не были одни. Теперь у них была защита.

Командир 2-й батареи сообщил: «Вызывает Эгхарт, я на левом фланге».

— Что там случилось?

— Тяжелый бой против танков. Множество вражеских танков.

— Мы идем, Эгхарт!

И мы пошли. Столбы дыма поднимались в небо от горевших танков. Там, куда мы направлялись. Мои два штурмовых орудия пристроились слева и справа. Я вызвал их.

— Бранднер — Опелю: остаетесь здесь. Будете прикрывать огнем наш фланг. Я попытаюсь выйти на прежнюю линию обороны.

Моя командирская машина пошла вперед под артиллерийским обстрелом, разгоревшимся с новой силой. Внезапно я увидел их сквозь клубы дыма и языки пламени. Т-34. Их было много. Возможно, второй эшелон. Я скомандовал: «Стоп. Танки слева, дистанция триста. Огонь!»

Первый бронебойный снаряд ударил точно в боезапас танка. Он взорвался с ослепительным всплеском пламени. Противник начал стрелять в ответ. Я видел вспышки из стволов их пушек, но в волнении не слышал звука падающих вокруг нас снарядов. Наш водитель крутил и поворачивал машину, и каждый раз наводчик стрелял.

С близкого расстояния наши снаряды пробивали броню противника. Несколько Т-34 горело, другие были обездвижены. Дым выползал из их люков. Экипажи выскакивали. Затем отступившая ранее немецкая пехота вновь пошла вперед, позади штурмовых орудий моих батарей. Они достигли прежней линии обороны и вступили в ближний бой. Солдаты, имевшие теперь поддержку, дрались решительно.

Я услышал голос обер-лейтенанта Эгхарта: «Русские тяжелые минометы!» Мины стали падать повсюду вокруг нас. Но мы не могли отойти. Мы должны были оставаться под этим стальным ураганом. Если бы мы отступили, противник мог вновь бросить на прорыв танки, и фронт на этом участке рухнул бы.

Это была самая трудная проверка нервов в моей жизни. Разрывы ложились все ближе и ближе. Одно из моих орудий получило попадание.

У нас был единственный выбор. Надо было идти вперед, на русские позиции, где вражеские минометы

нас не ждут. Я высунул голову наружу, чтобы осмотреться. Был слышен свист пуль, точно такой же, как во время ранения меня в шею. Было страшно. Но я ведь должен был вести бригаду? Так что высовывай голову!

Все мои штурмовые орудия двинулись вперед, сметая все на своем пути. Когда мы достигли русских окопов, противник в панике бежал. Равнина покрылась бегущими фигурками цвета хаки. Наши орудия стреляли по остававшимся очагам сопротивления. Мы въехали в середину русских позиций. На корме моей машины взорвалась ручная граната. К счастью, в это время моя голова была уже внутри. Но затем пришлось вновь высунуться, чтобы оценить обстановку.

Позади я увидел группу наших солдат. Помахал им, и они забрались на штурмовое орудие. Мы поехали следом за бежавшим противником. Остальные два моих орудия прикрывали меня с флангов.

Вражеский обстрел прекратился. Артиллерия противника меняла позиции, опасаясь, что мы можем добраться и до них. Мы остановились. Дело было сделано. Наступили сумерки, и с темнотой наши товарищи-пехотинцы вновь заняли свои прежние окопы. Была роздана еда, подвезены боеприпасы. Это было необходимо и для нас, поскольку в моей машине оставалось лишь пять бронебойных и три фугасных снаряда.

Завершив свою задачу, штурмовые орудия отправились на наш сборный пункт, в глубине обороны за окапывающейся пехотой. Надо было проверить двигатели и подтянуть траки гусениц, заправиться топливом и пополнить боезапас.

Следующим утром все могло повториться, и мы хотели быть готовыми. Я поблагодарил свой экипаж. Каждый из них делал свою работу лучшим образом.

Поступили доклады об успехах батарей; я вслушивался только в самое главное. Мы понесли потери —

несколько тяжело раненных. К счастью, погибших не было. Так что я мог вздохнуть спокойнее. Терять подчиненных — это ужасно, даже если не знал кого-то из них хорошо.

Быть командиром — трудное дело. Это означает — нести ответственность за всех людей в бригаде; заботиться о них; отвечать перед командованием и перед самим собой».

Бригада заняла круговую оборону. Зепп Бранднер объехал на «кюбельвагене» все свои огневые батареи.

В последнем бою вновь отличился унтер-офицер Вёгель. Он уже имел Золотой Германский Крест и был одним из самых результативных командиров орудий бригады. Зепп Бранднер объявил всем членам его экипажа о повышении каждого из них в звании за храбрость, проявленную в бою. Затем повернулся к своему адъютанту.

— Фляйге, теперь едем обратно, в управление бригады.

Была уже ночь, когда они двинулись в путь. Ничего не было видно. «Кюбельваген» проезжал вперед и возвращался назад. Зепп Бранднер размышлял о том, что принесет следующее утро. Затем все находившиеся в машине неожиданно услышали команду на русском языке: «Стой!»

Водитель ударил по тормозам. Автомобиль остановился перед боевым охранением русских. Бранднер выхватил из гнезда карабин и выстрелил. Часовой упал.

— Поворачивай, я прикрою нас!

Прежде, чем водитель мог ответить, Бранднер выпрыгнул из машины. Когда увидел приближавшихся русских, начал стрелять. Потом бросился за сугроб и, посмотрев назад, увидел, что машина развернулась. Через разбитое заднее окно из автомата стрелял адъютант.

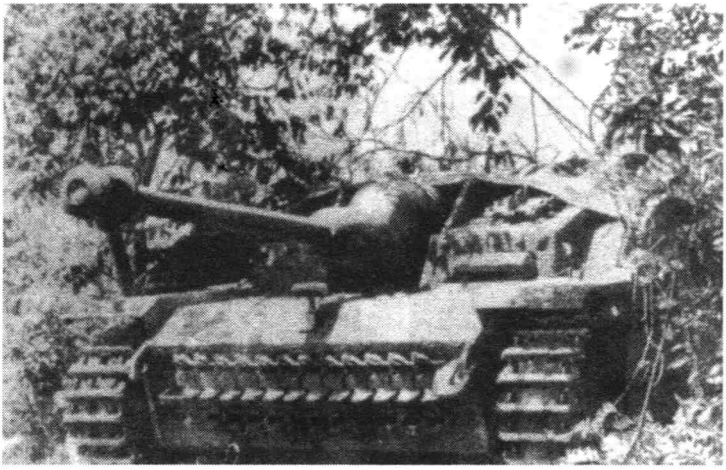
Бранднер бросился к машине и запрыгнул в нее. Он еще не коснулся сиденья, как водитель уже вдавил педаль газа. «Кюбельваген» помчался прочь от боевого охранения русских, к которому они заехали по ошибке.

Благополучно добравшись до командного пункта бригады, капитан доложил командиру дивизии, и только после этого день для него завершился.

17 января 1945 года Зепп Бранднер был в третий раз представлен к Рыцарскому Кресту. В представлении говорилось:

«В первый день сражения 912-я бригада штурмовых орудий контратаковала русских и уничтожила передовые танковые силы противника. Эта первая контратака стала решающей. Противнику был нанесен большой урон, сорвано намерение врага расколоть войска группы армий «Курляндия» надвое».

Несколькими днями позже Зепп Бранднер был про-



Штурмовое орудие с так называемой «свиной головой» — маской пушки

изведен в майоры. Ему также был пожалован замок Пелчи, под Гольдингеном, где была штаб-квартира Группы армий «Курляндия». Перед своим отправлением в Группу армий «Центр», которой он был назначен командовать, генерал-полковник Шёрнер предложил майору отправиться с ним, чтобы сформировать новую бригаду штурмовых орудий. Хотя Бранднер понимал, что это спасло бы его от перспективы попасть в плен или погибнуть в Курляндском котле, он отказался.

— Спасибо, господин генерал-полковник, но я предпочту остаться со своими людьми.

Его желание было воспринято с уважением. Зепп Бранднер остался на Курляндском фронте.

* * *

Четвертая битва за Курляндию началась 23 января 1945 года. 1-й, 2-й и 3-й Прибалтийские фронты, под командованием генералов Баграмяна, Еременко и Масленникова, перешли в наступление силами 101-й стрелковой дивизии, двух танковых корпусов, механизированного корпуса и 18 отдельных танковых частей (3-й Прибалтийский фронт был расформирован 16 октября 1944 года, а 1-й Прибалтийский фронт сражался в Восточной Пруссии. — *Прим. пер.*). Их натиску противостояли 24 дивизии Группы армий «Курляндия». Советское командование было намерено завоевать крупную победу, и вновь разгорелись ожесточенные бои.

— Проклятие, командир! Все батареи уже в сражении. Мы не можем отозвать ни единого орудия.

— Это так, Опель. Мы атакуем их взводом управления бригады. Готовьтесь, отправляемся через пять минут.

Через пять минут три штурмовых орудия двинулись. Уже несколько дней противник пытался про-

рваться в районе Преекулн, в направлении Либавы, чтобы захватить этот очень важный порт. Сражение достигло высшей точки. Советские войска смогли прорваться западнее озера Лиелансе, но вскоре были частично разбиты. Также были опасны многократные попытки прорыва северо-восточнее Пампали; и сейчас намечалась очередная.

— Противник, господин майор!

Показался первый Т-34. Немецкий снаряд покинул ствол и разбил гусеницу русского танка. Т-34 ответил огнем, но второй снаряд покончил с ним. Три штурмовых орудия проехали мимо горевшего немецкого бензовоза. Майор скомандовал, и водитель развернул машину на новую огневую позицию. Унтер-офицер-наводчик выстрелил. Башня Т-34, прятавшегося за телегой, дернулась назад. Второй выстрел поджег вражеский танк. Теперь стреляли все три штурмовых орудия. Они были среди рассеянных порядков Т-34, уничтожая их одного за другим.

Это придало храбрости немецким новобранцам. Они стали охотиться на вражеские танки, используя связки гранат и фаустпатроны. Через полчаса всплеск пламени отметил кончину последнего Т-34. Атака противника была ликвидирована. Батареи бригады также докладывали о победах. Они тоже остановили врага и даже вынудили его покинуть занятую ранее местность. Майор Бранднер уже собрался скомандовать отбой, когда увидел еще несколько приближавшихся Т-34. Они стреляли по немецкой пехоте.

— Огонь по тому, что подставил нам борт, — велел майор. Звуки выстрела и попадания прозвучали почти одновременно. Танк взорвался. Второй был поражен в корму. Моторное отделение охватили языки пламени. Третий танк был атакован фельдфебелем из учебного подразделения и уничтожен связкой гранат.

Майор Бранднер увидел другую группу Т-34, двигавшихся со стороны заснеженного поля. Они были видны как черные фигуры на белом фоне. Бранднер проехал через деревню, чтобы вывести свои штурмовые орудия во фланг противника. Из трех стволов ударили бронебойные снаряды. Т-34 загорелись, а выскочившие из них экипажи были взяты в плен.

Вскоре атаковала советская пехота. На фланге наступавших цепей появилась 1-я батарея. Майор Бранднер командовал по радио: «Стреляйте, стреляйте, стреляйте!»

Фугасные снаряды рвались среди атаковавшей пехоты. Застрочили пулеметы МГ-42, установленные на штурмовых орудиях. Противник бросился в бегство. Немецкие солдаты стали вылезать из окопов и воронок и двинулись вслед за штурмовыми орудиями. Была достигнута советская линия обороны. Вражеские солдаты покинули и ее. Это был решающий день четвертой Курляндской битвы.

Ночью поступили сообщения, что красноармейцы просачиваются небольшими группами в хутора на нейтральной полосе. Майор Бранднер вызвал командиров батарей на свой командный пункт.

— Господа, на рассвете мы атакуем хутора, на которых прячется противник.

— Противотанковые силы дивизии будут в вашем распоряжении, господин майор, — доложил пехотный связной офицер.

— Оставьте их на месте. Они наверняка могут понадобиться на других участках, — ответил Бранднер.

В три часа ночи батарея Эгхарта двинулась вслед за тремя штурмовыми орудиями управления бригады. Появились хутора. Когда первая пушка противника открыла огонь, штурмовые орудия уже образовали полукольцо вокруг четырех строений. Медленно наступая,

немецкие машины начали стрелять. Пламя поднялось в утреннее небо. Было взято пятьдесят пленных, два легких артиллерийских орудия и несколько пулеметов.

Бои продолжались 1 и 2 февраля. Штурмовые орудия контратаковали под обстрелом реактивной артиллерии. Бригада вновь достигла основной линии советской обороны и снова уничтожила танки, собиравшиеся наступать. Затем бои стихли. Советские войска понесли большие потери и были вынуждены прекратить свое четвертое Курляндское наступление, в ходе которого они надеялись окончательно уничтожить Группу армий «Курляндия». В приказе по Курляндскому фронту говорилось:

«Из-за тяжелых потерь личного состава и техники, понесенных в предшествующие дни, советские войска были вынуждены прекратить свои попытки прорывов в направлении Либавы и Фройенбурга. Вражеские потери за двенадцать дней четвертой Курляндской битвы составили не менее 45 тысяч человек. Число танков противника, уничтоженных с 23 января по 4 февраля, достигло 541.

В последних боях южнее Фройенбурга бригада штурмовых орудий довела свой общий счет уничтоженных танков до 500. Командир бригады, майор Бранднер, уничтожил 57-й вражеский танк».

* * *

— Те же признаки, что и перед предыдущими Курляндскими сражениями. Завтра может начаться еще одно.

Зепп Бранднер привел свою бригаду в боевую готовность. Теперь он еще раз обсуждал предстоящие

действия с командирами своих батарей и давал им указания.

— Надеюсь, мы удержимся, господин майор.

— Мы должны сохранить людей. Не потому, что я верю, что мы еще можем победить, а потому, что мы должны стоять здесь, пока гражданские и раненые уходят по морю через еще действующие порты.

Лицо майора выражало беспокойство. Он проводил в движении каждую минуту, изучая местность, используя свой авторитет для отправки вооружений для усиления фронта.

— Что конкретно мы будем делать завтра? — спросил один из взводных командиров. Зепп Бранднер прочистил горло.

— У нас только одна задача — удерживать наши позиции на фронте и поддерживать наших товарищей-пехотинцев. Наш район действий — откуда пойдет враг. Где обстановка потребует нашего вмешательства. Вот и все.

Наступление русских началось на рассвете следующего дня. Зепп Бранднер разместил бригаду точно на острие советского удара. Штурмовые орудия били по бронированному клину, пытавшемуся пройти сквозь немецкую линию обороны. Штурмовые орудия были в бою весь день, уничтожая Т-34 и ИС-2. Два штурмовых орудия бригады были повреждены, ремонтники привели их в порядок в течение ночи. Солдаты тыловых подразделений бригады вызвались заменить убитых и раненых членов экипажей.

* * *

— Сообщение бригаде, господин майор.

— Давайте сюда, Байер, — майор Бранднер просмотрел сообщение.

— Опель и Шуберт, будите экипажи своих орудий. Командный пункт пехотной роты окружается Т-34. Число неизвестно, поскольку они слышны из леса вокруг командного пункта.

Минутой позже три штурмовых орудия взревели двигателями. Машина лейтенанта Опеля следовала за командирским орудием, затем машина капитана Шуберта.

Они достигли передовых линий обороны. «Двигаться медленно. Как можно меньше шума», — приказал майор Бранднер. Появился командный пункт роты. Лейтенант, ротный командир, ждал их.

— Вероятно, они в 500 метрах впереди, в лесу. Три танка подъехали на 200 метров, но когда один из наших часовых запустил осветительную ракету, они отошли обратно в лес, — доложил лейтенант.

— Я со своим экипажем выйду на разведку. Вы остаетесь здесь. Если увидите две белые ракеты — атакуйте лес, — распорядился Бранднер. Два штурмовых орудия радировали «понял», и майор с тремя членами экипажа поползли в сторону леса. Они были вооружены гранатами и автоматами.

— Вот они! Прямо перед нами, господин майор!

В белых маскировочных халатах экипаж командирской машины был незаметен на снегу. Они услышали голоса. Майор Бранднер понял, что русские готовятся к атаке. Он махнул своим людям, и они бесшумно поползли назад к своему орудию.

— Бранднер — Опелю и Шуберту. Двигайтесь тихо вперед. Ваши позиции — слева и справа от меня. Приготовьтесь стрелять. Танки выйдут из леса в любой момент. Дистанция пятьсот.

Минутой позже зарычали двигатели русских танков. Затем на заснеженном поле показались темные тени.

— Огонь! — Три орудия выстрелили, и три Т-34 получили попадания.

— Заряжающий, быстрее! — крикнул унтер-офицер-наводчик. Орудия рявкнули снова. Затем открыли огонь Т-34. Но их пушки были заряжены фугасными снарядами, для обстрела командного пункта. Штурмовые орудия, продолжая стрелять, пошли в сторону леса.

Русское бронированное копье было сломано. Тою ночью отличились 2-я и 3-я батареи, сорвавшие вражеское наступление на участке фронта.

11 февраля 1945 года майор Брандпер был отмечен в коммюнике Вермахта. 12 февраля он отбил еще один штурм советских танков.

* * *

— Господин майор, вы доведете сегодня свой боевой счет до 60?

— Возможно.

— Получили ли штурмовые орудия приказы? — спрашивал военный корреспондент. — Я не видел ни одного.

— И не должны. Если бы вы могли их видеть, то могли бы увидеть и иваны. Но я могу вас заверить, что все штурмовые орудия, а также противотанковые, готовы к бою.

— Они идут!

Глухой шум приближавшихся танков становился громче с каждой секундой. Затем показались первые стальные гиганты.

— Ух ты! Господин майор, сделайте какого-нибудь «Иосифа Сталина», получатся замечательные фотоснимки!

— Приятель, мы здесь все-таки не для того, чтобы вы могли пофотографировать. — Зепп Брандпер не мог

сдержать усмешки, глядя на расстроенное лицо военного корреспондента.

— Внимание, всем. Не стрелять, пока не будете уверены, что каждый выстрел поразит цель.

Танки подходили ближе и ближе. Вражеская артиллерия перенесла огонь в глубину немецких позиций. Начали стрелять немецкие противотанковые пушки. Первые советские танки были подбиты.

— Огонь!

Штурмовые орудия, спрятанные за домами и стогами сена, в капонирах и воронках, открыли огонь. Вскоре на поле горели Т-34 и ИС-2.

Зепп Бранднер — командир 912-й бригады штурмовых орудий

— «Сталин»! 12 часов, четыреста метров!

Корреспондент начал фотографировать. Он снял момент выстрела 122-мм пушки русского танка. Затем услышал первый выстрел штурмового орудия Бранднера, и удар снаряда в уязвимое место танка — между башней и корпусом.

— Они выскакивают! — радостно вскричал корреспондент. ИС-2 горел. По всему было видно, что противник получил сокрушительный удар. Русские стали отходить.

— Я отправляюсь на командный пункт. Вернусь через полчаса. В мое отсутствие командует капитан Шуберт.

Игнорируя протесты корреспондента, майор Бранд-

нер высадил его на командном пункте и велел водителю ехать назад.

Но командирская машина не успела достигнуть поля боя, когда раздался громкий взрыв. Бранднер почувствовал, что удар пришелся по нижней части машины.

— Мы не можем двигаться! — крикнул водитель. — Гусеница разбита.

В тот же момент штурмовое орудие получило второе попадание. Снаряд влетел в машину и поразил боезапас. К счастью для экипажа, там уже не оставалось фугасных снарядов, однако порох в гильзах бронебойных вспыхнул.

— Наружу! Наружу!

Экипаж выпрыгнул из штурмового орудия со всей возможной прытью. В обгорелой униформе, они укрылись в ближайшей канаве. У заряжающего хватило соображения, чтобы прихватить с собой фаустпатрон.

— Быть начеку! Это танк!

— Иваны идут, господин майор!

Пригнувшись, советские солдаты выходили из леса, откуда было обстреляно штурмовое орудие.

— Идите в тыл, парни. Я их задержу. Скажете на командном пункте, что я с подбитой машиной нахожусь на проселочной дороге, возле первой пехотной позиции.

— Мы не уйдем без вас, господин майор! — заявил наводчик.

— Ладно, пойдем вместе. Наводчик, ударь по ним из своего фаустпатрона. Сразу после выстрела уходим.

Как только наводчик слегка приподнял оружие, над ним засвистели пули. Затем боеголовка фаустпатрона полетела к плотной массе русских и взорвалась там.

Экипаж ринулся в тыл. Когда по ним стали стрелять, побежали зигзагами. Через несколько секунд лес дал им укрытие. Они опять выкрутились. Немецкая пехота из леса прикрыла их пулеметным огнем. Потом батальонный связист сообщил о ситуации на командный пункт бригады штурмовых орудий. Ровно через пятнадцать минут послышался шум гусениц. Это были три штурмовых орудия из резервной группы. На броне сидели три десятка солдат из тыловых подразделений бригады, вооруженные карабинами. Радиосообщение оказалось неправильно понятым — будто их командир окружен, и они отправились спасать его.

Противник быстро выдвинул несколько противотанковых пушек и открыл огонь по замершему штурмовому орудию. Зепп Бранднер выразил свою озабоченность: «Надеюсь, мы получим нашего «Феникса» обратно». Но спустя секунды штурмовое орудие превратилось в факел. Тем не менее ночью оно было вытащено тягачом и доставлено в танкоремонтную мастерскую.

* * *

— На командный пункт дивизии!

Зепп Бранднер сел в свой «кюбельваген», ожидавший его на командном пункте бригады. В руках он держал карабин, готовый к стрельбе, поскольку русские солдаты могли появиться откуда угодно. Противник проник за главную линию немецкой обороны во многих местах.

— Ничего не слышно, Хёльцель.

— Это подозрительная тишина, господин майор.

— Ладно, мы скоро приедем. Осталось не более километра.

Не успел Бранднер договорить эту фразу, как раз-

дался мощный взрыв в районе дивизионного командного пункта. Сразу же после этого вспыхнула пальба из автоматов и винтовок.

— Быстрее, Хёльцель!

Готовый выпрыгнуть из машины, с карабином наготове, Бранднер ждал, когда покажется командный пункт. Наконец стал виден первый блиндаж штаба. Они увидели клубы дыма над ним и русских солдат, штурмовавших блиндаж со стороны зарослей.

— Хёльцель, стоп!

Завизжали тормоза. Майор и водитель выпрыгнули из машины и начали стрелять. Нападавшие залегли. Затем с другой стороны по ним ударил МГ-42. Из блиндажа также стали стрелять. Попав под перекрестный огонь, русские отступили.

Майор Бранднер доложил о прибытии командиру дивизии генералу Фейерабенду.

— Как это вы всегда появляетесь в нужный момент, Бранднер? — спросил генерал.

— Господин генерал, воюющие на штурмовых орудиях всегда должны быть там, где они нужны.

— Хорошо, теперь слушайте. Мы намерены этой ночью ликвидировать русский выступ на правом фланге дивизии. Я хочу, чтобы вы и ваша бригада участвовали в этой атаке. Пехота будет следовать за вами и займет вражеские траншеи. Если мы...

Шум на входе в блиндаж прервал генерала на полуслове. В помещение влетел темный предмет.

— Ложись! — крикнул Бранднер и бросился на пол. За мгновение до взрыва гранаты он успел перевернуть стол, защитивший их от осколков.

Вновь разгорелась стрельба. Вторая группа русских была уничтожена у самого блиндажа.

* * *

Вновь и вновь 912-я бригада штурмовых орудий участвовала в боях. Туда, где противник совершал прорыв, туда, где пехоте требовалась помощь, шли штурмовые орудия Зеппа Бранднера.

Еще дважды его командирская машина была подбита. 11 апреля Бранднер получил Знак «За ближний бой», редкий случай для командира штурмового орудия. В тот же день его имя было второй раз упомянуто в коммюнике Вермахта. 26 апреля 1945 года Зепп Бранднер стал 847-м награжденным Дубовыми листьями Рыцарского Креста. Это было последнее официальное награждение Дубовыми листьями.

Зепп Бранднер скромно относил свои успехи к заслугам его подчиненных. После награждения Дубовыми листьями он сказал: «Без моих людей и без их действий я был бы никем. Командир может достичь только того, что его люди пожелают ему дать. Именно они сделали все возможное, чтобы спасти то, что еще можно. Они заслужили эту награду, мои храбрые парни из штурмовой артиллерии!»

В приказе по бригаде Зепп Бранднер объявил, что останется со своими артиллеристами в любом случае. Эти слова означали большее, чем просто обещания. Второй раз вышестоящее начальство предлагало ему улететь из Курляндии, и вновь он отверг это. «Командир должен оставаться со своими подчиненными, особенно в самые трудные времена».

Для Группы армий «Курляндия» перемирие вступило в силу в 14 часов 8 мая 1945 года. Пушки замолчали. Война закончилась. Накануне генерал Хильперт, последний командующий Группой армий «Курляндия», передал русским по радио предложение сдаться. Затем

он отправился к противнику на автомобиле с белым флагом.

8 мая личный состав 912-й бригады штурмовых орудий построился перед командным пунктом. Капитаны Эгхарт и Шуберт надели свои Рыцарские Кресты. Командир бригады майор Бранднер поблагодарил всех своих людей за их храбрость.

Потом пришла новость, что русские не соблюдают условий перемирия и продвигаются вперед. Капитан Шуберт отправился к ним навстречу. Он остановил русских без единого выстрела. Русские очень хорошо знали, что такое штурмовые орудия. И у них не было желания стать последней жертвой этих орудий в день окончания войны.

Майор Бранднер побывал на командном пункте корпуса генерала Херцога. Тот одобрил намерение Бранднера удерживать нынешние позиции и не пускать русских через мост. И снова Зепп Бранднер двинулся вперед на своем командирском штурмовом орудии. Белые кольца на стволе его орудия были ясно видны. Их было шестьдесят, и каждое означало уничтоженный вражеский танк. Сирены, установленные на командирской машине, выли, пока батарея шла вперед. Появился русский офицер с переводчиком.

— Война окончена! Вы пленные!

Слова русского офицера прозвучали громко, но не впечатлили Зеппа Бранднера.

— Сдачи в плен еще не было, — ответил он. Затем лаконичными фразами: — Здесь — немцы. Там — русские. Никто не пересекает мост. Мы откроем огонь по любому, кто попробует это сделать.

Русский офицер понял сказанное Бранднером. Он также видел орудия, направленные на мост. Противник отошел от моста.

Батарея Шуберта осталась у переправы, а Бранднер вернулся на командный пункт бригады и уничтожил все документы, чтобы они не достались противнику. Пламя поглотило также хронику бригады, где были записаны все достижения части.

Утром 9 мая 1945 года майор Бранднер последний раз собрал своих людей. Была ясно ощутима горечь момента. Голос Бранднера срывался, когда он в последний раз обращался к своим подчиненным:

— Друзья, война окончена. Все уровни командования прекратили действовать. Впереди самые трудные времена. Каждому придется заботиться о себе самому. Я больше не могу отдавать вам приказы. Но я постараюсь сделать все, что в моих силах, для тех, кто останется со мной. Это все, что я должен был вам сказать.

Капитан Шуберт вышел из строя. Он пожал руку своему командиру.

— Я думаю, что от имени всех могу сказать, что мы все останемся с вами, командир.

На глазах Зеппа Бранднера выступили слезы, когда он услышал бурное одобрение слов Шуберта. Это выражение доверия вдохновило Бранднера и дало ему силы продержаться в плену и делать все возможное для своих людей. Большинство из служивших в 912-й бригаде штурмовых орудий выжили в плену, и во многом благодаря усилиям Зеппа Бранднера.

В плену начались допросы. От Бранднера требовали назвать имена, но он молчал. Один допрашивавший офицер спросил, почему он не дезертировал, когда советские войска были у ворот Берлина. Бранднер ответил вопросом, почему этот русский офицер не дезертировал, когда немцы были на подступах к Москве.

В рядах крупной рабочей части Бранднер прошел через Москву, Орел, Курск и Сталиногорск. Там его уз-

нали местные жители. Помня, как он им однажды помог, они делились своими жалкими пайками с немецкими пленными: островок примирения в море ненависти. Зепп Бранднер постоянно обнадеживал отчаивавшихся, убеждая их держаться и не падать духом. И пришел день, когда он принес новость, которую не ожидали: «Мы едем домой!»

В начале 1948 года эшелон с пленными остановился в Вене, и сослуживцы Бранднера попрощались с ним со словами: «Да здравствует товарищество, которое ты всегда демонстрировал нам, Зепп!»

Фриц Фессман

ОФИЦЕР РАЗВЕДБАТАЛЬОНА ПОЛУЧАЕТ МЕЧИ

Фриц Фессман был лейтенантом резерва (то есть получил офицерское звание на курсах, а не в военном училище. — *Прим. пер.)*, когда 22 июня 1941 года немецкие войска пересекли Буг и начали вторжение в Советский Союз. А в октябре 1941 года уже имел Рыцарский Крест.

Подразделение, в котором он служил, выполняло те же задачи, что и конные дозоры в предыдущих войнах, однако оснащены они были по-другому. Фессман и его товарищи проникали в тыл противника не на лошадях, а на бронеавтомобилях. Во время наступлений их задачей было проходить далеко впереди основных сил, а

также захватывать и удерживать стратегически важные мосты или другие подобные объекты. Зачастую они совершали подвиги, которые казались невозможными.

Одним из таких разведчиков был Фриц Фессман, который в 1944 году стал 103-м немецким военнослужащим, удостоенным Мечей к Рыцарскому Кресту с Дубовыми листьями — одной из высших немецких наград за храбрость. К сожалению, он не дожил до вручения этой регалии. Его путь через огромные просторы России до Сталинграда и обратно, до его гибели, описывается в этой главе.

РАННИЕ ГОДЫ

Фриц Фессман родился в городе Урбах, в Вюртемберге, 25 декабря 1913 года. После прохождения молодежной трудовой повинности был призван на год в армию. Начал службу 1 ноября 1935 года в 7-м моторизованном разведывательном батальоне в Мюнхене. Он обучался на бронеавтомобилях и 1 октября 1936 года уволен в запас в звании ефрейтора и кандидатом в офицеры. В начале 1937 года прошел двухмесячные курсы и получил звание унтер-офицера.

Карл Фессман, его отец и владелец завода, дал сыну билет на кругосветное путешествие, с условием, что тот будет отсутствовать дома не менее двух лет и сам будет зарабатывать себе на жизнь. Путешествие началось в марте 1937 года. Фриц отправился через Китай и Японию в Америку, а потом обратно в Европу. В Шанхае он встретил девушку, и они поженились в Висбадене 12 августа 1939 года. Молодой чете пришлось разлучиться через две недели, поскольку 23 августа Фессмана призвали на военные сборы. В это время разразилась Вторая мировая война. Все проходившие сборы

были немедленно распределены в боевые части. Фессман попал в 7-й моторизованный разведбатальон 4-й танковой дивизии. Первую военную зиму он провел в Рейнской области, а 1 марта 1940 года был произведен в лейтенанты.

После разгрома Франции батальон разместили там как часть немецких оккупационных сил. Но в мае 1941 года эти деньки кончились. Как и многие другие дивизии, 4-я танковая была направлена в Восточную Пруссию. Война с Советским Союзом была неминуема.

* * *

Утром 22 июня 1941 года 24-й моторизованный армейский корпус под командованием генерала Гейра фон Швеппенбурга пошел в наступление на правом фланге 2-й танковой группы, в районе Кодена на реке Буг. Корпус состоял из 3-й танковой дивизии под командованием генерал-лейтенанта Моделя, 10-й моторизованной пехотной дивизии и 4-й танковой дивизии. Эти три дивизии имели задачу форсировать Буг между Влодавой и Окшыном и после прорыва советских приграничных позиций через озерную местность наступать севернее Медны.

Генерал барон фон Лянгерман, командир 4-й танковой дивизии, постоянно выезжал на фронт на своем автомобиле и отправлял дозоры на разведку впереди дивизии. Лейтенант Фессман и его взвод почти всегда были там. К 28 июня 4-я танковая дивизия достигла Березины и направилась к городу Рогачев на Днепре.

Война против решительных и твердых советских войск стала новым и горьким опытом для немцев, в том числе для Фрица Фессмана. Он вел свой дозор на восток, концентрируясь на задании и не обращая внимания на остальное. 16 июля Фессман получил Железный

Крест первой степени. Он также постарался, чтобы все его подчиненные получили награды, которые они заслужили. Он был одним из девяти товарищей. Конечно, лейтенант Фессман был командиром дозора, но, по его мнению, успех любой операции зависел в равной степени от всех.

Из Рогачева 4-я танковая дивизия двинулась к Старому Быкову. 3-я танковая дивизия пересекла Днепр севернее. 10 июля 24-й корпус продолжал наступать. Возле Пропойска советские войска поставили под угрозу тыловые коммуникации 4-й танковой дивизии. В это время лейтенант Фессман был уже на дивизионном плацдарме под Кричевым. Город взяла 3-й танковая дивизия, в то время как артиллерийские подразделения и 35-й танковый полк вернулись назад и уничтожили группировки противника.

Целью наступления был Смоленск. Вместе с 3-й танковой дивизией, 4-я танковая дивизия взяла Рославль 1 августа. Затем было несколько дней отдыха, использованных частями, включая взвод Фессмана, на обслуживание техники.

Генерал Гейр фон Швеппенбург вновь послал 24-й корпус в наступление 9 августа. На этот раз целью было продвинуться из района юго-западней Климовичей и нанести удар во фланг вражеским силам перед 4-й танковой дивизией. Этот удар двух танковых дивизий был направлен против дивизий генерала (маршала. — *Прим. пер.*) Тимошенко. В сражении, которое длилось до 13 августа, были уничтожены советские 6-я, 12-я, 132-я и 137-я стрелковые дивизии. Было взято 16 033 пленных, а также уничтожено или захвачено много тяжелого вооружения. Генерал-полковник Гудериан проломил «линию Тимошенко» на пути к Москве.

Через два дня корпус пошел в южном направлении, на Стародуб и Ново-Зубов, 3-я и 4-я танковые дивизии

в первом эшелоне, следом за ними 10-я моторизованная пехотная дивизия. Правое крыло корпуса — 4-я танковая дивизия — должно было повернуть к Гомелю, после прорыва сквозь порядки противника, окружить и уничтожить вражеские силы перед немецкой 2-й армией. Но 17 августа 4-я танковая дивизия была остановлена. Совместно с 10-й моторизованной пехотной дивизией, 3-я танковая дивизия достигла железнодорожного узла Унеча, угрожая железнодорожной линии Гомель — Брянск.

Однако в ночь на 19 августа советские войска прошли с северо-запада между двумя танковыми дивизиями корпуса, поставив под угрозу связь между Унечей и Мглином, где остановилась 4-я танковая дивизия. Последовали два дня тяжелых боев, в ходе которых дозоры 7-го моторизованного разведбатальона многократно проникали через позиции противника и в итоге сумели восстановить контакт с 3-й танковой дивизией.

21 августа германское Верховное командование объявило, что русская кампания будет решаться на Украине, а не в Москве. 24-й моторизованный армейский корпус был перегруппирован для наступления на юг. 25 августа 3-я и 4-я танковые дивизии и 10-я моторизованная пехотная дивизия вновь начали продвижение. Тремя днями позже они достигли Десны. Там 4-ю танковую дивизию посетил генерал-полковник Гудериан. Подразделения снабжения вязли в грязи из-за проливных дождей. Генерал фон Швеппенбург остановил 3-ю и 10-ю дивизии и приказал 4-й танковой дивизии следовать через Новгород-Северский ближе к 3-й танковой дивизии. Генерал-полковник Гудериан вновь посетил барона фон Лянгермана, чтобы получить доклад из первых рук. Командующий 2-й танковой группой дал приказ возобновить наступление на юг. Однако наступление не удалось. Советские части под командовани-

ем маршала Буденного получили следующий приказ: «Ни шагу назад! Умереть, если это необходимо!»

Столь же решительно настроены были дивизии маршала Еременко (в описываемый период Еременко был генерал-лейтенантом. — *Прим. пер.*), с которыми 4-я танковая дивизия столкнулась на Десне. Фриц Фессман оценил советские танки Т-34, которые производились на Харьковском заводе. Несколько раз он едва избежал быть подбитым выстрелами советского сверхтяжелого танка Т-28, но ему всегда удавалось уйти и доставить жизненно важную информацию.

Это сражение длилось восемь дней. 3 сентября был сбит советский связной самолет. Карты, найденные в нем, показывали состав и расположение советских войск — и слабое место между 13-й и 21-й советскими армиями. На следующий день генерал-полковник Гудериан вновь появился на командном пункте корпуса. 3-я танковая дивизия была направлена в обнаруженную брешь и двинулась в направлении Конотопа. Командующий 2-й танковой группой дал приказ наступать и 4-й танковой дивизии, имея целью реку Бахмач.

Разведка установила, что мост через реку Сейм возле Батурина, по которому предполагалось идти на Бахмач, взорван утром 7 сентября. В самом Батурине располагалось много войск противника. Генерал-майор фон Лянгерман приказал форсировать реку восточнее Батурина. Там была менее благоприятная местность, но расчет был на быстрое продвижение.

Однако, поскольку перегруппировка наступавших войск заняла много времени, противник, заметивший эти передвижения, использовал железнодорожные линии для переброски свежих резервов в район, где намечалось форсирование реки. Генерал-майор фон Лянгерман приказал командиру 7-го разведбатальона сформи-

ровать два хорошо вооруженных дозора. Это стало крупным испытанием для Фрица Фессмана.

— Оберфельдфебель Лиммер и лейтенант Фессман — срочно к командиру батальона!

Два командира дозоров, до этого наблюдавших за довооружением и дозаправкой их машин, пошли на командный пункт, расположенный в лесу, примерно в 300 метрах дальше в тылу. Капитан Нирле встал, когда они вошли. Он приветствовал вошедших и велел им сесть.

— Господа! Командиру дивизии необходимы два дозора для выполнения специального задания во вражеском тылу. Я подумал о вас двоих. Если вас интересует это задание, я должен получить ваше согласие. Вы можете отказаться, поскольку нужны добровольцы, и я знаю, что у вас были трудные дела в последние дни.

— Конечно, мы согласны, господин капитан! — сказал лейтенант Фессман.

— Превосходно! Благодарю вас. Я немедленно доложу командиру дивизии. Будьте готовы к выходу через час. Я поеду с вами до планируемого места форсирования реки.

Командиры дозоров вышли и отправились к своим бронеавтомобилям. Лейтенанта Фессмана встретил фельдфебель Энгельхард.

— Что нового, командир?

— Дозорный выход за Сейм, к югу, Энгельхард. Мы выезжаем через час. Все готовы?

— Берке ранен, командир, нужна замена.

— Проклятие. Я не подумал об этом. У тебя есть кто-нибудь на примете, Энгельхард?

— Унтер-офицер Швайкль из четвертого.

— Хорошо. Спроси его, хочет ли он пойти на самоубийственное задание.

Фельдфебель усмехнулся и исчез.

Бронеавтомобиль Sd.Kfz. 231-го подразделения Фессмана возле дома в русской деревне

Часом позже дозор Фессмана отправился на задание. Впереди машина, вооруженная 20-мм автоматической пушкой, следом две пулеметные машины. К ним присоединились три разведывательные машины оберфельдфебеля Лиммера. Возглавляемые капитаном Нирле, они поехали к месту переправы. Когда они выстроились в походный порядок, перед ними появился командир дивизии.

— Добрый вечер, господа.

— Добрый вечер, господин генерал.

— Господа, я даю вам задание, для выполнения которого вам придется проникнуть на двадцать километров в глубь территории, занятой противником.

Фессману казалось, что его товарищи задержали дыхание; генерал продолжил: «Ваше задание — взо-

рвать двухколейную железнодорожную линию в районе Бахмача и, если будет возможно, дорогу, идущую на юг от него. Это сделает невозможным для Советов подвезти подкрепления против нашей дивизии».

Начальник штаба дивизии выступил вперед и развернул карту на принесенной им доске. Генерал велел капитану Нирле и двум командирам дозоров подойти ближе.

— Одна группа — ваша, Фессман, — разрушит железнодорожную линию в западных предместьях Бахмача. Вторая — вы, Лиммер — южнее Бахмача. Как это сделать — решайте сами. А теперь позвольте мне пожелать вам самого лучшего и удачи.

Командир дивизии пожал всем руки. Затем он скрылся в направлении дивизионного командного пункта. Капитан Нирле тоже попрощался с восемнадцатью разведчиками и пожелал им удачи. После этого Фессман махнул рукой, подзывая своих людей. Пока саперы подносили взрывчатку, разведчики обсудили, как им следует выполнить задачу.

— Мы все понимаем, — сказал лейтенант Фессман в заключение, — что эта задача почти невыполнима. Но мы также настроены сделать все возможное. Обе дороги, по сведениям воздушной разведки, усиленно охраняются. Нужно незаметно проскользнуть и установить заряды на рельсах. В случае успеха мы предотвратим большие потери на этом участке фронта. Так что нам следует двигаться без задержек, имея всего одно намерение: взорвать железную дорогу. Щервик, у тебя жена и дети; если желаешь, можешь отказаться, и никто тебя не осудит.

— Ни в коем случае, командир! — ответил обер-ефрейтор Щервик, родом из Силезии и водитель радиомашины.

— Мы пересечем реку в темноте. Лиммер, следуешь

за нами. Часовые разбудят нас в 3.30. Отправляемся в 3.45. Сейчас я схожу в разведку через реку, до деревни Мищенки, через которую мы будем прорываться на юго-запад.

Пока экипажи размещали в бронемашинах взрывчатку, Лиммер и лейтенант спустились к берегу реки. На лодке они переправились на другой берег. По равнине, изрытой окопами, они дошли до дороги, которая вела в Мищенки.

— Та самая дорога, Фриц.

— Которая ведет к цели, Лиммер.

— Если нам удастся, то сможем потом праздновать по два дня рождения в году.

— Мы сделаем это.

* * *

В 3.30 они уже стояли на берегу реки.

— Доброе утро, господа, — сказал лейтенант. — Чего вы ждете? По пароходам и вперед!

С юга послышался грохот, русские 152-мм снаряды пролетели высоко над их головами и взорвались в нескольких сотнях метров дальше в тылу. Разведчики достигли другого берега и стали ждать. Фессман смотрел на свои часы со светящимся циферблатом. Когда стрелки часов показали 3.45, он встал в своей пушечной бронемашине.

— Дозоры — вперед!

Моторы взревели. Колонна из шести бронеавтомобилей двинулась в предрассветных сумерках. Через бинокль Фессман осматривал местность впереди. Видимость была всего лишь тридцать метров. Луна спряталась за облаками. Фессман ехал в передовой радиомашине, чтобы иметь связь с остальными экипажами.

К 4.15 видимость стала уже от 60 до 80 метров. Ма-

шины ехали через Мищенки. Деревня показалась Фессману очень протяженной; это было типичное русское селение, вытянутое вдоль дороги. С картой в руке он давал указания водителю. Вскоре перед ними показалось шоссе, идущее с запада на восток.

— Фессман — всем: меняем план. Мы пересечем шоссе и пойдем через юго-западную часть Мищенков, это лучший маршрут к нашей цели.

— Понял! — ответил Лиммер.

Первые две бронемашины уже пересекли шоссе, когда лейтенант заметил два грузовика возле домов с правой стороны. Из-за дома вышел часовой и встал посреди дороги. Водитель, обер-ефрейтор Щервик, снял ногу с педали газа. Фессман направил пулемет на русского.

— Езжай, Щервик.

Снова нажав на газ, водитель ускорил движение. Красноармеец что-то произнес и отступил к своим машинам.

— Не узнал нас, — с облегчением сказал один из разведчиков. Все машины проехали это место и вскоре достигли южного конца деревни.

У солдат в стальных коробках было чувство, что они едут к обрыву. Когда русские обнаружат их? Через два километра слева показалось стадо коров и несколько крестьян. Они с готовностью подошли, когда Фессман махнул им рукой.

— Куда ведет эта дорога? — спросил он на своем ломаном русском.

— В Бахмач.

Поход продолжился, и становилось все светлее. В пяти километрах юго-западнее Мищенков Фессман увидел впереди на дороге телеги. Он попытался позвать людей, сидевших на них, но тщетно.

— Приготовить оружие! Пушечная машина — вперед колонны, если мы остановимся.

Расстояние до телег быстро сокращалось. Внезапно лейтенант увидел, что на них красноармейцы. Было уже поздно поворачивать.

— Остановись возле ближайшей из них, Щервик!

Бронеавтомобиль поравнялся с последней телегой. Лейтенант высунулся из люка и направил свой автомат на солдат, смотревших на него удивленно и испуганно.

— Руки вверх! — приказал Фессман по-русски. Подъехала пушечная машина. Ее командир, фельдфебель Энгельхард, просигналил, что все в порядке, и проехал к головной телеге. Советские солдаты не оказали никакого сопротивления. Оберфельдфебель Лиммер, подошедший со своими тремя машинами, разоружил красноармейцев.

Фессман велел русским идти на северо-восток. Вдруг началась стрельба из винтовок. Она велась с востока, из зарослей кустарника; пули свистели над головами немцев. Пушечная машина Лиммера повернулась. 20-миллиметровка опустошила магазин. Снаряды вонзались в кусты, как огненные стрелы. Фельдфебель Энгельхард не стал стрелять, поскольку ситуация не была опасной. В кустах пряталось всего несколько красноармейцев, и они уже побежали на юг.

— Мы отъедем назад и там разделимся. Не стоит идти прямо на юг. Я думаю, русские теперь знают о нас и о наших намерениях.

Бронеавтомобили вернулись на 500 метров по дороге.

— Лиммер, здесь мы должны разделиться. Это даст нам двойные шансы, что хоть один из нас доберется до железной дороги.

— Хорошо, Фриц. Я поеду на восток по дуге.

Две группы разошлись. Проехав 500 метров по проселочной дороге, лейтенант огляделся вокруг; машины

группы Лиммера уже почти скрылись из виду. Местность, по которой шли бронемашины Фессмана, была ровной, как стол. Только левее впереди виднелась рощица. Когда они подъехали ближе, лейтенант увидел там деревню, не обозначенную на карте.

Было уже 5.20 и совершенно светло. И только поэтому ни одна из машин не застряла. Они ехали через борозды и среди ям. 75-сильные двигатели ревели, когда бронеавтомобили проезжали через песок и грязь.

Фессман предупредил всех троих водителей: «Местность местами болотистая. Следите, чтобы вы оставались на твердой почве и правьте осторожно».

Колонна проехала мимо деревни. Фессман осмотрел ее окраины в бинокль. На западном краю он увидел подозрительную тень, хорошо замаскированную деревьями.

— Похоже, на левой окраине деревни стоит тяжелый танк. Несколько человек около него, вроде бы завтракают.

Напряжение достигло высшей точки. Что, если этот гигант внезапно придет в движение? Они не смогут сражаться с ним, поскольку не повредят танк своим «дверным молотком», в то время как один выстрел его пушки пронзит их 8-мм броню, как бумагу. Они проезжали мимо танка на расстоянии 300 метров. Ничего не произошло. Пятеро русских продолжали готовить свой завтрак.

Лейтенант постоянно вглядывался через бинокль. Спустя пятнадцать минут он увидел широкое полотно дороги, которая вела на север к Батурину и к Бахмачу на юге. На часах было ровно 5.40. По дороге ехало множество грузовиков, а также одиночные танки. Движение шло в обоих направлениях.

— В низину, левее шоссе.

Три машины скрылись. Фессман связался по радио

со штабом дивизии и доложил о движении на дороге и своей позиции. Прошло десять минут. Вдруг унтер-офицер Швайкль помахал рукой из последней машины и показал назад. Лейтенант посмотрел на проселочную дорогу и увидел три грузовика, ехавших на север. Немного позже он заметил еще две машины впереди справа. Они двигались на восток позади бронеавтомобилей.

— Надо отходить. Назад, к деревне.

Ровная местность не давала укрытия, и они поехали к деревне по дороге. На обратном пути экипаж тяжелого танка на западной окраине селения вновь не опознал их и не пошел в погоню. Это был странный, нереальный поход, и Фессману подумалось, что все это как во сне. В пятистах метрах северо-восточнее деревни было поле, засеянное перцем, в котором три машины могли спрятаться. Фессман продолжал наблюдать за шоссе, ведущим на Бахмач. Он посылал непрерывный поток сообщений в штаб дивизии о передвижениях на этой дороге. В 6.05 он сообщил:

— Вражеская колонна, машины и конные повозки, на дороге Батурин — Бахмач. Начала и конца не видно.

Через 21 минуту он радировал:

— Движение по дороге Батурин — Бахмач остановилось. Не могу двигаться на запад. Поворачиваю на восток.

Затем он увидел вдали на востоке три бронеавтомобиля. Фессман опознал их как машины своего товарища Лиммера; очевидно, тот не смог проникнуть в восточном направлении.

— 6.40. Лиммер направляется на юго-запад. Я попытаюсь вновь пройти на запад.

Три бронемашины опять приблизились к шоссе Батурин — Бахмач. На этот раз лейтенант увидел батарею противника. Она пришла с востока, проехала в сторону Городища и заняла там позиции. Вскоре четыре орудия

открыли огонь в северном направлении. Плотный поток движения транспорта в обоих направлениях по шоссе продолжался. Проезжали тяжелые грузовики, иногда проходили одиночные танки, по обочинам шли конные повозки.

— Командир, командир! — позвал обер-ефрейтор Венцель, радист. — Радиосообщение от оберфельдфебеля Лиммера в штаб дивизии. Лиммер взорвал свои заряды!

— Тогда нам нужно на ту сторону. Любой ценой. Иначе мы никогда не пройдем. Всем быть готовым и ждать приказов.

Фессман взглянул на дорогу. Плотная колонна грузовиков только что проехала перекресток. Ее надо было пропустить. За ней была брешь примерно 300 метров.

— К дороге!

Бронемашины помчались к шоссе. Дорожная полоса приближалась, а затем они увидели две глубокие канавы по сторонам дороги.

— Поворачиваем южнее!

Три бронеавтомобиля покатили на юг, параллельно шоссе и канавам, всего в пятидесяти метрах от них.

— Впереди дорога. Осторожно! Мостик через канаву. Я пойду первым.

В потоке движения по шоссе был очередной промежуток, и обер-ефрейтор Щервик повел машину по мостику. Передние колеса были на нем, когда раздался громкий треск, и они провалились. Щервик давил на газ, надеясь выбраться, но машина застряла. С севера показалась колонна грузовиков с пехотой. Они были уже в 300 метрах. Фессман выскочил наружу. На полной скорости подкатил пушечный бронеавтомобиль. Фельдфебель Энгельхард понимал, чем они рискуют. Он бросил буксирный трос еще в движении. Лейтенант прицепил трос к своей бронемашине.

— По моему знаку рукой — оба врубаете заднюю передачу одновременно! — приказал Фессман. Фельдфебель в командирском люке своей машины кивнул, что понял.

Лейтенант поднял руку. Оба мотора взвыли. Бронеавтомобили вибрировали. Радиомашина медленно обрела свободу и выехала из канавы. Они вновь были на ходу.

— Каски и кепи снять!

Бронемашины отъехали всего на 150 метров от дороги. Фельдфебель Энгельхард спустился на землю. Он, как и все, был без головного убора. Немцы закурили сигареты и стояли на виду у проезжавших русских. Головной грузовик, сначала притормозивший, поехал дальше.

— Поехали. Направление — юг. Оставаться в 150 метрах параллельно дороге.

Их нервы были напряжены до предела. С каждым пройденным метром они все дальше углублялись во вражескую территорию. Но Фессман держал свои нервы в кулаке, и удача была с ним. Примерно через километр подъехали к дороге, пересекавшей шоссе. Лейтенант высунулся из своего бронеавтомобиля и махнул рукой водителям русских машин, приближавшихся с юга, чтобы они остановились. Если бы разведчики не закрасили кресты на своих машинах, их должны были опознать. Однако русские водители остановились и дали проехать трем бронемашинам.

Проехав несколько сот метров к западу, бронеавтомобили свернули на юг. Они оказались в заболоченной местности. Несколько раз головная машина застревала, но каждый раз удавалось высвободиться. Девять разведчиков были в напряжении, пот стекал по их лицам. Но теперь, когда они пересекли шоссе, Фессман

был уверен, что выполнит задание. Он не думал о том, как им предстоит возвращаться назад.

Вдруг позади послышался шум, похожий на звук самолетных моторов. Фессман обернулся и увидел три немецких бомбардировщика прямо за ними. Самолеты шли в сторону Бахмача на высоте около трех километров. Они пролетели над бронемашинами и стали сбрасывать бомбы на Бахмач. Фессман осмотрел открытую местность. Когда он заметил поезд к западу от него, двигавшийся на восток, в волнении сжал край крышки люка. Затем к нему обратился радист: «Командир, радиограмма из батальона. Спрашивают — противник все еще у вас в тылу?»

— Отправь: противник все еще в Городище и движение грузовиков в обоих направлениях по шоссе Батурин — Бахмач, в двух километрах восточнее.

Пока радист передавал это сообщение, три бронемашины по широкой дуге катили по кукурузным и картофельным полям к западной окраине Бахмача. Поезд остановился на станции Чесноковка. Затем на расстоянии примерно два километра Фессман увидел будку стрелочника и несколько домов. Это место было отмечено на карте Фессмана. Предполагалось, что они взорвут рельсы между этой будкой и Бахмачем. Они достигли цели!

Поезд стоял примерно в 700 метрах от будки стрелочника. Через железнодорожную линию проезжали грузовики в сторону Бахмача и обратно. Фессман задумался. В таких условиях он не мог подвести свои бронемашины к железнодорожной насыпи. Они были бы тут же замечены. Он должен оставить их в укрытии. Но где могло быть хоть какое-то подходящее место? Снова оглядев окрестности, Фессман заметил стог сена.

— Всем трем машинам — ехать к стогу и спрятаться там.

Они быстрым ходом достигли огромной копны сена.

— Обе пулеметные машины остаются здесь. Я пойду вперед на пушечной машине. Швайкль — со мной, сядешь снаружи.

Унтер-офицер Швайкль, сапер, взобрался на правый борт, лейтенант устроился на левом. Фельдфебель Энгельхард проинструктировал своего водителя. Они быстро подъезжали к насыпи. Вдруг Фессман заметил пулеметное гнездо примерно в 500 метрах перед ней.

— Русская охранная позиция, Швайкль. Сожалею, но мы должны ехать дальше.

Когда машина была в 300 метрах, над бруствером показались русские пулеметчики, уставившиеся на приближавшийся бронеавтомобиль. Водитель повернул немного в сторону, а затем канава заставила остановиться немцев примерно в 400 метрах от насыпи. Дальше начинался заболоченный луг, как определил лейтенант по растительности.

— Швайкль, дальше пойдем пешком. Каждый из нас возьмет трехкилограммовый заряд. Машина будет стоять здесь и прикрывать нас с тыла.

Фессман и Швайкль взяли заряды. Без головных уборов, вооруженные только пистолетами, они пошли к железнодорожной насыпи. Они с трудом заставляли себя не идти слишком быстро. Лейтенант краем глаза следил за перемещениями грузовиков. Затем он обернулся и взглянул назад.

— Проклятие, Швайкль, пулеметчики идут к нашей машине.

Они осторожно положили заряды на землю. Закурили сигареты, в попытке показать, что не представляют никакой опасности. Затем стали выдергивать картофельные стебли, изображая, что заняты сбором урожая. В надежде, что это одурачит русских.

Вдруг слева появился гражданский житель, кото-

рый шел в сторону двух немцев. Советские пулеметчики теперь были позади лейтенанта. Бронеавтомобиль был в 250 метрах.

«Что будет делать Энгельхард?» — размышлял Фессман. В этот момент мимо проехали шесть всадников. Они двигались к будке стрелочника, не далее 200 метров от двух немцев. Последующие события описаны Фессманом в рапорте от 9 сентября 1941 года:

«Унтер-офицер Швайкль проявил себя очень хорошо; он был взволнован, как и я, но оставался внешне спокоен. Мы выдергивали стебли картофеля и курили сигареты. Как он сказал — «мы должны делать это».

Вражеские солдаты были в двадцати метрах от моего пушечного бронеавтомобиля. Затем произошло невероятное. Мой превосходный фельдфебель Энгельхард не стрелял. Он медленно отъехал севернее примерно на 200 метров. По необъяснимой причине русские не опознали бронеавтомобиль. Экипаж, без головных уборов, выглядывал наружу. Благодаря Господу, кресты были закрашены. Русские повернулись и пошли в Бахмач. Опаснейшая угроза миновала.

Швайкль и я прошли к кустам возле железной дороги. Тем временем местный житель спокойно прошел мимо нас. Большое количество пехоты, высаживавшейся из поезда, отправлялось в Бахмач. Мы слышали шум грузовиков с другой стороны насыпи.

Я прервал молчание и сказал Швайклю:

— Войска с поезда.

— Поезд не идет в Бахмач из-за угрозы нападения авиации, — четко объяснил Швайкль.

— Ты остаешься здесь, Швайкль, и следишь за русскими позади нас.

Я пополз к насыпи, на которой лежали рельсы. До-

рожное полотно было в десяти метрах от меня. По другую сторону сквозь кусты я мог видеть вражескую пехоту (40 метров от меня), направлявшуюся к Бахмачу. Справа была открытая местность. Я увидел колонну примерно из 200 солдат, а также грузовики, ехавшие в разных направлениях; все это, как я говорил, по другую сторону дорожного полотна.

Затем прибыл унтер-офицер Швайкль с зарядами и сообщил мне, что пять пулеметчиков ушли на восток. Справа я внезапно увидел еще троих солдат, которые шли к нам по нашей стороне насыпи. Мы должны были тут же взрывать заряды!

Потом мы услышали шум справа. К нам приближался моторный вагон. Мы спрятались, и он проехал мимо. Я быстро огляделся, затем повернулся к Швайклю и взял свои два заряда.

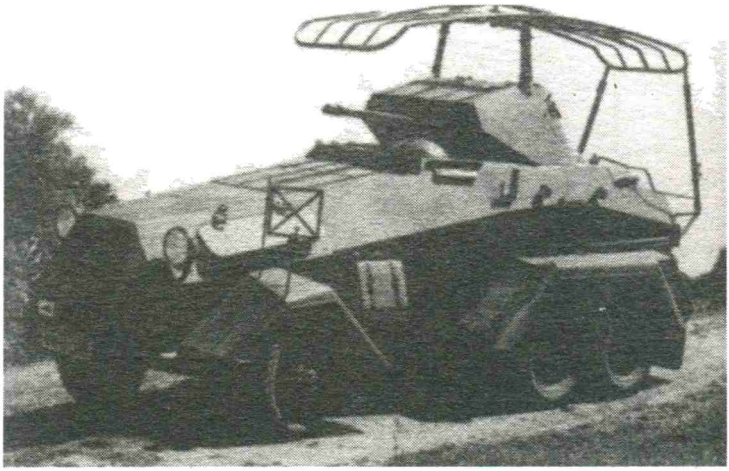
Справа послышались голоса. Я взглянул туда. Три солдата приблизились на десять метров. Они шли прямо к нам. На секунду я растерялся. На кону стояло все задание.

Швайкль поступил единственно верным способом. Он вскарабкался на насыпь. Я последовал за ним. Трое русских прошли прямо через место, где мы прежде прятались.

Мы услышали удивленные крики. Затем глухие удары, явно прикладами винтовок. Это привело нас к мысли, что они обнаружили подрывные заряды, лежавшие всего лишь в трех метрах от нас. Можно представить наши чувства.

Но они ушли! Их голоса затихли по мере удаления. С другой стороны насыпи мы могли слышать громкие голоса солдат, которые смеялись и кричали. Это была неописуемая ситуация.

Мы поползли назад к нашим подрывным зарядам,



Радиомашина Sd.Kfz. 263

вновь огляделись вокруг и затем вернулись на дорожное полотно.

— Надо взорвать прямо сейчас, командир, — напомнил Швайкль.

Мы работали быстро, но осторожно. Заряды были установлены на стыках рельсов. Потом мы подожгли запалы и побежали прочь.

Пробежав двести метров по картофельному полю, мы услышали взрывы наших зарядов. Куски железа просвистели в воздухе.

Русские начали обстреливать нас из минометов. Мы бежали и бежали, задыхаясь. Последние сто метров просто шли, несмотря на стрельбу из винтовок с двух сторон; мы уже не могли двигаться быстрее среди зарослей картофеля.

Когда дошли до бронеавтомобиля, экипаж затащил нас внутрь. Машина двинулась к стогу сена.

Подъехали к радиомашине и пулеметному бронеавтомобилю. У них тоже были большие переживания, когда проезжали вражеские всадники. Но благодаря превосходному укрытию стога, русские проехали мимо. Мы отправили радиосообщение: «10 часов — разрушение произведено успешно!»

На шоссе Батурин — Бахмач по-прежнему шло интенсивное движение. Проезжали тяжелые танки и бронеавтомобили. Нам удалось пересечь шоссе в том же самом месте.

Следующие пять часов мы наблюдали за движением по шоссе и сообщили в батальон о более 300 грузовиков и конных повозок, а также о нескольких тяжелых танках и броневиках.

Мы отошли, только когда вражеская пехота случайно заметила нас и атаковала при поддержке противотанкового орудия. Вернувшись в роту, мы были с энтузиазмом встречены нашими товарищами. Командир презентовал нам бутылку шампанского и шоколад — и это в России!»

Фессман и Лиммер успешно выполнили задание. Вскоре после доклада командир дивизии генерал-майор фон Лянгерманн сказал:

— Я горжусь вами и вашими солдатами! Представьте подробный рапорт с картой, чтобы я мог доложить в штаб корпуса. Генерал фон Гейр уже знает о ваших великих достижениях.

Всего несколько дней спустя командование дивизии дало новое и еще более опасное задание «дежурному командиру дозора».

После успешной миссии двух разведгрупп, 9 сентября 4-я танковая дивизия перешла через Сейм. 35-й танковый полк пробивал путь вперед через вновь при-

бывшие дивизии советской 40-й армии, перемещения которой наблюдал Фессман.

Вновь пошли дожди. Дороги утонули в грязи. Болотистая почва и размытые дороги препятствовали движению 2-й танковой группы на юг. Машины вязли в глубоких колеях. Помимо угрозы от противника, опасности таились в сложной, заболоченной местности, что приходилось учитывать во всех расчетах. Тем не менее наступление продолжалось. Бахмач был взят 10 сентября. Конотоп также был захвачен утром 10-го числа.

Русская тактическая авиация пыталась остановить продвижение немцев. Советы старались сохранить последний выход из киевского выступа как можно дольше, чтобы позволить уйти из него окруженным дивизиям. В немецком кольце вокруг Киева находились подразделения не менее пяти советских армий (5-й, 21-й, 26-й, 37-й и 38-й).

В это же время дивизии 1-й танковой группы (генерал-полковника фон Клейста) двигались с юга на север. Когда две танковые группы соединятся, киевский выступ будет полностью отрезан. В дождливый день, 11 сентября, 3-я и 4-я танковые дивизии попытались продвинуться как можно дальше на юг. В тот день командование группы армий дало приказ встретиться двум танковым авангардам в районе города Ромны. 3-я и 4-я танковые дивизии с севера и 9-я и 19-я танковые дивизии с юга соединились там и закрыли кольцо вокруг армий Буденного.

Вечером 11 сентября 33-й пехотный полк 4-й танковой дивизии получил приказ двигаться дальше на юг в сторону Толейки. Взвод Фессмана был подчинен полку в качестве разведывательного авангарда. Лейтенант Фессман и его три машины отправились к пехотинцам, которые тепло их приветствовали. Лейтенант и его во-

семь солдат стали чем-то вроде символа успеха операций для солдат дивизии.

Когда наступило утро 12 сентября и Фессман приказал прогреть двигатели, шел сильный дождь. 5-я танковая бригада под командованием полковника Эбербаха тоже пыталась пробиться дальше к югу. Полковник, опытный танковый командир, не хотел отстать от танков 3-й танковой дивизии. И на этот раз дозор Фрица Фессмана шел первым.

— Будь осторожен, Энгельхард, болотистая почва! — сказал Фессман по радио командиру пушечной машины, после того как услышал, что колеса его радиомашины хлюпают по грязи. Водитель немного повернул, и поверхность под колесами вновь стала твердой. Машины продвигались метр за метром. Дождь шел непрерывно. Хотя солнце уже взошло, все еще было как в сумерках. Впереди показался ряд деревьев.

— Там — Толейки. Остановиться и наблюдать.

Три машины встали под прикрытием кустов, а их командиры осмотрели местность в бинокли.

— Командир, иваны перед нами! Окопались слева и справа от дороги!

Услышав доклад Энгельхарда, Фессман повернул бинокль и сразу же заметил окопы.

— Их там немного, Энгельхард. Возможно, десяток. Мы можем взять их.

— Если не слишком много грязи.

— Выглядит нормально. Местность возвышенная. Пойдем через поле.

Радиомашина пошла впереди. Русские на своей позиции по сторонам дороги не стреляли, когда три бронеавтомобиля поехали по полю. Первые 50 или 60 метров все было хорошо. Но затем радиомашина стала быстро увязать. Прежде, чем лейтенант смог предупредить шедший следом пушечный бронеавтомобиль, тот

глубоко погрузился в грязь. Машина весом 4,8 тонны была просто слишком тяжела.

— Вылезаем и кладем траву под колеса, — приказал лейтенант.

Все, кроме водителей, покинули машины. Русские без единого выстрела покинули блокирующую позицию на дороге и ушли в Толейки.

— Командир, позади нас подходят танки!

— Проклятие! — выругался Фессман. Будет очень плохо, если танки заедут на это поле. Он побежал назад на 100 метров. Из головного танка высунулся командир батальона.

— Что случилось, Фессман?

— Русские в Толейках. Две мои машины завязли. Вытащите их оттуда, господин майор.

— Я дам вам Pz II. Он выдернет вас из грязи. Затем вы последуете за нами в Толейки и вновь пойдете впереди.

Один из Pz II выехал из колонны и поехал через поле за лейтенантом. Его гусеницы глубоко погружались в почву, но он прошел. Танк добрался до двух завязших машин и начал вытягивать их на дорогу.

— Теперь следуйте за мной в Толейки.

Возглавляемые Pz II, они покатили к деревне. На окраине догнали «больших братьев».

— Ну, что, Фессман?

— Противника не видно, господин майор. Я бы спросил местных жителей об обстановке.

— Ладно, давайте. Это не повредит.

Немецкий опыт в России показал, что лучший способ узнать что-нибудь о противнике — спросить сельских жителей. По опыту Фессмана, русские в деревнях — особенно женщины — в большинстве случаев давали точную информацию. Они даже часто преду-

преждали о минах и спасали немцев от неминуемой смерти.

Фессман повернулся к своему водителю, который был родом из Силезии и хорошо говорил по-русски, и сказал ему: «Щервик, сходи и позови кого-нибудь из русских».

Щервик махнул рукой пожилому русскому, который лузгал семечки.

— Что можешь сказать о мосте впереди? — спросил водитель, указывая на юг, в направлении реки Сула, но старик затруднился ответить.

— Тогда возьмем его с собой. В любом случае, нам надо идти к мосту, можем спросить его еще раз там.

Они посадили старика в радиомашину и поехали через деревню в сторону реки и моста. Деревня была очень длинной, что было обычно для селений, выстроенных вдоль дорог. Казалось, ей не будет конца. Из-за угла дома показался небольшой деревянный мост. Он выглядел неохраняемым, поскольку вражеских солдат не было видно.

— К большому мосту. Оружие держать готовым к открытию огня.

Пушечный бронеавтомобиль выехал из колонны, чтобы иметь обзор для своей 20-миллиметровой пушки. Ничего не происходило. Затем через 500 метров впереди и справа стал виден большой мост.

— Стоп! Я посмотрю.

В бинокль Фессман увидел красноармейцев по обе стороны моста на противоположном берегу. Он поискал противотанковые орудия, но не увидел ни одного. Это обнадеживало.

— Докладываю передовому отряду. Мост перед нами. Русская пехота на той стороне. Позиций артиллерии не видно.

Они покатили дальше. Фессман направил пушеч-

Sd.Kfz. 263 выстроились в открытом поле

ный бронеавтомобиль сбоку от своей радиомашины. Два вражеских пулемета с каждой стороны от моста начали стрелять. Очереди летели к двум бронеавтомобилям.

— Открыть огонь!

Очередь из пулемета радиомашины пересеклась с вражеским огнем. Затем стал стрелять пушечный бронеавтомобиль. Короткими очередями он уничтожил первый пулемет, в то время как радиомашина и третий бронеавтомобиль продолжали обстреливать другой пулемет. Дуэль длилась ровно две минуты. Вражеский огонь прекратился, и командир взвода уже собирался дать приказ въехать на мост, когда там раздался мощный взрыв. На мосту выросли три огромных столба пламени. Затем бронеавтомобили ощутили ударную волну. Обломки дерева, камни и куски металла разлетелись во все стороны.

— Командир — дозору: что там случилось?

— Противник взорвал мост прямо перед нашим носом, господин майор.

— Хорошо, что вы не были на нем, Фессман.

— Проклятие, проклятие! — ругался фельдфебель Энгельхард. — Иваны снова нас остановили.

Но вместе с яростью по поводу разрушения моста, в его голосе чувствовалось и облегчение, что русские открыли огонь первыми, заставив немцев остановиться.

— Немедленно назад к малому мосту, пока противник не взорвал и его!

Бронеавтомобили развернулись в глубокой грязи и поехали назад. Подъехав к малому мосту, они увидели, что танки передового отряда уже там. Рота пехоты, схавшая на танках, извлекла подрывные заряды перед мостом, и пошла вперед.

— Рад видеть вас все еще живым, лейтенант, — сказал майор.

— Господин майор, нужны саперы. Этот мост, возможно, тоже подготовлен к взрыву. Следует также проверить дорогу на той стороне, чтобы убедиться в отсутствии мин.

— Саперный взвод, вперед! — приказал командир батальона.

Прибывшие саперы нашли крупный заряд взрывчатки, который должен был взорваться под весом танков. Мин не было. Видимо, противнику не хватило времени заминировать и дорогу. Пока саперы проверяли путь, пехота прошла дальше вперед по канавам с обеих сторон дороги. Пятью минутами позже прибежал посыльный.

— Господин майор, крупные силы противника приближаются с юго-запада!

— Фессман, езжайте со своими машинами за мост, встретьте противника на южной окраине поселка и сдерживайте его. Лиммер, следуйте за лейтенантом. Фельдфебель Флашер прикроет вас огнем.

Один из Pz III вышел из массы стоявших танков и

присоединился к небольшой боевой группе. Шесть бронеавтомобилей пересекли мост. Танк обогнал их и занял позицию впереди. Фельдфебель высунулся из башенного люка и махнул Фессману. На южной окраине деревни Фессман увидел, что танкист указывает вперед. Там был противник, уезжавший на юг. Группы всадников скакали прочь галопом. Конные повозки тряслись по двум грязным дорогам, а на обочине стояло 76-мм противотанковое орудие.

— Открыть огонь!

Пушечная машина фельдфебеля Энгельхарда начала стрелять сразу после приказа. Первые снаряды понеслись к врагу. Лошади заржали и помчались с дороги в поле. Затем были две или три вспышки с позиции противника, просвистели снаряды, прошедшие над немцами и упавшие позади них. Пушка Pz III ответила огнем. Тремя выстрелами она заставила замолчать русское противотанковое орудие.

— Противник отходит!

Подъехали немецкие танки, с ротой пехоты на броне. Они пристроились за бронеавтомобилями и Pz III, которые двинулись по дороге на юг. Если встречалось сопротивление противника, оно подавлялось огнем танка и пушечной машины.

— Мы сделали их! — сказал фельдфебель-танкист. — Что будем делать дальше?

— Дорога ведет к высоте 88. Это наша цель, — ответил Фессман.

Преследуя противника, маленькая боевая группа Фессмана сильно отклонилась к западу, поскольку дорога сделала поворот. Бежавшие русские остановились, видимо, не зная, как преодолеть болотистую местность за дорогой. После нескольких выстрелов командир группы приказал остановиться.

— Нам надо вернуться к повороту.

Они вернулись назад и поехали в южном направлении по проселочной дороге, отходившей от основной трассы. Через шесть километров доехали до высоты. Машины были встречены вражеским огнем. Снаряды, ложившиеся рядом, заставили немцев искать укрытия.

— Высота 88 занята большими силами противника! — доложил Фессман в батальон.

Две минуты спустя был получен приказ от капитана Нирле: «Оставайтесь на месте. Прикрывайте фланги».

Дозор Фессмана остался перед высотой 88, а взвод Лиммера и Pz III отправились назад. Три бронеавтомобиля стояли среди окопов. Каждые десять минут лейтенант Фессман докладывал в батальон. За час до заката появилась вражеская пехота. Они шли широкой цепью и непременно должны были обнаружить бронемашины.

— Все готовы к бою? — спросил лейтенант.

Через несколько минут он приказал: «Открыть огонь!» Пушечная машина выпустила первую очередь снарядов. Застрочили и два пулемета. Красноармейцы залегли. Но Фессман понимал, что они наверняка не отойдут, а наоборот, вскоре атакуют бронеавтомобили, возможно, с «коктейлями Молотова». Следовало принять меры предосторожности.

— Радисты всех машин — к командиру!

Фессман вылез наружу. Водитель Щервик занял его место за пулеметом. Радист Венцель последовал за лейтенантом. Подошли радисты остальных двух машин.

— Слушай приказ! Мы пройдем вперед к линии окопов и займем их. Интервалы — пять метров. Открывать огонь, как только кто-нибудь увидит хоть одного русского.

Фессман первым пошел через кусты. Он услышал металлический лязг примерно в двадцати метрах впереди. До окопов оставалось еще шесть-семь метров. Лей-

тенант сделал несколько больших шагов и спрыгнул в окоп. С того места, где он слышал шум, раздалась пулеметная очередь. Пули прошли над его головой. Потом из кустов появились фигуры в хаки.

Русские закричали, обнаружив немцев. Те открыли огонь из четырех автоматов, красноармейцы тоже стали стрелять. Очередь ударила в вязкую почву рядом с головой лейтенанта. У него опустел магазин. Русские залегли. Стрельба затихла. Раненые просили о помощи, затем Фессман услышал топот множества ног.

— Назад, к машинам! — приказал лейтенант.

Оттуда было лучше видно. Фессман, знавший все приемы моторизованной разведки, прекрасно понимал, что следует делать. Те, кто не знал этих методов, навсегда оставались в земле России.

Немцы забрались обратно в машины, и радисты доложили лейтенанту. Не прошло и трех минут, как две пушки с холма и три тяжелых орудия в стороне от него начали стрелять. Снаряды дождем падали в зарослях кустов, сотрясая деревья и подбрасывая ветки в воздух. Разрывы стали ложиться ближе. Залп 152-мм снарядов ударил примерно в 50 метрах от бронеавтомобилей. Осколки легли в стороне, а комья земли и ветки посыпались на крыши машин.

— Они пытаются выдавить нас отсюда, командир, — пробормотал сквозь зубы Щервик. Он снова занял свое водительское место.

— Двигай вперед на границу укрытия.

Щервик включил зажигание. Радиомашина двинулась вперед. Она опасно накренилась, проезжая выемку. На небольшом расстоянии следовала пушечная машина фельдфебеля Энгельхарда, затем пулеметная машина.

Прежде чем немцы заняли новую позицию, пронеслись еще три тяжелых снаряда. Они прошли над броне-

автомобилями и взорвались точно в том месте, где дозор стоял две минуты назад. Взлетели в воздух ветки, а грохот едва не оглушил экипажи.

— Удачно, командир, — пробормотал Щервик. — Мы чертовски везучие.

Снаряды продолжали рваться позади них. Обстрел длился двадцать минут, затем был внезапно перенесен на Толейки. Снаряды стали пролетать над ними, и они могли слышать отдаленные взрывы. Потом послышался иной шум. Лейтенант встал в люке и вслушался.

— Внимание всем: танки!

— Черт бы их побрал! — выругался фельдфебель Энгельхард, услышав сообщение лейтенанта. — А у нас только один «дверной молоток»!

Вновь прозвучал голос Фессмана: «Готовность пушечной машине».

Радист уже зарядил новый магазин. Теперь фельдфебель Энгельхард тоже мог слышать шум двигателей, а затем он увидел вражеские машины. Это были два бронеавтомобиля. Фельдфебель вздохнул с облегчением, поскольку для его пушки это были лишь две небольшие «коробки». Первый советский бронеавтомобиль катил прямо к ним, а второй повернул и поехал через кусты.

— Пушечная машина, огонь!

Энгельхард ждал. Когда русский бронеавтомобиль немного повернул и показал свой борт, он немедленно стал стрелять. Вспышки и небольшие языки пламени показали фельдфебелю, что он поразил цель.

Советский бронеавтомобиль рывком развернулся. Он дал очередь из своей пушки, и первые снаряды легли в кустах в десяти метрах от немецкой машины.

— Магазин!

Новый магазин был заряжен, и фельдфебель нажал

на спуск. Вторая очередь попала в корму русской машины. Она задымилась, затем взорвалось топливо.

Внезапно пушечная бронемашина была обстреляна с фланга. Второй русский бронеавтомобиль дал несколько очередей из скорострельной пушки.

— Поворачивай! — закричал фельдфебель. Пушечная машина развернулась на одном колесе. Снаряд прошел по наклонному листу корпуса. Экипаж услышал скрип сминаемой стали. Потом они развернулись и открыли огонь по второму вражескому бронеавтомобилю. Он повернул и зигзагами ушел на восток.

Дозор откатил назад. Через 400 метров они достигли последнего возможного укрытия. Наступила темнота.

— Доклад батальону: атакованы двумя вражескими

Башенный отсек Sd.Kfz. 263 с 20-мм пушкой. Слева — спаренный пулемет

бронеавтомобилями. Один уничтожен фельдфебелем Энгельхардом. Артиллерия ведет огонь с позиции Дора-Эпсилон 12!

Командир батальона ответил через несколько минут: «Возвращайтесь в часть!»

Солдаты в бронеавтомобилях вздохнули с облегчением. Хотя их постоянной задачей было воевать на переднем крае, тем не менее в каждом походе они спрашивали себя: будет ли все в порядке и на этот раз? Повезет ли им снова? Три машины поехали назад и через полчаса добрались до передового командного пункта 7-го разведбатальона.

Фессман прошел на командный пункт. Капитан Нирле встал и сделал несколько шагов навстречу. Фессман доложил, и затем Нирле сказал: «Будьте осторожны, Фессман! Мне кажется, что вы слишком рискуете. Тем не менее, между нами говоря, командир дивизии представил вас к Рыцарскому Кресту».

Фессман был крайне удивлен. Он вернулся к своим солдатам. Фельдфебель Энгельхард доложил, что все готово к следующему утру. Щервик посмотрел на свои часы. За несколько минут до десяти он вскочил на ноги. Потом забрался в радиомашину и настроился на Белград. Его товарищи собрались вокруг машины. Ровно в десять вечера глубокий женский голос начал песню, ставшую символом для всех немцев на фронте: «Лили Марлен».

— Прекрасно! — сказал Венцель, когда песня закончилась.

* * *

Следующим утром Фессман проснулся оттого, что кто-то тряс его плечо.

— Что такое?

— 6.30, командир. Мы выходим через полчаса, —

сказал Кёммерле, на этой неделе была его очередь будить всех остальных.

Фессман встал. Когда он прошел в большую комнату дома, там пахло кофе и жареной ветчиной. Фельдфебель Энгельхард, лучший повар взвода, приготовил завтрак. Как только они закончили, появился обер-лейтенант Хольцхайд.

— Доброе утро, Фессман. Вы собрались?

— Все готово, командир.

Ротный командир поприветствовал солдат. Фессман изложил свой план ротному. Когда он закончил, обер-лейтенант согласно кивнул.

— Звучит хорошо, Фессман. Между прочим, командир пехотного полка хочет лично встретиться с вами. Мы вновь разделены на три дозора. Сейчас я иду к Лиммеру. Вы знаете, что он представлен к офицерскому званию?

— Рад за Лиммера, он хороший парень.

Ротный командир ушел. Солдаты поспешили наружу, заняли свои места в машинах, и Фессман повел свои три бронеавтомобиля на сборный пункт. Командир полка помахал ему рукой.

— Командир, лейтенант! — усмехнулся Щервик, который первым его заметил.

Фессман доложил пехотному командиру, которому для атаки на Григоровку были приданы две батареи артиллерийского полка и танковая рота. Когда лейтенант возвращался к своей машине, он проходил мимо танков.

— Эй, Фриц! Снова едешь на своих скорлупках? Смотри, как бы иваны не расщелкали вас в поле.

— Привет, Толстяк! — Фессман приветствовал своего приятеля по офицерским курсам. — Тебя отправят служить на кухню, если русские сегодня подобьют еще один танк под твоей задницей, понял?

Лейтенант Поллмайер, по прозвищу Толстяк, скор-

чил гримасу. Он непроизвольно прикоснулся к своему заду, обожженному несколько дней назад, когда его танк был подбит.

— Дозор — вперед!

Три машины отправились в путь. Держа дистанцию, за ними пошла танковая рота с пехотинцами на броне. Две моторизованные батареи держались позади. Атака на Григоровку началась. Вновь пошел дождь. Колеса вязли в мокрой земле, разбрасывая комья грязи.

— Черт бы побрал такую погоду, — пробормотал Щервик.

Атакующие силы медленно продвигались вперед. Противник должен был быть где-то рядом. Он ожидал немецкого наступления, имея задачу удержать открытым участок между Ромнами и Лубнами для своих армий, находившихся в киевском мешке. За несколько минут до восьми утра командир полка радировал: «Фессман, разведайте Григоровку. Только что пехотный дозор достиг высоты 88 и доложил, что там противник; они свяжутся с вами».

Три бронемашины увеличили скорость. Основная часть атакующих сил осталась позади. Впереди стал виден холм. Они поехали прямо к нему. Лейтенант напряженно всматривался и вслушивался. Они достигли холма, к ним приблизился один из пехотных разведчиков.

— Там, за дорогой, господин лейтенант. Можно пройти, и есть укрытие с другой стороны.

— Где русские?

— Небольшие силы противника окопались перед Григоровкой, господин лейтенант.

— Спасибо... Поехали, следуйте за мной.

Бронеавтомобили покатили к гребню холма. Фессман осмотрел местность перед Григоровкой. Он отметил вражеские позиции перед селением, а в самой Гри-

горовке — перемещение сил противника, отходивших с севера на юг.

— Дозор — командиру полка. Противник отходит на юг. Пехота, конные повозки, всадники.

— Спасибо, Фессман. Ждите там. Рота Элбингера подходит.

— Мы не должны позволить им снова уйти, командир! — заявил Щервик. — Эти чертовы парни всегда взрывают мосты перед нашим носом, и мы остаемся с пустыми руками.

— Хорошо, хорошо. Сюда идет танковая рота, — Фессман вылез из бронемашины и помахал обер-лейтенанту Элбингеру.

— Что видно?

— Русские отходят на юг. Они наверняка взорвут следующий мост, прежде чем мы достигнем его.

Обер-лейтенант понаблюдал за отходом противника в бинокль.

— Да, могут... Черт побери, что нам делать?

— Неожиданный рейд. Дайте мне два ваших танка для поддержки, и я пройду туда.

— Хм, звучит неплохо, Фессман. Под вашу ответственность?

— Конечно, под мою ответственность.

— Ладно. Я пошлю с вами два Pz II, лейтенанта Поллмайера и унтер-офицера Драхе.

Обер-лейтенант ушел. Вскоре после этого два танка выехали из колонны и забрались на склон. В люке первого танка стоял Толстяк.

— Спасибо, что вспомнил обо мне, Фриц.

— Это не я, а твой командир, Толстяк. Теперь слушай меня: мы пойдем вперед. Гляди в оба. Когда подойдем ближе, откроем огонь. Драхе, вы поедете за моим пушечным бронеавтомобилем. Толстяк, ты пойдешь впереди.

Машины покатили вниз по холму в плотных порядках. Они шли быстро. Вражеская пехота уже была видна невооруженным глазом.

— Смотри, Толстяк! Иваны поставили мины впереди на дороге. Надо обойти.

— Понял, Фриц.

Когда они приблизились примерно на пятьсот метров к въезду в деревню, а русские все еще не показывали признаков отступления, машины дали несколько пулеметных очередей в сторону противника. Прием сработал. Целый эскадрон кавалерии внезапно галопом поскакал из села. Их обстреляли из пулеметов, но вскоре всадники были уже за пределами досягаемости. Лейтенант Фессман наблюдал обстановку целых две минуты, потом дал приказ возобновить движение. Все ближе и ближе они подъезжали к деревне. Вдруг командир дозора заметил свежие следы танковых гусениц.

— Похоже, что в деревне танки, Фриц.

— Придется проверить. Я пойду впереди на радиомашине.

Танки съехали на обочины, чтобы дать проехать командиру дозора. Фессман направился в село.

Щервик сказал Фессману: «Нам придется идти только вперед, командир. В этой грязи мы не сможем развернуться на узкой дороге».

— Хорошо, тогда давай вперед!

Они достигли первых домов. В любой момент под колесами могли взорваться мины. Но ничего не случилось. Противник был явно застигнут здесь врасплох и не успел поставить мины. Радиомашина поехала по переулку. До сих пор не было видно ни одного вражеского солдата и не прозвучало ни одного выстрела. Танк лейтенанта Поллмайера вновь пошел впереди, поскольку бронеавтомобиль с трудом маневрировал в

Машины моторизованного разведбатальона готовятся к выходу на задание

грязи. Они проехали меньше 200 метров, когда справа появилась вражеская пехота и кавалерия.

— Огонь!

Деревня оказалась переполненной русскими, пытающимися пройти на юг, к реке между ними и передовым отрядом 4-й танковой дивизии. Красноармейцы шли между домами и огородами. Их стрельба из винтовок заставила скрыться внутри машин командиров танка и бронеавтомобиля. Огонь из пушки и пулемета быстро подавил вражеское сопротивление. Русские побежали к мосту, который, возможно, уже был подготовлен к взрыву.

— Быстрее, быстрее! За ними!

Внезапно мост показался перед ними, в 300 метрах. Бронемашины и танки понеслись к нему на полной скорости. Но затем (когда они были в 200 метрах от

въезда на мост) машины усиленного дозора попали под огонь с другой стороны реки. На дороге стали взрываться снаряды тяжелой артиллерии. Противник обстреливал авангард дивизии из пяти орудий. Возможно, он пытался выиграть время для взрыва моста.

— Танки и бронемашины — атакуем! — приказал Фессман.

Оба танка стали стрелять по противнику. Снаряды понеслись над мостом к вражеским позициям. Тем временем бронеавтомобили катили к мосту. Тяжелый снаряд прошел чуть выше головной машины. Фельдфебель Энгельхард, ехавший за радиомашиной, заметил вспышку выстрела прямо впереди, не далее 120 метров. Он прицелился и выпустил целый магазин 20-миллиметровки. Орудие противника замолчало.

Вражеская стрельба затихла. Только пехотные пушки продолжали вести огонь. Разрывы на дороге подходили ближе к приближающимся машинам. Внезапно Фессман увидел нескольких русских, бегущих к опорам моста на дальней стороне.

— Подрывники! — крикнул Щервик.

Пулемет ударил по бегущим, и две короткие очереди сорвали планы подрывников. С востока приближались танки передового отряда.

— Пушечная и пулеметная машина остаются здесь для прикрытия. Следить за противником. Я пойду вперед к мосту.

Фессман спрыгнул с бронемашины. Он услышал свист пуль и укрылся в канаве. Радист Венцель занял место Фессмана за пулеметом и стал стрелять по каждому вражескому солдату в пределах видимости. Оба Pz II по-прежнему вели огонь по пехотным орудиям, которые в итоге замолчали. С пистолетом в руке Фессман двигался вперед, пока не добрался до моста. Вот как он описал этот критический момент:

«Я полз вперед, пока не достиг моста, тогда я осторожно посмотрел через кусты и высокую траву направо. У меня не было другого способа прояснить обстановку. Затем пошел к мосту. На продольной балке я обнаружил подрывной заряд. Его нужно было снять. Случайный выстрел — и весь мост был бы разрушен.

Я вошел в воду. К счастью, там было не очень глубоко, и я мог продвигаться. Над мостом были слышны винтовочные выстрелы, но я был внизу. Они не могли попасть в меня.

Складным ножом, у которого, к счастью, было крепкое лезвие, я перерезал проволоку, крепившую запальный провод.

Вдруг я услышал какое-то движение в кустах позади меня. Я обернулся, держа палец на спусковом крючке пистолета. Но это был мой храбрый Швайкль, мой унтер-офицер. Превосходный парень! По своей инициативе он последовал за мной, желая помочь в качестве сапера. Я горжусь, что у меня в подчинении такие люди.

Вместе мы перерезали провода второго заряда. Каждый из зарядов мог полностью уничтожить мост. Но нам удалось отбросить русских и предотвратить взрыв. Теперь дивизия могла быстро пересечь реку. Мы поползли назад к нашему бронеавтомобилю по канаве. Справа я увидел русских, которые пытались уйти по открытой местности. Мы обстреляли их, и хотя у нас не было хорошего обзора, смогли задержать, пока наша пехота не взяла в плен несколько десятков красноармейцев. Теперь мост был под защитой наших солдат. Мы могли двигаться дальше.

Сразу за мостом на обочине дороги лежали два десятка мин. Очевидно, их собирались установить на дороге. Но наши быстрые действия предотвратили множество потерь. Это было приятно осознавать мне и моим товарищам».

Генерал-майор фон Лянгерман позже говорил:

«Фессман снова избавил нас от крупных потерь и обеспечил наше быстрое продвижение на юг. Обезвреживание подрывных зарядов — несомненный подвиг, совершенный молодым офицером, который, по моему мнению, может возглавить более крупное подразделение».

Капитан Райман, командир пехотного батальона, который все еще вел бой в деревне, попросил Фессмана помочь очистить селение. Поскольку первоначальная задача была выполнена, Фессман вернулся и поддержал пехоту. Но вскоре разведчикам была поставлена новая задача. Противник окопался возле железнодорожной линии в трех километрах южнее Григоровки и обстреливал артиллерийским огнем район действий дивизии.

* * *

— Господа, у нас приказ разведать силы противника и его позиции. По машинам!

Бронемашины преодолели грязный проселок и вышли на главную дорогу, которая вела на юг. Там колеса завертелись быстрее. Они катили со скоростью тридцать километров в час, но уже через несколько сот метров были обстреляны из полевого укрытия впереди. Пулеметная очередь ударила в направлении дозора и прошла над машинами. Они свернули на проселок, который шел в сторону леса. Пулеметы бронемашин открыли огонь, и вскоре противник прекратил стрелять. Над тремя бронеавтомобилями на север пронеслись артиллерийские снаряды. Фессман даже смог увидеть вспышки орудийных выстрелов на опушке леса перед ними. Он радировал:

— Перед железнодорожной насыпью, примерно в ста метрах правее дороги, позиции противотанковых орудий; четыре пушки на участке шириной 70 метров. Слева три русских полевых орудия. Сорок метров от дороги, 80 метров от насыпи.

— Мы дадим залп из 105-миллиметровок, вы будете корректировать, — услышал он в ответ.

Вскоре дивизионная артиллерия открыла огонь. Первый залп ударил в ста метрах перед позицией ПТО, подняв в воздух фонтаны грязи.

— 100 дальше! Направление — верное!

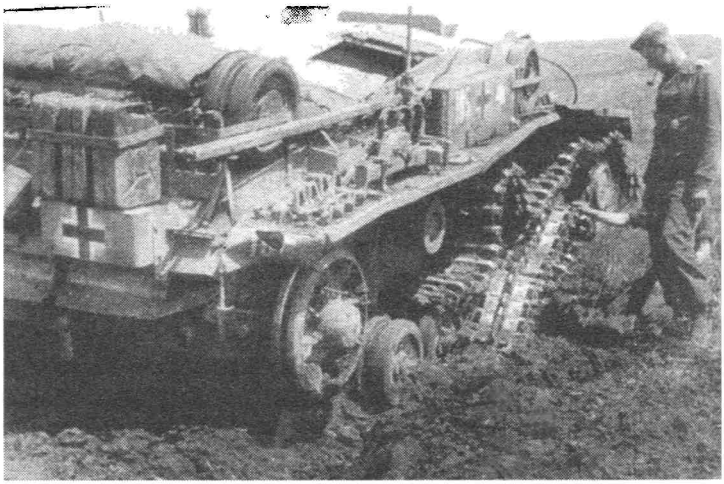
Менее чем через минуту второй залп ударил в грязь возле пушек на правом фланге. Затем взорвался вражеский боезапас, уничтожив позиции орудий.

Фессман продолжал корректировку, но уже через десять минут после начала обстрела противник понял, в чем дело, и направил в лес две разведывательные машины. Когда они выехали из низины, Фессман увидел, что это легкие танки. Это было плохо, поскольку они могли преодолевать грязь и могли отрезать немецким машинам путь к отступлению.

— Энгельхард, бей их, прежде чем они подойдут слишком близко. Стреляй, как только головная машина достигнет той небольшой высотки. Целься на сосну, он появится там.

Фельдфебель аккуратно прицелился на дерево, согласно инструкции лейтенанта. Русские машины исчезли из виду в низине. Когда первая поднялась наверх, ее нос появился рядом с сосной. Слегка подправив прицел, фельдфебель выпустил целый магазин. Вражеская машина задымила. Энгельхард не промахнулся. Советский легкий танк остановился, а радист Райт уже зарядил новый магазин.

Вражеский танк выстрелил из своей 45-мм пушки. Снаряд просвистел над бронемашиной и ударил в



Мины всегда были кошмаром для экипажей бронетехники, как демонстрирует это штурмовое орудие дивизии «Великая Германия»

ствол дерева позади. Прежде, чем противник успел выстрелить снова, Энгельхард выпустил второй магазин. 20-миллиметровые снаряды ударили в самое слабое место танка, между башней и корпусом. Раздался сильный взрыв. Башенный люк танка сорвало, и повалил толстый столб черного дыма.

Затем внезапно появился второй легкий танк, примерно в сорока метрах от первого. Он открыл огонь из пушки и пулемета. Пули застучали по наклонной броне немецкого бронеавтомобиля. Тем временем первый советский танк взорвался.

Второй вражеский танк развернулся и, прежде чем Энгельхард мог открыть огонь, скрылся в низине. Потом он вновь стал виден, уже в 500 метрах, возле насыпи. Теперь противник перенес свой артиллерийский огонь на лес. Когда первые снаряды взорвались на

опушке, Фессман понял, что надо убираться оттуда. Он доложил в штаб дивизии: «Противник обнаружил нашу наблюдательную позицию. Обстреливает не менее чем четырьмя 152-мм орудиями с другой стороны насыпи. Прошу разрешения отойти».

— Спасибо, Фессман, разрешаем.

Бронеавтомобили отошли через лес примерно на 300 метров севернее. Фессман бежал впереди, чтобы посмотреть, куда ведет лесная дорога, по которой они ехали. Лейтенант достиг края леса и увидел, что дорога ведет прямо на север через низину. Он сразу же побежал назад к своим трем машинам, которые медленно продвигались. Сел на свое место и повел дозор вниз по дороге, относительно укрытой от опасности.

Бронемашины покинули лес и покатили в низину, в то время как вражеские снаряды рвались на опушке. Инстинкт вновь не подвел Фессмана, они отступили как раз вовремя. По возвращении Фессман доложил командиру полка.

— Спасибо, Фессман! Вы еще раз здорово помогли нам. Надеюсь, наша полевая кухня приготовит для ваших солдат что-нибудь особенное, они заслужили это.

* * *

В воскресенье, 14 сентября 1941 года, дозор Фессмана вновь направился на юг. В конце дня был установлен контакт с передовым отрядом 16-й танковой дивизии. В это же время передовые части 3-й танковой дивизии также встретились с саперами 16-й танковой дивизии. Последняя брешь киевского мешка теперь была закрыта. Армии Буденного оказались в кольце. Вечером того дня генерал-полковник Гудериан приехал в Лохвицу. «Быстрый Хайнц» хотел быть на месте

событий, чтобы координировать все операции как можно оперативнее.

На следующий день русские попытались прорваться из Киевского котла; из-за этого весь 7-й разведбатальон был задействован в тяжелых боях. Легкие машины встретились с вражескими танками. Нелегко пришлось и лейтенанту Фессману.

Советские попытки прорыва продолжились в последующие дни, но кольцо было закрыто. Для усиления немецких войск прибыла 9-я танковая дивизия, а также 25-я моторизованная пехотная дивизия. 20 сентября были взяты в плен несколько советских генералов, возглавлявших попытки прорыва. Взвод Фессмана тоже взял немало пленных.

Дивизии 29-го моторизованного армейского корпуса взяли Киев 19 сентября, а 26 сентября крупнейшая битва была окончена. Противник потерял миллион человек убитыми, ранеными и пленными. Буденному удалось улететь из котла на самолете. 665 тысяч красноармейцев попали в плен. Советским войскам не позволили отойти на восток стремительные действия немцев, перекрывшие горловину мешка. Фриц Фессман и его солдаты были на самом острие этого стремительного удара.

* * *

Сразу после окончания Киевской битвы 2-я танковая группа была направлена для участия в операции «Тайфун», штурма Москвы.

Танковая группа пошла на север. Впереди снова шел 24-й моторизованный армейский корпус. 3-я и 4-я танковые дивизии наступали на север из района Глухова в направлении Орла. 3-я танковая дивизия прикрывала левый фланг 4-й танковой, которая шла в авангарде

корпуса. 2 октября дивизия достигла Севска. Дорожные условия стали отвратительными. Дождь, перемежающийся со снегом, шел постоянно, превращая почву в грязь.

Фессман одним из первых въехал в Севск. Обстреливаемый из домов, он проехал сквозь город, следуя по пятам за противником. Пехота, сидевшая на бронемашинах, вела перестрелки с вражескими солдатами, укрывавшимися в домах.

На следующий день подошли к Кромам. 7-й разведбатальон уверенно шел вперед, временами как часть передового отряда под командованием майора фон Юнгенфельдта. Когда колесные машины увязали в грязи, атаки продолжали танки полковника Эбербаха. В полдень 3 октября они достигли Орла, пройдя за день более 130 километров. Танки прошли через застигнутое врасплох боевое охранение русских прямо в город. С ними был и дозор Фессмана. Его машины были обстреляны, но Фессман продолжал вести наблюдение. Затем внезапно рядом стали рваться снаряды. Один из них упал менее чем в 40 метрах от радиомашины. Прежде чем лейтенант успел спуститься в машину, возле его головы пронеслись осколки. Он почувствовал боль с правой стороны головы.

— Командир, вы ранены! — отчаянно крикнул Щервик. Он увидел кровь, которая текла по щеке лейтенанта. Фессман потрогал рукой и ощутил на пальцах горячую кровь.

— Ничего серьезного. Давай быстро к тем домам.

Щервик повернул машину. Следующий залп ударил позади них, выбросив в воздух камни, комья земли и стальные осколки, но они уже были под прикрытием домов. Там Фессмана перебинтовали. Экипаж просил его отправиться в санчасть, чтобы обработать рану по

всем правилам и сделать укол от столбняка, но Фессман отказался.

— Мне уже сделали прививку от столбняка в июле. Я не уйду сейчас, когда мы идем вперед.

Фессман остался в строю. Его рана зажила без осложнений. Наступление на Москву продолжалось. Первый снег выпал в ночь на 7 октября, и грязь стала еще хуже. Дивизия пробивалась через Мценск на Тулу. В это время Фессман получил известие, что его жена родила сына. Наступление продолжалось сквозь снежные метели. Бронеавтомобилям приходилось пробивать себе путь через грязь. Но Москва была еще далеко. Они еще не достигли Тулы, когда встретили вторую линию обороны Москвы.

Только 23 октября дивизия пересекла Сушу. Идя по пятам за противником, немцы ворвались в Чернь.

Когда лейтенант Фессман подъехал к этому городу, он увидел дорожный указатель: «90 км до Тулы». Все колесные машины завязли на дорогах в грязи. Только танки полковника Эбербаха продолжали наступать.

27 октября лейтенант Фессман был вызван на командный пункт дивизии. Генерал фон Лянгерман приветствовал его, подполковник Хайдкёмпер, начальник штаба дивизии, со значением подмигнул.

— Лейтенант Фессман, — начал командир дивизии, — Верховное командование награждает вас Рыцарским Крестом за ваши действия по подрыву Бахмачской железнодорожной линии. Я имею честь вручить вам сегодня эту награду.

На мгновение Фессман потерял дар речи. Затем его лицо просветлело. Его восемь солдат ждали снаружи. У Фессмана не нашлось слов, когда Щервик поздравил его от всего взвода. Пять дней спустя Фессман был произведен в обер-лейтенанты.

Бои продолжались. Ничего не изменилось. Фессман продолжал делать вылазки в сторону противника, чтобы снабжать штаб дивизии ценной информацией. Несмотря на установившееся господство «генерала Мороза», генерал-полковник Гудериан все еще был настроен на успех. Он собрал танки 24-го моторизованного армейского корпуса, 75-й артиллерийский полк, 3-й пехотный полк и пехотный полк «Великая Германия» в мобильную передовую группу под командованием полковника Эбербаха. Гудериан дал ему краткий и четкий приказ: «Вперед, любой ценой, Эбербах. Взять Тулу!»

20 октября бронированный авангард был перед Тулой. Четыре километра отделяли его от этого крупного промышленного центра в преддверии Москвы. Полк «Великая Германия» дошел до предместий города. Там он остановился. Следующим утром полковник Эбербах пешком обследовал местность. Наступление началось в 5.30 утра. К вечеру немцы продвинулись на пятьдесят метров. Атака танков Эбербаха потерпела неудачу. На следующий день обер-лейтенант Фессман также принял участие в битве за Тулу. Наступление было временно прекращено. Для 7-го разведбатальона начался период позиционных боевых действий, для которых он не был предназначен.

До середины ноября дивизии Группы армий «Центр» не штурмовали советскую столицу. Но 19 ноября уже все дивизии шли в атаки. 18 ноября штурмовая группа 3-й танковой дивизии внезапным рейдом захватила мост через реку Упа. Бронемашины Фессмана объехали Тулу. Были бои с советскими стрелковыми дивизиями, но Фессману и его солдатам снова невероятно везло. Однажды пулеметный бронеавтомобиль был подбит, но все три члена экипажа остались живы.

Только обер-ефрейтор Бикерт провел несколько дней в санчасти, но вскоре вернулся во взвод.

Немецкие войска обошли Тулу. 4-я танковая дивизия шла вдоль железнодорожной линии, которая вела с юга к сердцу вражеской столицы. Достигнув Алексина, дивизия встретила позиции 49-й советской армии. Вместе с 33-м пехотным полком подразделения 7-го разведбатальона приняли участие в окружении 239-й сибирской стрелковой дивизии. Однако сибиряки в своих белых маскировочных халатах пробились из окружения и ушли на восток.

Фессман и его взвод достигли железнодорожной линии 2 декабря 1941 года и приняли участие в ее разрушении, хотя сами не производили взрывы. Бронеавтомобильный дозор продвинулся до Костровы. Неоднократно три маленькие машины оказывались под сильным артобстрелом противника, но каждый раз они чудом уходили. В 15 километрах южнее Тулы, которая еще оборонялась, генерал-полковник Гудериан принял решение отвести передовые части своей танковой армии. Он отдал этот приказ, самый трудный в его карьере, в имении русского писателя Толстого, ночью 6 декабря 1941 года. Гудериан объявил: «Наступление на Москву не удалось. Мы потерпели поражение».

Началось общее отступление. Теперь Фессман и его солдаты сражались в арьергарде. Эти морозчые дни и ночи стали началом одиссеи, которая завершилась только в Орле. В начале октября 1942 года Фессман был переведен в 14-ю танковую дивизию, которая тогда располагалась в Сталинграде, но вскоре должна была быть выведена в тыл на отдых и перевооружение. Фриц Фессман был назначен командиром роты в этой дивизии.

* * *

7 октября 1942 года обер-лейтенант Фриц Фессман прибыл в дивизию и доложил генерал-майору Хайму на его командном пункте.

— Рад получить вас, Фессман. Вы немедленно примете командование 1-й ротой 64-го мотоциклетного батальона.

Так генерал-майор приветствовал обер-лейтенанта. 64-й мотоциклетный батальон был «глазами» 14-й танковой дивизии, и теперь опытный фронтовой разведчик должен был возглавить роту этого батальона.

Под командованием майора Грамса, самый быстроходный батальон дивизии, оснащенный полугусеничными бронетранспортерами, был передовым подразделением дивизии с июля 1942 года. 30 августа он был в Бекетовке, южном пригороде Сталинграда. Противник дрался все упорнее, его противотанковая оборона усиливалась. Затем 29 сентября 14-я танковая дивизия была переведена в резерв армии, в район севернее Плодовитого. 4 октября она пошла на помощь румынским войскам, пытаясь оттеснить советские силы, прорвавшие позиции возле Садового.

Тем временем 6-я армия достигла Сталинграда. Поскольку силы армии были истощены, 9 октября 14-я танковая дивизия была придана ей и пошла через Воропоново, Питомник и Гумрак в район западнее крупного оружейного завода «Красные Баррикады», в северной части Сталинграда. Там действовал 2-й корпус под командованием генерала Зайдлица.

Фессман прибыл в дивизию, когда стали ясно видны первые признаки грядущей катастрофы. Бронированные разведывательные машины постоянно вели разведку вражеских позиций. Фессман, лично участвовавший во всех самых трудных походах, вскоре понял,

что концентрация столь мощных советских сил в районе Сталинграда имеет важное значение. Он многократно указывал командованию на результаты этих вылазок, но на его предупреждения не реагировали.

Один из ударов русских, приведший к трагическому окружению Сталинграда, прошел между расположением роты Фессмана и городом на Волге. Одиночные солдаты и остатки подразделений были поставлены под командование сформированной «боевой группы Фессман». Обер-лейтенант хотел попробовать остановить русских, которые наступали в его тылу. Он должен был удерживать свой плацдарм для помощи Сталинграду. Однако его боевая группа была оттеснена до Карповки к 19 ноября.

Натиск на небольшую боевую группу и на всю 14-ю танковую дивизию описан подполковником Грамсом в истории дивизии:

«Это была жуткая и рвущая нервы борьба на земле и под землей, среди руин, в подвалах и канализации большого города. Солдат против солдата, герой против героя. Танки взбирались на горы обломков, ползли через разрушенные цеха заводов и стреляли с близкого расстояния на полуразрушенных улицах и в заводских дворах. Многие из бронированных гигантов подрывались на вражеских минах. Там были также глубокие овраги, ведущие к Волге. Если наши гренадеры достигали верхнего гребня берега Волги, ночью противник сметал их ударами во фланги и тыл немцев, и завоеванное в ходе тяжелых боев днем вновь утрачивалось к утру.

Противника невозможно было увидеть в густых лесах на восточном берегу Волги, ни его артиллерийские батареи, ни пехоту. Но они были там, и они стреляли, и каждую ночь перебрасывали подкрепления через реку в руины города на сотнях лодок.

Когда русские начали наступление на позиции 1-й румынской кавалерийской дивизии в районе Клетской в 4 утра 19 ноября 1942 года, 103-й панцер-гренадерский полк подполковника Зайделя был в районе Карповки. Ему были подчинены 36-й танковый полк и 64-й мотоциклетный батальон.

В тот же день обер-лейтенант Фессман доложил командиру батальона, что у него собралось 750 солдат. Была образована «боевая группа Фессман». Она имела задачу остановить русское наступление, занимая плацдарм в районе Лошки на Дону, южнее Красноармейского, и удерживать его против 50-кратно превосходящего противника. Вечером 19 ноября Фессман получил сообщение, что боевая группа Зауэрбрух, под командованием капитана Зауэрбруха (сына знаменитого хирурга), идет в его сторону и Фессман переходит в его подчинение.

750 солдат Фессмана сражались отчаянно. Но им приходилось отступать шаг за шагом. Однако на небольшой реке Царице, протекавшей с севера на юг, Фессману удалось создать новую линию обороны. Солдаты тыловых частей, составлявшие большую часть группы Фессмана, окопались там. Перед позициями были поставлены мины, на случай танковых атак.

Боевая группа едва успела занять оборону, когда русские попытались прорваться. Группа Фессмана должна была держаться, пока не будет эвакуирован госпиталь позади нее. Первые силы противника появились перед линией обороны группы поздно вечером 21 ноября. Через несколько часов (точнее, в час ночи) командир боевой группы был разбужен мощным взрывом. Фессман надел мундир и вышел наружу. Советский тяжелый танк стоял на середине моста через Царицу. Он наехал на одну из мин, поставленных несколько часов назад. Ярко пылая, огромная машина

светила в ночи как гигантский факел. Сражение началось, и в следующие три дня боев оно потребовало полного приложения усилий всех солдат боевой группы.

Три дня советские войска пытались пересечь реку, сначала севернее, потом в центре и, наконец, южнее, чтобы обойти боевую группу с фланга. Немецкие солдаты упорно оборонялись. Вечером третьего дня (24 ноября 1942 года) после мощного обстрела из танков и артиллерийских орудий, стоявших на противоположном берегу, противник пробился на южную окраину Ляпичева. Фессман, с десятью бронетранспортерами и солдатами 64-го батальона, немедленно атаковал противника. Обер-лейтенант въехал в пригород на головной машине. Когда противник сосредоточил огонь на его бронетранспортере, он приказал:

— Атакуем! Двигаемся к домам! Затем стрелки высаживаются и выбивают врага!

Десять бронетранспортеров устремились вперед. Вражеские танки стреляли с другого берега реки, но дома прикрывали немецкие машины от попаданий. Множество строений загорелось. Бронетранспортеры достигли квартала, занятого противником. Фессман выпрыгнул наружу, за ним последовали стрелки. Они сметали вражеских солдат огнем из автоматов, пулеметов и ручными гранатами. Бой длился около десяти минут.

Танки противника также покинули поле боя. Ситуация была на время восстановлена. Фессман и его пехота отошли в Ново-Петровский, в восьми километрах южнее. Там адъютант Фессмана сообщил, что в пять утра должен быть сделан доклад капитану Зауэрбруху. Следующим утром Фессман представился капитану Генерального штаба Петеру Зауэрбруху, офицеру штаба 14-й танковой дивизии по снабжению.

— Доброе утро, Фессман. Мы оттеснены до плацдарма Лошки. Противник крупными силами прибли-

жается с юга. Русские уже частично обошли нашу дивизию с фланга, а также давят на нас с северо-востока.

— То есть здесь уже нечего делать?

— Штаб армии приказал отходить, Фессман. Но отход займет время. Вы должны понимать, что это означает.

— Что от меня требуется?

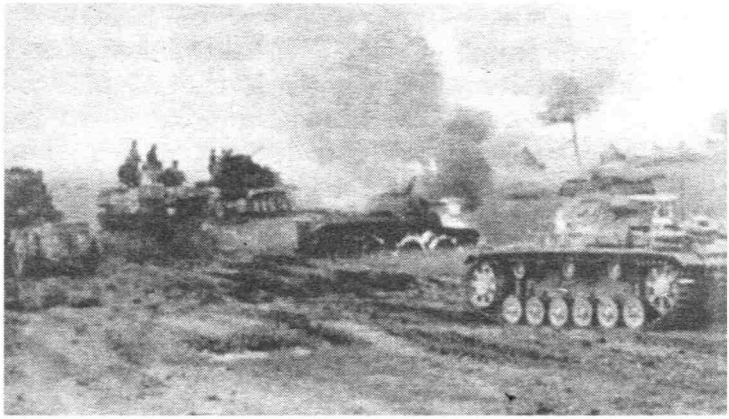
— Я приказываю вам взять десять бронетранспортеров, половину мотоциклетного взвода и четыре противотанковых орудия, сформировать арьергард в районе Ляпичева и не выходить из контакта с противником до 10 утра.

Фессман повторил приказ. Прощальное рукопожатие. Затем он поспешил на свой командный пункт. Вызвал своих младших командиров и описал дальнейший план действий. В заключение он сказал:

— Друзья, раньше мы не сражались вместе. Многие из вас пришли из тыловых подразделений и не слишком хорошо подготовлены. Поэтому теперь я отсылаю всех тыловиков назад. Все небоевые подразделения уходят на запад. Старшинам подразделений выдать пайки на два дня. Хассенпфлюг, вы взорвете все машины, которые не могут двигаться или буксироваться, чтобы ничего не попало в руки противника. Боевая группа выйдет в 8 утра. Удачи!

Далее начались столь фантастичные действия, что лучше привести описание их самим Фрицем Фессманом. Он написал этот доклад, еще находясь под впечатлением тех волнующих событий, 5 февраля 1943 года в тыловом госпитале в Бамберге:

«Все шло очень хорошо, и в 8 утра я отправился в своем бронетранспортере во главе моей боевой группы к северному выезду из деревни. Там я был остановлен



Колонна Pz III проезжает мимо горящего БТ-5 во время наступления на Москву

сообщением от наблюдателей из расчетов противотанковых орудий, которые указали на несколько машин, двигавшихся по равнине в сторону нашего западного фланга.

— Смотрите, чтобы они не отстрелили вам задницы в ваших жестянках! — предупредил лейтенант, командовавший ПТО.

Я посмотрел на машины в бинокль и определил, что это танки. Они приблизились к длинной колонне грузовых и легковых автомобилей дивизионного обоза, который стремился уйти на запад, и уничтожали одну машину за другой. Над колонной поднялись столбы пламени. Огонь и клубы черного дыма, и непрерывные вспышки выстрелов из танковых пушек.

— Всем — стоп. Я поеду вперед на разведку.

Я поехал прямо на север по дороге на Ляпичев, чтобы уяснить диспозицию противника.

Через два километра я остановился и определил,

что противник совершил танковый прорыв между Ляпичевым и нами. Я видел несколько советских танков на западе, но несколько огромных монстров двигались также на север и северо-восток. Я развернул бронетранспортер и покатил назад.

— Мотоциклисты следуют за дивизионным обозом, отходящим на запад! — приказал я. — Зильберман, вы пойдете на запад с пятью бронетранспортерами и двумя противотанковыми орудиями в направлении русских танков. Я беру остальные пять бронетранспортеров и третье орудие севернее, на дорогу к Ляпичеву. Сами определяете маршрут, но не показывайтесь на глаза вражеским танкам.

Обер-лейтенант Зильберман взял свою группу и уехал, а я повел свои силы по дороге к Ляпичеву.

Мои машины точно держали интервалы; с противотанковым орудием и большой радиомашиной мы должны были выглядеть «настоящим боевым подразделением». И мы произвели такое впечатление. Сначала один, потом второй и затем уже три русских танка, которые были западнее нас, поехали назад на максимальной скорости и присоединились к советским танкам северо-восточнее нас. Несомненно, они ошибочно приняли нас за танки и решили отступить, чтобы не быть отрезанными нами.

Тем временем отважное вмешательство обер-лейтенанта Зильбермана отвлекло вражеские танки от дивизионного обоза, хотя он мало что мог сделать против них. Одному из его орудий крупно не повезло — сломался боек, когда до ближайшего танка противника было всего десять метров.

Теперь вражеские танки были перед моей группой, и, таким образом, мы защищали обоз, который уходил на запад. Некоторое время танки противника стояли на

месте. Мы были вне дистанции эффективной стрельбы их пушек и ехали довольно медленно.

Советские танки начали стрелять. Затем они двинулись по направлению к нам. Пришло время действовать. Но что я мог? Мои бронетранспортеры имели лишь по два пулемета, и я не надеялся остановить пять Т-34 одним противотанковым орудием на открытой местности. Было очевидно, что такой попыткой лишь принесу в жертву мое противотанковое орудие. Но у меня был только один выход: встать и воевать.

Я двинул свой бронетранспортер и сигналами рукой расставил остальные машины по сторонам и сзади. Двигаясь в сторону русских, я давал сигналы окружить их. Они заволновались, остановились и стали стрелять.

Теперь мы были уже в пределах досягаемости их пушек, и снаряды ложились впереди и позади нас, ударяя в землю или свистя над головами. Взрывы фугасных снарядов перемежались шмяканьем бронебойных в мягкую почву. По броне стучали осколки.

Однако эта местность идеально подходила для «танкового боя», и я мог идти на скорости 25—30 километров в час, пока не пришло время повернуть назад.

Вся группа зигзагами шла перед советскими танками, которые вели лихорадочный огонь. Однако, слава богу, ни одного попадания не было. Мы двигались слишком быстро для наводчиков Т-34, которые должны были одновременно и командовать танком, и целиться. В этом был их большой недостаток по сравнению с нашими танками, приводивший к замедлению темпа стрельбы.

Разумеется, мы не могли стрелять, иначе русские сообразили бы, что у нас только пулеметы. Нас спасало только движение зигзагами.

Мой водитель вел машину уверенно, без задержки реагируя на команды. Он менял курс по моим указани-

ям невероятно быстро. Остальные солдаты тоже были спокойны и собранны; машины позади меня превосходно держали интервалы. Это доказывало, что солдаты доверяют мне. Что еще я мог придумать, чтобы помочь им и нашему обозу тоже? И как сделать это, если необходимо рисковать? Раньше я еще не бывал в подобной ситуации.

Никогда прежде нам не приходилось быть в контакте с противником в таком странном «боевом порядке». Я чувствовал себя так, как может чувствовать адмирал в морском сражении. Только, к сожалению, у меня не было артиллерии.

Тем временем советские танки поворачивали то влево, то вправо, следуя нашим зигзагам и постепенно приближаясь к нам. Ситуация становилась все более некомфортабельной. Если хоть один из командиров танков осмелится пойти быстрее, то в лучшем случае заставит нас бежать прочь, а в худшем — мы станем для него легкой добычей. И это будет иметь ужасающие последствия для нашего обоза.

Приблизившись на 1000 метров к русским танкам, я приказал водителю повернуть и отойти снова на 2000 метров, чтобы изобразить нечто вроде оборонительной позиции за небольшой высоткой.

Танки неуверенно преследовали нас, постоянно останавливаясь для стрельбы. Это было действительно подарком свыше, что до сих пор они не попали ни в одну из моих машин.

Я просигналил рукой противотанковому орудию выйти на позицию и открыть огонь с максимально возможной дистанции. Разумеется, это было совершенно бесполезно, однако давало нам выиграть время. Мы должны были сдерживать эти русские танки до 10 утра, чтобы ушел не только обоз, но и наши товарищи, еще остававшиеся в Ляпичеве.

Внезапно с тыла появилась группа Зильбермана. Я помахал ему, и обер-лейтенант проинформировал меня, что обоз уже ушел, последние машины дивизии миновали опасное место и не нуждаются больше в защите.

— Зильберман, мы здесь дурачим русских. Теперь обеими группами пойдем на север, не обращая внимания на них. Возможно, мы сможем пройти через Ляпичев.

— Ну, пойдем, Фессман, — таков был типичный ответ этого офицера.

Две группы пошли на север. Но мы были еще не слишком близко от Ляпичева, когда я понял, что город окружен плотным кольцом советских танков. Из центра города слышались громкие взрывы. Затем показались цепи красноармейцев.

— Мы не сможем попасть в Ляпичев, Зильберман.

— Похоже, наши товарищи выбиты из него.

Сказанное Зильберманом звучало правдоподобно. Немцы уже не вели бой с противником. Часы показывали 11 утра. Мы продержались на час дольше, чем планировалось. Таким образом, мы выполнили наше задание и теперь — поскольку в поле зрения не было ни единого немецкого солдата — могли отойти на запад и присоединиться к нашим товарищам на плацдарме Лошки.

Выяснилось, что группа Элбингера вовремя оторвалась от противника в Ляпичеве и прибыла на плацдарм раньше нас.

За исключением машин обоза, уничтоженных русскими танками до нашего вмешательства, немцы ушли из Ново-Петровского в целости. Тыловые части дивизии и несколько пехотных батальонов прошли на запад. И все это благодаря нашему нахальному, невероятному блефу».

Наступление на Москву остановилось в снегу и морозах

У кого-то может сложиться впечатление после рассказа обер-лейтенанта Фессмана, что события, описанные им, не имеют большого значения, но это были решительные действия офицера и его боевой группы в дни натиска русских.

Но несмотря на выдающиеся старания Фессмана и других боевых групп, 14-я танковая дивизия была в критическом положении. Ситуацию осложняли слухи. Тем не менее действия умелых и решительных офицеров смогли предотвратить развитие паники. Штаб дивизии попытался установить радиосвязь с окруженными подразделениями 103-го полка. Однако вскоре вышел приказ, запретивший радиопереговоры.

Русские танки неоднократно заходили в тыл час-

тично окруженным частям. Кольцо окружения вокруг Сталинграда становилось все плотнее и плотнее. В бессильном отчаянии Фессман видел, как надежды спасти их товарищей в городе тают.

Русская атака на Лошки, с сильной танковой поддержкой, была отбита. Полковник Цшёкель и капитан Зауэрбрух, которому был подчинен Фессман, перехватили советский удар. Вспышка паники среди солдат тыловых служб была предотвращена. С наступлением ночи Лошки вновь были в руках немцев. Но поскольку они не могли выдержать следующую атаку, боевые группы были вынуждены отойти на позиции в излучине Дона, восточнее Верхне-Чирской. Обер-лейтенант Фессман разведал эту новую позицию в ночь на 27 ноября. Боевые группы организованно переместились туда.

В следующие дни уже более слабые атаки русских были отражены мобильными силами, размещенными на линии Демкин — Немовский — Логовский, с целью скрыть от противника истинное положение основной линии обороны 14-й танковой дивизии и ее боевую силу.

Поздно вечером 30 ноября 1942 года советские войска неожиданно ударили по левому крылу дивизии. Советские танки прорвались к немецким подразделениям, размещенным в лесу без тяжелого вооружения и не имевшим укрепленных позиций. Связь с командованием дивизии была потеряна. Капитан Зауэрбрух пошел в контратаку со своими последними резервами. Бронетранспортеры обер-лейтенанта Фессмана были в передовой группе.

Когда группа Фессмана вышла из леса на открытую местность, она была встречена огнем с вражеской позиции противотанковых орудий. Снаряды поразили три бронетранспортера, и прежде чем Фессман смог дать приказ отходить, его машина тоже получила попадание. Фессман почувствовал режущую боль в крестце,

тазу и обеих ногах. Он погрузился в темноту. Он не знал, как выбрался назад, но очнулся в санчасти. Его первый вопрос был о товарищах. Фессману сказали, что капитан Зауэрбрух остановил противника и восстановил непрерывную линию фронта.

Поездом Фессмана отправили в Киев. Обер-лейтенанта сопровождал его верный денщик, который самоотверженно заботился о Фессмане во время долгого путешествия. Из Киева он вылетел в Восточную Пруссию, а затем — поездом через Берлин в Бамберг. Там заботу о нем взяла его семья, а лечением занялся выдающийся хирург.

Время страданий продолжалось. После трех сложных операций, каждая из которых длилась несколько часов, он наконец был на пути к выздоровлению. Фессман медленно поправлялся от ран. Осколок, вошедший в его крестец, причинял жуткую боль, но в итоге и это прошло. 4 января 1943 года Фессману сообщили, что он награжден Дубовыми листьями к Рыцарскому Кресту за его выдающиеся действия под Сталинградом. Через несколько дней он узнал, что произведен в звание капитана с 1 января 1943 года. Фессман провел в госпитале еще несколько месяцев. Ставился даже вопрос, может ли он когда-либо быть пригоден к фронтовой службе.

* * *

В июне 1943 года Фессман еще не был годен к боевой службе. В августе он добился назначения в бронетанковое училище в Версале. Там он преподавал тактику и методы моторизованной разведки в тылу противника. Затем в конце января 1944 года был переведен в училище бронетанковых войск в Крамнице в качестве инструктора по тактике. Его здоровье улучшилось, и

ему все тяжелее было оставаться в Германии. Он считал, что место каждого солдата, который может сражаться, — на фронте, и предпринимал все усилия, чтобы вернуться в бой.

В конце концов его усилия завершились успехом. После 18 месяцев в Германии 30 июня 1944 года он был направлен на Восточный фронт в качестве командира батальона 5-й танковой дивизии. Это было начало ужасного и трудного периода. За короткое время Фессман завоевал доверие своих подчиненных как командир 5-го танкового разведбатальона. Он принял командование батальоном во время тяжелых боев в районе Гомеля. Где бы ни складывалась трудная ситуация, машина комбата была там; Фессман возглавлял контратаки арьергардов, выводил из окружения подразделения дивизии и ходил на разведку, чтобы добыть жизненно важную информацию.

Командир дивизии генерал-лейтенант Деккер, тоже имевший Дубовые листья, знал, что может положиться на свой 5-й разведбатальон в любой ситуации, и он всегда направлял его в места прорыва противника.

Когда вражеские мобильные силы вновь прорвались 14 июля, Фессман отправился на острие атакующих сил противника. «Пантеры» под его командованием уничтожили семь Т-34. Умело маневрируя, 5-й танковый разведбатальон сорвал вражеские планы и остановил противника. Стоя в открытом люке своей командирской машины, капитан Фессман лично вел свои силы на врага.

Рядом с командирской машиной упал снаряд, осыпав ее градом осколков. Фессман почувствовал сильный удар в правую сторону груди. Он потерял сознание. Его денщик тут же стал оказывать помощь. К счастью, осколочное ранение оказалось легким. Фессмана

доставили в госпиталь, но после обработки раны он вернулся в батальон.

Один из последних портретов Фрица Фессмана

Советское наступление продолжалось. 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты атаковали южное крыло Группы армий «Север», и к 21 июля их передовые части достигли Поневичей, примерно в 150 километрах западнее Двинска. Когда советские войска дошли до Рижского залива в районе Тукумса (29 июля), Группа армий «Курляндия» оказалась отрезана. Советское командование направило крупные силы, чтобы захватить Тильзит. Каунас был потерян 31 июля. Немецкая 3-я танковая армия, в которую входила 5-я танковая дивизия, после нескольких дней тяжелых боев была вынуждена отступить за Дубиссу. Северный фланг был под угрозой. До 10 августа советские войска не прекращали попыток взять Тильзит.

16 августа капитан Фессман снова был ранен, осколок попал ему в челюсть. И снова он остался в своей части. 1 октября 1944 года генерал-лейтенант Деккер вызвал храброго офицера. Они приветствовали друг друга. Затем генерал положил руку на плечо своего подчиненного.

— Фессман, я следил за вашими действиями в последние недели. Вы не один раз спасали подразделения дивизии от полного уничтожения. Я составил подроб-

ный доклад и рекомендовал командованию армии наградить вас Мечами.

— Господин генерал, я не знаю, как я могу...

— Не надо слов, Фессман, все ясно. Вы станете первым офицером 5-й танковой дивизии, получившим эту высокую награду, потому, что вы заслужили ее.

— Ее заслужил мой батальон, господин генерал!

— Батальон настолько хорош, насколько хорош его командир, Фессман. Я знаю ваш батальон, и он никогда не был так хорош, как в эти трудные времена.

* * *

Через несколько дней после этого разговора капитан Фессман обнаружил крупные силы русских танков перед фронтом дивизии. Вечером 10 октября стало ясно, что советские войска атакуют утром, в свое любимое время для наступления. Генерал Деккер подготовил все свои силы к обороне. Было жизненно важно остановить танковый удар противника севернее Тильзита.

Следующим утром 5-й танковый разведбатальон готовился встретить вражескую атаку, находясь за рощей возле дорожного перекрестка севернее Пакамонена. Командирская машина стояла на северо-западной опушке рощи. Оттуда Фессман мог видеть, как первые танки противника выходят из леса с северо-востока, двигаясь в направлении Кажемекен. «Пантеры» дивизии были расположены на дороге южнее рощи. Как только вражеские танки достигли пределов досягаемости, «пантеры» Фессмана открыли огонь. Танковое сражение под Пакамоненом началось.

Русские фугасные снаряды рвались в роще вокруг командирской машины. Осколки с визгом уходили в воздух. Первые вражеские танки загорелись в откры-

том поле. Но и немецкие танки имели попадания. Затем фугасный снаряд взорвался рядом с командирской машиной.

Фрица Фессмана отбросило назад. Радист повернулся к нему и увидел осколочное ранение в голову. Он понял, что командир уже мертв. Танковая атака, которую должен был возглавить Фриц Фессман, началась без него. Противник был отбит, но командир дивизии не мог быть доволен итогами этого дня.

Двумя днями позже генерал-лейтенант Деккер издал приказ, в котором говорилось:

«11 октября 1944 года, кавалер Дубовых листьев капитан резерва Фриц Фессман, командир 5-го танкового разведбатальона, пал смертью героя, возглавляя контратаку батальона.

Прослужив в дивизии с июля 1944 года, капитан Фессман за свою выдающуюся личную храбрость и постоянную заботу о подчиненных, заслужил уважение своих солдат и укрепил их боевой дух. Благодаря умелым действиям командира, батальон под его командованием постоянно добивался успехов. Его неустанная активность вдохновляла подчиненных. В лице капитана Фессмана дивизия потеряла одного из надежнейших и способнейших командиров. Мы преклоняемся перед этим заслуженным офицером и бойцом...»

Вскоре батальон получил разрешение называться «танковым разведбатальоном майор Фессман».

Фриц Фессман был посмертно произведен в звание майора резерва с 1 октября 1944 года. 23 октября в батальон пришла новость о том, что их погибший командир награжден Мечами, став 103-м в Вооруженных си-

лах Германии и первым в 5-й танковой дивизии, получившим эту высокую награду.

Останки Фессмана были кремированы в Тильзите. Урна с его прахом отправлена в Германию. 17 октября урна была выставлена в главном зале города Бамберг. Солдаты размещенных в городе танковых полков несли возле нее почетный караул. Население города отдало последние почести павшему в бою герою.

17 ноября 1944 года командующий 13-м военным округом генерал пехоты Вайзенбергер вручил Дубовые листья и Мечи вдове Фессмана.

Йоханнес Кюммель

ФОРСИРОВАННЫЙ МАРШ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

Дверь квартиры распахнулась. Ворвался полковой адъютант. Офицер, лежавший на полевой раскладушке, сел. Потом зевнул и встал.

— Что случилось? — спросил он. — Заключено перемирие?

— Нет, Ханс, но командир хочет, чтобы все офицеры собрались в течение пяти минут. В большом зале для лекций.

— Что такое? Новый поход? На Балканы? — спросил офицер, уже умываясь.

— Почти. Мы отправляемся в Африку. Командир скажет тебе все остальное.

Капитан Ханс Кюммель, командир 1-й роты 8-го танкового полка, надел мундир. На левой стороне груди висел Железный Крест первой степени. Была также ленточка Железного Креста второй степени и Знак танкового штурма. Он вышел из квартиры и отправился в зал для лекций. Большинство его товарищей уже были там.

Кюммель прошел к офицерам своего батальона. «Привет, Ханс, ты слышал? Наши деньки в Гейдельберге кончаются».

Тридцатиоднолетний офицер с двумя звездами на погонах пожал плечами. Перемена мест дислокации — обычное для войны дело. Из шикарных предместий Парижа, где располагался 8-й танковый полк после Французской кампании, батальоны полка были переведены в район Дижона. Там в командование полком вступил подполковник Крамер.

Голос адъютанта перекрыл шум: «Командир полка!»

Все встали по стойке смирно. Вошел командир. Он был среднего телосложения, жилистый, и с пронзительным взглядом. Даже черная униформа танковых войск не могла скрыть его кавалерийского прошлого. Крамер сказал:

«Господа, 15-я танковая дивизия выбрана для отправки в Африку. Она станет второй частью немецкого Африканского корпуса. Первая часть уже там. Это 5-я легкая дивизия под командованием генерал-майора Штрайха. Мы будем поддерживать итальянцев.

Подготовка уже идет. Штаб дивизии отправляется вечером. Завтра наш полк получит снаряжение для тропиков, и следующим утром мы отправимся поездом через Мюнхен и Бреннер в Неаполь. Там мы погрузимся на корабли».

Кюммель ушел в свою роту. Он разрешил солдатам сходить в увольнение в этот последний вечер. Капитан понимал, что пребывание в Африке будет долгим. Хотя первоначальные сообщения с этого театра военных действий были хорошими.

Следующие дни были заняты обычными приготовлениями. Затем 1-й батальон полка погрузился в поезд. Через несколько дней они были в Италии. В Риме сделали остановку, и солдаты сходили посмотреть Колизей. Затем прибыли в Неаполь, где стали ждать транспортировки морем.

В Неаполе Кюммель узнал, что корабль, перевозивший большую часть штаба дивизии, потоплен британским флотом. Была и другая плохая весть: генерал-майор фон Приттвиц, командир дивизии, убит во время рекогносцировки в районе Тобрука. Генералу сказали, что в Виа-Бальбия еще находится итальянское передовое охранение. Поверив в это, он выехал прямо под прицел британских противотанковых пушек. Снаряд поразил генерал-майора фон Приттвица в грудь, и он был мгновенно убит. Погиб и его водитель.

Это было 10 апреля. И в этот же день, в «Белом Доме» в Акроме, в 18 километрах от Тобрука, генерал-майор Штрайх получил приказ взять город, порт и крепость Тобрук. Но солдаты 8-го танкового полка еще не знали об этом. Они также не знали, что 33-й артиллерийский полк их дивизии, под командованием подполковника Эдуарда Краземана, пошел на дно, когда 10-я мальтийская флотилия субмарин уничтожила караван итальянских судов.

Наконец стали грузиться на корабли. Танки медленно заезжали с пирса. Краны помещали тяжелые грузы в трюмы. Танки были размещены так, чтобы они могли пойти в бой уже по прибытии в Триполи. Вместе с командиром полка на борт судна поднялись Кюммель

и другие офицеры. Они выслушали инструкции капитана, увидели эскорт из итальянских торпедных катеров, а затем вышли в море.

Однажды прозвучала тревога из-за подводной лодки. Два катера сбросили глубинные бомбы и стали носиться, как овчарки вокруг стада. Таким образом они защищали караван. Многие из солдат, в том числе и Кюммель, страдали от морской болезни во время перехода через Средиземное море, однако караван благополучно прибыл в Триполи.

160 машин 8-го танкового полка были выгружены. Капитан Кюммель ехал в командирском танке во главе своей роты. Стоя в открытом башенном люке, он видел белые камни Триполи. Длинная колонна танков, недавно выкрашенных в желтый цвет, вышла из порта в сторону Виа-Бальбия, проезжая мимо пальм.

— Как в сказке, не так ли, Тони? — сказал Кюммель своему водителю фельдфебелю Крушински, который был с ним с Польской кампании.

— Слишком красиво, чтобы быть правдой. Я полагаю, что мы направляемся в настоящую мясорубку, командир.

Затем танки впервые испытали ярость песчаной бури. Люки закрыли, но песок все равно просачивался. И он был везде, в ушах, на губах, в носу и в горле.

Тем не менее, полк прошел Триполитанию и направился в Сирт. Танки проехали через Киренаику и прибыли на позиции Африканского корпуса под Тобруком. Там танкистов приветствовал новый командир дивизии, генерал-майор Ханс-Карл барон фон Эзебек.

Кюммель увидел низкорослого, щуплого мужчину в очках и с Рыцарским Крестом на шее. Он не мог знать, что новый командир будет управлять дивизией всего несколько дней.

— Мы обойдем Тобрук с юга, через Бардию. Ос-

тальные собираются здесь и затем следуют за нами как можно быстрее.

Генерал возглавил небольшой отряд, состоявший лишь из трех танков, и направился в Бардию. Там подполковник Крамер получил приказ атаковать форт Капуццо, занятый британцами. Три Pz III наступали широким веером. 10 мая британская 22-я гвардейская бригада выбила немецкий 15-й мотоциклетный батальон под командованием подполковника Кнабе с перевала Хальфая. Экипажи трех немецких танков узнали об этом во время первого привала, когда встретили мотоциклистов, которые были из подразделения их дивизии и находились в пустыне уже четыре недели.

— Значит, мы должны идти! — сказал подполковник Крамер. — Не стрелять, пока я не дам приказ.

Стоя в открытом люке, Кюммель осматривал пустыню, которая была плоской, как доска. Внезапно он увидел взлетевшие вверх камни и вспышки орудийных выстрелов. Снаряды легли далеко впереди танков.

— К бою! — приказал Крамер. Люки захлопнулись.

— Орудие заряжено! — доложил заряжающий Беренсман.

— Командир — всем: полный ход!

Три или четыре противотанковых орудия начали стрелять по немецким танкам.

— В середину! — приказал капитан Кюммель своему водителю.

Фельдфебель Крушински погнал на полной скорости через заросли верблюжьей колючки, давя их гусеницами. Затем он остановился.

— Огонь! — крикнул капитан.

Раздался резкий треск 50-мм пушки. Кюммель увидел вспышку огня в центре орудийной позиции.

— Попали!

— Вперед! Вперед!

Танки рванули, набирая все большую скорость. Затем впереди появились британские солдаты. Они выглядели довольно странно в своих плоских касках. Радист Эгон Мильде дал очередь из пулемета. Вражеские солдаты скрылись в укрытиях. Танки прошли дальше.

Три, четыре, потом пять танков противника появились из-за стен форта. Первый выстрел поджег одного из них. Через свой перископ капитан Кюммель видел, как экипаж покидает машину. Все три немецких танка стали стрелять одновременно. Они пять раз попали во второй вражеский танк. Люк раскрылся, оттуда повалил столб дыма.

— Все за мной! — приказал командир полка. Немецкие танки пошли вперед и поравнялись с тлеющими британскими машинами. Они сделали это! Британские солдаты с поднятыми руками стали подниматься из окопов. Первый их бой в Африке закончился, и они взяли Капуццо.

Танкисты выбрались из машин, разминая руки и ноги и утирая лица. Мотоциклисты прошли вперед, чтобы очистить форт от оставшегося противника. Кюммель вздохнул с облегчением. Они захватили форт Капуццо. После этого было несколько дней отдыха. Полк посетил генерал Роммель. Он поприветствовал командира полка и сказал:

— Крамер, с того дня, когда вы взяли Капуццо всего тремя «коробками», вы у меня на заметке!

— Спасибо, господин генерал. Каждый делает, что может, — ответил офицер, который воевал еще в Первую мировую войну.

— Да. Завтра вы сможете доказать, что это была не простая удача. Вы пойдете к перевалу Хальфая и возьмете его. Из Соллума направитесь на юг через пустыню, повернете на север за перевалом и войдете через «заднюю дверь».

— А кто пойдет к передней двери, господин генерал? — спросил Крамер.

— Кнабе и его мотоциклисты, рота 33-го разведбатальона и 1-й батальон 104-го полка 21-й танковой дивизии.

— Тогда мы сделаем это, господин генерал! — ответил Крамер.

СРАЖЕНИЕ ЗА ПЕРЕВАЛ ХАЛЬФАЯ

— Приготовиться! — приказал Кюммель. Его экипаж вылез из-под машины. Остальные танки стояли кругом. Стало шумно. Силы, предназначенные для наступления на плато Соллум-Капуццо, где пустыня переходила в горы, готовились к бою.

В это же время солдаты боевой группы Херфф готовились к сражению на дороге, ведущей вверх к перевалу. Фронтальная атака британских позиций была сложной задачей. Подъем высотой 200 метров перед перевалом был усеян камнями и пересечен сухими руслами. Но приказ был прост: «Боевой группе Херфф — взять перевал Хальфая!» Другое дело, как выполнить это задание.

Юго-восточнее Капуццо также готовились подразделения 5-го танкового полка 21-й танковой дивизии, которые должны были провести отвлекающую атаку на юго-восток. Им были приданы артиллерийская батарея и 5 прославленных 88-миллиметровок.

Подполковник Ханс Крамер стоял в открытом башенном люке. Он три раза махнул рукой. Танковая армада двинулась. Первым шел Pz III капитана Кюммеля. За ним следовали танки 1-й роты. В их экипажах были

опытные солдаты, все ветераны Польской и Французской кампаний.

Танки катили по пустыне со скоростью 20 километров в час. Заросли верблюжьей колючки хрустели под гусеницами. На востоке всходило солнце. Кроваво-красное, оно поднималось над горизонтом, освещая пустыню.

— Как тебе этот пейзаж, Крушински? — спросил Кюммель водителя. Фельдфебель пробормотал что-то неразборчивое.

— Хорошая дорога, а? — снова спросил Кюммель, пытаясь завязать беседу.

— Такая же хорошая, где есть трещины и ямы, — ответил Крушински.

Подполковник Крамер передал по радио: «1-й батальон — собраться теснее. 2-й батальон — принять вправо и тоже держаться плотнее!»

Через полчаса танки повернули на север. Теперь они ехали в гору. Когда остановились на короткий привал, солнце было уже высоко. Броня под лучами солнца нагревалась все сильнее.

— Все командиры рот — ко мне! — приказал подполковник Крамер.

Капитан Кюммель вместе с другими подошел к командиру полка, развернувшему карту на броне своего танка. «Через полчаса мы будем здесь, у задней «двери» перевала. Там, на прежних итальянских позициях, размещены противотанковые орудия. 1-й батальон атакует и уничтожает доты на правом фланге. 2-й батальон идет позади и выбивает орудийные позиции».

Солдаты заняли свои места в танках. Следующие полчаса должны были решить их судьбу. У противотанковых орудий всегда есть преимущество, поскольку они стоят на закрытых позициях. Их расчеты могут от-

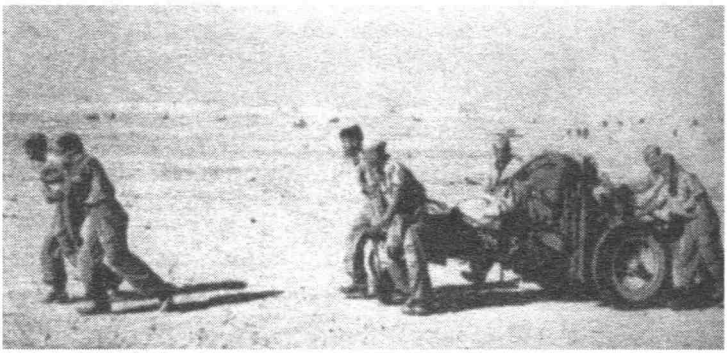
крыть огонь неожиданно, не дав танку возможности сделать даже первый выстрел.

С другой стороны перевала была слышна интенсивная стрельба. Фельдфебель Крушински сказал: «Наши товарищи уже атакуют». Огонь британских противотанковых орудий и пулеметов становился все интенсивнее. Потом ударили немецкие пушки и зенитные орудия.

* * *

Немецкие солдаты наступали двумя штурмующими группами. 1-й батальон 104-го пехотного полка имел приказ на фронтальную атаку перевала. Они дошли до вади Куаляла, когда британские пушки стали стрелять.

Капитан Вильгельм Бах, командовавший батальоном, приказал выдвинуть вперед 37-мм противотанковое орудие. Солнце было высоко в небе. Термометр показывал 56 градусов по Цельсию в тени. Орудие ничего не смогло сделать. Во время перерыва в стрельбе капитан Бах прополз на гребень вади, осмотрел вражеские позиции, увидел вспышки орудийных выстрелов и бы-



Орудийный расчет тащит полевое орудие по пескам пустыни

стро спустился назад. Он заметил позицию пушки на фланге и приказал 37-миллиметровке развернуться туда. После нескольких выстрелов британская пушка и два пулемета были подавлены. Затем капитан Бах дал приказ примкнуть штыки и через несколько секунд крикнул:

— Батальон — приготовиться — вперед!

Бах встал и закричал «ура!», солдаты подхватили его боевой клич. Они побежали вперед, на вражеский огонь. Потом с другой стороны перевала они услышали звук выстрела танковой пушки и пулеметную стрельбу бронетранспортеров 15-го мотоциклетного батальона.

— Давайте, ребята! — кричал капитан. — Давайте!

* * *

— Огонь! — подполковник Крамер дал приказ, как только увидел первую вспышку выстрела британского противотанкового орудия. Кюммель и его восемь танков шли первыми. Лейтенант Петерс и оберфельдфебель Крюк сделали первую остановку для стрельбы. Оба выстрела завершились точными попаданиями, и противотанковые пушки замолчали. Танки быстро шли вперед. За ними двигались мотоциклисты, но им пришлось искать укрытия от пулеметного огня.

Обер-лейтенант Штифельмайер передал по радио:

— Кюммель, посмотри направо!

— Справа! — крикнул капитан. — Пятьсот — противотанковое орудие!

Обер-ефрейтор Клефф увидел цель. Но прежде чем он успел выстрелить, с вражеской позиции ударила пушка. Противотанковый снаряд попал в башню и срикошетировал; грохот был ужасен, в ушах Кюммеля звенело. Но он услышал выстрел 50-мм пушки его танка и увидел яркий огненный шар на вражеской позиции.

— Попадание! Огонь!

Заряжающий Альберс вставил новый снаряд. Затвор клацнул, пушка выстрелила еще раз, и снаряд попал в позицию. Там с оглушительным грохотом взорвались боеприпасы. Огонь, песок и пороховой дым обжигали легкие. Наступление продолжалось.

— Кюммель — роте: следуйте за мной!

Два британских спаренных пулемета пытались ослепить танк командира роты, стреляя по его смотровым щелям. Крушински повернул танк и набрал скорость. Он заметил 20-мм пушку «эрликон» и пошел прямо на нее.

— Держитесь! — предупредил командир остальных членов экипажа. Затем танк проехал по пушке. Несколько британских солдат отскочили в сторону, бросив оружие и подняв руки.

По радио раздался голос подполковника Крамера:

— Быстрее, через перевал!

Подбежали несколько британских солдат, неся мины. Один из танков 1-й роты наехал на подрывной заряд. Он был обездвижен, потеряв гусеницу. Кюммель услышал, как фельдфебель Унбешайдт приказал своему экипажу покинуть машину. Остальные танки скрежетали гусеницами и стреляли. Затем британский грузовик попытался доставить на позицию 75-миллиметровку.

— Остановка и огонь! — приказал Кюммель.

Танк замер. Кюммель видел, как орудие наводится на них. Клефф выстрелил сразу же после того, как в британскую пушку зарядили первый снаряд. С такого близкого расстояния ее разнесло на куски.

Солдаты британского 3-го гвардейского батальона, знаменитые Колдстримские гвардейцы, теперь оказались атакованными с двух сторон. Они были в ловушке. Казалось, что им не удержать перевал Хальфая, счи-

тавшийся неприступным. Но они держались. У них был приказ защищать дорогу на Тобрук. Поэтому они сражались на два фронта, решительно и храбро.

Кюммель передал по радио предупреждение танку лейтенанта Петерса: «Посмотри направо!»

Петерс немедленно приказал своему водителю повернуть. Снаряд из одной уцелевшей пушки пролетел позади танка и ударил в скалу. Затем выстрелил Клефф. Он взял слишком высокий прицел. Британская пушка выстрелила еще раз. Пораженный в моторное отделение, танк Петерса остановился и окутался черным дымом. Клефф выстрелил снова. Последнее вражеское орудие исчезло в дыму и пламени. Пять танков 1-й роты покатили дальше, пока не увидели радостные лица под немецкими касками. Машины остановились. Капитан, в грязной форме, с повязкой на руке, подошел к танку Кюммеля. Это был Бах.

— Спасибо вам, друзья! — сказал капитан и отдал честь.

— Не стоит благодарить, — ответил Кюммель. — Надеюсь, мы пришли не слишком поздно?

— Вы пришли как раз вовремя, чтобы дать нам шанс атаковать через открытую местность.

Перевал Хальфая был в руках у немцев. Немецкая пехота заняла позиции, где сначала стояли итальянские солдаты, а потом британские. Немецкие танки собрались у западного входа на перевал.

Рота капитана Кюммеля потеряла три танка, один в бою и два с повреждениями гусениц. Два солдата были убиты. Кюммель помогал рыть могилы. Он перетаскивал камни, закрывшие место погребения, чтобы шакалы не смогли добраться до тел их мертвых товарищей. Потом снял свое кепи. Он потерял двух своих солдат. Это было трудно перенести. Кюммель опасался, что это не последние потери и худшее еще впереди.

* * *

В то время как солдаты 104-го пехотного полка остались на перевале и заняли позиции, танки и мотоциклетный батальон покатили по дороге на северо-запад, собравшись южнее Бардии. Следующие дни прошли спокойно. Все понимали, что это затишье перед бурей. В своей палатке Ханс Кюммель писал письма родителям двоих павших солдат. Он писал то, что чувствовал, простыми словами. Больше он ничего не мог сделать.

Закончив с письмами, Кюммель вышел из палатки и пошел на пляж. Экипаж был там. Крушински играл на губной гармонике. Там были также лейтенант Петерс и оберфельдфебель Крюк. Было без десяти минут десять. Из темноты появилась фигура. Это был оберлейтенант Штифельмайер.

— Хочешь послушать «Лили Марлен», Ханс?

— Что это? — ответил Кюммель.

— Ты что, никогда не слышал?

— Не помню. Так что это?

— Подожди минутку — и услышишь. Это стоит послушать, я тебя уверяю.

Один из солдат включил походную рацию и занялся настройкой на волну. Сначала раздался свист, а затем голос диктора: «Это Белградская солдатская станция. Сейчас 21.57». Несколько секунд была тишина. Затем хрипловатый женский голос начал петь «Лили Марлен». Эта песня успокаивала Кюммеля и навевала мысли о доме. Потом на пляже долго стояла тишина. Волны накатывали на берег. Кюммель вспомнил начало своей военной карьеры, которая не была легкой.

— Пора спать, господа, — сказал он.

Солдаты встали, заползли в свои палатки и разгова-

ривали там допоздна. Обер-лейтенант Штифельмайер и Кюммель продолжали прогуливаться по пляжу.

— Ты действительно думаешь, что у них есть новые танки с длинноствольным 75-мм орудием?

— Я надеюсь, что у них нет ничего подобного, потому что иначе наши «коробки» будут практически беззащитны.

— Это точно! — согласился Кюммель. — Только Pz IV смогут противостоять им.

Они прошли несколько сот метров, затем свернули к командному пункту полка. Приблизившись, услышали громкие голоса и звон стаканов.

— Похоже, там что-то празднуют, Ханс, — предположил Штифельмайер.

— Давай посмотрим, — ответил Кюммель. Они подошли к радиофургону и постучали.

— Входите! — сказал подполковник Крамер.

Офицеры вошли, и Кюммель прищурился от света.

— Заключено перемирие? — спросил Штифельмайер.

— Не совсем, но есть хорошие новости с Крита.

Они выпили из бутылки, которая пережила путешествие из Дижона. Через несколько минут подполковник Крамер прекратил все разговоры: «Время спать. Остальное узнаем завтра».

БРИТАНСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Следующие дни прошли в неопределенном ожидании. Технику приводили в исправность. Кюммель старался выкроить свободное время для своих взводов, чтобы солдаты могли поплавать. Однажды они только вошли в воду, как приехал генерал Роммель на своем «Мамонте». Кюммель начал рапортовать, но Роммель дал ему команду «вольно».

— Как служат ваши солдаты, Кюммель? — спросил он.

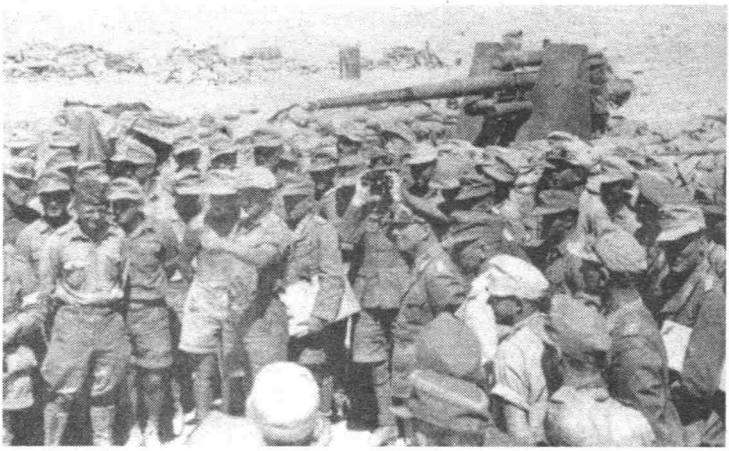
— Они в отличной форме, господин генерал, — ответил капитан.

— Это хорошо. Ладно, заботьтесь о парнях!

Генерал уехал в направлении командного пункта полка. В эти дни Кюммель еще несколько раз видел Роммеля, Лиса Пустыни, как его прозвали. Он был в дивизиях южнее Тобрука и приезжал в район к югу от Бардии. Генерал проехал по перевалу Хальфая и проинспектировал позиции между Сиди-Азейз и Капуццо.

Однажды капитан Кюммель выехал на разведку и достиг высоты 208, примерно в восьми километрах на запад-юго-запад от Капуццо. Он увидел, что итальянские саперы строят там укрепленные позиции. Затем он подъехал к батарее тяжелых зенитных орудий, установленной на обратном скате высоты. К нему подошел обер-лейтенант.

— Циммер! — представился он.



Эрвин Роммель на фронте, среди своих солдат

— Кюммель, — ответил капитан. Они пожали руки.

— Хороший сектор огня для батареи, если томми пойдут с юго-востока. — Он показал на вершину холма, за которым скрывался берег моря. Ханс Кюммель осмотрел позицию. Четыре 88-миллиметровки были так хорошо замаскированы, что практически терялись на фоне песка. Из-за брустверов высовывались только их стволы.

— Вот только я не верю, что противник будет атаковать именно здесь, — заявил Циммер. — Они пойдут или по дороге через перевал Хальфая, или совершат глубокий обход через пустыню вокруг Сиди-Омар. Другие варианты — глупы.

К двум офицерам подошел обер-лейтенант Паулевиц, командир 1-й «оазисной» роты, расположенной на вершине холма.

— Если томми будут остановлены здесь, — сказал он, — то все их наступление выдохнется.

— Ладно, Паулевиц, тогда просто сделай так, чтобы они не прошли.

— Если танки нам помогут, то мы сделаем это, — уверенно заявил обер-лейтенант.

Через бинокль Кюммель увидел тучи песка в пустыне.

— Что-то там движется, Бок, — сказал он своему адъютанту.

— Да, похоже, это целая толпа! — кивнул обер-лейтенант.

— Что они делают? Получили танки взамен потерянных?

— Нам ничего об этом не сообщали. Но они могли получить кучу новых танков без нашего ведома.

* * *

Капитан Кюммель и его вышестоящее начальство еще не знали, что в Африку пришел караван британских судов. После разгрома генерала Уэйвелла в Киренаике, британский премьер-министр Уинстон Черчилль делал все возможное, чтобы восстановить боевую мощь 8-й армии. Он знал, что 8-й танковый полк 15-й танковой дивизии был перевезен в Африку, подняв силу Африканского корпуса до двух полных танковых дивизий. На известном совещании 21 апреля 1941 года Черчилль заставил Адмиралтейство отправить следующий караван судов через Гибралтарский пролив, а не вокруг мыса Доброй Надежды. Это давало возможность снабдить британские силы быстрее. Караван имел кодовое название «Тигр».

Операция «Тигр» предусматривала доставку 295 танков и 50 истребителей в Африку. Адмиралтейство запросило пять крупных транспортных судов. Военно-морские силы под командованием адмирала Сомервиля должны были охранять этот жизненно важный караван. В случае успеха британская 8-я армия получила бы достаточно танков для проведения летней кампании под кодовым названием «Алебарда».

План «Алебарда» предполагал использование бронированных сил 8-й армии тремя группами. Для этого предназначались следующие части: 4-я индийская дивизия, 22-я гвардейская бригада, 7-я танковая дивизия. На правом фланге должна была атаковать бригада 4-й индийской дивизии со своими танками «Матильда». Они должны были захватить перевал Хальфая и очистить всю прибрежную полосу. Центральный участок предназначался 22-й гвардейской бригаде, с частью «Матильд» 4-й индийской дивизии. Они должны были взять Капуццо и Соллум. 7-я танковая бригада насту-

пала на левом фланге, на высоту 208 (хребет Хафид), чтобы занять эту господствующую местность, а затем наступать на Сиди-Азейз, закрыв кольцо вокруг окруженных немецких частей.

Как писал генерал Уэйвелл, командовавший войсками в Египте:

«Во второй фазе операции мы используем освободившиеся танки «Матильда» 4-й танковой бригады для поддержки 7-й танковой бригады, поскольку ожидается, что немцы введут в действие две свои танковые дивизии. Если мы сможем помочь Тобруку и прорвать немецкую осаду, то сможем наступать в направлении Дерны и Мехили, в третьей стадии операции, уничтожить немецкие позиции и добиться окончательной победы в Северной Африке».

Таковы были британские надежды на операцию «Алебарда». Вице-маршал авиации Теддер собрал 105 бомбардировщиков и 98 истребителей для поддержки сухопутной операции, но решающим фактором были почти 300 танков, доставленные караваном «Тигр». Значение этого каравана отражено в телеграмме Уинстона Черчилля генералу Уэйвеллу, в которой говорилось:

«Когда к вам прибудет «Тигр», настанет момент для решительных действий. Я приказал подчинить «Харрикейны» на Мальте под ваше командование, как только «Тигр» успешно достигнет места назначения. Эти гунны будут уже не так опасны, когда потеряют инициативу. Наилучшие вам пожелания».

Операция «Тигр» прошла успешно, хотя один из кораблей («Эмпайр Сонг») подорвался на мине и затонул с грузом 57 танков и 10 самолетов. Примерно 240 танков прибыло на фронт. Среди них были 135 «Матильды-2» и 82 новых танка Мк-2. Уже 28 мая генерал Уэйвелл сообщил в Лондон, что танки собраны, их пушки отцентрированы и что он готов с ними идти на Африканский корпус, освободить Тобрук и окончательно победить.

* * *

В первые дни июня немецкая служба радиоразведки юго-восточного сектора перехватила и успешно расшифровала несколько радиограмм. Все они показывали, что британцы готовят большое наступление. 10 июня 1941 года в главном центре дешифровки службы радиоразведки была составлена схема:

«АЛЕБАРДА»
Командующий: генерал Бересфорд-Пирс
7-я танковая дивизия: генерал Крейг
4-я индийская дивизия: генерал Мессерви.

* * *

— Поднимайтесь, господа, мы идем на боевые позиции! — этими словами Ханс Кюммель разбудил свой экипаж. В палатках и окопах началось движение. Было три часа ночи 12 июня 1941 года — еще темно.

— Дерьмо! — сказал фельдфебель Крушински, отряхивая песок с себя. — Мы теперь среди пустыни и уже не можем больше искупаться.

— Это не отпуск на курорте, Тони, — вмешался ун-

тер-офицер Мильде. Он сделал глоток из фляги и передал ее Тео Клеффу.

Танки были готовы к бою. Несколько дней отдыха было достаточно для восстановления полной боевой готовности 8-го танкового полка. Обычные дневные полеты британских самолетов не тревожили танкистов. Хуже были редкие ночные рейды. Томми всегда прилетали, когда немцы ложились спать, и сбрасывали бомбы.

Через полчаса два батальона 8-го танкового полка были готовы к маршу. Они двинулись двумя группами. Путь лежал на север, к прибрежной дороге на Бардию. На середине пути командирская машина остановилась, пропуская вперед танки.

Далее танки разошлись веером по пустыне. Они катили по холмистой местности за фортом Капуццо и Сиди-Азейз. Потом последовала команда остановиться.

Экипаж Кюммеля вылез из танка и собрался под кормой. «В центре пустыни, на краю мира!» — провозгласил Крушински.

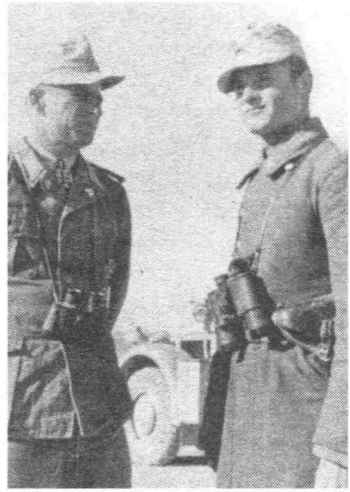
— И ни одного ублюдка впереди. Если придут томми, мы будем первыми у них на прицеле.

Двумя часами позже экипажи вырыли окопы и поставили над ними палатки. Жара изнуряла солдат. Они лежали в окопах в нижнем белье. Ханс Кюммель написал несколько писем, потом проинспектировал свою роту. Вечером на боевых позициях возникло оживление. Солдаты вылезли из нор. Привезли еду и чай. Затем они сели вместе. Крушински играл на своей гармонике. По небу пролетели привычные британские ночные бомбардировщики. У танков погасили огни, но самолеты пролетели дальше, к аэродрому Гамбут.

— Возможно, они будут бомбить и здесь, — предположил Эгон Мильде. — Наверное, они ударят и по Газале тоже.

Альберс закрыл эту тему: «Это меня не касается, пока они не прилетят сюда».

13 июня был еще один напряженный день. Все ждали приказа к бою. Но когда солнце зашло, они опять были в своих окопах. Солдаты несколько скрасили время ликером и красным вином от итальянцев.



Йоханнес Кюммель беседует с солдатом люфтваффе

Кюммель прогуливался с Штифельмайером.

— Ну, и когда, по твоему мнению, начнется, Отто?

— Завтра или днем позже, — ответил оберлейтенант.

— Мне страшно, Отто, — признался Кюммель. — Но я, черт побери, не могу этого показать.

— Да кто не боится? Я вчера видел командира полка. Старик тоже признал, что он нервничает.

Они прошлись еще немного, обмениваясь шутками, потом разошлись по своим палаткам.

Возле входа в палатку Кюммеля его ждал денщик.

— Вам ничего не требуется, командир?

— Спасибо, Фриц, ложись спать. Спокойной ночи.

— У меня есть один вопрос, командир. Я не знаю, могу ли я...

— Ну, говори, Фриц! — велел Кюммель своему денщику. — Может, я могу помочь.

— Командир, мне написала Герда.

— А, твоя девушка, понял. И что?

— Ну, она написала, что кое-что в процессе, а мы с ней не женаты.

— Ну, не надо так трагично, Фриц! — сказал Кюммель. — Когда получишь отпуск...

— Родители хотят выгнать ее из дома, командир.

— Проклятие, что за глупость. Подожди минуту! — Кюммель поразмышлял и принял решение.

— Ты отправишься курьером, Фриц! Поедешь в Вюнсдорф с запросом на запасные части и будешь дожидаться, пока их не отправят. Это значит — две недели ты будешь дома. Завтра утром отправляйся в Газалу.

— Командир, я не знаю, как я могу отблагодарить вас! — заикаясь, проговорил обер-ефрейтор.

— Не стоит, Фриц. Кто-то должен поехать в Германию. Почему бы не ты?

Обер-ефрейтор лихо отдал честь и побежал к своей палатке. Кюммель улыбнулся. Ему удалось сделать человека счастливым. Он забрался в свою палатку, снял ботинки и мундир, лег на походную койку. Через несколько минут он заснул.

* * *

— Боевая готовность, господа!

Этими словами подполковник Крамер начал инструктаж своих офицеров вечером 14 июня 1941 года.

— Все-таки началось! — воскликнул один из ротных командиров.

— Господа, англичане вышли со своих позиций. По данным разведывательных дозоров, в наступление пошли более 200 танков, а также примерно 25 тысяч солдат.

* * *

В то время, когда капитан Кюммель поднимал по тревоге свою роту, на позициях на перевале Хальфая и высоте 208 уже была лихорадочная активность. Про-

тивник намеревался атаковать эти важные пункты, и все должно было быть готово, чтобы встретить врага и отбить его. Прошла ночь. Британские бомбардировщики пролетали над линией фронта. Их цели были в немецком тылу — маршруты снабжения и места концентрации войск. Танки были готовы. Их полностью заправили горючим и боеприпасами. В четыре часа утра небо стало быстро светлеть. Уже через несколько минут был ясный день. И солдаты капитана Кюммеля увидели огромные тучи пыли, поднимавшиеся с юго-востока — они становились все больше.

Подошел связист обер-лейтенант Майер. — «Танки противника приближаются к высоте 208, предположительное направление их наступления — Капуццо — Сиди Азейз».

— Одевайтесь теплее, — пробормотал Крушински. — Они пойдут сюда, если... если зенитки не остановят их.

— Боже! — воскликнул офицер-связист. — Да у вас же есть два тяжелых орудия! — он указал на два Pz IV с короткоствольными 75-мм пушками, в просторечии — с «обрубками».

— Мы получили их две недели назад, — ответил Кюммель. — Если сумеем подобраться близко к противнику, то у нас будут хорошие шансы с этими пушками.

В следующие часы обстановка стала накаляться. Поступали сообщения от разных подразделений.

— Томми атакуют перевал Хальфая новыми танками!

— Зенитная батарея Циммера ведет бой с 50 «Матильдами»!

— А мы сидим тут и ждем... — пробормотал Крушински.

Посыльные мотоциклисты проехали к линии фронта. Затем первые из них вернулись. Кюммель остано-

вил одного из посыльных, и тот сказал, что противник атакует Капуццо пятьюдесятью танками.

— Пятьдесят? — ошеломленно переспросил капитан. И подумал, что мотоциклетный батальон, размещенный в Капуццо, практически не имеет тяжелого вооружения.

— Командир, мы должны наступать, иначе эти чертовы парни всех размелют в песок, — заявил лейтенант Петерс, командовавший вторым Pz IV.

— Я, конечно, понимаю вас, Петерс. Но у нас нет приказа атаковать, и...

Кюммель замолчал, увидев впереди два мотоцикла с колясками. На них ехали восемь солдат, а мотоциклы мотало так, словно водители были пьяны.

Кюммель выбежал вперед и замахал им. Мотоциклы остановились. Капитан увидел, что почти все солдаты ранены.

— Что происходит на фронте? — спросил он.

— Танки англичан везде! Они стреляют во все, что движется, и охотятся за каждым солдатом. Подполковник Кнабе приказал отступать. Он остался там... — солдат замолчал.

* * *

Солдаты мотоциклетного батальона в ожидании противника лежали в окопах южнее Капуццо. Уже можно было слышать лязг гусениц и вой двигателей. Ефрейтор Кольман склонился к прицелу своего пулемета.

— Они там! — крикнул унтер-офицер Штайн и опустил свой бинокль.

Немцы уже могли видеть британские танки невооруженным глазом и, когда они появились из пыли, ста-

ли считать их. Дойдя до цифры тридцать — прекратили. Танков становилось все больше и больше.

Головной вражеский танк остановился и через несколько секунд выстрелил из орудия. «Огонь!» — приказал подполковник Густав-Георг Кнабе.

Обер-лейтенант Токи из 33-го противотанкового батальона, который накануне вечером переместил одну 88-миллиметровку вперед из Бардии, еще только приближался к форту Капуццо, когда услышал звуки выстрелов танковых пушек впереди.

— Занять позицию! — приказал он, указав на небольшую низину, которая могла дать укрытие.

Тем временем впереди, в окопах перед фортом, подполковник Кнабе, мотоциклетный батальон которого должен был оборонять форт, смотрел на танки.

— Господи боже, — сказал подполковник, носивший с 1 июня 1941 года Рыцарский Крест, — как только они дойдут сюда, они сметут весь батальон. Нам надо отходить!

— Манкевиц, Кюнов, передайте на правый и левый фланги: приготовиться к отходу!

Два фельдфебеля заторопились, поскольку танки были уже в 600 метрах.

— Приготовиться к отходу!

После двух белых ракет солдаты забрались на свои мотоциклы и помчались прочь. Когда позиции были эвакуированы, подполковник Кнабе сел в свой бронетранспортер. Он стал набирать скорость, когда снаряд попал в корму. Бронетранспортер остановился. Немцы выпрыгнули из него и поползли на другую сторону дороги.

Британские танки грохотали по пустыне, делая остановки для стрельбы. Это было похоже на охоту на зайцев. Они расстреливали уезжавшие немецкие мотоциклы.

На дороге, а также справа и слева от нее, валялись разбитые мотоциклы, мертвые и раненые солдаты. Другие бежали, спасая свои жизни. Среди них была группа во главе с унтер-офицером Штайном. Танк неподалеку от них остановился. Танковое орудие выстрелило, разрывом Хюслера и Етковски сбило с ног. Ефрейтор Кольман успел отпрыгнуть в сторону. Он пополз к упавшим. Хюслер был мертв, а Етковски получил два осколка в ногу и один в бедро.

— Уходи отсюда, Бодо, — сказал он.

— Не сходи с ума! — ответил Кольман. Он взвалил товарища на плечо и побежал.

Танк, стрелявший по ним, проехал в сотне метров на большой скорости. Через несколько сот метров Кольман почувствовал, что теряет силы. Затем появился Штайн, они потащили товарища вдвоем. Потом они услышали громкий звук орудийного выстрела, а затем мощный взрыв.

— Это «восемь-восемь»! Они пришли. Они спасут нас! — прокричал Штайн.

Солдаты, шатаясь, пошли в сторону 88-миллиметровки.

* * *

Это была 88-мм зенитка обер-лейтенанта Токи, занявшего позицию в низинке. Пауль Кюне, наводчик, видел приближавшиеся танки.

— Не менее десятка, господин обер-лейтенант!

— Дальность шестьсот. Двенадцать часов — огонь!

Первый снаряд покинул длинный ствол. Он просвистел к танку, избранному в качестве цели, врезался в лобовую броню и окутал ее пламенем.

— Прямое попадание, Кюне. Теперь тот, что справа, который остановился.

Унтер-офицер Кюне прицелился. Он нажал на спуск сразу же после выстрела вражеского танка. Бронебойный снаряд ударил в песок в десяти метрах справа от зенитки; а снаряд «восемь-восемь» попал точно в танк, который был уничтожен взрывом боезапаса. Расчет зенитки занялся третьим танком. Один выстрел, прямое попадание, взрыв, экипаж выпрыгивает. Весь строй танков остановился. Британцы активировали генераторы дымовой завесы, и танки исчезли за серыми волнами дыма.

Увидев, что вражеские танки скрылись из виду, унтер-офицер Штайн закричал: «Мы победили! Мы победили!» Они дошли до позиции зенитки, и там раны Етковски перевязали.

Одна 88-миллиметровка остановила наступление 47 вражеских танков и не допустила полного уничтожения 15-го мотоциклетного батальона.

* * *

— Мы должны действовать. Ждать приказов — означает терять время, которое не вернешь, — сказал Кюммель. Он подумал и принял решение.

— Петерс, ты останешься с ротой. Оберфельдфебель Крюк, ко мне!

Прибежал оберфельдфебель, командовавший третьим Pz IV.

— Крюк, мы пойдем вперед, атакуем вражеские танки и не дадим им уничтожить остатки мотоциклетного батальона. Если вражеские танки прорвутся, то они истребят все наши тыловые части, и у нас тогда будут большие проблемы.

— Да, командир, я пойду за вами на этой прогулке! — сказал Крюк. Он выглядел воодушевленным.

Они поехали по песку и добрались до одинокой зенитки. Подошел обер-лейтенант Токи.

— Ханс, они за этой стеной дыма. Не меньше сорока! — предупредил он.

— Спасибо, Токи, обеспечь, чтобы никто из них не выехал и не обошел меня сзади.

Зенитное орудие стреляло по вспышкам выстрелов, периодически возникавшим среди серого облака дыма. Кюммель направил свой танк влево.

— Внимание, Крюк, держись на дистанции сто метров и поворачивай, как я. Стрелять по видимым целям.

— Понял! — ответил командир взвода.

Они покатили в дым. Танковая пушка была заряжена и готова к бою. Внезапно силуэт вражеского танка появился не далее, чем в 150 метрах впереди. Это был Мк-2! Немецкий танк остановился. Обер-ефрейтор Клефф прицелился и выстрелил. Альберс зарядил следующий бронебойный снаряд, еще до того, как первый ударил во вражеский танк. Затем был взрыв, которым сорвало башню Мк-2. Танк Кюммеля пошел дальше. Впереди появился другой вражеский танк.

— Огонь! — приказал Кюммель.

Звук выстрела и попадания в цель были почти одновременны. Взрыв, и еще один вражеский танк уничтожен. Справа от Кюммеля Крюк тоже открыл огонь. Оберфельдфебель доложил:

— Один готов, командир!

— Продолжай! Круши их всех!

Они въехали в массу британских танков, которые теперь поняли, что среди стада появился волк. Среди дыма визжали снаряды, один упал рядом с Pz IV Кюммеля. Вонь от кордита обжигала легкие. Еще одна вспышка впереди. Крушински повернул танк. Снаряд ударил в верхний край башни, со стороны командира. Кюммель почувствовал сильный удар в плечо. Не-

сколько секунд его рука казалась парализованной, но это была лишь контузия.

— На два часа, два танка!

Они увидели два Мк-2, катившие через дым. Танки были позади Крюка.

Кюммель послал предупреждение своему командиру взвода: «Оглянись, Крюк! Позади и слева от тебя!»

Крюк ответил, как обычно, спокойно: «У меня еще и впереди противник, командир!»

— Поворачивай вправо. Так. Врежь ему, Клефф!

Наводчик увидел широкую корму вражеского танка, приближавшегося ко второму Pz IV сзади. Снаряд ударил в двигатель и топливный бак. Вспыхнуло яркое бензиновое пламя. Танк Кюммеля повернул левее. Сразу после этого они получили второе попадание. К счастью, снаряд попал под углом и отскочил от брони. Еще один снаряд прошел левее командирского Pz IV. Клефф одним выстрелом уничтожил вражеский танк.

Постоянно крутясь, они двигались среди британских машин. Пушки рявкали без остановки. Крюк доложил об уничтожении второго и третьего танков. К этому времени экипаж Кюммеля выбил уже пять.

Вместе с 88-миллиметровкой обер-лейтенанта Токи, два Pz IV вернулись в расположение роты. Капитан Кюммель доложил приехавшему командиру полка.

Подполковник Крамер протянул Кюммелю руку. «Прекрасная работа, Кюммель! Я чертовски горжусь вами!»

Остатки мотоциклетного батальона заняли боевые позиции. 8-й танковый полк установил внешнее охранение на дороге к Капуццо. Первая фаза британского наступления окончилась неудачей. Кюммель и его два танка устранили серьезную проблему. Приехал майор Гюнтер Фенски, командир батальона.

— Ханс, я рад, что ты действовал так, — сказал он.

— Даже без вашего приказа? — с улыбкой ответил Кюммель.

— Ты сам себе дал приказ, потому что знал, что жизнь твоих товарищей в опасности.

Офицеры сделали по глотку из бутылки. Остальное ее содержимое фельдфебель Крушински разделил среди членов экипажа.

— Последняя выпивка, перед тем, как нам надерут задницы.

— Думаешь, они пойдут снова после этого побоища?

— А ты что думал, Альберс? Они пошли! Томми настроены наступать. Ты знаешь, что на перевале Хальфая и высоте 208? Я боюсь, что британцы покончили с высотой, потому что видел, как они ставили там тяжелую артиллерию.

— Высоту удержат, — сказал один из танкистов. — Обер-лейтенант Циммер сообщил, что остановил группу танков. Он уничтожил одиннадцать.

— Да, это «восемь-восемь», — сказал Кюммель, присоединившийся к экипажу. — Если бы Токи не остановил ту армаду, мы бы не сидели сейчас здесь, нам пришлось бы плыть где-то в море.

* * *

В то утро на позициях батальона Баха все были в боевой готовности. Когда послышался рев танковых двигателей, прозвучал сигнал тревоги. Капитан Бах расположился возле позиций зенитных орудий. В бинокль он видел приближавшиеся танки 4-й танковой бригады. За ними шли грузовики с солдатами индийской дивизии.

— Подпустим их поближе, — сказал капитан.

Танки въехали на перевал, солнце отражалось на их бортах.

— Проклятие, как много «коробок»! — сказал один из солдат расстроенным голосом.

— Если ты еще раз скажешь «проклятие», то получишь его от меня, — предупредил капитан.

— Они проходят Хальфаю, господин капитан!

— Слишком медленно, — объявил капитан Бах без выражения. Он выплюнул сигару и снова посмотрел в бинокль. В этот момент послышался звук приближавшихся снарядов. Затем — мощные взрывы, и снова свист снарядов. Противник начал артобстрел, чтобы очистить перевал.

— Снаряды рвутся в основном в сухом русле между третьей ротой и зенитками, господин капитан.

— Там им самое место, — ответил он.

Третья рота, расположенная впереди, видела приближавшиеся танки Мк-2. За ними шли грузовики с солдатами 11-й индийской бригады. Пехотинцы выпрыгнули из машин и пошли за танками. С немецкой стороны еще не было ни одного выстрела.

— Зенитки сейчас начнут стрелять, — сказал один из солдат.

Как по подсказке, 88-миллиметровки открыли огонь. Снаряд за снарядом летели в фалангу бронированных гигантов. Прямые попадания срывали башни или пробивали лобовую броню. Выбивалось все больше и больше британских танков. Несмотря на эти потери, британцы не отступали. Они должны были взять перевал, таков был приказ. Итальянская батарея майора Парди также стала вести обстрел. Подключились и легкие 20-мм зенитки.

— Десять уничтожено, господин майор, — доложил адъютант. Еще один вражеский танк остановился и загорелся, и он поправил себя: — Нет, одиннадцать.

В батарее Парди вышел из строя командир орудия. Майор сам встал к пушке и поразил один танк. Эта фа-

за британского штурма опять закончилась неудачей. В полдень британские танки атаковали хребет Хафид, уже в третий раз. Высота 208 должна была пасть, иначе она оставалась занозой в боку британцев.

— Пусть подойдут на 800 метров! — приказал оберлейтенант Цимер.

Ефрейтор Хюбнер, наводчик орудия «Антон» 3-й батареи 1-го батальона 33-го зенитного полка, прицелился в первый танк, появившийся из пыли. Практически повторялась ситуация, в которой они были уже дважды этим утром, когда массы британских машин шли на высоту 208. Ефрейтор нажал на спуск. С резким звуком снаряд покинул ствол и спустя секунду пробил броню Мк-2.

Бронебойный снаряд ударил в стенку из мешков с песком вокруг «Антона». Солдат осыпало грязью. Все четыре орудия стреляли. На большой скорости приближался Мк-2. Он заходил сбоку. Командир орудия унтер-офицер Хайнце приказал Хюбнеру целиться в этот танк. Мк-2 остановился, готовясь выстрелить. Но ефрейтор уже взял его на прицел.

Вражеский танк был поражен в лоб, остановился и задымил. Другие Мк-2 сконцентрировали свой огонь по позициям немецких пушек. Защищавшиеся насчитали 85 танков. Но затем подошли немецкие танки и включились в сражение. Это были машины 5-го танкового полка под командованием полковника Ольбрихта. Вражеские танки развернулись и отступили. Высота 208 была спасена. Ефрейтор Арнольд Хюбнер уничтожил в тот день пять танков.

* * *

Первый день операции «Алебарда» завершился. Противник добился успеха, поскольку британская 7-я танковая дивизия прошла за Капуццо и Мусаид и поч-

ти достигла позиций немецкой 15-й танковой дивизии. Британцы были на подступах к Бардии. Наступая с юго-западного склона плато Хальфая, вражеские танки дошли до Верхнего Соллума и смели небольшие немецкие заслоны, стоявшие там. Но главная задача, прорыв всеми силами, не была выполнена.

Не менее 28 новых британских танков, доставленных караваном «Тигр», были уничтожены перед высотой 208. Обгорелые остовы еще одиннадцати стояли перед перевалом Хальфая, а десять британских машин встретили свой конец севернее Капуццо. Однако, несмотря на эти потери, первая часть британского плана завершилась успехом. 7-я танковая дивизия была в тылу у защитников перевала Хальфая. Полная победа могла быть достигнута в результате окружения британцами 15-й танковой дивизии и 5-й легкой дивизии следующим утром.

* * *

— Приготовиться! — приказал подполковник Крамер.

Танки 15-й танковой дивизии должны были контратаковать и вновь взять форт Капуццо. Наступление началось. Солнце уже поднялось. 16 июня ожидался еще один жаркий день, во всех отношениях. Капитан Кюммель стоял в открытом башенном люке и наблюдал. Танки британской 7-й танковой дивизии создали плотные облака песка. Все машины 8-го танкового полка пошли в атаку. Она проходила успешно. Стальные гиганты катили по пустыне. Они проехали через узкие окопы, затем на пути оказалось сухое русло — вади.

— Держись! — крикнул фельдфебель Крушински экипажу. Танк опасно накренился. Двигатель ревел. Pz IV достиг другой стороны и выбрался из вади.

Внезапно перед ними появились вражеские танки.

В наушниках командиров рот прозвучал голос подполковника Крамера: «Первый батальон, фронтальная атака!»

— Первая, вторая и третья роты — перестроиться клином! — приказал командир батальона майор Фенски. — Первая рота впереди, вторая и третья ведут огонь! Поняли? За мной!

Капитан Кюммель наблюдал за противником. Он видел, как стреляют их пушки, слышал свист снарядов. Башенный люк все еще был открыт, потому что в боевом отделении было не менее 60 градусов. Немецкие танки двигались на полном газу, под вражеским огнем. Достигнув наиболее действенной дистанции огня для «обрубков» (короткоствольных 75-мм танковых пушек), они остановились для стрельбы. Все три танка выстрелили. Один из Мк-2 взорвался, как фейерверк.

Роты Pz III догнали танк командира и тоже начали стрелять. Вокруг творился ад. Снаряды врезались в грунт, поднимая фонтаны грязи и песка. Один из танков позади командирской машины был поражен, и сразу после этого Кюммель услышал голос лейтенанта Петерса:

— В нас попали, покидаем танк. Прикройте огнем.

— Поверни, Тони!

Танковая подвеска крякнула, когда Крушински развернул Pz IV. Два Мк-2 стреляли по их товарищам. Лейтенант с радистом тащили раненого водителя.

— Огонь!

Пушка рявкнула. Второй Мк-2 был подбит во время поворота. Он был обездвижен, но продолжал стрелять и поразил танк унтер-офицера Ольсберга. Из открытых люков вырвалось пламя. Никто из экипажа не выбрался из стального гроба.

— Вперед!

Они прошли вперед и ворвались на позиции проти-

вотанковой батареи, которую британцы выдвинули вперед. Батарея была раздавлена. Капитан Кюммель, обер-лейтенант Штифельмайер и другие слышали призывы о помощи от товарищей, чьи танки получили попадания.

— Мы не можем прорваться, нужна помощь! — прозвучал голос майора Фенски.

— Второй батальон идет с левого фланга!

Подполковник Крамер принял участие в атаке, его танк шел во главе 2-го батальона. Он видел, как дальше впереди выбиваются танки 1-го батальона.

— Быстрее! — приказал он ротам.

Наступавшие танки образовали клин. Все больше и больше немецких машин было поражено. Некоторые, с перебитыми гусеницами, продолжали стрелять. Внезапно подполковник Крамер обнаружил впереди группу из не менее двадцати Мк-2, которые на большой скорости шли в сторону левого крыла 8-го танкового полка. Эти танки с длинноствольными 40-мм пушками явно были настроены решить исход боя в пользу противника. Крамер действовал без промедления.

— Кюммель, поверни и ударь во фланг этим двадцати Мк-2, — приказал он.

Капитан Кюммель стал выполнять приказ. За ним последовала половина его танков, включая второй Pz IV. Засвистели выстрелы из короткоствольной 75-мм пушки. Первые танки из новой группы британцев остановились. Подполковник Крамер получил передышку. Он рассчитывал победить, как делал это в Польше со своим разведбатальоном.

Бронебойный снаряд ударил в грунт справа от командирского танка. Прежде чем вражеский танк успел снова выстрелить, он был поражен оберфельдфебелем Крюком и загорелся. Экипаж скрылся в густом дыму.

Увидев, что некоторые из вражеских машин пыта-

ются зайти справа, подполковник Крамер приказал: «Повернуть на восток!» Но как только его танк начал поворачивать, сильный удар сотряс машину. Крамер почувствовал резкую боль в голове и руке. Он был ранен несколькими осколками. Через несколько секунд Кюммель получил сообщение, что командир полка вышел из строя. Затем он услышал призыв о помощи от оберфельдфебеля Крюка. Танк Кюммеля направился к оберфельдфебелю. Его Pz IV горел.

После того, как танк Кюммеля уничтожил противника, Крюк и его экипаж забрались на машину командира роты. Вскоре был получен приказ выйти из боя. Они поехали в район сбора. Ровно половина танков 1-й роты была потеряна. Другие подразделения понесли такой же урон.

Раненые танкисты, в том числе подполковник Крамер, были отправлены машинами санитарной роты на основную базу. Одна из машин заблудилась в темноте и простояла в пустыне до рассвета 17 июня.

* * *

Попытка отбить Капуццо провалилась, с тяжелыми потерями. Решив, что прежняя тактика больше не годится, Роммель принял другое решение.

— Зачастую можно выиграть сражение, изменив направление главного удара, — сказал он офицерам своего штаба. — Таким образом, завтра в 4.30 утра мы атакуем через Сиди-Омар в направлении Сиди-Сулейман, силами 5-й легкой и 15-й танковой дивизий.

— Мы возьмем их в клещи, — сказал генерал-майор Нойман-Зильков, командир 15-й танковой дивизии.

Генерал-майор фон Равенштайн, который сменил Штрайха на посту командира 5-й легкой дивизии, громко прочистил горло.

— Да? — спросил Роммель генерала.

— 5-я легкая готова провести удар во фланг. Можно повернуть на Сиди-Сулейман после Сиди-Омар завтра утром, — заявил генерал.

— Превосходно! Тогда мы применим наш план против врага, и битва уже наполовину выиграна.

Следующие полчаса Роммель объяснял свой план. Затем командиры дивизий вернулись в свои части, готовить этот новый внезапный удар.

* * *

В это же время британские командиры дивизий и бригад собрались в штабе командующего. Генерал Бересфорд-Пирс прошел к карте и начал совещание: «Господа, 5-я легкая дивизия достигла Сиди-Омар. Даже если завтрашняя атака будет успешной, мы больше не сможем взять их в клещи. 15-я танковая дивизия также широким охватом обходит форт Капуццо и высоту 208, проходя южнее Сиди-Омар. В итоге мы должны немедленно передать «Матильды» 7-й танковой дивизии Крейга, чтобы провести концентрическую атаку против вражеских танков. Сейчас Крейг объяснит нам свой план».

Британцы все еще были уверены, что могут победить, особенно после того, как они узнали, что 15-я танковая дивизия оснащена в основном Pz III, которые явно уступали новым британским танкам.

* * *

— Приготовиться!

Это был привычный приказ для танкистов, означающий начало нового похода.

— Что на этот раз, командир? — спросил обер-

фельдфебель Крюк. Он получил Pz III, командир которого был ранен.

— Мы должны соединиться с 5-й легкой в Сиди-Омар и затем разбить томми за Капуццо и перевалом Хальфая.

Через 15 минут танки покатили в ночи. Со стороны передовых позиций доносился грохот артиллерийского обстрела.

— Мы не будем отбивать Капуццо? — спросил лейтенант Петерс.

— Для этого будет время, после того, как мы окружим томми.

Они шли в пределах видимости друг друга. Никто не беспокоил их. Даже если британцы слышали шум от танков, им требовалось время, чтобы понять — Роммель вытащил очередного кролика из шляпы. К рассвету с немецкого фронта севернее Капуццо были отведены все войска, кроме нескольких небольших подразделений. Им было приказано отступать к Бардии, как только британцы атакуют.

В 4.30 утра генерал-майор Нойман-Зильков дал приказ начать движение. 5-я легкая дивизия, расположенная на правом фланге, также направила свои танки вперед. Наступление во вражеский тыл началось. Это было 17 июня 1941 года.

1-я рота шла за своим командиром на большой скорости. Во главе батальона был майор Фенски. Произошел первый контакт с вражескими танками. Британские командиры были шокированы, обнаружив немецкие машины в своем тылу.

Танки врезались в британский фланг и достигли Сиди-Сулейман. Оттуда они покатили к следующей цели. Солнце поднялось уже высоко. Жара иссушала горло, и капитан Кюммель сделал глоток из фляжки, кото-

рую ему дал фельдфебель Крушински. Это была горькая, соленая вода из колодца в пустыне.

Кюммель услышал приказ майора Фенски батальону — продолжать движение, и повторил его своей роте. Танки мчались по холмистой местности, оставляя за собой длинные шлейфы пыли. Они прошли через тыловое подразделение британцев, разнеся все в клочья. Появившиеся британские танки были встречены огнем.

Беспорядок в стане противника все возрастал. Никто из британских командиров не имел представления, где находятся немцы. В 9.25 утра генерал Крейг радировал командующему, что не знает, что делать. Когда это сообщение было перехвачено службой радиоразведки и доставлено Роммелю, он сделал вывод:

— Они уже не знают обстановки. Они больше не смогут наступать.

Вскоре танки 5-й легкой дивизии достигли командного пункта бригадного генерала Мессерви и захватили его. Британская 4-я танковая бригада лишилась своего командира и управления. В то время, когда Кюммель и его рота еще только стремились к скалам перевала Хальфая, остатки 4-й танковой бригады начали поспешно отступать. Немного позже (генерал Уэйвелл и генерал Бересфорд-Пирс прибыли на командный пункт британской 7-й танковой дивизии) генерал Пирс дал приказ отступать и другим частям.

Генерал Уэйвелл, командующий войсками в Египте, был инициатором этого отступления, в расчете спасти все, что можно. Вернувшись в Каир, Уэйвелл доложил в Лондон: «С сожалением должен сообщить, что операция «Алебарда» провалилась».

Остатки британских войск пробились на восток и добрались до Сиди-Баррани, разбитые и деморализованные. Немецкие танки остановились. Они тоже были истощены. Танкисты были в боевых действиях почти

трое суток без передышки. Это стало первым успешным сражением 15-й танковой дивизии в полном составе.

Генерал-майор Нойман-Зильков, которому доложили о решительных и самостоятельных действиях капитана Кюммеля, представил его к Рыцарскому Кресту. В представлении говорилось:

«Атака капитана Кюммеля на превосходящие силы противника западнее и северо-западнее Капуццо 15 июня 1941 года была совершена по его собственной инициативе.

Четко выполнив смелый замысел, он не допустил наступления противника далее на север, где тот мог уничтожить тыловые части снабжения 8-го танкового полка.

Благодаря самостоятельному решению стойкого и энергичного офицера был предотвращен смертельно опасный прорыв на этом участке».

Подполковник Крамер, командовавший полком, пока он не получил ранение, также был представлен к Рыцарскому Кресту. К этой награде представили и капитана Вильгельма Баха, по прозвищу Боевой Пастор.

* * *

Проснувшись утром 18 июня, Кюммель увидел на лице своего нового денщика странную усмешку.

— В чем дело, Циммер? — спросил капитан.

— Да нет, ничего, господин капитан, — ответил ефрейтор, продолжая улыбаться.

Чуть позже Кюммель подошел к своему танку и увидел нечто необычное. На борту был нарисован ревущий

лев. Под ним была надпись. Подойдя ближе, Кюммель прочитал: «Лев Капуццо».

— Крушински! — крикнул он.

Фельдфебель выполз из-под танка и встал перед командиром роты.

— Да, командир? — спокойно сказал фельдфебель.

— Что это означает? — спросил Кюммель, показывая на изображение льва.

— Это теперь наша эмблема, командир. Господина капитана теперь зовут Лев Капуццо.

— Если этот кот в сапогах не исчезнет через две минуты, я надеру вам задницы, понятно?

Капитан повернулся, и пораженный фельдфебель, ветеран многих сражений, не смог увидеть улыбку на лице Кюммеля. И хотя изображение льва было смыто, прозвище Лев Капуццо так и осталось.

Pz IIIE

Весь день солдаты работали на танках, приводя их в полную боеготовность. Вечером Кюммель был у командира дивизии. Потом он и его солдаты поехали на берег моря. Они кувыркались в воде, как мальчишки, стараясь забыть об ужасах войны.

* * *

18 июня Роммель написал письмо жене, в котором сообщил, что трехдневное сражение окончилось полной победой для Германии. Он также написал, что в ближайшие дни намерен посетить все части, участвовавшие в боях, чтобы поздравить их лично. На следующий день капитан Кюммель получил предупреждение от майора Фенски о приезде Роммеля. Они приветствовали командующего согласно уставу. После доклада Кюммеля Роммель сказал: «У вас хорошая рота, Кюммель. Возможно, вскоре у вас будет хороший батальон».

Майор Фенски незаметно подмигнул своему товарищу. Затем был вызван фельдфебель Крушински, чтобы тот изложил свою версию событий 15 июня. Фельдфебель сделал это в своей обычной манере: «Командир дал приказ. Полный газ и на них! Уничтожили восемь танков. Порвали томми и пошли домой, господин генерал».

Роммель рассмеялся. Он кивнул фельдфебелю и оставил сигареты и мешок апельсинов, прежде чем отправиться на высоту 208.

Британский премьер-министр Уинстон Черчилль получил вести об этом поражении в своем поместье в Чартуэлле. Несколькими днями позже он записал в своем личном дневнике:

«Успех в пустыне означал бы уничтожение храбрых солдат Роммеля... Я еще ничего не знал о событиях 17 июня, мне должны были доложить по прибытии в

Чартуэлл... Там я узнал о произошедшем в районе Капуццо — Сиди-Сулейман — перевал Хальфая. Очень расстроенный, я несколько часов бродил по аллеям».

17 июня 1941 года все британские надежды на успехи в пустыне рухнули. Через четыре дня Черчилль телеграфировал генералу Уэйвеллу: «Мне пришлось принять решение, что в государственных интересах будет лучше назначить генерала Окинлека командующим сухопутными силами на Ближнем Востоке, вместо вас».

Так был отстранен один из самых способных командиров. Роммель сорвал лавровый венок с головы Уэйвелла и бросил его в песок. Несомненно, что Роммель сделал немало для этой победы немцев, но также немало сделали подполковник Крамер и ефрейтор Хюбнер, капитан Бах и обер-ефрейтор Ильгенрот, подполковник Кнабе и ефрейтор Шульц, капитан Кюммель и ефрейтор Альберс.

9 июля 1941 года капитан Йоханнес Кюммель получил Рыцарский Крест.

Это стало поводом для бурного празднования. Приехал Роммель и поздравил Кюммеля, который вырос из рядового солдата до офицера, а теперь получил такую высокую награду.

Но Кюммель остался самим собой: командиром, делающим все, чтобы сберечь своих солдат, берущим на себя самую трудную задачу и считающим своих подчиненных боевыми товарищами. Его прозвали Лев Капуццо. Учитывая его боевые заслуги, это было заслуженное прозвище. Через несколько дней после получения Рыцарского Креста Кюммель отправился в отпуск на родину, в Косвиг в Саксонии.

СРАЖЕНИЕ ПРИ СИДИ-РЕЗЕГ

Лето 1941 года было очень жарким в Африке. В августе было от 50 до 60 градусов по Цельсию в тени. В дневное время солдаты танковой группы «Африка» оставались в окопах, спасаясь от жары. Ночью температура падала до плюс десяти градусов. Все предметы были раскалены. Еда заражена личинками насекомых. Свирепствовала дизентерия и лихорадка.

8-й танковый полк окопался в районе Тобрука. Роммель бывал повсюду. Он появлялся неожиданно и раздавал наказания провинившимся, устраивал ад для тех, кто нарушал правила и не выполнял его указания, которые были сделаны для сохранения здоровья солдат.

Сейчас целью Роммеля был Тобрук. Танковая группа «Африка» была под угрозой с двух сторон: из этой крепости и с востока, из района Сиди-Баррани — Мерса-Матрух. Запросы Роммеля по снабжению почти не выполнялись. Это объяснялось в основном тем, что началась война против Советского Союза, и почти все необходимое посылалось на новый театр боевых действий.

Уинстон Черчилль писал генералу Окинлеку, новому командующему войсками на Ближнем Востоке, что тот мог теперь наступать, если он готов. Но Окинлек колебался. И это продолжалось месяцами.

В июле 1941 года Эрвин Роммель был произведен в генералы танковых войск. Он узнал об этом из новостей по радио, прежде чем получил официальное извещение.

Такова была ситуация, когда капитан Кюммель вернулся из отпуска в августе.

* * *

Солнце уже склонялось к западу. К позициям 1-й роты подъехал «кюбельваген».

— Гости, командир, — сказал унтер-офицер Мильде исполняющему обязанности командира роты.

Обер-лейтенант Петерс кивнул. Он вытер пот со лба и надел шлем. Машина остановилась перед палаткой, и из нее выпрыгнул Ханс Кюммель.

— Старик вернулся! — крикнул Мильде. Солдаты стали вылезать из своих нор и из-под танков. Они побежали к своему ротному командиру и окружили его.

— Не все сразу! — кричал Кюммель. — Вы оторвете мою руку!

Через час Кюммель уже снова чувствовал себя как дома в этой горячей пустыне.

— Похоже, я прибыл вовремя к новому наступлению.

— Вряд ли, господин капитан, — сказал фельдфебель Шнир, старший писарь. — До нас ничего не доходит. Томми топят каждое второе судно снабжения.

— Роммель должен быть в ярости, — ответил Кюммель.

Вечером Кюммель устроил вечеринку в честь своего возвращения. На нее заглянул и командир батальона майор Фенски. На следующее утро Кюммель провел первую проверку роты. Он убедился, что все было в полном порядке.

* * *

— Какое сегодня число, Беккер? — спросил Кюммель своего адъютанта. Лейтенант взглянул на календарь.

— 21 августа, командир. У вас намечена поездка на позиции передового охранения.

— Спасибо, Беккер. После этого пойдем купаться, так что захватите плавки.

Офицеры сели в машину. С ними поехал и обер-ефрейтор Альберс. Они проехали небольшое расстояние, когда увидели вражеские самолеты.

— Бомбардировщики! — объявил Беккер.

— В сопровождении «Харрикейнов»! — добавил Альберс.

— Они летят слишком далеко к северу, чтобы заметить нас и... — Кюммель замолчал, заметив несколько серебристых точек, появившихся с севера.

— Немецкие истребители! — воскликнул Альберс.

Истребители, летевшие на 500 метров выше британских самолетов, быстро приближались. Затем они пошли вниз, и стали видны вспышки выстрелов их пушек. Один из «Харрикейнов» вошел в пике и взорвался при падении.

— Смотрите, парашют!

Парашют был хорошо виден, его несло в сторону пустыни. Вскоре уже можно было разглядеть фигуру летчика.

— Поехали туда, — приказал Кюммель.

Машина двинулась к предполагаемому месту приземления британца. Затем появился «Харрикейн» и направился в сторону немцев.

— Из машины! — крикнул Кюммель.

Они на ходу выпрыгнули. Альберс бежал за капитаном, когда «Харрикейн» стал стрелять. Они бросились на землю, и Альберс почувствовал резкую боль в своем заду.

Кюммель и водитель оттащили Альберса в низину. Тот пришел в себя.

— Командир, — пробормотал он смущенно, — они подстрелили меня в задницу!

Его слова вызвали смешки.

— Не так уж плохо, Альберс! — сказал Беккер. — Всего лишь ранение в мякоть. Заживет за четыре недели.

Тем временем схватка в небе продолжалась. Был сбит еще один «Харрикейн».

— Это, наверное, парни Редлиха, — сказал лейтенант Беккер.

— Бравые парни, Беккер, с обеих сторон... — Кюммель оборвал фразу, его мысли вернулись к сбитому летчику.

— Поехали, Цинклей! — сказал он водителю. Машина подъехала к месту, где должен был приземлиться пилот. Кюммель вышел, осмотрелся и несколько раз крикнул:

— Эй, приятель! Эй, приятель!

Кюммель услышал шуршание в зарослях верблюжьей колючки, примерно в десяти метрах. Подойдя, он увидел бледное лицо и руку, державшую пистолет. Он был направлен в живот Кюммеля.

— Не стреляй! — сказал капитан на ломаном английском. — Мы тебе поможем.

Кюммель подошел ближе. Раздался выстрел. Пуля просвистела рядом с головой немца, и он бросился на землю. Упав, он достал пистолет и прицелился в силуэт, заметный среди кустов. Но стрелять не стал. Кюммель пополз, пока не смог четко разглядеть англичанина. Летчик лежал на земле, его правая нога была неестественно вывернута. В руке он держал пистолет, но уже не мог целиться. Он повернул искаженное болью лицо к Кюммелю.

— Помогите, — пробормотал летчик.

Кюммель подошел к англичанину, который уже не был врагом, а был раненым солдатом, нуждавшимся в помощи. Капитан достал свою флягу, и летчик сделал несколько больших глотков.

— Идите сюда! — крикнул Кюммель остальным.

Подъехал «кюбельваген», и раненого пилота посадили в машину рядом с Альберсом, который курил сигарету. Он взглянул на летчика.

— Ты можешь покурить, хоть ты и один из тех, кто прострелил мой зад, — пробормотал он, достал еще одну сигарету, прикурил и вставил в рот англичанина.

Они приехали на позиции передового охранения, где их приветствовал оберфельдфебель Крюк.

Кюммель приказал водителю отвезти двух раненых в госпиталь, и занялся инспектированием позиции, которая выступала на юго-восток в пустыню дальше, чем остальные. Танки стояли в низине, тщательно замаскированные верблюжьей колючкой. Фердинанд Крюк повел капитана на наблюдательный пункт, расположенный сразу же за вершиной холма. Там был установлен бинокулярный перископ.

Капитан Кюммель посмотрел в перископ. Пустыня тянулась бесконечно. Затем он заметил четыре британские бронемашины. Они быстро ехали на северо-запад, и должны были оказаться позади командного пункта его роты, если продолжат движение этим курсом. Кюммель взял трубку полевого телефона. Ответил дежурный унтер-офицер.

— Боевая тревога взводу тяжелых танков. Английский патруль направляется на северо-запад через квадрат 2315-3510. Расстояние от командного пункта три километра. Взвод атакует патруль и уничтожит его.

Кюммель продолжал наблюдать за бронемашинами и увидел, что они свернули к северу. Теперь они направлялись прямо на командный пункт.

Прошло несколько минут. Появился первый Pz IV, кативший к британским бронемашинам. Западнее показался второй, а затем и третий.

Головной танк был уже в 1000 метров от первой бронемашины. Командир вражеского патруля заметил

Pz IV, но было уже поздно. Танк открыл огонь, и первый же снаряд решил судьбу британской машины. Остальные три бронемашины тоже начали стрелять. Но их снаряды отскакивали от брони танков.

Британские машины развернулись, чтобы уйти, при этом еще одна была поражена и загорелась. Остальные две скрылись в пустыне, уходя зигзагами. Кюммель видел, как один из его танков проехал вперед и подобрал выживших из двух британских машин.

— Хмм, — сказал вдруг Кюммель. — Крюк, а где твой второй танк?

Оберфельдфебель посмотрел на часы.

— Должен был прибыть сюда некоторое время назад, командир. Он на обычном патрулировании через вади Куалинта. Это всегда занимало час.

— И когда он отправился?

— Около двух часов назад, командир.

— Пошли, Крюк, будем искать его.

С танка сняли маскировку, и они поехали. Кюммель вздохнул с облегчением, когда достигли вади. Теперь они были скрыты от взора противника. Проехали еще километр и вдруг услышали стрельбу из пушек.

— Это на юго-восточном конце вади! — воскликнул Крюк. — Полный газ, Хюммельхен!

Водитель нажал на педаль газа, и Pz III загрохотал по каменистой почве. Они доехали до поворота вади на юго-восток и увидели танк унтер-офицера Кольмана. Он стоял посреди пересохшего русла. С обеих сторон вади по нему били пушки. Снаряды вонзались в песок, некоторые ударяли по башне танка, но рикошетировали в стенки вади.

— Мы пойдем на полной скорости. Все готово?

Кюммель опустил крышку люка, но не закрыл.

— Орудие заряжено! — доложил солдат. Тем временем оберфельдфебель Крюк засек цель по вспышке

выстрела вражеского орудия. Танк набрал скорость. Вражеские наводчики заметили новую угрозу и переключились на нее, но через секунды танк уже был недосягаем для их пушек. Кюммель приказал:

— Налево! На вершину холма и остановиться!

Крюк кивнул, он бы сделал точно так же. Двигатель ревел, когда они брали высоту. Один раз танк заскользил вбок, угрожая перевернуться, но водитель среагировал быстро и предотвратил катастрофу. Они были на вершине. Крюк увидел через прицел британский танк «Матильда». Он подправил наводку и нажал на спуск. 50-мм пушка рявкнула, и бронебойный снаряд ударил в корму вражеского танка. Из взорвавшегося топливного бака вырвался язык яркого пламени.

Второй вражеский танк, находившийся на 50 метров дальше, развернулся и, оставляя тучи пыли, на большой скорости ушел за холм, скрывшись от огня немцев. Затем Кюммель увидел восемь или девять британских танков; они были еще за километр, но катили прямо на них.

— Поворачивай! Назад, ко второму танку! — приказал Кюммель. Они спустились с холма и подъехали к Pz III, который торчал там, как подбитая утка.

— Как твои дела, Кольман? — крикнул Крюк сквозь шум двигателя.

— Не можем ехать, оберфельд, фрикцион полетел!

— Томми подходят, — крикнул ему Крюк. Затем повернулся к Кюммелю и спросил: «Берем их к себе и оставляем танк?»

— Подожди, я пойду посмотрю.

Капитан Кюммель разбирался в танках. Фрикционы он знал досконально. Он спрыгнул и подбежал к танку, стоявшему посреди вади.

— Разводной ключ, — сказал он, и водитель дал ему инструмент. Усилия капитана увенчались успехом. В ито-

ге танк на малой скорости отъехал назад метров на 400. В это время первый вражеский танк появился на песчаной вершине. Pz III Крюка выстрелил по нему, и тот скрылся из виду за вершиной.

— Они наверху, командир, — радировал Крюк.

— Отгоняй их, Крюк, отгоняй! — Затем он услышал, как водитель поврежденного танка сказал: «Фрикцион не работает, господин капитан, диски слиплись от перегрева».

— Принеси мне шлем с песком, — приказал Кюммель.

Мгновение водитель смотрел на него как на сумасшедшего. Но затем вылез и принес песку. Кюммель нажал на педаль газа. Затем согнул в трубочку свой опознавательный жетон и насыпал песок во фрикцион. Тем временем шум вражеских танков становился все слышнее. Вместо того, чтобы взбираться наверх, противник пытался обойти немцев и выйти им в тыл. Капитан Кюммель попробовал еще раз. Танк двинулся! Диски фрикциона выдержали, даже когда капитан включил вторую скорость. Оба Pz IV доехали до конца вади и повернули к командному пункту роты. Через десять минут они были в безопасности. Вражеские танки, командир которых, очевидно, рассчитывал на легкую добычу, ушли.

— Снять фрикцион, заменить диски и через час доложить, что танк исправен!

Кюммель ушел в свою палатку и снял пропотевший мундир. Вошел лейтенант Беккер.

— Кошмар, господин капитан, просто кошмар! — с жаром сказал он. — Почему никто, кроме вас, до этого не додумался?

— Лучше не рисковать с насыпанием песка во фрикцион! — предостерег Кюммель.

Потом пришел с докладом унтер-офицер Кольман.

Он признался, что знал о плохой установке фрикциона. Унтер-офицер получил головомойку, от которой сотрясалась палатка, но не был официально наказан. После того как Кольман ушел, как побитая собака, Кюммель повернулся к лейтенанту Беккеру.

— Видите, Беккер, — сказал он, — это отличные солдаты. Но нельзя допускать подобной неаккуратности. Мы могли потерять танк из-за этого.

— Я буду постоянно напоминать им о необходимости думать о своей технике, — ответил лейтенант.

Август прошел при все той же жаре. Двадцать солдат роты страдали от диареи. Число заболевших росло. Только Кюммель казался неуязвимым. Он ничем не заболел, и, по его словам, у него просто не было для этого времени.

Через три недели после своего ранения вернулся Альберс. Его ранение в зад вылечили, однако он привез с собой резиновый круг для сидения в танке. Его товарищи сочли это забавным и беззлобно над ним подшучивали.

В сентябре главными противниками 8-го танкового полка стали мухи, клещи, песчаные блохи и скорпионы. Роммель надеялся, что поставки позволят ему начать наступление, но надежды не оправдались. Британские подводные лодки и авиация уничтожали суда караванов. С июля по ноябрь 1941 года было потоплено 48 немецких и итальянских транспортных судов с 200 000 тонн грузов.

15 сентября в полк вернулся Ханс Крамер. Его часть стояла на тех же позициях южнее и юго-восточнее Тобрука. Все было так же, как четырьмя месяцами ранее, в мае 1941 года.

* * *

5-я легкая дивизия была переименована в 21-ю танковую дивизию. Из 361-го полка «Африка» была сформирована 90-я легкая дивизия. Для эффективного обстрела крепости Тобрук генерал Роммель сформировал 104-й артиллерийский отряд, который постоянно увеличивался в численности. В начале ноября этот отряд имел девять 210-мм гаубиц, тридцать восемь 150-мм гаубиц и двенадцать 105-мм пушек — значительная мощь для африканского театра.

Роммель в эти недели бывал повсюду. Несколько раз он приезжал в 8-й танковый полк. Однажды он обнаружил фельдфебеля Крушински, спавшего в окопе с феской на голове. Генерал разбудил фельдфебеля довольно резко и приказал ему лучше следить за своим внешним видом. Совершенно ошеломленный, Крушински стоял в своем окопе с феской на голове и пытался отвечать согласно уставу. За спиной Роммеля все улыбались, но это не облегчало положения Крушински.

Роммель повернулся к командиру 1-й роты.

— Кюммель, приведите этого парня в нормальный вид...

Тут генерал заметил, что офицер-танкист с коричневым от солнца лицом улыбается от уха до уха. Генерал замолчал. Затем махнул рукой, сказал «Что за непорядок!», повернулся и быстро пошел к своей машине, чтобы никто не увидел, что он тоже улыбается.

Часом позже Кюммель проводил беседу с Крушински.

— Послушай, Тони. Так нельзя. Роммелю не доставило удовольствия видеть тебя в этой шапке.

— Больше не повторится, Ханс, — ответил Крушински.

— То есть ты выбросишь ее?

— Не совсем, командир. Просто я уже пообещал фельдфебелю Хинрихсу из штаба Роммеля две кокарды томми, если он будет вовремя предупреждать меня по телефону, когда Роммель снова поедет сюда.

— Хороший способ, — вздохнул Кюммель. — Но я предпочел бы просто не видеть эту ерунду на твоей голове.

* * *

Двумя днями позже 1-ю роту посетил генерал-майор Нойман-Зильков. Очевидно, сети Крушински протянулись и в штаб дивизии, поскольку все были одеты по форме.

Перед отъездом генерал сказал фельдфебелю: «Вы платите слишком много, Крушински! Если добудете для меня нашивку «пустынной крысы», я буду сам звонить, чтобы вы могли приготовиться к моему приезду».

К началу ноября Роммель вместе с подполковником Зигфридом Вестфалем, новым первым офицером Генштаба в танковой группе «Африка», разработали планы наступления на Тобрук.

— Скоро начнется, господин капитан! — сказал обер-ефрейтор Альберс Хансу Кюммелю, когда тот инспектировал личный состав. Вечером Кюммель сказал то же самое майору Фенски. Фенски сказал командиру полка. Полковник Крамер уже знал это от вышестоящего начальства.

Через два дня новость о наступлении довели до всех офицеров и солдат 15-й танковой дивизии. Генерал-майор Нойман-Зильков сформировал особое подразделение, которое должно было стать подобием «регулировщика движения». Все подразделения дивизии должны были следовать указаниям групп «регулировщиков», направляющих по маршрутам, обходящим глубокие

противотанковые рвы. Дорожные указатели — канистры с горючим в качестве световых маяков, стояли наготове. После нескольких отсрочек 23 ноября 1941 года было выбрано днем икс.

Южнее Гамбута, на дороге в пустыне, ведущей от Капуццо, через Сиди-Азейз и Сиди-Резег на Тобрук, стоял в готовности 8-й танковый полк. Рота капитана Кюммеля была в строю полностью. Майор Фенски постоянно проверял, все ли в порядке. Но и противник был во всеоружии. Фотокопии плана наступления, составленного собственноручно Роммелем, попали в руки британцев. Генерал Окинлек действовал без промедления. Он понимал, что следует бить первым, чтобы избежать катастрофы. Британские силы пошли на

Йоханнес Кюммель празднует награждение Рыцарским Крестом со своими товарищами

передовые позиции. Тщательная маскировка скрывала их перемещения. Наконец 14 ноября 1941 года Окинлек был готов наступать.

* * *

Вечер 17 ноября опустился на пустыню под Гамбутом. Солдаты 1-й роты 8-го танкового полка лежали в своих палатках и окопах. Капитан Кюммель был со своим экипажем, когда начался дождь.

— Дождь, командир! — воскликнул унтер-офицер Мильде.

— Просто комары падают, — ответил Крушински. Через десять секунд не было сомнений, что это действительно дождь. Солдаты выскочили из своих нор и бегали почти голыми под каплями воды. В этой местности дождь шел впервые за несколько лет. Внезапно вода с плато Хальфая потекла по сухим вади. Потоки несли камни и массу песка. Смыло первые палатки, а грузовик, стоявший на дне вади, перевернуло.

— В танки! — приказал Кюммель. Они залезли в танки и закрыли люки. Там они были в безопасности. Вдруг на минном поле перед ними прогремели взрывы.

Кюммель успокоил солдат: «Это всего лишь мины взорвались».

Радист доложил о полученном сообщении: «Большая вода, большая вода!»

Но это было кодовым обозначением британского наступления. Случилась большая суматоха, пока не подтвердилось, что это действительно была большая вода. На следующий день солдаты работали как сумасшедшие, освобождая свои машины из грязи и песка. С увязшей техникой и с солдатами, занятыми ее вызволением, о немецком наступлении речи быть не

могло. Однако в этот самый час британцы начали свое наступление, операцию «Крусейдер» («Крестоносец»).

Еще шел дождь, когда части британского 30-го корпуса (1-я южноафриканская дивизия, 7-я танковая дивизия и 22-я танковая бригада) вышли из района Маддалена, направились на северо-запад и стали наступать от Бир-Шеферзен к Сиди-Резег. В 30-м корпусе было 94 танка «Крусейдер» старых моделей, 210 новых «Крусейдеров» и 173 танка «Стюарт». Всего корпус имел 477 танков.

Одновременно британский 13-й армейский корпус атаковал восточнее Соллума. В корпусе были 1-я и 2-я танковые бригады со 135 и 126 танками «Матильда» и «Валентайн» соответственно. Генерал Каннингхэм, командовавший этим наступлением, имел еще 250 танков в резерве. В то же время на пути в Африку был караван судов с еще 60 танками «Стюарт» и 25 пехотными танками. Когда началось британское наступление, танковая группа «Африка» имела всего 260 немецких и 154 итальянских танков.

* * *

«Объявлена тревога, господа! Томми наступают. Танковая бригада атаковала «Ариете» (итальянскую танковую дивизию) в Бир-эль-Гоби. Это 22-я танковая бригада. 7-я танковая бригада наступает через Габр-Салех на Сиди-Резег, и только что сообщили, что 4-я танковая бригада наступает на Гамбут. Наша 21-я танковая дивизия уже начала контратаку. 5-й танковый полк под командованием полковника Штефана остановит 4-ю танковую бригаду».

Этими словами полковник Крамер ознакомил с ситуацией своих командиров рот.

Было ровно 14.30, когда Ханс Кюммель вернулся в свою роту. Он принес солдатам новость, которую давно ждали: генерал Крювель, командующий корпусом «Африка», направил боевую группу Штефан на юг, к Габр-эль-Салех. Роммель сам направился в боевую группу, чтобы лично вести ее в наступление. Утрата немецкого плана наступления была возмещена обнаружением плана Окинлека в штабном автобусе 4-й индийской дивизии.

— Когда будет наша очередь, командир? — спросил обер-лейтенант Петерс.

— Завтра утром, как я представляю.

2-й батальон был поднят по тревоге, и вечером была стычка с британскими танками, которые пересекли линию охранения полка.

Ночь прошла в гнетущей неопределенности. Разносились слухи. На рассвете 19 ноября противник появился перед 1-м батальоном 8-го танкового полка, однако это были небольшие части, отделившиеся от главных сил.

— 1-я рота атакует вражеские танки напротив Триг-Капуццо! — приказал майор Фенски.

Восемь танков выехали. Кюммель разместил свои машины на позиции. Внезапно их обстреляли. Люки закрылись, пушки развернулись на цели, раздались первые выстрелы. Один танк встал с перебитой гусеницей. Затем машины Кюммеля сблизились с противником. Они стреляли с расстояния 1400 метров.

Кюммель поздравил наводчика, когда вражеский танк был охвачен языками пламени после третьего выстрела. Командирский танк двинулся стороной, чтобы не попасть под перекрестный огонь, потом уничтожил

вражеский танк, стрелявший с фланга. Затем Кюммель направил свой Pz IV во фланг противника.

— Они отступают! — доложил Кюммель командиру батальона. — Я намерен преследовать.

— Только не дальше высоты 106,7, Кюммель! — приказал Фенски.

В погоне за отступавшими вражескими танками были уничтожены еще два из них. Затем немцы развернулись и покатили на сборный пункт. Там был получен приказ от командования немецкого корпуса «Африка». Он гласил: «Завтра мы соединимся с 21-й танковой дивизией и начнем решающую атаку против главных танковых сил противника».

Просочились слухи: 361-й полк «Африка» разгромил британскую танковую роту и взял ее машины. Пришло время самим атаковать противника.

* * *

Следующим утром 8-й танковый полк повернул западнее, на Триг-Капуццо.

— Вражеская 7-я танковая дивизия достигла Сиди-Резег!

Эта новость встревожила солдат. Танки катили к Триг-Капуццо на полной скорости. Одиночные вражеские машины, оторвавшиеся от основных сил, сгонялись с дороги и уничтожались. Тяжелые танки капитана Кюммеля снова были подвижным дозором. Он одним из первых увидел вспышки огня на аэродроме Сиди-Резег. Облака пыли скрывали присутствие вражеских танков.

— Они там, Фенски! — доложил он.

В командирских наушниках внезапно прозвучал зычный голос полковника Крамера:

— Атаковать вражеские танки на юго-восточной и восточной окраинах Сиди-Резег!

Танковые роты разошлись. 2-й батальон стал обходить с юго-запада, а 1-й пошел прямо на противника. Вскоре открыли огонь вражеские противотанковые орудия. Справа от Кюммеля взорвался танк. Экипаж смог выбраться.

— Впереди, одиннадцать часов, тысяча двести!

— Цель вижу! — доложил Тео Клефф. Наводчик взял прицел, но прежде, чем он выстрелил, сильный удар сотряс Pz IV. Кюммель почувствовал запах паров бензина. Водитель стонал.

Кюммель дал приказ покинуть танк и сам вылез через люк. Вместе с радистом он вытащил Тони Крушински из машины. У фельдфебеля была дыра во лбу, но он был в полном сознании. Они потащили своего товарища в сторону. Бой продолжался. Вспышки выстрелов орудий, взрывы снарядов, горящие бензобаки. Постепенно шум битвы отдалялся.

— Как ты, Тони? — спросил Кюммель своего давнего товарища по оружию.

— Ничего не чувствую. Заноза явно не глубоко.

Они наложили ему временную повязку на рану. Затем подъехал танк. Это был Хеллмигк.

— Господин капитан, майор сказал мне передать свою машину вам.

Лицо Хеллмигка было покрыто кровью. Она также пропитала повязку на его голове. Они забрались в танк унтер-офицера. Кюммель присоединился к полку спустя час. Но к этому времени исход сражения был решен. Несмотря на эту неудачу, следующим утром британцы достигли итальянских позиций южнее Сиди-Резега и прорвали их. Танки 8-го танкового полка атаковали снова. Кюммель уничтожил три вражеские машины, как и оберфельдфебель Крюк.

Вечером 20 ноября немецкие танки остановились для короткого отдыха. Гюнтер Фенски сказал Хансу Кюммелю: «Теперь у нас хорошие исходные позиции. Отсюда мы можем перерезать тыловые коммуникации наступающих томми».

— Ты слышал, Гюнтер? 21-я танковая дивизия застряла под Сиди-Омар без топлива.

— Кто это сказал? — спросил Фенски удивленно.

— Я слышал это несколько раз по радио. Они срочно нуждаются в горючем и просили сбросить с воздуха.

— Если томми узнают, еще больше активизируют свои усилия и...

В палатку быстро вошел лейтенант Беккер. Он взволнованно махал блокнотом.

— Что, Беккер?

— Каннингхэм приказал гарнизону Тобрука прорываться. Это начнется завтра утром!

— Тревога, тревога!

Они выбежали наружу и запрыгнули в свои танки, где стали ждать новостей. Ожидание не было долгим.

— Разведывательные танки едут к 4-й танковой бригаде!

Танки отправились немедленно. Через полчаса они достигли поля боя, где горело несколько танков, включая два Pz III. Полковник Крамер дал приказ атаковать. Вскоре противник отошел. Ночь накрыла пустыню.

— Всем оставаться на своих нынешних позициях!

Экипажи устраивались на ночь. Несколько взводов составили охранение и наблюдали за пустыней в западном направлении.

— Мы в тылу англичан. Если сейчас быстро ударим, они окажутся меж двух огней, — сказал майор Фенски на совещании.

— Да, если нам удастся не дать гарнизону Тобрука

прорваться, — сказал обер-лейтенант Штифельмайер. Обер-лейтенант Хайнрих прочистил горло.

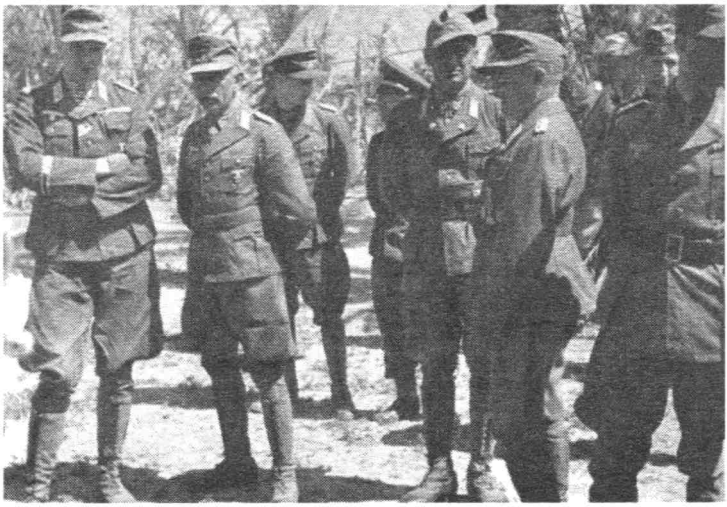
— Да? — сказал Кюммель. У командира 2-й роты, который только что прибыл, были последние новости:

— Согласно английским радиопереговорам, 22-я танковая бригада, которая днем сражалась против итальянской дивизии «Ариэте», отправлена назад, на усиление 4-й танковой бригады.

— Тогда они должны быть здесь к утру, — заметил Фенски.

— Какова ситуация у дивизии «Болонья»? — спросил Штифельмайер.

— По последним сообщениям, британская 70-я пехотная дивизия при поддержке 50 танков вышла из



Поздравительная встреча генерала Крювеля 20 марта 1942 года в Умм-эр-Ржеме. Слева направо: полковник Менни; полковник Брюер; неустановленный офицер-связист; генерал-майор фон Бисмарк; Кюммель; полковник Герхард Мюллер; подполковник Пфайфер; полковник Херберт Эверт

Тобрука, прорвалась и захватила всю артиллерию итальянцев. Однако 3-й разведбатальон подполковника фон Вехмара сумел в последний момент закрыть прорыв.

— Итак, завтра будет решающий день, друзья! — объявил майор Фенски. — И я уверен, что мы будет играть главную партию в этом концерте.

— Мы тоже надеемся, господин майор! — сказал лейтенант Беккер.

В течение ночи 15-я танковая дивизия вновь перегруппировалась. Полковник Крамер разместил свои подразделения восточнее и глубоко вошел во фланг противнику. Был слышен шум со стороны противника.

В это время Роммель проинструктировал генерала Людвига Крювеля:

«Завтра утром с первым светом вы атакуете и уничтожите силы противника, направляющиеся к Тобруку, всем корпусом «Африка»! Вы должны отбить аэродром Сиди-Резег, который был занят вчера утром 7-й танковой бригадой бригадного генерала Дейви. Шуммерман и 90-я легкая дивизия не смогли отбить высоты возле Бель-Хамед. Поэтому я опасаюсь, что шестикилометровая прореха в нашем кольце осады Тобрука может еще больше расшириться».

Согласно «официальной истории» боевая ситуация на вечер 21 ноября была следующей:

«Войска обеих сторон были разбросаны на примерно 30-километровой полосе местности, от места прорыва из Тобрука до пустыни юго-восточнее аэродрома Сиди-Резег, как фишки неаполитанской игры Кассата».

* * *

«Мы должны окружить британскую 4-ю танковую бригаду!» Таков был приказ, отданный полковником Крамером утром 22 ноября 1941 года. Танки пошли вперед. Кюммель стоял в башенном люке своего Pz IV. Правее него, в идущем клином батальоне, был оберлейтенант Хайнрих, командир 2-й роты, а слева оберлейтенант Прион. Штифельмайер и его 4-я рота прикрывали тыл.

Солнце высоко поднялось в небе. Становилось жарче. Песок оседал в ушах, ртах, носах и глазах. Солдаты ругались. Со стороны Тобрука были слышны звуки боя. Ближе к полудню они имели возможность наблюдать за сражением в воздухе. Британские бомбардировщики «Бленхейм» атаковали подразделения корпуса «Африка» на дороге Акрома — эль-Адем. Их сопровождали истребители «Кертисс Томахок». Затем атаковали немецкие истребители. Два Bf-109 сбили по «Томахоку» каждый. Потом взорвался один из бомбардировщиков.

Днем немецкие танки встретили первые вражеские силы. Полковник Крамер дал приказ атаковать. Танковое сражение началось. Кюммель повел свои машины правее, делая фланговый маневр. Они переехали через вади и повернули западнее. Слева появилась группа британских танков. Они были повернуты на юго-восток и вели перестрелку с 4-й ротой. Их атаковали с фланга. Один взвод останавливался для ведения огня, второй в это время продвигался. Взвод тяжелых танков тоже начал стрелять. После первого залпа короткоствольных 75-миллиметровок три вражеских танка загорелись.

Внезапно Pz IV Кюммеля получил попадание в

башню. Грохот был ужасным. Однако битва подошла к концу. Хуберт Альберс тер свой ушибленный большой палец. Гильзоулавливатель был полон. У них осталось 30 бронебойных снарядов. Противником 15-й танковой дивизии была британская 7-я танковая дивизия. Тяжелая артиллерия полковника Бёттхера обстреливала замеченные британские позиции.

Полковник Крамер получил приказ окружить и уничтожить британскую 4-ю танковую бригаду. Танки тронулись. Наступили сумерки, а вскоре стало темно. Через десять минут четыре головных танка доложили, что потеряли визуальный контакт. Обер-лейтенант Янс, полковой адъютант, принес эту плохую новость командиру. Тот вызвал своих батальонных командиров.

— Что теперь, господин полковник? — спросил Янс.

— Мы продолжим преследование! — решил Крамер. — Фенски и его батальон пойдут передовым дозором. Как только найдет вражеские танки, доложит и попытается вступить в бой. Затем мы подойдем со 2-м батальоном. Больбринкер, вы и ваш 2-й батальон стоите в готовности, понятно?

Майор Больбринкер, носивший Рыцарский Крест с 15 мая 1941 года, кивнул.

— Отправляться через десять минут!

Фенски вернулся в свой батальон и созвал ротных командиров.

— Преследование противника продолжится ночью. Всем держаться плотно! — Затем он повернулся к батальонному адъютанту. — Бок, вы должны следить, чтобы боковые интервалы между ротами не слишком увеличивались.

— Что там, командир? — спросил обер-лейтенант Петерс, когда Кюммель проходил мимо него к своему танку.

— Ночной поход, Петерс. Будь начеку и следи, чтобы твой взвод не отставал от тебя.

Кюммель забрался в танк.

— Приготовиться к ночному походу, держаться близко друг к другу.

Майор Фенски поднял руку и махнул три раза.

— Танки — вперед!

Машины направились в темноту. Впереди был командир батальона, за ним 1-я рота капитана Кюммеля. Танки шли на второй передаче. Кюммель едва мог видеть дальше вытянутой руки.

— Ты держишься за передней машиной, Тони? — спросил он Крушински. Фельдфебель вернулся из санчасти на следующий день после ранения, все еще с осколком во лбу.

— Держусь! — ответил водитель.

Вдруг Кюммель увидел вспышку правее впереди. Похоже, что кто-то зажег спичку.

— Внимание, что-то впереди! Проклятие, это танк!

В тот же момент машина командира батальона остановилась. Фенски увидел силуэты множества танков перед ним.

— Внимание, командир — всем: вражеские танки впереди нас. Не менее пятидесяти. 1-я рота поворачивает налево и становится точно напротив. 2-я рота — направо и становится в пределах видимости командира 1-й роты. 4-я рота формирует переднюю треть круга, и 3-я рота — в моем распоряжении.

Кюммель приказал своим машинам повернуть влево. Он поехал по широкой дуге, оставаясь в виду вражеских танков, все еще не двигавшихся.

Эгон Мильде пробормотал: «Они все спят на своих ушах, что ли?»

— Они явно ничего не видят, — добавил наводчик

Клефф. Он развернул башню, чтобы пушка была в положении «на четыре часа», и постоянно держал один из вражеских танков в поле зрения.

Рота Кюммеля достигла места, где круг был наполовину завершен.

— Стоп! Всем быть готовым к стрельбе, — приказал Кюммель.

Они ждали. На востоке первые танки 2-й роты становились на позиции. Кюммель радировал обер-лейтенанту Хайнриху, он ответил и приказал остановиться. Напряженность выросла до предела. Бой мог начаться в любой момент. После первого выстрела разразится ад.

По радио прозвучал голос командира батальона: «Я намерен ударить в центр английской позиции. Внимание, мы пускаем белые ракеты». Затем он сказал адъютанту: «Давай, Бок!»

Обер-лейтенант Ханс Бок поднял ракетницу. Хлопок, и в ночном небе возникла белая вспышка. Затем снова темнота.

Кюммель стоял в открытом люке, зачарованно смотря на белые вспышки ракет, освещавшие всю массу танков.

— Командир — всем: включить фары!

Лучи света шли со всех направлений, освещая британскую круговую позицию.

— Заутер, ты и твои люди, вперед! — приказал Фенски.

Батальонные посыльные спрыгнули со своих мотоциклов и пошли на британскую позицию, подняв автоматы.

В ночи раздались крики: «Руки вверх!»

Совершенно ошеломленные, британские солдаты поднимали руки.

— Один из них пытается уйти! — закричал ефрейтор. Унтер-офицер Заутер вскочил на британский танк, двигатель которого начал работать. Он открыл люк и выпустил короткую очередь.

— Туда, вправо! — крикнул Кюммель. Но Клефф уже взял прицел. Хлопок пушки открыл короткий, но драматичный бой. Несколько вражеских танков были поражены в гусеницы. Еще два пытались уйти, но тоже были остановлены. Вновь наступила тишина.

— Не стрелять, пока они не попытаются уйти! — приказал Фенски своим ротным командирам. — Командиры танков и радисты — наружу. Возьмите автоматы. Заряжающие и наводчики остаются в танках.

Кюммель и его радист выбрались из танка. Вдвоем они взяли нескольких пленных. Некоторые экипажи британцев сопротивлялись, преодолев первоначальный шок. Три вражеских танка загорелись, один за другим.

— Вот он! — крикнул Кюммель и побежал туда, где британский капитан поджигал четвертый танк. Офицер сдался.

В полк было послано донесение. 2-й батальон подходил на большой скорости. Полковник Крамер подъехал к кольцу танков поближе.

Майор Фенски доложил: «Взяты в плен — один бригадный генерал, 17 офицеров и 150 солдат. Захвачено 35 танков и 15 бронемашин».

— Спасибо, Фенски! — сказал Крамер. — Это означает Рыцарский Крест для вас!

В руках у немцев оказались британская 4-я танковая бригада и штаб 8-го гусарского полка. Командир бригады Гейтхаус едва избежал плена, только потому, что часом ранее он уехал на доклад генералу Готту.

Немецкие солдаты были довольны. Теперь они

имели превосходные сигареты, консервированные ананасы и прочие деликатесы. Кюммелю пришлось несколько раз применить власть к своим солдатам, поскольку их настроение становилось слишком жизнерадостным.

На рассвете 23 ноября (это был Тотензоннтаг, немецкий день поминовения) Крамер вел свой полк из района Бир-Сиаф-Сиуф на юго-запад. Все роты получили следующее радиосообщение от генерал-майора Ноймана-Зилькова:

«Сегодня враг должен быть обязательно разбит!»

В то утро Муссолини отдал в подчинение Роммелю итальянские войска, 20-й армейский корпус (генерал Гамбара). Немецкие танки осуществляли широкий охват. Густой туман еще лежал над пустыней, но уже было видно солнце. Вскоре оно пробьет туман, и вновь вернется жара. Танки шли на машины снабжения британской 7-й танковой дивизии и 5-й южноафриканской дивизии. Генерал-майор Нойман-Зильков хотел догнать и уничтожить их. Но генерал Крювель дал распоряжение дождаться итальянскую дивизию «Ариэте», которая должна была присоединиться к 15-й танковой дивизии.

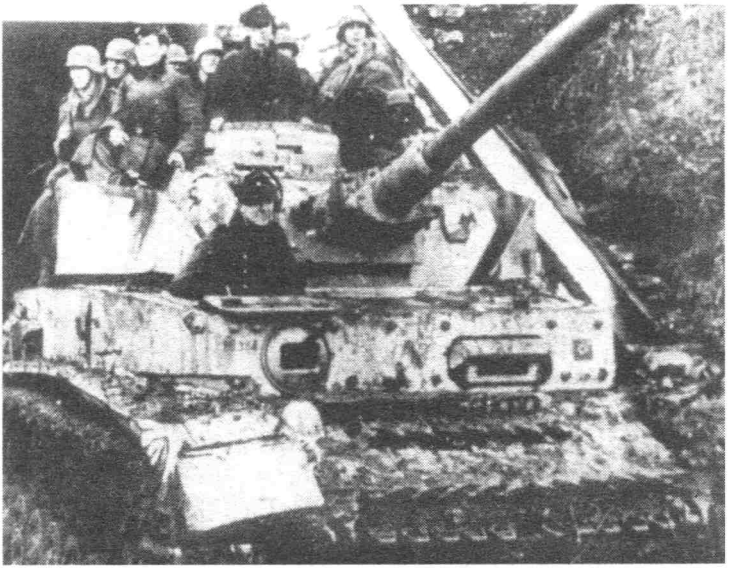
— Атаковать и уничтожить врага! — приказал генерал Крювель.

Полковник Крамер сопровождал свой полк, находясь в центре танкового клина. Справа был 5-й танковый полк, а слева «Ариэте». И снова танкисты приложили максимум усилий. Они шли вперед, пока не встретили барьер из противотанковых орудий южноафриканцев.

Кюммель радировал своей роте: «Поворачиваем! Следовать за мной вправо!» Они развернулись веером, чтобы избежать урагана огня из вражеских орудий.

Огонь пушек сконцентрировался на 2-й и 3-й ротах 1-го батальона и 8-й роте 2-го батальона. Майор Гюнтер Фенски был убит в этой атаке. Батальон оставался без руководства, пока в должность не вступил Кюммель.

Уже пять танков 1-го батальона были подбиты. Один за другим машины взрывались под вражеским огнем. Тяжелый урон понесла итальянская дивизия, за час она лишилась половины из своих 120 танков. 2-й батальон потерял обер-лейтенанта Вута, командира 8-й роты, а также обер-лейтенантов Козера и Франке, лейтенантов Пизата и Адама. Быстрыми зигзагами Кюммель пробивался вперед. Роты были далеко рассеяны между собой. Крамер пытался пробиться где-нибудь



Длинноствольный Pz IV 26-го танкового полка в Италии

сквозь эту стену смерти. Он постоянно приказывал своим командирам рассредоточиться, но не указывал конкретной цели.

1-я рота сражалась в море пыли, огня и кордитного дыма. Кюммель пытался прорваться. Его танк получил попадание, но, к счастью, никто из экипажа не был ранен. В середине этого сражения, когда Pz IV Кюммеля стоял за разбитой «Матильдой», Крушински вдруг поднял руку.

— Я вытащил его, Ханс! — крикнул он и показал Кюммелю осколок снаряда, который он извлек из раны.

Появился полковник Крамер. «Следуйте за мной! Мы собираемся обойти эту противотанковую линию и атаковать ее с тыла».

Кюммель вызвал свои тяжелые танки. Вслед за Крамером двинулись в обход линии противотанковых орудий, перед которой пылали не меньше десятка танков. Довольно скоро они были уже во вражеском тылу. Они двигались так быстро и стреляли с такого близкого расстояния, что у противника не было шансов. Последнее сопротивление было сломлено. Остальные машины батальона прошли через брешь и достигли линии обороны южноафриканцев.

Танки прошли ее насквозь, стреляя по всему, что двигалось. Закончился день 23 ноября 1941 года. Повсюду горели грузовики и танки. Стояли самоходные орудия, раздавленные проехавшими по ним танками. Несколько групп британских солдат сумели избежать окружения и бежали на юг в пустыню. С наступлением ночи южноафриканцы сдались. Потеряв 3394 человека, их бригада перестала существовать. В это кровавое воскресенье корпус «Африка» потерял более шестидесяти танков. Панцер-гренадерские полки также понесли

большие потери. Но со стратегической точки зрения — победа появилась в пределах видимости. Полковник Крамер назначил капитана Кюммеля командиром батальона.

* * *

Угроза, нависавшая над войсками Оси, была отведена. Корпус «Африка» одержал победу, 8-й танковый полк сыграл в этом важную роль. Полк продолжал наступление в направлении Сиди-Омар.

«Развивать успех!» — приказал Роммель. Это означало следовать за противником по пятам, не давать ему возможности отдохнуть и, наконец, окружать и уничтожать его. Следующие дни были очень тяжелыми для 8-го танкового полка.

Лейтенант Арнольд принял прежнюю роту Кюммеля. В последовавшем наступлении и боях капитан показал себя блестящим танковым командиром.

Британское наступление провалилось. Тобрук не был деблокирован.

Каннингхэм хотел отойти, даже несмотря на то, что у него оставалось численное превосходство 2:1 в танках и артиллерии и 7:1 в бронемашинах. Он выразил свои намерения в радиосообщении генералу Окинлеку, а через несколько часов появился в его штабе. Окинлек заявил:

— Эта битва не должна окончиться поражением! Это будет конец кампании в Северной Африке, это будет означать, что британцы потеряют Нил. — Он завершил свою речь словами: — В этот час я готов сражаться до последнего солдата, до последней пушки, чтобы не допустить поражения. 8-я армия выстоит или погибнет.

Генерал Каннингхэм был снят с должности. Вместо него командующим 8-й армией был назначен генерал Ритчи.

После доклада генерала Крювеля, утром 24 ноября, Эрвин Роммель поехал в Сиди-Омар и лично возглавил наступление на перевал Хальфая. Его сопровождал начальник штаба генерал-майор Гаузе. Однако, несмотря на героические усилия солдат, 5-й танковый полк не смог взять Сиди-Омар. Полковник Штефан был убит. 1 декабря был ранен лейтенант Арнольд. Кюммель поставил лейтенанта Турова командовать 1-й ротой.

Следующие дни были напряженными для 8-го танкового полка. Возле Триг-эль-Абт они встретили многократно превосходящие танковые силы противника. 5 декабря корпус «Африка» атаковал британские войска, собранные возле Бир-эль-Гоби. Вновь Кюммель и его батальон шли на штурм первыми. 6 декабря британская 7-я танковая дивизия отошла к Бир-эль-Гоби. Генералу Крювелю был нужен итальянский 20-й корпус, чтобы охранять фланги. Тогда Крювель мог бы начать решающее наступление немецкого корпуса «Африка». «Где Гамбара?» — постоянно запрашивал Крювель. Но дивизии итальянского 20-го корпуса не пришли. Сражение продолжилось 7 декабря. Генерал-майор Нойман-Зильков отправился на фронт, к Крамеру.

— Крамер, — лаконично сказал он, — мы собираемся наступать и уничтожить врага.

— Я уверен, что мы можем это сделать, господин генерал!

Атака началась. Кюммель видел танки, которых

подбивали и уничтожали и слева, и справа, и позади него. Это было почти невыносимое зрелище.

— Танки справа! — доложил Штифельмайер, который вел свою 4-ю роту на ближайший фланг. Кюммель немедленно приказал 1-му батальону повернуть к правому флангу.

Экипаж Кюммеля уничтожил головной вражеский танк, а остальные отошли назад в пустыню. Внезапно с правого фланга послышалась стрельба из орудий. Появился танк командира дивизии.

— Кюммель, следуйте за мной с четырьмя машинами.

Они направились к вражеским танкам, которые вели непрерывный огонь. Танк оберфельдфебеля Крюка был поражен в гусеницы.

— Мы будем стрелять! — доложил оберфельдфебель. Затем он услышал предупреждение от обер-лейтенанта Приона:

— Оглянись, Крюк! Танки сзади!

Несколько взрывов, затем голос Крюка:

— Командир, я...

На этом передача оборвалась. Кюммель слышал голос своего давнего товарища по оружию Крюка в последний раз. Pz IV Кюммеля продолжал бой, двигаясь, делая остановки и стреляя. Все танки 1-й и 2-й рот давили на врага. Внезапно вражеские танки появились из облаков пыли и дыма. Через смотровую щель Кюммель видел генерал-майора Ноймана-Зилькова. Он стоял в открытом башенном люке, очевидно, с целью лучше командовать атакой. Вдруг Кюммель увидел, как генерал дернулся назад и свалился в люк. Прошло несколько секунд тревожного ожидания. Затем горестное сообщение: «Командир дивизии убит!» Бронебойный снаряд попал ему в грудь, и он умер мгновенно.

Почти полностью выдохшиеся немецкие танкисты

продолжали сражаться. Возле Сиди-Азейз и залива Триг-Энвер, у мечети Сиди-Резег и на холмах под Тобруком Крамер и его танки вступали в бой с противником, чтобы выиграть время для отступавшей пехоты, которой тоже пришлось нелегко. Близкая победа обернулась поражением. Немецкий корпус «Африка» вынужден был отходить, чтобы избежать уничтожения.

Командиром 15-й танковой дивизии был назначен генерал-майор Густав фон Фаерст. До этого он был начальником военного училища в Крамнице. Новый командир прибыл на Африканский театр 17 декабря 1941 года. Майор Крибель, начальник штаба дивизии, доложил о состоянии части.

8-й танковый полк достиг района Агедабия под Рождество 1941 года.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ВОСТОК

Когда ранним утром 21 января 1942 года танковая армия «Африка» начала новое неожиданное наступление, 15-я танковая дивизия снова шла впереди. Противник был захвачен врасплох. Дивизии корпуса «Африка» быстро двигались в направлении Антелата. Где бы противник ни пытался оказать сопротивление, оно сокрушалось танками. Полковник Крамер получил приказ использовать его танковый полк для преследования и окружения британской 1-й танковой дивизии.

В батальоне Кюммеля 4-я рота обер-лейтенанта Штифельмайера шла на левом фланге, 2-я рота в авангарде, и 3-я рота на правом фланге. Когда Крамер увидел, что британцы отступают на восток отдельными группами, он приказал, чтобы танки наступали с максимальной скоростью. В то время как южнее Антелата

части корпуса «Африка» повернули на восток, 8-й танковый полк двинулся к Саунну по широкой дуге.

Вдали показались черные формы. Кюммель посмотрел в бинокль. Это были не заросли кустов, а британские танки! Вражеские машины находились еще не ближе четырех километров.

— Танки противника впереди! — доложил командир батальона.

— 4-я рота атакует фронтально. Остальные поворачивают к Гиоф-эль-Матер!

— Командиру 4-й роты: атаковать и сковать противника.

Кюммель видел, как рота Штифельмайера мчится вперед, в то время как он с главными силами и командиром полка катил к Гиоф-эль-Матер. Машины поднимали столбы пыли во время этой гонки по пустыне.

4-я рота смогла выполнить поставленную задачу. Главные силы 8-го танкового полка были позади британской 1-й танковой дивизии. Немецкие танки атаковали. Кюммель вел батальон в направлении аэродрома. Они прошли по двум британским противотанковым орудиям и уничтожили их. Один из танков был подбит третьим противотанковым орудием, стоявшим на границе аэродрома. Теперь оно стало целью.

— Расстояние шестьсот! Двенадцать часов! Бронебойным!

Вновь началась привычная работа по разрушению. Фундаментальное правило для танков в бою гласит: стреляй первым! Экипажи 8-го танкового полка прекрасно знали этот закон. Кюммель направлял роты, куда требовала ситуация. Окруженные, под огнем с трех сторон, подразделения 1-й танковой дивизии сдались.

Немецкие танкисты вновь победили. Пал Мсус,

британская 1-я танковая дивизия была уничтожена. На поле боя остались 96 танков и бронемашин, а также 38 орудий. Было захвачено 12 самолетов. Немецкая атака была такой быстрой, что они не успели взлететь.

Огромный склад снабжения в Мсусе попал в руки корпуса «Африка». В результате были сорваны приготовления британцев к наступлению в районе Саунну-Мсус. На этот раз Роммель оказался быстрее. Однако эти успехи не удовлетворяли Лиса Пустыни. Он решил наступать из Мсуса в направлении на Бенгази. Этот город имел важнейшее значение как порт снабжения для корпуса «Африка» и всей танковой армии «Африка».

Батальон Кюммеля двигался вдоль вади Фарег, преследуя бежавшего противника. Если враги вставали в оборону, происходили короткие столкновения. Немецкие танки действовали успешно. Капитан Кюммель уничтожил еще несколько британских танков. Панцер-гренадеры 15-й танковой дивизии под командованием полковника Гайсслера взяли Марауа. Боевая группа «Маркс» наступала на восток.

За семнадцать дней наступления танковая армия «Африка» отвоевала всю Киренаику, область, которую ранее танковая группа «Африка» была вынуждена отдать после пяти недель боев. Только Тобрук не мог быть взят, поскольку не хватало сил. Немецкие и итальянские дивизии остановились на «линии Газала». Генерал-майор фон Фаерст, принявший дивизию в трудные дни декабря 1941 года, привел ее к границе Египта.

Полковник Крамер стал одним из первых на Африканском театре, получивших Золотой Германский Крест, новую награду, учрежденную осенью 1941 года. Однако вскоре ему пришлось покинуть свой полк.

Йоханнес Кюммель

Перед отъездом он сказал капитану Кюммелю: «Я знаю, что наш полк привели к победе ты и другие товарищи. И я прошу вас сохранять ваш подход к делу и агрессивность, которыми я все время восхищался».

Они попрощались. Новым командиром полка стал подполковник Тееге. Между тем Эрвин Роммель, произведенный 20 января 1942 года в генерал-полковники и в тот же день ставший шестым награжденным Рыцарским Крестом с Дубовыми листьями и Мечами, вылетел в Ставку фюрера в Растенбурге, вместе с офицером генерального штаба подполковником Вестфалем.

* * *

26 мая окончился период ожидания для капитана Кюммеля и его танкистов. План Роммеля был простым и блестящим. Итальянский пехотный корпус должен был атаковать позиции Газала фронтально, усиленный 361-м полком «Африка» из 90-й легкой дивизии, под общим командованием генерала Крювеля. В то время как эти части создадут проблемы британцам, Роммель намеревался провести крупный обход через пустыню силами корпуса «Африка» и итальянского 20-го моторизованного армейского корпуса, обойти южный бастион

Линии и затем пойти на север в тыл противника. Самым южным бастионом был Бир- Хачейм, который обороняли французы.

Ровно в 14.00 дивизии «Брешия», «Павия» и «Тренто» начали фронтальный штурм, совместно с немецким 361-м полком.

— Поднимите пыль! Поднимите много пыли! — приказал Роммель. Осадная артиллерия открыла огонь.

Приблизительно в 20.30 экипажи танков 15-й и 21-й танковых дивизий, а также моторизованной дивизии «Ариэте» и моторизованных подразделений 90-й легкой дивизии получили кодовое слово «Венеция».

Поход начался. Десять тысяч машин (имеются в виду не только танки и бронемашины, но и грузовики снабжения, бензозаправщики, ремонтные машины и проч. — *Прим. пер.*) направились на юг в пустыню, следуя указаниям компаса. Луна давала достаточное освещение, и водители по своим одометрам могли сказать, какой путь они прошли.

К рассвету 27 мая 1942 года основная часть этой огромной армады завершила поворот вокруг Бир-Хачейм и уже шла к северу, во вражеский тыл. Две танковые дивизии корпуса «Африка» шли в центре атакующих сил, 15-я справа и 21-я слева. Посмотрев назад, Кюммель мог видеть 180 танков танковой боевой группы. Полк впервые имел полный комплект танков.

— Внимание, не расходитесь слишком далеко! — предупредил Кюммель, поскольку не мог превысить установленной фронтальной ширины наступления для его батальона. Она уже достигла трех километров, и он с трудом мог визуально наблюдать за всем сектором. Глубина батальонного клина была примерно полтора

километра. Густые облака пыли клубились позади справа, показывая, что 2-й батальон на своем месте.

Кюммель вызвал по радио полк.

— Что говорит воздушная разведка?

— Пока ничего не замечено! — лаконично ответил Тееге.

— Жаль, что с нами нет 33-го разведбатальона, тогда бы знали, что перед нами, — заметил обер-лейтенант Туров, новый адъютант батальона.

— Он возле Тобрука, — сказал Кюммель, хотя все это знали.

— Но томми где-то перед нами. Давайте я проеду вперед?

— Действуй, Зиферс. Но как только заметишь противника, немедленно докладывай и отходи.

— Ну, теперь мы, по крайней мере, не напоремся на засаду, — выразил свое удовлетворение Крушински.

Капитан Кюммель поднял к глазам бинокль. Где-то в пустыне противник. Но где? Ничего не было видно. Потом раздался голос в наушниках: «Вражеские танки, господин капитан. Двенадцать часов, дистанция три тысячи!»

— Боевая готовность!

Необходимые приготовления были сделаны. Впереди появились несколько высот.

— Они прячутся там, господин капитан! — доложил Зиферс. И в тот же момент Кюммель опознал в темных силуэтах за кустами верблюжьей колючки башни танков «грант».

Эти танки, поджидавшие там корпус «Африка», были из знаменитой 4-й танковой бригады. У нее было 65 «грантов», а также установлена линия противотанковых орудий.

— Атакуем! — приказал Кюммель.

Он возглавил атаку, его танки следовали за ним на большой скорости.

— Огневая остановка — повзводно!

Обменялись первыми выстрелами.

— Езжай на высоту, Тони! — велел Кюммель водителю. Они мчались вперед на полном газу и увидели, как первый немецкий танк получил попадание.

— В него попал танк или противотанковое орудие? — спросил Кюммель обер-лейтенанта Шифельмайера, роте которого принадлежал подбитый танк.

— Стрелял танк! — доложил обер-лейтенант.

Темные силуэты возникли среди пыли, видимые наполовину над вершиной высоты. Затем десяток ярких вспышек. Снаряд пронесся над башней, и Кюммель непроизвольно нырнул в люк. Крушински остановил танк. Клефф взял прицел по вспышке из ствола орудия и выстрелил. На флангах остальные немецкие танки также остановились для стрельбы. Кюммель заметил, как еще два немецких танка получили попадания. Затем снаряд ударил в землю прямо перед его Pz IV, потом еще один. Третий вошел в грунт совсем близко от правой гусеницы. Огонь, дым и пыль! Кюммель закашлялся. Сквозь дрейфующие облака пыли он увидел, что противник снимает маскировку. Это были танки, которых он никогда раньше не видел.

— Проклятие! — радировал один из командиров рот. — Это совершенно новый тип. Длинная пушка, калибр не менее 75 миллиметров!

— Подходим ближе. По-настоящему близко, иначе у нас не останется шансов.

Тео Клефф выругался. Он уже попал в один из вра-

жеских танков три раза, но стальной гигант по-прежнему отвечал огнем.

— Нам нужна артиллерия! — радировал Кюммель.

Подполковник Тееге вызвал артиллерию, которая должна была поддерживать атаку танкового полка. На левом фланге к сражению присоединился 5-й танковый полк полковника Герхарда Мюллера. Он тоже приказал своим танкам атаковать на максимальной скорости, чтобы как можно быстрее уменьшить дистанцию. В этой атаке был убит майор Мартин, один из командиров батальонов Мюллера.

— Держись, Кюммель. Я иду со 2-м батальоном!

Подполковник Тееге вел 2-й батальон по дуге вокруг центра. Кюммель был под концентрированным вражеским огнем, постоянно уклонялся от снарядов, тем не менее потери его батальона росли. 2-й батальон достиг позиции на фланге противника. Его атака была совершенно неожиданной. Снаряды пробивали тонкую бортовую броню «грантов». Несколько тяжелых британских танков загорелись и взорвались.

В наушниках командиров танков раздался взволнованный голос: «Двигаемся, парни, двигаемся! Теперь мы достанем их!»

Кюммель вел свои тяжелые Pz IV на вражеские позиции. Они стреляли с близкого расстояния. Немецкие и британские танки маневрировали, выискивая подходящее положение ведения огня. Поле боя, накрытое пылью и дымом, освещалось вспышками орудийных выстрелов и взрывами. Внезапно британцы отошли. 8-й гусарский полк, основа 4-й танковой бригады, выбросил полотенце на ринг. Умело проведенная немцами атака ударила британцам по нервам. 3-я рота Королевского танкового полка потеряла 16 «грантов».

— Мы сделали это, господин капитан, мы сделали это! — радостно кричал Зиферс.

Прежде чем он мог ответить, Кюммель, только что высунувшийся из башенного люка, увидел подъезжавшую машину командира дивизии. Из нее вышел генерал-майор фон Фаерст.

— В каком направлении мы будем наступать, господин генерал? — спросил лейтенант Макс Кайль, временный командир 1-й роты.

Прежде, чем фон Фаерст мог ответить, его адъютант сказал: «Туда, господа! Роммель идет туда!»

Так и было. Вскоре после этого Кюммель услышал голос генерал-полковника, приказывающий ему приблизиться и преследовать противника. Наступление продолжалось дальше на север, под руководством генерала Неринга. 90-я легкая дивизия генерал-майора Клеемана пошла к эль-Адему с тремя разведывательными батальонами корпуса «Африка» и итальянским 20-м моторизованным армейским корпусом. 21-я танковая дивизия наступала немного в сторону от Акромы. 15-я танковая дивизия продолжала идти на север, к морю.

Было ровно 16.00, когда Кюммель увидел противника, атаковавшего с правого фланга: 65 танков «грант» шли на маршевые колонны 15-й танковой дивизии. Немецкие танки, пытавшиеся остановить «гранты», не имели шансов. В этот критический момент 15-ю танковую дивизию спас генерал-лейтенант Неринг. 1-й батальон, который был в авангарде, не мог повернуть и прийти на помощь своим товарищам, поскольку батальон Кюммеля был атакован с северо-востока. Они сами яростно защищались. Потери были высоки.

Генерал Неринг, который в тот момент был в разве-

дывательной поездке с полковником Вольцем, командиром 135-го зенитного полка, поставил отступавшую батарею 88-миллиметровок на позицию. Затем появились еще три пушки из передового эшелона корпуса «Африка». Эти шесть зениток сформировали первоначальный барьер, а вскоре там был противотанковый фронт шириной три километра. Каждый выстрел 88-мм орудий завершался попаданием, и каждое попадание было уничтожающим, даже для тяжелых вражеских танков. Эти зенитки спасли корпус «Африка», особенно 15-ю танковую дивизию.

* * *

В следующие дни были тяжелые бои. Генерал-майор фон Фаерст был ранен возле форта Гот-эль-Уалеб. Командование дивизией принял полковник Краземан, до этого командовавший 33-м артиллерийским полком.

Битва продолжалась. Корпус «Африка» был окружен, а 5-й танковый полк понес тяжелые потери возле Гот-эль-Уалеб. Были ранены генерал-майор Гаузе и подполковник Вестфаль. В районе Бир-эль-Тамар Кюммель проехал через минное поле, которое еще не огородили. 15-я танковая дивизия столкнулась с 5-й индийской дивизией. Это было сражение маневров и прорывов. Кюммель вновь проявил себя блестящим тактиком и умелым танковым командиром. Несмотря на большой перевес сил противника, он атаковал и победил.

10-я бригада 5-й индийской дивизии была полностью уничтожена. Битва в пустыне достигла пика в первые дни июня 1942 года. Тогда ефрейтор Байер взял в плен бригадного генерала Десмонда Янга, командира

потрепанной 10-й индийской бригады. После войны Янг написал замечательную книгу об Эрвине Роммеле.

В те дни британские 2-я, 4-я и 22-я танковые бригады потеряли 170 танков. Британская 8-я армия была практически разбита вдребезги. Держался только Бир-Хачейм. «Свободная Франция» и Еврейский батальон сражались героически. Когда этот бастион был все-таки взят 115-м панцер-гренадерским полком, Роммель приказал своим войскам вновь наступать на север.

15-я танковая дивизия шла к Средиземному морю. Кюммель вновь был в авангарде. Утром 15 июня 1942 года он отправил сообщение по радио, которое вскоре станет знаменитым: «Первый батальон достиг моря с шестью танками».

Дивизия сымитировала наступление на восток, а затем развернулась и атаковала Тобрук. 20 июня 1942 года, в утреннем тумане, начался штурм этой крепости Средиземноморья. С ними была 21-я танковая дивизия генерал-майора фон Бисмарка и 15-я пехотная бригада полковника Менни.

В 8.30 утра первые машины, с Кюммелем во главе, покатили через противотанковые рвы, сделанные саперами проходимыми. Следом шли истребители танков из 33-го батальона. Над ними летели «Юнкерсы-87». Танки наступали. С флангов по ним стреляли британские противотанковые орудия. Артиллерия обстреливала атакующие порядки. Кюммель провел свои машины через зону обстрела. В итоге они остановились перед Кабр-Касем. Дневное солнце обжигало танки, экипажи которых пробыли в них почти двенадцать часов.

— Атакуем! Построение клином и огонь по амбразурам!

Крушински дал по газам. Они ехали к Кабр-Касе-

му. Один из танков рядом с Кюммелем с грохотом взорвался. Он приказал своему наводчику заняться вражеским орудием. Третий выстрел Клеффа заставил замолчать пушку. Противник побежал. Кабр-Касем пал. Кюммель приказал двигаться вперед. Они покатили к форту Пиластрио. В семь часов вечера командир форта поднял белый флаг.

Две трети фортов Тобрука были в руках немцев. Роммель приказал выбить оставшиеся бункеры прицельным огнем и помочь саперам снять пресловутые «мины на перекрестках». Последнее сопротивление прекратилось утром 21 июня. Тобрук сдался. Многие из членов экипажей падали в обморок, когда вылезали из танков. Кюммель обошел все роты, чтобы убедиться, что им оказана помощь.

Эрвин Роммель был произведен в генерал-фельдмаршалы.

Корпус «Африка» пошел дальше на восток. Его целью был Нил. Танки 8-го танкового полка наступали на южное крыло обороны противника, протянувшееся от Мерса-Матрух до оазиса Сива. Они обнаружили вражеские танковые силы, и 21-я танковая дивизия была направлена южнее. Вражеские танки принадлежали 4-й и 22-й танковым бригадам, против которых Кюммель уже не раз сражался раньше. Мерса-Матрух был окружен.

Капитан Кюммель и его батальон сыграли важную роль в трудных и решающих сражениях, и его имя стало символом. 29 июня, когда он стоял в люке, Кюммель был ранен в правую руку во время неожиданного артобстрела. Предполагалось отправить его в тыл, но он отказался. После того, как рану перебинтовали в ближайшей санчасти, Кюммель вернулся. С рукой на чер-

ной перевязи он залез в танк и повел свой батальон дальше.

В тот же день пал Мерса-Матрух. Последнее препятствие перед позициями Эль-Аламейна перестало существовать. Генерал фон Фаерст вел дивизию к хребту Рувейсат, где оборонялись новозеландские и индийские войска.

Немцам не хватало сил.

— Всего лишь еще одну танковую дивизию, Кюммель, — говорил подполковник Тееге, — и мы бы сделали это.

Конечно же, недостающая дивизия так и не пришла. Немецкие войска могли только отбивать контратаки британских штурмовых бригад. В то время один гренадер спас корпус «Африка»: это был Гюнтер Хальм, наводчик трофейного русского 76,2-мм противотанкового орудия. Он уничтожил девять танков и подбил еще шесть. Когда 21-я танковая дивизия прибыла к месту атаки ста вражеских машин, они уже были остановлены. 5-й танковый полк уничтожил еще 80 танков.

30 августа 1942 года 8-й танковый полк приехал в южный сектор Аламейнского фронта, с 70 танками для последней большой атаки. Роммель раскрыл свои намерения в приказе дня: «Солдаты! Сегодня армия, усиленная новыми дивизиями, уничтожит противника раз и навсегда!»

В полночь Кюммель дал приказ открыть огонь. Британские противотанковые орудия начали стрелять с минного поля, через которое должны были пройти танки.

Битва началась. 1-й батальон 115-го панцер-гренадерского полка вошел на минное поле. Потери были тяжелыми. Генерал-майор Георг фон Бисмарк был

убит, когда он вел дивизию. Генерал-майор Клееман получил ранение, затем и генерал Неринг.

Генерал фон Фаерст принял командование корпусом «Африка», а полковник Краземан вновь возглавил 15-ю танковую дивизию. Она была остановлена возле Адам-Хальфа. Противник создал там Тобрук в миниатюре.

Полковник Краземан снова атаковал 1 сентября. После ожесточенного боя Кюммель прорвался через высоту 132 и во второй половине дня был в 18 километрах от моря, позади Аламейнского фронта. Победа? Но 5-й танковый полк не прорвался. Кроме того, заканчивалось топливо, не было никакого снабжения. Германские силы оказались слишком слабы, чтобы взять это последнее препятствие.

Кюммеля представили к Рыцарскому Кресту с Дубовыми листьями за его решающие действия в атаке на Тобрук, за бой 27 мая и уничтожение вражеских танков южнее Мерса-Матрух. Тем временем Кюммель заболел. Рана его руки не затягивалась, тем не менее он оставался со своими солдатами. 11 октября 1942 года капитан Кюммель стал 133-м награжденным Рыцарским Крестом с Дубовыми листьями. Пришло его время покинуть Африку. Кюммель был отправлен в Германию и 1 ноября 1942 года переведен в 7-й танковый запасной учебный батальон. Там он стал преподавать молодым офицерам тактику и передавать им свой опыт. Кюммель был упомянут в коммюнике Вермахта 11 октября 1942 года. 1 декабря, находясь в краткосрочном отпуске дома, он получил телеграмму, извещавшую, что его произвели в майоры за храбрость перед лицом врага.

НАЗАД НА ФРОНТ

10 июня 1943 года (день высадки союзников в Сицилии) Кюммель, уже подполковник, был переведен в штаб 14-го танкового корпуса в южной Италии. Через два дня он и небольшой штаб генерала пехоты Хюбе отправились на Сицилию, где ситуация стала критической. Там Кюммель мог наблюдать Хюбе за работой. Благодаря действиям генерала, немецкие дивизии смогли уйти из ада на Сицилии после 38 дней боев.

Хюбе принял командование через два дня после высадки на Сицилии. Штаб итальянской 6-й армии, до этого осуществлявший общее руководство, показал себя неспособным справиться с этой задачей. Итальянские дивизии перестали подчиняться приказам.

Стоя на командном пункте корпуса, Кюммель впервые в жизни наблюдал за сражением как зритель. Это было не то, что ему нравилось. Он хотел обратно на фронт.

Генерал Хюбе расположился на северном склоне горы Этна, между Радаццо и Лингуалосса. 5 июля туда прибыл фельдмаршал Кессельринг, чтобы очертить круг обязанностей Хюбе, суть которых заключась в следующем:

«Вы должны установить непрерывный фронт за счет уступки территории».

Фельдмаршал Кессельринг приветствовал Кюммеля, которого он знал по Африке. «Есть ли у вас какие-либо пожелания?» — спросил он подполковника, который всего четыре с половиной года назад был унтер-офицером.

— Я хотел бы командовать на фронте, господин фельдмаршал! — ответил Кюммель.

— Оглянитесь, это будет очень скоро, — заметил «улыбающийся Альберт», как прозвал Кессельринга противник.

В последующие дни штаб корпуса установил линию обороны, которая продержалась некоторое время. Там Кюммель встретил начальника штаба 14-го армейского корпуса полковника фон Бонина. Он увидел в этом интеллигентном и живом офицере движущую силу событий на Сицилии.

Кюммель поехал в сражавшиеся дивизии. А по возвращении был направлен на Большую землю, где его ждало новое назначение. После знакомства с уходящим командиром полка, полковником Отто Бюсингом, он принял 26-й танковый полк 26-й танковой дивизии. Этот полк, или, точнее сказать, его подразделения располагались в районе Рима, куда Кюммель прибыл в конце июля. «Боевая группа Бюсинг» имела приказ противостоять вражескому вторжению в Италию. 26-я танковая дивизия была сформирована из 23-й пехотной дивизии во Франции, летом 1942 года. Ее первым командиром стал полковник Смило фон Люттвиц. Он возглавлял дивизию до лета 1944 года.

Кюммель вскоре обнаружил, что его новая часть реально не была танковой дивизией. 1-й батальон, оснащенный «пантерами», был одолжен дивизии «Великая Германия» в мае 1943 года и не был возвращен до января 1945 года. В дивизии остался лишь один батальон, вооруженный танками Pz IV. Несмотря на это, Кюммель с большим энтузиазмом начал исполнять свои новые обязанности.

Дивизия впервые вступила в бой после вторжения союзников в материковую Италию. 3 сентября британская 8-я армия (противник Кюммеля в Северной Африке) пересекла Мессинский пролив и высадилась в Катоне и Реджо-ди-Калабрия. Через три дня 26-я танковая дивизия была направлена туда. Два дня спустя британская 231-я пехотная бригада десантировалась возле Пиццо и 9 сентября американская 5-я армия заняла плацдарм под Салерно. За два дня до этого Италия безоговорочно капитулировала. Кюммель был в шоке. Он встречал в Африке смелых и образцовых итальянских солдат. И вдруг такое!

После участия в оккупации Рима дивизия направилась на Салернский фронт. Однако 26-й танковый полк остался в прежнем районе, для охраны местности и принятия пополнения людьми и техникой. После марша через Рим полк был расположен в районе Доганелла-Нинфа-Сермонета. Там он оставался до конца сентября. Затем танки проехали через Фрозиноне, Арке, Кассино и Венафро в Винчиатуро-Изерния.

Там полковник Бюсинг окончательно передал 26-й танковый полк Кюммелю: «Я отправляюсь в Россию, Кюммель, и не знаю, что ожидает меня там. Но я определенно знаю, что будет здесь: вы поведете этот полк, вернее его остатки, и я уверен, что вы справитесь».

Полковник Бюсинг был убит в бою в России 8 марта 1944 года.

4 ноября 1943 года дивизия была придана 14-му танковому корпусу. Танки прошли более 180 километров по горным дорогам. Кюммель привел их всех. Он сам залезал в застрявший танк и заставлял его двигаться дальше. Но полк не воссоединили с дивизией, а на-

значили в резерв корпуса и направили в Априлию. Когда он возразил, то получил следующее объяснение: «Кюммель, нам нужна сильная часть, которую мы быстро, хорошо и уверенно сможем использовать там, где станет жарко. И это ваша часть».

Только в конце ноября танковый полк, без 5-й роты, вернулся в состав дивизии. Это был период, когда приходилось обходиться чем придется и импровизировать. Кюммель, который хотел командовать полком, возглавлял несколько рот, самое большее — батальон.

В сражении при Орсонье 8 декабря 1943 года он успешно отбил мощную вражескую атаку, уничтожив три танка противника. На следующий день в коммюнике Вермахта было сказано:

«В тяжелых боях 26-я танковая дивизия генерал-лейтенанта барона фон Люттвица отбила все попытки противника прорваться в восточном секторе Итальянского фронта, проявив образцовый моральный дух и стойкость».

14 декабря Кюммель провел одну из своих классических атак. В два часа дня он вышел с тремя из своих четырех рот, чтобы уничтожить противника, ударившего по 90-й панцер-гренадерской дивизии. На время атаки ему были подчинены панцер-гренадеры и саперы. Была полная темнота, когда они выехали. Атака провалилась. 6-я танковая рота не смогла выехать из груды развалин, которой была Орсонья. Другие напоролись на противотанковую оборону и потеряли ориентацию. Саперы, которые должны были расчищать путь от мин, попали в засаду.

Кроме того, во время этой атаки Кюммель узнал, противник также прорвался между 9-м и 67-м пан-

цер-гренадерскими полками. С остававшейся 6-й ротой он смог сорвать эту попытку прорыва.

16 декабря, после прибытия на фронт 6-го парашютного полка, генерал-лейтенант фон Люттвиц приказал Кюммелю контратаковать из Ариэлли: «Вы должны атаковать вашими шестнадцатью танками и попытаться прорваться, как бы ни плоха будет ситуация».

Когда наступило утро, Кюммель увидел в бинокль атакующих новозеландцев.

— Огонь! Фугасными снарядами!

Остававшиеся танки стреляли по широким цепям атакующих и в итоге заставили их остановиться. Но цель немецкой атаки — восстановление прежней линии обороны — не была достигнута. Кюммель потерял шесть танков от сильного артиллерийского огня. Позже он сказал своему лейтенанту: «Если бы у меня был целый полк, мы бы прорвались. Мы имеем здесь танков даже меньше, чем в Африке».

Подполковник Кюммель всегда помнил, что может погибнуть в любой момент, поэтому говорил свободно.

Они отошли на «линию Эмиль», расположенную вдоль реки Форо. 21 декабря дивизию направили на подготовленные промежуточные позиции. Атака 24 декабря была отбита. И снова танки Кюммеля играли решающую роль, действуя на критических участках.

25 декабря Кюммель воспользовался затишьем, чтобы посетить роты и провести немного времени с каждой из них. Он взял с собой маленькие рождественские елочки. Возможно, он думал о словах, которые записал хроникер 26-й танковой дивизии Георг Штайгер в тот день: «Боже, пусть эта война окончится милосердно для нас».

Следующий день после Рождества принес сюрприз, поскольку выпало очень много снега для Южной Италии. Передвижения прекратились, как и бои. В результате дивизия наслаждалась двухнедельным отдыхом. 13 января 1944 года был получен приказ о передислокации в Пескару.

22 января дивизия была включена в 1-й парашютный корпус, который располагался на участке новой высадки союзников в Анцио-Неттуно. Штабные машины и рота тяжелых танков полка Кюммеля прибыли первыми на новый участок боевых действий. Это был самый трудный переход для Кюммеля. Дорога на перевале возле Пополи и Авеццано потребовала жертв. Между горами Монте-делла-Сельва и Монте-Велтрино перевернулись машины; другие соскользнули с дороги, и, самое худшее, еще и атаковали истребители-бомбардировщики союзников.

Благодаря 304-му зенитному батальону и ротам легких зениток танкового полка, воздушные атаки не принесли большого урона.

Дивизия пошла в атаку 31 января. Кюммель снова имел 16 танков в своем распоряжении. Они ехали сквозь густой туман — на самом деле это была дымовая завеса, поставленная противником, чтобы скрыть его перемещения. Когда танки пересекли железнодорожную насыпь южнее Чистерны, экипажи увидели в отдалении море. Но теперь они были обнаружены. Открыла огонь артиллерия. Атаковали истребители-бомбардировщики. А затем с правого фланга, с блокирующей позиции, открыли огонь танки и противотанковые орудия. Пять правофланговых Pz IV Кюммеля были уничтожены. Танки потеряли контакт с панцер-гренадерами, которые стали искать укрытия.

Кюммель решил идти дальше. Они достигли Фоссе-Фемина-Морта, где были по ошибке атакованы немецкой пехотой. Танкам пришлось остановиться. В шесть часов вечера генерал фон Люттвиц прекратил атаку. Немецкие части действовали без возможности предварительной разведки. В результате могла быть уничтожена целая дивизия.

Сражение за Чистерну и Исо-ла-Белла (целью которого было уменьшить вражеский плацдарм) окончилось с тяжелыми потерями.

Солдаты 4-й парашютной дивизии полковника Треттнера сражались с яростной решимостью. Солдаты парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг», 3-й панцер-гренадерской дивизии и 114-й легкой пехотной дивизии делали все, что могли, чтобы сбросить противника обратно в море.

16 февраля 26-й танковый полк снова атаковал. Подполковнику Кюммелю подчинили 1-й батальон 4-го танкового полка («Пантеры»), батальон панцер-гренадеров, батальон артиллерии и две роты саперов. Когда генерал фон Люттвиц спросил Кюммеля, достаточно ли он силен, чтобы прорваться, тот ответил:

— Будь что будет, с такой связкой мы прорвемся к морю.

Наступление началось. Три пехотные дивизии дошли до «мертвой дороги». Однако это было все, чего они достигли. Огонь вражеской артиллерии выбивал их танки. Затем атаковали 600 бомбардировщиков союзников, разнеся в щепки немецкий командный пункт. Генерал фон Люттвиц был ранен осколками бомб.

Повернувшись к генералу, лейтенант Кюстерс ска-

зал: «Мы как будто прокляты! Мы не можем прорваться! Противник слишком силен!»

17 февраля «пантеры» Кюммеля достигли дороги, ведущей с востока на запад. Силы пехотных дивизий еще не принимали участия в действиях, поэтому генерал фон Люттвиц приказал атаковать район южнее Чистерны вечером 20 февраля. Однако верховное командование отменило наступление.

Генерал фон Люттвиц вынужден был покинуть дивизию 23 февраля, поскольку состояние его раны ухудшилось. Дивизию принял полковник Беккер, товарищ Кюммеля по Африке. Подполковник Кюммель не успел поговорить с Беккером прежде, чем случилось несчастье.

26 февраля Кюммель хотел съездить в оставленные ему две полностью укомплектованные роты «пантер», а также в свой полк. Он планировал разведать новый сборный пункт, готовясь к очередной атаке.

Перед крутым поворотом Кюммель предупредил водителя: «Смотри в оба, Вюрцер». Фельдфебель за рулем быстроходной командирской машины кивнул. Внезапно он увидел большую яму не далее тридцати метров впереди и крутанул руль. Машину занесло, она на полной скорости вылетела за поворот и ударилась об валун. Кюммеля выбросило из машины. Его адъютант, раненный, подполз к командиру и увидел, что он уже мертв. Тяжелая черепная травма окончила жизнь этого успешного танкового командира.

На следующий день Кюммеля и водителя похоронили. Экипаж его танка отнес тело своего командира к месту последнего упокоения. У многих из этих суровых ветеранов в глазах были слезы. Перефразируя поэму, один из солдат, штабс-ефрейтор из Саксонии, сказал

следующие слова: «Да, мы хороним хорошего человека. И он был лучше нас!»

Подполковнику Хансу Кюммелю никогда не довелось командовать полноценным полком. 20 мая 1944 года он был посмертно произведен в полковники. Начав простым гренадером и поднявшись до звания полковника, он последовал за миллионами других немецких солдат, которых забрала эта ужасающая война.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Соответствие званий

Немецкая армия	Войска СС	Советская Армия
Рядовые и сержанты		
Рядовой	Шютце	Рядовой
Старший рядовой	Обершютце	Рядовой
Ефрейтор	Штурманн	Ефрейтор
Обер-ефрейтор	Роттенфюрер	Ефрейтор
Штабс-ефрейтор		Ефрейтор
Унтер-ефрейтор	Унтершарфюрер	Младший сержант
Фельдфебель	Шарфюрер	Сержант
Унтерфельдфебель	Обершарфюрер	Старший сержант
Оберфельдфебель	Гауптшарфюрер	Старший сержант
Штабсфельдфебель	Штурмшарфюрер	Старшина
Офицеры		
Лейтенант	Унтерштурмфюрер	Лейтенант
Обер-лейтенант	Оберштурмфюрер	Ст. лейтенант
Капитан	Гауптштурмфюрер	Капитан
Майор	Штурмбаннфюрер	Майор
Подполковник	Оберштурмбаннфюрер	Подполковник
Полковник	Штандартенфюрер	Полковник
Генералы		
	Оберфюрер	
Генерал-майор	Бригадефюрер	Генерал-майор
Генерал-лейтенант	Группенфюрер	Генерал-лейтенант
Генерал войск	Обергруппенфюрер	Генерал-полковник
Генерал-полковник	Оберстгруппенфюрер	Генерал армии
Фельдмаршал	Рейхсфюрер СС	Маршал

СОДЕРЖАНИЕ:

ГЕРМАН БИКС 5
АЛЬБЕРТ ЭРНСТ 104
ЗЕПП БРАНДНЕР 219
ФРИЦ ФЕССМАН 311
ЙОХАННЕС КЮММЕЛЬ 379

Франц Куровски

ГЕРОИ ПАНЦЕРВАФФЕ

Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/ 5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.05.2007.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2. Тираж 6000 экз.
Заказ № 1349

Отпечатано в типографии
ОАО "Издательство "Самарский Дом печати".
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»
E-mail: **project@eksmo-sale.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

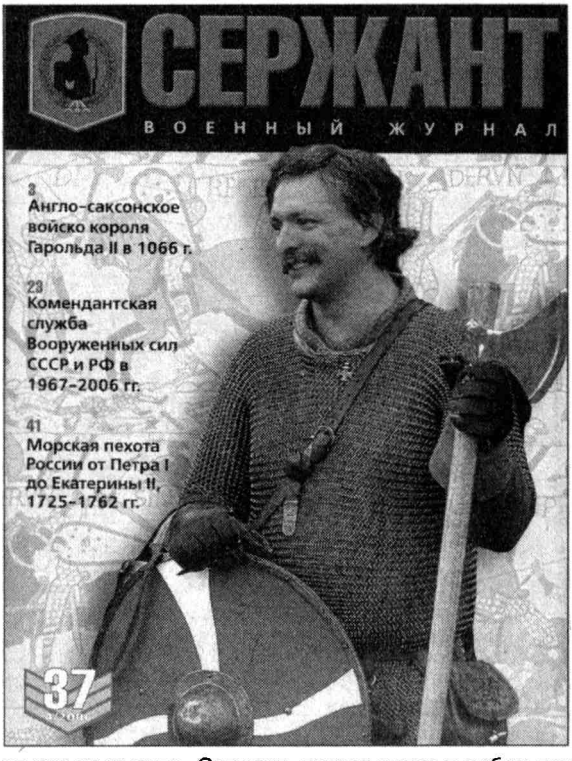
Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

СЕРЖАНТ

Независимый военно-исторический журнал, выходящий ежеквартально с 1996 года

Журнал ориентирован на широкую аудиторию, и в нем представлены все сферы военных знаний: ход сражений и кампаний; описание оружия, вооружения и военной техники; история военных и ведомственных структур; развитие униформы, снаряжения и символики; биографии монархов и военачальников. Кроме основных статей публикуются тематические серии: «Русская военная форма», «Фалеристика», «Вексиллология», «Военная символика России», «Государства и династии» и многие другие, а также частные объявления, информация о клубах военной реконструкции, обзоры и рецензии на новые военно-исторические книги и фильмы.



Подписка на журнал «Сержант» принимается в любом почтовом отделении по Объединенному каталогу «Пресса России» (каталог в обложке зеленого цвета), подписной индекс 43042.

Координаты редакции: 119526, Москва, пр-т Вернадского, 89, 315.
(495) 434-46-25 sergeant@gcnet.ru

ГЕРОИ ПАНЦЕРВАФФЕ

Мощь германских танковых войск – грозных Панцерваффе, завоевавших для Гитлера пол-Европы, наводивших ужас на весь мир, – держалась не только на танках, но еще и на самоходных орудиях, сокрушавших вражескую оборону, и на грозных истребителях танков, которых под конец войны производилось больше, чем другой бронетехники, и на штурмовой артиллерии, и на бронемашинах разведывательных подразделений.

В новой книге популярного немецкого историка представлен весь спектр этих воинских профессий – в сборник вошли очерки о лучших асах и командирах Панцерваффе: и танкистах, и самоходчиках, и тех, кто воевал на «ягдтиграх» и «ягдпантерах», и тех, кто командовал штурмгешютце и бронеавтомобилями немецких разведбатов.

ЯУЗА

ISBN 978-5-699-22308-4

9 785699 223084 >